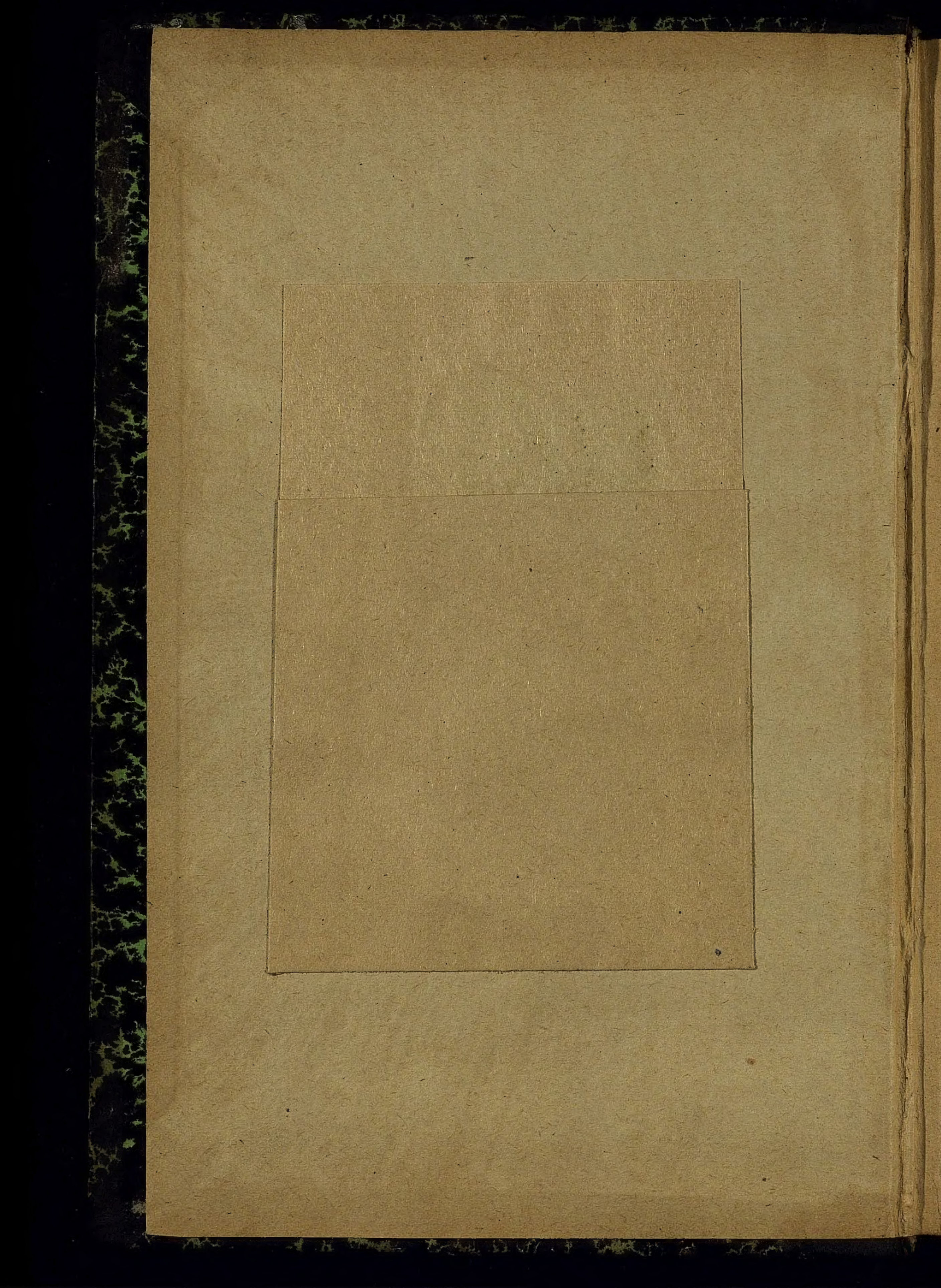
Русская Отарка

№ 8

1905 г.

Центральная Рабочая
[illegible]
Совета
Профессиональных Союзов

3 Августъ

Библиотека ... Совета ...

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Книга на дом не выдается

Годъ XXXVI-й. АВГУСТЪ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

25230 1035

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Ивана Ивановича Венедиктова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1905 года.

Библіографическій листокъ.

С. Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Ц. 2 р. 50 к.

Война,—„эта великая тайна", какъ сказалъ Данилевскій,—съ давнихъ временъ сосредоточивала на себѣ умы передовыхъ людей. Вопросами, что такое война, каково ея мѣсто въ общемъ міровомъ порядкѣ и каково ея значеніе,—въ равной степени интересовались какъ представители войска, такъ и представители духовенства, философы, ученые, юристы, литераторы и др. И нельзя удивляться тому громадному вниманію, которое удѣляется войнѣ, такъ какъ нѣтъ ни одной отрасли человѣческой дѣятельности, которая бы не имѣла соприкосновенія съ этимъ событіемъ, почти нѣтъ государства, которое бы въ своей исторіи не отводило большое мѣсто описанію войнъ.

„Мечемъ,—пишетъ Лассаль,—распространилось христіанство, мечемъ крестилъ Германію Карлъ, понынѣ называемый нами Великимъ. Мечемъ было низвергнуто язычество, мечемъ освобожденъ гробъ Спасителя! Мечемъ изгнанъ былъ изъ Рима Тарквиній, мечемъ удаленъ изъ Эллады Ксерксъ, спасены наука и искусство. Мечемъ сражались Давидъ, Самсонъ, Гедеонъ".

Вотъ почему,—говоритъ авторъ, въ своемъ предисловіи,—мечъ почти съ самаго момента своего рожденія окруженъ ореоломъ славы, вотъ почему первыя лучшія произведенія древнихъ классиковъ посвящены ему—мечу. Но не одна слава вѣнчала мечъ: отчаяніе, стоны, проклятія неслись во слѣдъ его побѣдоноснаго шествія. Но эти стоны, эти проклятія и до сего времени не сняли съ войны лавроваго вѣнка. До сего времени къ войнѣ прибѣгаютъ какъ къ верховному судьѣ, выше котораго нѣтъ ничего кромѣ Бога. Литература о войнѣ поражаетъ своимъ разнообразіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ громаднѣйшимъ количествомъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній.

„Сторонники войны закрываютъ глаза на будущее,—и въ этомъ причина ихъ ослѣпленія, ихъ преклоненіе предъ одними совершившимися фактами и ихъ презрѣніе къ мечтамъ о мирѣ. Наоборотъ, сторонники мира отказываются бросить безпристрастный взглядъ на прошедшее, и въ этомъ причина ихъ несправедливаго презрѣнія къ нему, не взирая на его несомнѣнную славу, и ихъ торопливые, необузданные восторги предъ прогрессомъ, который, прежде всего, требуетъ медленной подготовки и дозрѣванія. Одни видятъ только начало вещей, другіе—только конецъ; одни—дѣйствительность прошедшаго и настоящаго, другіе — идеальность будущаго. Воинствующіе живутъ воспоминаніемъ, миротворцы—надеждою; одни боготворятъ то, что было и есть, другіе—то, что будетъ. Обѣ стороны правы и неправы", такъ говоритъ юристъ Мишель Ревонъ.

Противорѣчія въ разсужденіяхъ о войнѣ встрѣчаются не только между представителями различныхъ профессій, но и между представителями одной и той же профессіи; такъ, напр., цѣлый рядъ военныхъ писателей пытаются развѣнчать войну, подчеркнуть ея отрицательныя стороны, въ то время какъ многіе богословы, юристы и экономисты прикрываютъ блестящей мантіей ея зіяющія раны. Мало того, противорѣчіе встрѣчается нерѣдко во взглядахъ одного и того же лица.

Извѣстный французскій экономистъ Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ первой книгѣ своего сочиненія „Война и миръ" проводитъ слѣдующій взглядъ на войну. По его мнѣнію, война божественна, священна; она—есть высшее откровеніе идеала; война—наша исторія, наша жизнь, наша душа, наше законодательство, политика, государство, отечество, соціальная іерархія, общенародное право, поэзія; война есть форма нашего разума, источникъ нашего существованія. Войну произвела та же совѣсть, которая произвела правосудіе; войною обновляются нравы, возрождаются народы, уравновѣшиваются государства, совершается прогрессъ, обезпечивается свобода. Война—столь существенная часть міропорядка, что, съ уничтоженіемъ ея, уничтожится все прошедшее и настоящее человѣчества, что безъ войны не возможно существованіе религіи, общества, безъ войны цивилизація теряетъ смыслъ, ея предшествующія фазы обращаются въ миѳъ, ея будущее представляется неизвѣстнымъ, котораго не отыщетъ никакая философія; самый миръ безъ войны не имѣетъ смысла, теряетъ свое положительное, истинное значеніе и превращается въ ничто. Но откройте вторую книгу, и здѣсь вы найдете оговорки, достойныя вниманія. Прудонъ рисуетъ войну такою, какою онъ представляетъ ее себѣ: онъ рисуетъ ее по вдохновенію, по указаніямъ своей фантазіи, но не копируетъ ее на полѣ сраженія. Таковою война должна быть, таковъ идеалъ войны, но не такова она въ дѣйствительности. „О, если бы,—говоритъ Прудонъ,—война была тѣмъ, чѣмъ она должна быть, чѣмъ во всѣ времена,—и едва-ли кто болѣе меня готовъ отдать ей эту справедливость,—она стремилась быть обращеніемъ къ силѣ въ вопросѣ о силѣ; если бы по крайней мѣрѣ законники, которымъ тишина кабинета даетъ болѣе возможности сохранить хладнокровіе, чѣмъ битва солдату,—умѣли ясно отличать злоупотребленія въ этой борьбѣ силъ; если бы могли надѣяться на реформу въ этомъ страшномъ употребленіи вооруженной силы, признаюсь, я не только бы не пугался пролитія крови, но въ этой тайнѣ смерти и правосудія видѣлъ бы довершеніе человѣческаго блаженства, обожалъ бы войну, какъ величайшее выраженіе совѣсти, преклонился бы предъ громомъ пушекъ". „Потому ли,—продолжаетъ Прудонъ,—

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
... ...ского Совета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. Спб., 23 іюля 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Иванъ Ивановичъ

Венедиктовъ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВЕТА
Профессиональных Союзов.

За шестьдесятъ лѣтъ.

Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова.

1820—1894.

Дѣдъ мой, Иванъ Ивановичъ Венедиктовъ, оставилъ послѣ себя записки о своей жизни.

Онъ не предназначалъ ихъ для печати, а писалъ, по собственнымъ его словамъ, исключительно для самого себя и даже просилъ сжечь ихъ послѣ своей смерти.

Объясняя эту просьбу исключительно скромностью покойнаго дѣда и, въ то же время, считая за грѣхъ уничтоженіе какихъ-либо документовъ, имѣющихъ хотя бы и не выдающійся историческій интересъ, я позволилъ себѣ поступить вопреки его волѣ и не только не сжегъ записокъ, когда онѣ достались мнѣ, но даже рѣшаюсь ихъ печатать, будучи глубоко убѣжденъ, что никто изъ родныхъ покойнаго не упрекнетъ меня за нарушеніе его воли, когда самъ увидитъ, что „воспоминанія" имѣютъ извѣстную историческую цѣнность. Предварительно сообщаю краткія біографическія данныя объ авторѣ записокъ.

Тайный совѣтникъ Ив. Ив. Венедиктовъ, сынъ очень популярнаго въ свое время въ Москвѣ хирурга, родился 29-го августа 1820 г. По ограниченности средствъ отца, воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ въ Дворянскомъ полку, изъ котораго выпущенъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.

Въ 1847 г. вышелъ въ отставку и служилъ послѣдовательно — въ департаментѣ полиціи, въ управленіи путей сообщенія и въ государственномъ контролѣ. Служа въ контролѣ, участвовалъ въ высочайше

учрежденной слѣдственной коммиссіи по повѣркѣ отчетовъ о работахъ подрядчика Гиммельфарба, имя котораго сдѣлалось въ эпоху Севастополя позорно громкимъ. Изъ контроля Ив. Ив. Венедиктовъ перешелъ на службу въ военно-учебное вѣдомство, гдѣ былъ вице-директоромъ военно-учебныхъ заведеній; по упраздненіи этой должности назначенъ былъ членомъ отъ военнаго министерства Казанскаго военно-окружнаго совѣта, въ каковой должности и умеръ 20-го ноября 1894 г.

Влад. Манассеинъ.

I.

Старая Москва.—Мои родители.—Поступленіе въ малолѣтній Московскій корпусъ.—Классныя дамы воспитательницы.—Холера.—Посѣщеніе корпуса великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Смерть Демидова.—И. А. Сухозанетъ.

Проѣзжая, какъ-то, черезъ Москву, захотѣлось взглянуть мѣстное гульбище, прославленный Эрмитажъ. Подъѣзжаю — да, да это что-то родное.—На столбахъ рѣшетки вазы съ выпуклыми стеклами. Я ихъ помню. Вѣдь это бывшій въ двадцатыхъ годахъ садъ Корсакова, куда я ходилъ гулять лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Садъ былъ отличный. Туда пускали всѣхъ. Въ аллеяхъ стояли бюсты русскихъ царей, отъ Рюрика. Нѣсколько прудовъ. По праздникамъ иллюминаціи и фейерверки, какъ бывало весело. А далѣе институтъ. Видна на горкѣ церковь Ивана-воина, а вправо отъ нея должна быть Божедомка, чуть-ли не мѣсто чумнаго кладбища. На Божедомкѣ былъ нашъ утлый домишко. Такъ живо воскресло въ памяти все давнопрошедшее, что кажется, могъ бы нарисовать всѣ подробности того времени и, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, рискнулъ попробовать — на сколько можетъ пособить память оживить дорогіе образы черезъ шестьдесятъ лѣтъ,—и взялся за перо, не для другихъ, а вмѣсто карандаша, для себя только.

Мы были бѣдны, очень бѣдны! Жили вмѣстѣ дѣдъ съ бабкою, мать, сестра и я. Жили въ собственномъ, но такомъ домишкѣ, въ какомъ современныя сердобольныя власти, за отсутствіемъ санитарныхъ, гигіеническихъ и разныхъ другихъ условій, вѣроятно теперь жить не позволили бы; но намъ жилось спокойно, и, должно быть, прилично, такъ какъ къ намъ заходили посидѣть запросто и батюшка, и квартальный, а такія лица тогда что-нибудь да значили.

Самъ я въ домѣ пришелся не ко двору. Былъ жидокъ и худъ, а болѣе всего не любила меня дворня, штукъ пять старухъ дѣвокъ,

которыхъ некуда дѣвать было. Уже очень надоѣдали имъ мои проказы! Всѣ онѣ только и молили Бога, чтобы меня отдали куда-нибудь учиться.

Въ особенности недолюбливала меня одна, полуглухая старуха Арина, самая набожная и, при томъ, кажется, за самую невинную продѣлку. Эта Арина, какъ бывало, услышитъ церковный звонъ, все бросаетъ и бѣжитъ въ церковь. Попалась мнѣ гдѣ-то въ сараѣ большая бутыль съ отбитымъ дномъ. Укрѣпилъ я ее горломъ веревкою къ перекладинѣ и привѣсилъ, въ качествѣ языка, палочку. Вышелъ колоколъ хоть куда. Шелъ дождь, а при этомъ въ нашей немощной Божедомкѣ дѣлалась грязь непролазная. Я протянулъ нитку отъ колокола до окошка людской и, вбѣжавъ туда, сталъ подергивать нитку. Эффектъ превзошелъ ожиданія. Старуха накинула платокъ на голову, потомъ какую-то хламиду и маршъ на богомолье, спотыкаясь и шлепая по грязи, покуда—не разувѣрилъ лавочникъ, что звону не было.—Какъ не было, твердила злобно старуха, ворочаясь домой, коли своими ушами слышала, что за грѣхъ такой!

Между тѣмъ другія старухи узнали, откуда дулъ вѣтеръ, и потому встрѣтили Арину смѣхомъ. Озлобилась она еще болѣе. На другой разъ, зазвонили дѣйствительно въ церкви, а я оказался на бѣду, въ сараѣ. Старуха, полагая, что это опять моя работа, осталась дома. Когда же узнала отъ того же лавочника, что была въ самомъ дѣлѣ служба, тогда бросилась прямо въ сарай, разрушила мою колокольню, обрѣзала себѣ руку и наложила на меня клятву именемъ озорника.

По правдѣ сказать, нѣжно любила меня одна мать; она учила меня чему могла, а частью помогали и добрые люди, такъ, по знакомству, шутя: писаніе шло туго, потому что нужно было выжидать прихода сподручнаго гостя, который не отказался бы починить два, бывшіе въ цѣломъ домѣ, гусиныя пера. Эта операція, въ особенности сдѣлать раскепъ, никому не удавалась, а о стальныхъ перьяхъ не было еще и слуху.

Было мнѣ лѣтъ восемь. Дѣдъ что-то задумалъ, и стали мы ходить ежедневно верстъ за пять отъ дома къ церкви Никиты Мученика съ Басманной и здѣсь сидѣть по нѣсколько часовъ на лѣсенкѣ, на самомъ солнопекѣ. Напротивъ стоялъ огромный, тогда зеленоватый домъ съ большими по серединѣ воротами. Какъ только въ этихъ воротахъ показывалась опредѣленная фигура, въ образѣ писаря, дѣдъ во всю старческую прыть направлялся навстрѣчу, подъ ворота. Начинались какіе-то переговоры, дѣдъ лѣзъ въ карманъ, вынималъ кошелекъ, потомъ изъ кошелька и, простившись съ писаремъ рука въ руку, возвращался медленно ко мнѣ, говоря со вздохомъ: пойдемъ домой. Такъ повторялось множество дней; но, однажды, послѣ совѣщанія съ тою

же фигурою, дѣдъ сдѣлалъ мнѣ призывный знакъ рукою. Я подбѣжалъ, и насъ повели по большой, красивой лѣстницѣ. Вошли въ комнату—большая, съ картинами и зеркалами, а у зеркаловъ блестящіе подсвѣчники съ большими гранеными побрякушками изъ стекла, какія много лѣтъ спустя вошли опять въ употребленіе: никогда ничего такого не видывалъ и зазѣвался. Вдругъ отворилась дверь, и вышелъ господинъ Наполеоновской турнюры въ военномъ сюртукѣ съ аксельбантами, невысокій ростомъ, коренастый, довольно плотный, немного сутуловатый, блѣдный, взглядъ пронизывающій, носъ крючкомъ. Волосы на вискахъ приглажены, на лбу торчалъ хохолокъ. Подошелъ онъ ко мнѣ, милостиво ткнулъ пальцемъ въ лобъ, благосклонно улыбнулся на нижайшій, чуть не въ ноги поклонъ дѣда и изволилъ удалиться.

— Пойдемъ домой, сказалъ дѣдъ, но ужъ безъ вздоха. Это путешествіе было послѣднимъ.

Прошло много времени. Разъ какъ-то вся семья сидѣла вокругъ стола, пользуясь всякій по-своему свѣтомъ одной сальной свѣчи. Сестра стала снимать щипцами нагаръ и потушила свѣчку. Кто-то повторилъ общую при такихъ случаяхъ примѣту, что нечаянный гость будетъ. Вдругъ распахнулась дверь въ людскую, и Арина, взволнованнымъ голосомъ, провозгласила, обращаясь къ дѣду: Сударь, солдатъ съ книгою. Всѣ замерли. Такъ тогда было страшно появленіе солдата, да еще съ книгою. Подъ солдатомъ разумѣвалась полиція; а полицію ухъ какъ всѣ боялись. Подали книгу. Въ ней оказался пакетъ. Дѣдъ надѣлъ очки и сталъ читать вынутую бумагу. Всѣ притаились, слѣдя за выраженіемъ лица дѣда, желая предъузнать, въ чемъ дѣло. Дѣдъ всталъ, обратился къ образу, перекрестился и, молча, передалъ бумагу матери. Стала читать и она, но видимо, прежде чѣмъ кончила, не выдержала. Слезы полились ручьями, и она бросилась обнимать меня, едва выговоривъ:—ты кадетъ. Слава Богу, учись только.

Водворилось какое-то грустное ликованіе. Не прошло двухъ минутъ, какъ весь персоналъ дѣвичьей цѣловалъ меня и мои руки съ воемъ и плачемъ. Ужинъ остался никѣмъ не тронутымъ.

На другой день о семейной новости знали уже всѣ знакомые, и началось мое чествованіе, какъ обреченнаго рекрута. Шалости извинялись, мнѣ отдавался лучшій кусочекъ и даже стала часто показываться моя любимая колбаса съ чеснокомъ.

Черезъ нѣсколько времени дѣдъ объявилъ, что уже сдѣланъ вызовъ и назначенъ срокъ предъявленія дѣтей, принятыхъ въ корпусъ. Въ этомъ случаѣ называлось корпусомъ только-что открытое благотворительное малолѣтнее отдѣленіе.

Въ избранный по разнымъ примѣтамъ, какъ счастливый, день 3-го іюля 1830 г. мать сводила меня къ обѣднѣ въ церковь моего патрона.

Ивана-воина, отслужила молебенъ, и мы, пообѣдавъ по обыкновенію, въ 12 часовъ, двинулись въ дальній походъ съ Божедомки въ Лефортово, это верстъ девять, пѣшечкомъ. Никита Мученикъ, казавшійся мнѣ такимъ далекимъ отъ дому, составлялъ едва-ли не половину нашего пути. Пришли въ заведеніе. Все залы и все большія. Разнокалиберныхъ мальчугановъ, кто въ чемъ, множество. Шумъ и гамъ страшный. Между ними барыня въ зеленомъ платьѣ, кричитъ что есть духу: „тише!“ и бьетъ объ столъ колокольчикомъ, ничего не помогаетъ. Публика, видимо, расходилась. Увидѣвъ насъ, дама направила шаги въ нашу сторону.

Когда мы шли въ корпусъ, мать моя занималась соображеніями, какъ насъ встрѣтитъ кто-то, поведетъ куда-то, передастъ кому-то, а этотъ велитъ явиться тогда-то; однимъ словомъ, мы дѣлаемъ только репетицію отправленія въ корпусъ и еще успѣемъ сходить къ владыкѣ за благословленіемъ, и закончила свои соображенія однимъ пожеланіемъ, чтобы на обратномъ пути не захватилъ дождикъ.

Мать сказала что-то подошедшей дамѣ. Та позвала писаря, спросила у него списокъ назначенныхъ къ пріему и самымъ казеннымъ тономъ сказала матери, указывая на меня: онъ принятъ. Оставьте его здѣсь.

Какая-то судорожная искра сообщилась мнѣ въ этотъ моментъ черезъ державшую меня за руку матери. Я почувствовалъ въ первый разъ, что люблю ее какъ-то не такъ, какъ любилъ до сихъ поръ. Во мнѣ что-то вдругъ измѣнилось. Холодный приговоръ дамы рѣшилъ въ конецъ нашу участь—матери со мною. Мы разлучены окончательно. Эта минута осталась у меня на всю жизнь въ самой свѣжей памяти, во всей своей картинности и воплощалась очію, всецѣло, передо мною всегда, когда представлялись прискорбные случаи быть свидѣтелемъ объявленія хотя бы самыхъ печальныхъ приговоровъ, какъ напр.—подайте въ отставку или вы оставлены за штатомъ и т. п., не говоря уже о рѣшеніяхъ судебныхъ, съ лишеніемъ и проч. Во всѣхъ такихъ объявленіяхъ мнѣ чудился голосъ зеленой дамы: „оставьте вашего сына“ и чудилось, какъ въ эту минуту какая-то жилка вздрагиваетъ въ томъ, до кого касается исполненіе. Покорность закону и надобность сами по себѣ, а чувство любви къ себѣ и къ близкимъ сами по себѣ. Такая раздѣльность понятій, къ моему великому счастью, меня никогда не оставляла. Спасибо матери, спасибо и дамѣ!

Мать ушла, и я остался. Куча будущихъ однокашниковъ обступила меня со всѣхъ сторонъ, но не совсѣмъ дружественно. Послѣ вопроса о фамиліи, первыми вопросами были: пускаешь кубари? играешь въ бабки? Нѣтъ, не играю. Ну, худо... у насъ тѣхъ, кто въ бабки не играетъ, наказываютъ. Скажи лучше правду, играешь? Нѣтъ, не играю.

Вскорѣ я узналъ, что такіе вопросы предлагаются каждому новичку, и горе тому, который проговаривался, что играетъ. Сейчасъ же получалъ кличку бабочника. Одинъ изъ мальчугановъ взялъ меня за руку, и мы начали ходить. Значило, что уже подружились. Къ вечеру многіе развалились на скамейкахъ и дремали. Другіе, составивъ кружки, разговаривали о страшномъ. Это было любимое развлеченіе. Одинъ разсказывалъ, какъ у нихъ дома мертвый пѣтухъ кричалъ. Другой—какъ онъ самъ ходилъ охотиться на волковъ. Третій—какъ у нихъ на конюшнѣ кучеръ домоваго поймалъ, успѣвъ на него крестъ накинуть.

Скучно было невыносимо, но пришла ночь, безсилье взяло свое. Сонъ помирилъ съ существенностью временно, а потомъ стала брать свое всемогущая привычка.

Настала суббота, отпустили въ отпускъ до 8 часовъ вечера воскресенія. Няня предупредила, что кто приходитъ изъ отпуска, тому ужинать не даютъ.

Прибѣжалъ домой. Комнаты маленькія, грязненькія, а какъ въ нихъ хорошо и уютно. Перина, подушки мягкія, одѣяло красное. Въ углу горитъ лампадка. Такъ тихо. Никто не дразнитъ и не трогаетъ. Всѣ такіе ласковые. Чувствуется, что здѣсь все родное. Даже злющая Арина приготовила нарочно для меня превкусную яичницу. Всю ночь не могъ однако же уснуть отъ волненія. Воскресенье прошло мигомъ. Собрали въ дорогу, снарядили разною ѣдою, и мать пошла сама провожать въ корпусъ. Когда входилъ, звонили въ колокольчикъ, призывавшій къ ужину, и не бывшихъ въ отпуску повели къ столамъ, а насъ, вернувшихся изъ отпуска, оставили въ залѣ.

Передъ вечерней молитвой пришелъ священникъ. Вызвалъ новичковъ, повелъ въ церковь, въ алтарь и надѣлъ на каждаго съ молитвою маленькій серебряный кругленькій крестикъ величиною съ пятачекъ.

При входѣ въ спальню предстояло перемѣнить туалетъ. Слѣдовало надѣть ночную рубашку—узкую и длинную, вершка на четыре ниже пятокъ. Пройти въ этой рубашкѣ нѣсколько шаговъ и не свалиться нужна была особенная сноровка; но мѣра была принята въ видахъ воспитательныхъ и изъ уваженія скромности прекраснаго пола—классныхъ дамъ и нянекъ.

Наконецъ стали поговаривать о началѣ классовъ. Спросили, кто что знаетъ, и раздѣлили на три части, т. е. три класса. Казенными учебными пособіями были: священная исторія и катехизисъ, французскій и нѣмецкій учебники, на нѣсколько человѣкъ по одному экземпляру.

Изъ пяти классныхъ дамъ четыре были старыя дѣвы, а одна вдова, самая добрая. Больше всѣхъ не любили Анну Степановну.

При разборѣ какой-то свалки, въ самую рѣшительную минуту, когда оставалось взволнованной дамѣ только объявить свой грозный приговоръ, вдругъ раздался крикъ: мышь, мышь... Всѣ бросились за мышью—и правые и виноватые, а дама къ своей каѳедрѣ, съ нея—на стулъ, со стула на столъ, да тутъ и окаменѣла, только судорожно дрожащая рука невольно звонитъ въ колокольчикъ. Мышь давно ушла, и тогда только несчастная дама едва могла выговорить:—всѣ и навсегда безъ обѣда.

Ужасная исторія сейчасъ же разнеслась по заведенію. Явилась Анна Степановна успокоить свою подругу. Выслушавъ описаніе опасности, закончила упрекомъ: ну, какъ не стыдно бояться мыши. Что можетъ сдѣлать мышь? Хотя бы ты подумала. А сколько шуму! Вѣдь ты уже не ребенокъ. Этотъ намекъ на возрастъ все дѣло испортилъ. А что можетъ сдѣлать черный тараканъ? спросила дежурная. О! черный тараканъ, это ужасъ, проговорилась Анна Степановна — и этого было довольно.

Къ первому же дежурству Анны Степановны добыли у буфетчика двухъ таракановъ, посадили въ столъ дамы и прикрыли колокольчикомъ. Приходитъ Анна Степановна. Какъ подняла колокольчикъ, да увидала таракановъ, бросилась съ каѳедры и опрометью вонъ изъ залы, а мальчуганы за нею съ крикомъ и гамомъ: „у-у—тараканъ!“ Въ это время, въ противоположную дверь залы входила директрисса. Потребовала Анну Степановну, а та и слова толковаго сказать не можетъ: „мальчишки, негодяи, не могу ихъ видѣть, не хочу дежурить“... Слово за слово, и кончилось тѣмъ, что Анна Степановна улетучилась. На вопросъ родителей, гдѣ Анна Степановна, установили одинаковый отвѣтъ: „вышла за таракана“. Вотъ какъ опасно напоминать лѣта старымъ дѣвамъ и отъ какихъ дурацкихъ причинъ можетъ лопнуть волосокъ, на которомъ держится служба, а съ нею, часто, и кусокъ хлѣба.

Въ одно печальное утро, въ концѣ августа, вошелъ составлявшій сильнѣйшій, повелительный и карательный элементъ заведеній, хотя требовательный и вспыльчивый, но добрѣйшій подполковникъ Григорій Артемьевичъ Дорошинскій и, встряхнувъ, по обыкновенію, эполетами, зычнымъ голосомъ объявилъ во всеуслышаніе, что отпуска прекращаются. Родителей пускать не будутъ. Изъ дома ничего получать нельзя, и классовъ не будетъ, прибавилъ онъ. Кто взревѣлъ, а кто возликовалъ, а корпусъ закрыли. Съ другаго же дня разставили въ дортуарахъ пары табуретокъ — одну на другую и на верхнюю форменную банку съ ужасающею вонью. На всѣ форточки навѣсили утиральники, смоченные тѣмъ же вонючимъ веществомъ, а насъ посадили на супъ, говядину съ краснымъ соусомъ и размазню съ ужа-

сающимъ количествомъ масла и объявили, что такія кушанья будутъ продолжаться не мало. Такъ началась для насъ холера перваго выпуска, т. е. 1830 года.

Такъ шло время до Рождества... Въ одинъ изъ праздничныхъ дней всѣ съ утра закопошились. И полы чистятъ, и смолкою курятъ. У насъ осматриваютъ ногти и уши. Дамы пришли не въ шерстяныхъ, а въ шелковыхъ зеленыхъ платьяхъ, и сама директрисса — то шепчется, то командуетъ. Объявлено, что къ обѣднѣ пріѣдетъ самъ главный директоръ кадетскихъ корпусовъ, его высокопревосходительство, генералъ-отъ-инфантеріи и генералъ-адъютантъ, Николай Ивановичъ Демидовъ. Каждаго изъ насъ, по очереди, переспросили этотъ титулъ.

Чѣмъ ближе подходило время къ обѣднѣ, тѣмъ судорожнѣе становилась вся администрація. Вошелъ полицеймейстеръ, осмотрѣлъ кругомъ и понюхалъ. За полицеймейстеромъ нашъ полковникъ сдѣлалъ то же, хотя какъ-то иначе, коснувшись и кадетъ. Потомъ прибылъ генералъ—директоръ главнаго [1]) корпуса—Петръ Сергѣевичъ Ушаковъ. Вошелъ не скоро, чинно и важно. Ростомъ выше средняго, дряблый, на вискахъ кружки изъ пластыря. Изъ ушей торчитъ вата. Поздоровался съ дамами и съ нами. Вдругъ какъ будто въ воздухѣ пронеслось что-то. Кто-то кашлянулъ. Гдѣ-то засуетились и затѣмъ послышалось: „ѣдетъ“. Куда дѣвалась превосходительская важность и картинная позиція. Генералъ Ушаковъ заковылялъ для встрѣчи на крыльцо.

Показалась, наконецъ, и ожидаемая особа. Смотрю,—да это тотъ самый, къ которому съ такимъ трудомъ мы добирались съ дѣдомъ. Дамы какъ-то скрючились, присѣли, да, кажется, такъ и остались. Не имѣя понятія о такъ называемыхъ книксахъ, я сначала подумалъ, что не слѣдуетъ ли такъ же сдѣлать и намъ, и хотя дамскому примѣру не послѣдовала, но, видя, какъ смѣшно корчатся наши дамы, фыркнулъ, за что и былъ замѣченъ.

Пошли къ обѣднѣ. Когда вернулись въ залъ, Николай Ивановичъ спросилъ: кто можетъ разсказать, какое читалось Евангеліе, тотъ сдѣлай шагъ впередъ. Вышелъ и я. Смотрю, — одинъ я. Подошелъ и разсказалъ. Николай Ивановичъ спросилъ: знаю ли я, кто онъ. Сказалъ: знаю.—Ваше высокопревосходительство живете у Никиты Мученика. Я у васъ былъ и затѣмъ отчеканилъ весь титулъ. Вся эта продѣлка видимо очень понравилась Николаю Ивановичу, онъ меня приласкалъ, долго говорилъ, и съ этого дня я сдѣлался его любимцемъ до самой смерти. Къ вечеру того же дня, адъютантъ Николая Ивановича,

---

[1]) Кадетскій корпусъ.

Багговутъ, привезъ мнѣ въ корпусъ огромный мѣшокъ съ бисквитами. Онъ сталъ брать меня изрѣдка, по праздникамъ, къ себѣ и въ театръ, а въ случаѣ присутствія высочайшихъ особъ, всегда водилъ къ нимъ въ ложу, при чемъ однажды императрица собственноручно дала мнѣ выбранную конфекту, а другой разъ императоръ, выронивъ на стулъ перышко изъ бѣлаго султана, отдалъ его мнѣ, сказавъ: „на память". И то и другое, еще въ 1857 г., хранилось у моей матери подъ образами, какъ семейная святыня.

За первымъ посѣщеніемъ, наша церковь сдѣлалась любимою для Николая Ивановича, и онъ, какъ человѣкъ набожный, началъ ѣздить къ намъ каждый праздникъ, при чемъ къ нему попривыкли, и прежній страхъ прошелъ. Сначала стали менѣе суетиться, а потомъ уже и не кричали: „ѣдетъ, ѣдетъ!".

Но въ одинъ изъ праздниковъ разнесся между кадетами слухъ, что если Николай Ивановичъ и пріѣдетъ, то все-таки ни къ намъ, ни въ церковь не пойдетъ. Слухъ дошелъ и до дамъ. Увидѣли въ окно, что ѣдетъ. Всѣ по обыкновенію выстроились и ждутъ. Проходитъ минута, другая, не идетъ... Загремѣла карета, и Николай Ивановичъ поѣхалъ домой.

Входитъ наше военное начальство, красное отъ гнѣва и зеленое отъ страха. Кто виноватъ?—спрашиваетъ строго. Всѣхъ передеру. Безъ обѣда всѣ до тѣхъ поръ, покуда не скажете, кто виноватъ. Старые (т. е. переведенные изъ главнаго корпуса),—это ваше дѣло. Всѣ впередъ. Начну сѣчь по очереди. Выступали впередъ, перетолкнулись локтями. Взгляды нѣсколькихъ обратились на одного, и этотъ одинъ, подчиняясь вердикту взглядовъ, проговорилъ: „виноватъ" и немедленно же былъ повлеченъ за ухо въ цейхгаузъ, имѣвшій значеніе застѣнка,—послышались вопли.

Оказалось, что этотъ юноша, воспользовавшись недосмотромъ, успѣлъ положить у порога двѣ лучиночки, крестъ на крестъ, а Николай Ивановичъ ихъ замѣтилъ, а что если онъ замѣтитъ крестъ на пути, то не пойдетъ далѣе, гласило преданіе о бывшемъ уже такомъ случаѣ въ главномъ корпусѣ. Самъ Николай Ивановичъ о виновномъ мальчикѣ не освѣдомлялся, но ѣздить къ намъ сталъ рѣже, а пороги стали осматриваться начальствомъ чаще и при томъ и единолично, и въ совокупности.

Между тѣмъ холера стала проходить. Разрѣшили впускъ родственниковъ, а вмѣстѣ съ ними появились и обильные слухи о пережитомъ нами, безъ всякихъ свѣдѣній и опасеній,—страшномъ времени. Начались вечерніе разсказы, какъ ѣздили по Москвѣ черныя кареты, забиравшія насильно больныхъ и здоровыхъ; какъ отбиралось имущество, какое попадало подъ руку, и жглось и исчезало. Какъ вы-

ползали изъ могилъ заживо туда опущенные и какъ, наконецъ, будто бы, по словамъ очевидцевъ, показывалась многимъ сама холера, то въ видѣ бабы, то въ видѣ чорта, и если тѣхъ очевидцевъ не поѣдала, то, по крайней мѣрѣ, грабила.

Съ приближеніемъ масляницы, разрѣшили и отпуски по домамъ, съ однимъ условіемъ—можно ѣхать не иначе, какъ въ крытыхъ экипажахъ: этого условія было достаточно, чтобы холеру не считать оконченною. Дѣти все бѣдныхъ родителей; какіе же тутъ крытые экипажи. И вдругъ новая бѣда. Начальство объявило, что вновь введенныхъ панталонъ изъ сѣраго сукна еще не успѣли построить, а ѣхать въ отпускъ безъ этой формы нельзя, и потому, кто разсчитывалъ ѣхать домой, пусть попросятъ родителей сшить панталоны на свой счетъ. Какъ сообщить домой, да и сошьютъ ли? У многихъ кое-какъ эта статья устраивалась, а для тѣхъ, которымъ не сшили, отыскались казенныя.

Наступилъ, наконецъ, вожделѣнный день перваго послѣ холеры отпуска. Ему предшествовала сугубая суетня и дѣятельность. Мальчуганы носились, какъ голодныя пчелы. Шушуканья и торговля въ полномъ разгарѣ, точно на толкучкѣ. Юношество изощрялось въ соображеніяхъ, какъ бы надуть свое начальство. Было приведено въ извѣстность, что за однимъ, и только за однимъ, пришлютъ экипажъ крытый. Оставалось придумать и согласиться, какъ и на какихъ условіяхъ воспользоваться этимъ экипажемъ наибольшему числу! Сдѣлки установились. Владѣлецъ экипажа частью уже заполучилъ дань за содѣйствіе, а частью собралъ обѣщанія получить поросенка, сотню блиновъ, конфектъ и чуть не ананасы. На обѣщанія никто не скупился.

Въ шесть часовъ вечера раздался голосъ швейцара: „господинъ такой-то! за вами пріѣхали“. Надо замѣтить, что хотя пріемная и залъ наполнялись самыми неустанными пѣшеходами, но кричалось всегда, что за такимъ-то пріѣхали, и мальчуганъ, зная хорошо, что за нимъ приплелась старая няня или кухарка на своихъ на двоихъ, и зная также, что ему предстоитъ добираться на другой край города тѣмъ же способомъ, кричалъ, однако же, не вникая въ смыслъ дѣла: „пріѣхали, пріѣхали“ и бѣжалъ къ классной дамѣ съ тѣмъ же крикомъ: „за мною пріѣхали. Позвольте въ отпускъ“.

Наблюденіе за выѣздомъ въ крытыхъ экипажахъ возложено было на швейцара. И ему посыпались обѣщанія, а кому прислали на извощика гривенникъ, то и эти гривенники.

— Г. Брендель, за вами пріѣхали, раздался снова вызовъ швейцара. Брендель и былъ тотъ, за которымъ ожидали пріѣзда въ крытомъ экипажѣ. Множество маленькихъ носовъ прильнуло къ стекламъ... На дворѣ оказался огромнѣйшій возокъ.

Въ углу пріемной скопилась кучка уже уволенныхъ. Скрываются они по одиночкѣ въ переднюю и поручаютъ своимъ провожатымъ уходить къ воротамъ. Сами, по нѣсколько вдругъ, лѣзутъ въ возокъ Бренделя и, доѣхавъ до воротъ, вылѣзаютъ и идутъ, а возокъ возвращается за новымъ транспортомъ. Наконецъ, и самъ Брендель одѣлся. Ждать не хочетъ. Тогда смѣльчаки придумали проще. Брендель сидитъ въ возкѣ, а они стали пролѣзать только насквозь. И эта штука удалась. Швейцаръ самъ видѣлъ, какъ влѣзали въ крытый экипажъ, о чемъ и доложилъ начальству.

Начальство успокоилось за здоровье ввѣренныхъ ему дѣтей, а дѣти пріобрѣли опытность, какъ выходить изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, надувая начальство, и, конечно, не разъ благодарили потомъ этотъ, для многихъ, вѣроятно, первый въ жизни поучительный случай.

Всѣ вернулись къ сроку, живы, здоровы и веселы, только одинъ бѣдняга попался. Какая-то нѣжнолюбящая, но недогадливая мамаша, не сообразивъ, что ея осьмилѣтній сынишка носитъ уже военную форму, и убоясь, чтобы онъ не отморозилъ носъ или уши, прикрыла его лицо теплымъ платкомъ, да такъ и ввела въ переднюю. Возмутилось увидавшее такое безобразіе начальство и объявило: „оставить на мѣсяцъ безъ отпуска".

Съ великаго поста начала устанавливаться правильная и форменная жизнь заведенія. Въ семь часовъ утра въ классы до одиннадцати. Потомъ построятъ шеренгами, осмотрятъ руки и платья, придутъ дядьки, отставные гвардейскіе унтеръ-офицеры, и пойдетъ пѣніе: ра-а-азъ, два-а, три и т. д. Это было ученье тихимъ шагомъ, въ три пріема. Въ часъ обѣдъ. Отъ трехъ до шести опять классы, а тамъ—кто во что гораздъ.

Впослѣдствіи, съ назначеніемъ новой директриссы, добрѣйшей и почтеннѣйшей Елизаветы Ивановны, баронессы Корфъ, это время отъ классовъ до ужина сдѣлалось очень пріятнымъ. Елизавета Ивановна допустила порядочнымъ дѣтямъ входить въ ея небольшую, комнатъ изъ четырехъ, квартиру, и тутъ можно было играть въ лото, клеить, вырѣзывать и вообще не стѣсняться. Изрѣдка давали чай и устраивали кадриль и экосесъ. Примѣру директриссы послѣдовали и классныя дамы. Вечера для насъ проходили весело.

Въ классахъ показалось нѣсколько новыхъ учительскихъ физіономій, и въ числѣ ихъ французъ. Его изучили очень скоро. Строгъ ужасно, поминутно хмурится и облизывается, ругается чортомъ по-русски и спрашиваетъ тѣхъ, кто не смирно сидитъ.

Разнеслась молва, что въ концѣ учебнаго года будетъ какое-то торжество и будутъ раздавать подарки. Пріѣхалъ высокій старичекъ,

въ коричневомъ фракѣ, на шеѣ крестъ съ брилліантами. Сидитъ въ классахъ и разнымъ миленькимъ и моншерамъ задаетъ вопросы. То былъ инспекторъ классовъ главнаго корпуса, или, какъ всѣ выражались, большаго корпуса—Степановъ.

Онъ же объявилъ намъ, что насъ будутъ учить танцевать. Привели какого-то господина въ башмакахъ и за нимъ солдатика со скрипкой. Заигралъ онъ нескончаемую музыку, и стали мы выдѣлывать позиціи, присѣдать и, кстати, языки показывать. Самъ инспекторъ поправлялъ неловкости. Перешли и на вальсъ, но тутъ начались споры. Никто не хотѣлъ быть за даму. Названье дѣвчонкою было самою унизительною бранью.

Разъ, послѣ утреннихъ классовъ, вызвали нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и меня, и повели въ большой корпусъ. Вошли мы въ залъ необъятный. Это знаменитый тронный залъ, существующій понынѣ. На противной входу стѣнѣ огромный портретъ, а по бокамъ его—двѣ пушки. Передъ портретомъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На столѣ тетрадка сѣрой бумаги. Съ боку музыканты и множество большихъ кадетъ, и около всего этого суетится тотъ же старичекъ инспекторъ.—Кого буду вызывать, тому слѣдуетъ вотъ что дѣлать, сказалъ онъ и показалъ, чего отъ насъ ожидаетъ. Вытянувшись, подошелъ къ столу, поклонился, протянулъ впередъ обѣ руки и, не опуская ихъ, отступилъ три шага назадъ. Поклонился прямо передъ собою, потомъ въ полъоборота направо, также налѣво, и повернувшись медленно, пошелъ назадъ. Поняли? спросилъ онъ.—Поняли. Это была первая репетиція раздачи подарковъ. И не будь при этомъ раздачи тетрадокъ, опротивѣла бы она донельзя. По окончаніи этой церемоніи выбрали троихъ: двухъ изъ большаго корпуса и меня изъ малолѣтнихъ и дали намъ исписанные листы, съ приказаніемъ выучить въ два дня, что написано. Это были подготовленныя рѣчи къ предстоявшему акту. На другой день меня позвали къ директриссѣ, гдѣ я нашелъ господина сухощаваго, черноволосаго, съ продолговатымъ лицомъ и очень курносаго. Глаза проницательные. Первое впечатлѣніе было не симпатично. —Ну, читай свою рѣчь, сказалъ онъ мнѣ.—Оставляя домъ родительскій, каждый изъ насъ проливалъ горькія слезы, началъ я и пошелъ, и пошелъ.—Тшъ, тшъ! зашипѣлъ господинъ. Сталъ въ позу и началъ отчеканивать каждое слово съ наивозможными интонаціями. На первый разъ дѣло не сладилось. Я сконфузился и заревѣлъ. Передъ мною былъ авторъ многихъ піитическихъ страницъ, редакторъ одного изъ первобытнѣйшихъ журналовъ и творецъ моей рѣчи, извѣстный всей Москвѣ, князь Шаликовъ.

Слѣдующія репетиціи акта были уже съ музыкой. Каждому вызы-

ваемому воспитаннику играли тушъ. Первому разряду три раза. Второму—два раза и третьему одинъ. Наконецъ, убѣдившись, что умѣніе отдавать решпекты и комплименты достигло желаемаго совершенства, назначили генеральную репетицію, а за нею разрѣшено было объявить родителямъ и самый день акта, т. е., раздачи подарковъ.

Торжество, во-первыхъ, обозначилось тѣмъ, что швейцаръ, бывшій до того Гараська, преобразился въ какую-то особу. Мундиръ весь въ галунахъ. Черезъ плечо широкая перевязь съ заткаными орлами. Шпага. На головѣ трехуголка съ галунами. Руки въ перчаткахъ и съ булавою, которою Герасимъ Васильевъ для каждаго порядочнаго гостя откидывалъ какія-то забавныя колѣнца, а гостей повалило видимо, невидимо. Въ пріемной и проходныхъ залахъ безъ устали ходили сторожа, обильно изливавшіе благоухающую жидкость на каленые кирпичи. Насъ одѣли во все новенькое и повели въ церковь. Пѣли кадеты, и отлично. Послѣ обѣдни повели строемъ съ музыкою въ тронный залъ. На мѣстѣ прежняго скромнаго стола стояло что-то торжественное—въ видѣ амвона, въ нѣсколько ступеней, на немъ столъ, все красное съ галунами и бахромами. На столѣ груды книгъ, перевязанныхъ розовыми лентами и нѣсколько блестящихъ паръ рапиръ и эспадроновъ. По бокамъ стола, полуциркулемъ,—кресла, стулья и стулья; а на нихъ шитые мундиры, шляпки, фраки и проч. Орденовъ было видно не много, такъ какъ въ то время ихъ давали съ большимъ трудомъ, что̀ значительно измѣнилось послѣ польскаго возстанія, когда, съ присоединеніемъ польскихъ орденовъ, стало не рѣдкость видѣть даже звѣзды, такъ какъ Станиславъ 2-й степени былъ со звѣздою, а давался Станиславъ, не стѣсняясь высокими заслугами.

Когда всѣ усѣлись и вообще залъ успокоился, вошелъ директоръ, въ ботфортахъ. За нимъ баталіонный командиръ Викентій Францовичъ Святловскій, дай ему Богъ добрую память, и инспекторъ классовъ, и помѣстились рядомъ за столомъ, а съ боку адъютантъ со спискомъ достойныхъ. Началась выкличка,—подходили, получали подарки, кланялись, какъ было внушено, и уходили на свои мѣста. Мнѣ достались басни Крылова, большаго формата, въ сафьянномъ переплетѣ. Лица присутствующихъ смотрѣли радостно, и мѣстами поднимались платки для воспріятія слезъ умиленія. Сказали рѣчи. Началась фехтовка — за нею роздали почетное оружіе, проиграли гимнъ, и всѣ поднялись.

Пошли въ столовую. По бокамъ все такъ, какъ и всегда бывало, только поопрятнѣе, а по срединѣ, вдоль зала, не въ очередь, особый столъ, убранный цвѣтами. Тутъ же блестятъ историческія, серебряныя, съ одноглавыми орлами огромныя стопы, доставшіяся корпусу

отъ основателя его, графа Зорича, а въ стопахъ медъ. Это все для насъ, получившихъ подарки. И обѣдъ особенный. Накормили отлично и распустили по домамъ. Добрались до дому, тутъ новое кормленіе, уже умилительное, не въ видахъ поощренія, кормленіе не педагогическое, а отъ избытка чувствъ. Арина плакала.

Съ года, слѣдующаго за холерою, сталъ пріѣзжать въ Москву, на лѣто, великій князь Михаилъ Павловичъ. Добрѣйшая душа! Рѣдкою была недѣля, чтобы его высочество не посѣтилъ нашего заведенія, и каждый пріѣздъ его былъ для насъ праздникомъ. Обыкновенно великій князь пріѣзжалъ съ однимъ изъ сенаторовъ — или съ Александромъ Александровичемъ Башиловымъ, построившимъ въ Петровскомъ паркѣ первообразъ минерашекъ, демидрошекъ и т. д., или съ Петромъ Ивановичемъ Озеровымъ, а, иногда, и съ обоими вмѣстѣ, вѣроятно для контраста. Башиловъ, невысокій ростомъ, толстенькій, вертлявый и всегда смѣющійся. Это была жертва кадетъ. Великій князь командовалъ: „а ну его!" и Башилова просто валили на полъ, щекотали, теребили и обрывали все, что можно. Великій князь хохоталъ, а Башиловъ кряхтѣлъ и утирался платкомъ. Озеровъ же изображалъ надменнаго верблюда. Высокій, сухопарый, шея длинная, носъ кверху и губы какъ-то комично подобраны, до этого не дотрогивались. Случалось не разъ, что великій князь пріѣзжалъ въ самую неожиданную пору, напр., во время уборки комнатъ и заставалъ, что громадные возоподобные умывальники сняты со своихъ постаментовъ, которые имѣли форму круглаго фундамента съ большою дырою на серединѣ. Въ эту дыру его высочество спускалъ ноги и, садясь на плоскость, кричалъ: „давай пару!"—Тогда вся мелюзга лѣзла кругомъ, другъ на друга и покрывали милостиваго гостя съ головою, покуда не раздастся голосъ: „долой, усталъ".

Въ одинъ изъ первыхъ такихъ пріѣздовъ, Николай Ивановичъ Демидовъ представилъ меня великому князю какъ лучшаго кадета и своего любимца. Этотъ счастливый день не отразился для меня блестящею карьерою въ отдаленной будущности, только по случаю кончины Николая Ивановича; но, во всякомъ случаѣ, былъ началомъ ряда радостныхъ событій тогда и неизгладимо пріятныхъ воспоминаній понынѣ.

Великій князь приблизилъ меня къ себѣ исключительно передъ другими. Пріѣзжая въ корпусъ, ласкалъ меня и, не разъ, приказавъ стать на столъ, сажалъ къ себѣ на плечи и такъ проходилъ по залу. Именно эта отеческая форма ласки имѣла для меня не совсѣмъ благопріятныя послѣдствія, воспоминаніе которыхъ заставляетъ меня теперь отступить отъ хронологическаго изложенія записокъ. Несмотря на извѣстную всѣмъ серьезность и строгость великаго князя въ слу-

жебныхъ отношеніяхъ, когда онъ увидалъ меня первый разъ во фронтѣ, офицеромъ, при томъ очень юнымъ, сказалъ, обратившись къ командиру полка: „ты мнѣ его береги. Видишь, какой жидкій, а все-таки вотъ гдѣ мнѣ мозоли натиралъ“, указавъ на шею. Въ силу этого тотчасъ по отъѣздѣ великаго князя я былъ назначенъ помощникомъ инспектора полковой школы и библіотекаремъ, что̀ освобождало меня отъ казарменныхъ ученій, отъ всякихъ фронтовыхъ занятій и тяжестей лагерной службы.

Такъ я и прослужилъ семь лѣтъ; между тѣмъ, по чину, пришлось принимать роту, къ чему я вовсе не былъ приготовленъ, и потому оказалось необходимымъ, на рискъ, и только съ вѣрою въ счастливую звѣзду и въ русское авось, подать въ отставку, что̀ и исполнилъ. И, благодаря Бога, вѣра моя меня не обманула.

Возвращаюсь къ прежнему порядку. Кромѣ вниманія въ корпусѣ, его высочество бралъ меня къ себѣ обѣдать, иногда одного, а по субботамъ возилъ обѣдать человѣкъ до 30 и болѣе, какъ изъ малолѣтняго отдѣленія, такъ и изъ корпуса. Эта длинная поѣздка, въ каретахъ, черезъ всю Москву, отъ Лефортова до Остоженки, была предметомъ самыхъ пріятныхъ ожиданій, не говоря уже о поощрительномъ ея значеніи и вкусномъ обѣдѣ. Послѣ обѣда всѣ разсыпались по саду, въ которомъ, къ вечеру, нерѣдко зажигали фейерверки, подъ наблюденіемъ суетливаго начальника лабораторіи, полковника гр. Шамборантъ, которому однажды сильно попало на орѣхи за то, что, выравнивая палки, онъ не замѣтилъ, какъ солдатикъ придѣлалъ фонтанъ отверстіемъ внизъ.

Передъ отъѣздомъ собирались въ столовую, въ которой стояли чашки съ чаемъ при разныхъ печеньяхъ, а по срединѣ—вазы съ фруктами и конфектами, а на блюдечкахъ—мороженое. Конфектъ болѣе другихъ выпадало на мою долю. Его высочество приказывалъ разстегнуть верхъ куртки и поднять руки и, взявъ тарелку, сыпать за пазуху и въ рукава, сколько влѣзетъ, и приказывалъ выходить съ такимъ запасомъ.

Какъ-то разъ, когда я былъ привезенъ одинъ послѣ обѣда, его высочество сказалъ мнѣ: „ступай къ женѣ“. Со мной пошелъ лакей и любимая великаго князя собака—Мурза-Мурзичъ. Когда отворилась какая-то дверь, я вошелъ въ полутемную комнату, въ которой на кушеткѣ читала книгу, со свѣчкою, великая княгиня Елена Павловна; одна дѣвочка сидѣла у столика, а двѣ играли на полу, на коврѣ. Ея высочество сказала мнѣ—играй, указавъ на коверъ. Я сѣлъ, но было какъ-то неловко и жутко, что было, вѣроятно, замѣтно; почему меня скоро отпустила.

Въ этотъ же періодъ времени, наслѣдникъ цесаревичъ Але-

ксандръ Николаевичъ прислалъ въ подарокъ нашему заведенію полсотни маленькихъ ружей и два барабана. Лестный подарокъ былъ самъ по себѣ, а барабаны сами по себѣ. Съ полученіемъ ихъ стали насъ будить и созывать уже не по колокольчику, а по барабану, что удовлетворяло нашему желанію быть поскорѣе похожими на большихъ кадетъ.

Время шло незамѣтно, и приближалась пора перевода въ большой корпусъ. Было страшно. Во-первыхъ, сохранялась легенда о бывшемъ кому-то изъ царственныхъ особъ видѣніи въ тронномъ залѣ, кровавой сценѣ, оставившей матеріальные слѣды. Во-вторыхъ, слухъ, что по корпусу ходитъ, умершій во время холеры, капитанъ Грамматинъ. Въ третьихъ, всякаго новичка ожидали разныя пытки, въ родѣ масонскаго посвященія и, въ четвертыхъ, и самое страшное, розги. Одинъ начальникъ, какъ говорили, зажметъ свой большой палецъ въ остальные и поретъ до тѣхъ поръ, покуда палецъ самъ выскочитъ. Другой не даетъ менѣе пятисотъ розогъ, а въ подтвержденіе сохранялись и фамиліи наиболѣе извѣстныхъ страдальцевъ. О нихъ говорили съ удальствомъ и почтеніемъ. Но дѣлать нечего. Какъ-то, въ началѣ августа, вызвали насъ человѣкъ двадцать, постарше лѣтами, и повели въ большой корпусъ. Сейчасъ же сдали въ неранжированную роту и распредѣлили по отдѣленіямъ. Отдѣленіями завѣдывали унтеръ-офицеры и надъ ними фельдфебель. Все лица всемогущія. Скажутъ—безъ обѣда на всегда, такъ и сиди, жалоба никому и въ умъ не приходила, хотя унтеръ-офицеръ, лѣтъ 14-ти, былъ явленіемъ самымъ обыкновеннымъ.

Въ общемъ порядкѣ бывало то же, что потомъ встрѣчалось и на службѣ, и въ жизни. Придетъ въ голову кому-либо власть имѣющему нѣкая новая идея, и съ перваго же дня начинаютъ ее преслѣдовать взапуски—то бакенбарды носить не ниже конца носа, то зачесывать волосы, какъ никто не чешетъ—справа налѣво, и зудятъ такимъ образомъ встрѣчнаго и поперечнаго съ недѣлю, иногда и больше; а потомъ... пойдетъ все по-старому. Такъ бывало и въ корпусѣ. Помню: накупили зубныхъ щетокъ и роговыхъ пластинокъ для чистки языка, на каждаго особо. Сколько было трудовъ, чтобы на каждой щеткѣ и пластинкѣ выцарапать №. Сколько преслѣдованій и взысканій! Кого ловили, что идетъ умываться, не взявъ щетки. Осматривали на полкахъ шкаповъ, у кого лежитъ щетка сухая. Но скоро стали получаться отвѣты, что щетка пропала, пластинка сломалась, а затѣмъ изъ щетокъ гласно стали выстругивать стрѣлы, а изъ пластинокъ разныя штуки. И все смолкло.

Классы начинались въ семь часовъ. Въ особенности зимою это было тяжко, холодно, спать хочется, въ классахъ по столамъ горятъ

сальныя свѣчи. Въ одиннадцать часовъ перемѣна. Все полусонное, и учителя и кадеты одолѣли себя, пора бы и за дѣло.

Вдругъ отворяются двери, и потянулась съ маленькими промежутками, да черезъ всѣ классы, цѣлая вереница солдатъ, въ самыхъ домашнихъ туалетахъ. Каждая пара несетъ на водоносѣ ушатъ съ водою отъ мытья половъ, и изъ ушатовъ торчатъ палки отъ швабръ. Эта церемонія кончалась, прошли—слышится вдали будто какой-то шопотъ. Всѣ начинаютъ разстегиваться и охорашиваться, идетъ дежурный по корпусу. Всѣ встаютъ и здороваются, черезъ нѣсколько времени такой же обходъ инспектора не всегда—полковника, и рѣдко директора.

Тутъ случались презабавныя штуки. Такъ однажды дежурный офицеръ, обходя классы, спросилъ, какъ всегда, кого нѣтъ? Старшій въ классѣ, думая, что вопросъ относится къ непришедшему еще учителю, тогда какъ офицеръ повѣрялъ кадетъ, отвѣтилъ, что нѣтъ Куциба—смѣшной учитель исторіи. Черезъ нѣсколько времени, на обратномъ обходѣ, когда учитель пришелъ уже, тотъ же офицеръ спросилъ своимъ начальственнымъ тономъ: Куциба здѣсь? Учитель, съ раскрытыми отъ удивленія глазами и съ видимымъ сердцемъ, отвѣчаетъ: здѣсь. Офицеръ грозитъ пальцемъ въ неопредѣленномъ направленіи, прибавляя: смотри, негодяй, опоздай еще, на вѣчно безъ обѣда. Классъ какъ будто взорвало. Куциба только успѣлъ вскрикнуть: Господинъ офицеръ! Но отъ офицера уже и слѣдъ простылъ...

Французъ, изъ оставшихся плѣнныхъ двѣнадцатаго года, имѣлъ пристрастіе къ военнымъ эволюціямъ, и если у него случались утренніе уроки, то послѣ класса непремѣнно пристроится къ какой-нибудь ротѣ, чтобы посмотрѣть ученье. Смотры же, парады и разводы были для него сущимъ праздникомъ.

Говоря по правдѣ, немногіе вообще учителя пользовались уваженіемъ воспитанниковъ. Да и требовать чего-нибудь порядочнаго было трудно. Нанимали нѣкоторыхъ бѣднягъ, какъ говорилось чуть не за бутылку моченаго гороху.

Былъ учитель чистописанія, который не церемонился тутъ же въ классѣ дѣлить съ кадетами приносимыя ими булки, и, по поводу его вышла однажды такая штука. Директоръ, при обходѣ роты, замѣтилъ кадетика съ заплаканными глазами.—Ты что? спрашиваетъ его. Офицеръ, уже не вчера поступившій, съ почтительною предупредительностью, перебиваетъ кадетика докладомъ:—Отъ Максимки записанъ, ваше превосходительство. — Отъ кого? спрашиваетъ директоръ.—Отъ Максимки, повторяютъ и офицеръ и кадетъ.—Какая странная фамилія, замѣчаетъ директоръ, обращаясь къ ротному командиру. Тотъ семенитъ на коротенькихъ ножкахъ, не зная, въ какой формѣ представить

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

благоусмотрѣнію начальства имѣющіяся у него по этому предмету свѣдѣнія. Фамилія учителя чистописанія была Яковлевъ и звали его Максимъ. И этотъ Максимъ настолько твердо, въ теченіе многихъ лѣтъ, преобразился въ Максимку, что не только кадеты, но и многіе изъ начальства не знали ему другой клички.

Впрочемъ однообразіе и правильность жизни заведенія поддерживались наблюденіемъ главнаго центра, который для своего всевѣдѣнія требовалъ частыхъ періодическихъ донесеній, по установленной на каждый предметъ формѣ. Случилось же однако обнаружить въ этомъ центрѣ, что въ одномъ изъ заведеній уже нѣсколько мѣсяцевъ показываютъ по столовымъ вѣдомостямъ одни и тѣ же блюда, каждый день: лапша, битое мясо и пироги. Давай узнавать какъ и почему? Оказалось, что на самомъ дѣлѣ воспитаники кушали столъ разнообразный, сколь это было возможно; но вѣдомости писалъ писарь и ихъ подписывали и отправляли не читая, а въ центрѣ получали и складывали. Таковъ результатъ былъ вѣроятно и множества установленныхъ періодическихъ донесеній. Да не безъ грѣха и теперь конечно тамъ, гдѣ всевѣдѣніе обезпечивается срочными вѣдомостями по установленной формѣ.

Получилось извѣстіе, что Николай Ивановичъ Демидовъ умеръ на Кавказѣ. Тѣло привезли въ Москву въ орѣховомъ, окованномъ мѣдными обручами гробѣ и похоронили на кладбищѣ Андроніевскаго монастыря, со всевозможною помпою. Кадетамъ устроили завтракъ, на манеръ поминокъ. Послѣ его смерти къ заведеніямъ приблизился Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ. Мы знали много о немъ только по слухамъ, но печальный инцидентъ вскорѣ познакомилъ насъ съ нимъ и очію.

Однажды, въ какой-то праздникъ, передъ обѣднею, собрались пѣвчіе для спѣвки, въ столовую залу. Зала эта имѣла окна на обѣ стороны. Одни выходили на дворъ, а другія на галлерею. Къ пѣвчимъ пришелъ дежурный по ближайшей ротѣ штабсъ-капитанъ Соколовскій и, спиною къ окну, открытому на галлерею, опустился на столъ, на оба локтя. Въ это время одинъ изъ самыхъ взрослыхъ кадетовъ Житковъ, безъ шуму, перешагнулъ съ галлереи въ окно и хватилъ Соколовскаго по головѣ тесакомъ, Соколовскій вскрикнулъ и бросился бѣжать черезъ сосѣднюю малую столовую, пріемную, на лѣстницу и къ двери квартиры директора—Карла Павловича Рененкампфа. Тутъ только Житковъ прекратилъ посылаемые въ догонку удары и отдалъ тесакъ директору. Не успѣлъ еще Соколовскій добраться до мѣста своего спасенія, какъ разбѣжавшіеся по ротамъ пѣвчіе разнесли уже ужасную новость по всему корпусу. Переполохъ вышелъ страшный. У начальства вытянулись физіономіи неимовѣрно. Однако кадетъ повели въ церковь, какъ слѣдовало, и послѣ обѣда выпустили гулять

въ дворцовый садъ. Очевидно, начальство убѣдилось, что настоящій случай имѣлъ личную подкладку, а не былъ послѣдствіемъ какого-либо коллективнаго броженія, и потому всѣ, сколько было возможно, успокоились.

Черезъ нѣсколько времени разнесся слухъ, что по этому дѣлу пріѣхалъ Сухозанетъ. Узналъ ли онъ дѣйствительную причину проступка Житкова, для насъ осталось тайною, какъ и все, что происходило между начальствомъ. Большинство приписывало однако же этотъ случай вліянію сердечныхъ отношеній, установившихся между Соколовскимъ и Житковымъ къ особѣ, проживавшей въ одномъ изъ павильоновъ, смежныхъ съ павильономъ, въ которомъ въ лагерное время помѣщался кадетскій лазаретъ, а въ немъ находился Житковъ, постоянно страдавшій золотухою.

Вывели кадетъ на плацъ, передъ корпусомъ и поставили въ каре. Всѣ ждутъ и трепещутъ. Подъѣхала коляска; изъ нея высадили генерала. Передъ нами предсталъ Иванъ Онуфріевичъ—блѣдный до безобразія, хотя съ красивыми чертами лица, съ деревянною ногою на двухъ костыляхъ. Вошелъ въ каре и сѣлъ на уготованное кресло. Слушайте, сказалъ онъ. И мы услышали тотъ необыкновенный тембръ, какой надолго остается въ памяти.

„Учебное заведеніе это есть инструментъ. Ближайшіе ваши начальники—струны. Директоръ артистъ, а ваше образованіе и поведеніе—тѣ звуки, по которымъ оцѣняется весь составъ заведенія. Вы собраны здѣсь, чтобы получать образованіе. Путь къ нему книга. Книга нужнѣе хлѣба. У меня нѣтъ ноги. Я бывалъ въ такихъ походахъ. Нерѣдко у меня не бывало хлѣба, но книга всегда была въ ранцѣ". А еще что? вдругъ пробѣжало по фронту. Вопросъ относился конечно къ картамъ, до которыхъ Сухозанетъ какъ охотникъ былъ извѣстенъ повсюду. Какъ ни мимолетенъ былъ этотъ шопотъ, однако же, что-то подмѣчено. Рѣчь была непродолжительна, и намъ велѣли идти въ корпусъ.

Только-что кончился обѣдъ, насъ построили тутъ же, въ столовой залѣ, шпалерами, по обѣ стороны залы. Тишина невообразимая, только слышатся вдали мѣрные удары костылей и за ними глухое шлепаніе чуть скользящихъ шаговъ всѣхъ начальниковъ, наставниковъ и всѣхъ пекущихся и допекающихъ насъ.

Вошелъ Иванъ Онуфріевичъ и остановился. Князь Козловскій!—крикнулъ онъ. Вышелъ дѣтина лѣтъ восемнадцати. Скамейку и розогъ!—раздалось приказаніе, которое и было исполнено немедленно. Дать ему триста розогъ, и началась расправа.

Какъ оказалось, время нашего обѣда было посвящено пріему представленій служащихъ, при чемъ учитель нѣмецкаго языка Шенрокъ пустился въ откровенность и имѣлъ честь доложить его высоко-

превосходительству, что въ ученикахъ втораго средняго класса замѣтенъ вообще духъ строптивости; въ подтвержденіе чего привелъ примѣръ, что когда одинъ изъ учениковъ этого класса, князь Козловскій, запирая форточку, сломалъ задвижку, а учитель спросилъ: развѣ можно ломать казенныя вещи, то Козловскій отвѣтилъ: зачѣмъ не можно, если и головы ломаютъ.

За это Козловскому дали публично триста розогъ. Весь второй средній классъ велѣно отдѣлить отъ прочихъ воспитанниковъ и помѣстить въ комнату, отведенную въ подвальномъ этажѣ, а весь корпусъ лишить отпусковъ впредь до особаго распоряженія.

Первое затѣмъ время стало просто наводить ужасъ: фельдфебель Раткевичъ, чего никогда не было, за двусмысленный отвѣтъ офицеру, носившему названіе телятины, былъ разжалованъ въ кадеты и наказанъ публично розгами. Унтеръ-офицера Карпова за присвоенную ему грубую выходку разжаловали и высѣкли публично, а какъ онъ имѣлъ твердость выдержать сто розогъ, не подавъ никакого голоса, то за сей признакъ сугубаго загрубенія нрава одѣтъ въ сѣрую куртку и посаженъ за особый столъ. На нашу бѣду, случилась еще такая штука. Въ Москвѣ начались частые пожары, которымъ, какъ разсказывали, всегда предшествовали подметныя письма. Вдругъ разнеслась молва, что экономъ нашелъ письмо съ предувѣдомленіемъ, что корпусъ сгоритъ, подписанное—Адамка-мошенникъ. Началось общее ликованіе въ предположеніи, что въ случаѣ пожара классовъ не будетъ, всѣхъ распустятъ по домамъ, а большихъ выпустятъ. Отъ того письма или по другимъ соображеніямъ, въ первый высокоторжественный праздникъ, когда въ городѣ была иллюминація, около корпуса разъѣзжалъ конный патруль. Но вскорѣ насъ собрали въ столовую. Вывели на середину кадета Табаровскаго, лѣтъ тринадцати, и объявили, что сей самый юноша былъ авторомъ подметнаго письма. Начальство выдрало, а кадеты до самаго выпуска Табаровскаго сохранили за нимъ кличку Адамки-мошенника.

Однимъ словомъ, проказы за проказами такъ и сыпались. Директоръ Ренненкампфъ получилъ другое назначеніе, и пріѣхалъ новый. Первою новостью было снятіе опалы со втораго средняго класса и открытіе заведенія, т. е. отпуски. Отъ избытка добрыхъ чувствъ не могу не сказать, что это былъ доброй памяти, Александръ Осиповичъ Статковскій—строгій, справедливый и взявшійся за дѣло совсѣмъ иначе, что и отразилось вскорѣ на всѣхъ порядкахъ корпуса.

Началось съ того, что мы лишились удовольствія видѣть проносившіеся по классамъ ушаты и швабры и всякое постороннее шатаніе. Всѣ классы, сплошь, отдѣлили отъ стѣны коридоромъ, а, для удовлетворенія полицейской любознательности начальства, врѣзали въ двери

стекла. Сидишь и не знаешь часа, въ онь же чье око взглянетъ. Нестерпимыя сальныя свѣчи замѣнили висячими лампами. Множество учителей отправили въ прежнія мѣста ихъ жительства, къ исполненію прежнихъ обязанностей, и пригласили новыхъ; въ томъ числѣ, хотя въ качествѣ наблюдателей, и пользовавшихся извѣстностью—Погорѣльскаго, Перевозчикова, Брашмана, Рулье и т. п. Не менѣе этихъ учителей пришлось кадетамъ по вкусу вниманіе и по кулинарной части. Въ росписаніи столовой показались: гусь, потиша, суфле, и еще многое совершенно непонятное до своего появленія.

Все стало устраиваться иначе. Одно еще оставалось долгое время въ прежнемъ порядкѣ—это скудость учебныхъ пособій. Кто теперь повѣритъ, что при обширнѣйшей программѣ того времени, отъ казны, и то по одному экземпляру на нѣсколько человѣкъ, выдавались только тактика Медема, исторія Кайданова и географія Арсеньева, не считая катехизиса и учебниковъ, никому не нужныхъ, по иностраннымъ языкамъ, которые давались каждому, и сверхъ того еще во всѣхъ ротахъ были привинчены къ пюпитрамъ громаднѣйшіе словари Татищева. Для прочихъ предметовъ нужно было составлять записки, а чертежи копировать съ классной доски. Можно ли увидать теперь, какъ классное пособіе, библіографическую рѣдкость, артиллерію Маркевича? Два тома, in quarto, каждый вершка три толщиною, и стоившую сто рублей. Намъ показывали единственный экземпляръ, чуть не сквозь стекла, а между тѣмъ, многое читалось прямо по этой книгѣ и требовалось знать въ долбежку. Одно описаніе параллельнаго бруса, какъ и теперь вспомнишь, такъ находитъ ужасъ. А между тѣмъ, большинство училось хорошо, въ мѣрѣ требованія. День проходилъ въ опредѣленныхъ занятіяхъ. За то, когда лягутъ спать, такъ часовъ съ одиннадцати, въ фельдфебельской комнатѣ зажигались запрещенные огарки, и тутъ-то истинные труженики, несмотря на холодокъ, въ сапогахъ на босую ногу, прикрытые однимъ одѣяломъ, умывшись и помолившись, сходились на тяжкую работу составлять записки. И такъ часовъ до двухъ. Потомъ пріуснуть, а въ шесть часовъ уже и барабанъ—повѣстка вставать. Ухъ, тяжело вставать бывало! Такъ, мало по малу, соберутся кое-какія записки у одного. У него списываетъ другой, и такая работа шла до самаго экзамена. А какъ подойдетъ экзаменъ, такъ тутъ уже по ночамъ большинство бодрствуетъ. Спятъ одни отпѣтые, которымъ уже предрѣшено, по ихъ убѣжденію, выходить въ юнкера или въ линейку, т. е. бывшіе линейные батальоны.

Самымъ труднымъ дѣломъ было составленіе записокъ по фортификаціи. Руководства никакого, а каковъ былъ преподаватель, при томъ всѣми уважаемый, Иванъ Васильевичъ Кобыляковъ, потруди-

тесь познакомиться съ нимъ сами. Входитъ штабъ-офицеръ незапамятныхъ временъ. Худенькій, маленькій, блѣдненькій, эполеты болтаются на груди, и подергавъ усиками, начинаетъ такъ: вотъ именно, господа!.. Въ прошлый разъ мы говорили о прикрытіяхъ... о прикрытіяхъ, говорю я... Вотъ, именно о прикрытіяхъ... Скажемъ теперь, пѣхота движется... Бряцаніе оружія, блескъ штыковъ... Земля дрожитъ, пыль столбомъ. Трескотня пальбы, дымъ... У страха глаза велики... Брустверъ, скажемъ теперь, высотою около пяти—шести футовъ... Вдругъ какой-нибудь школьникъ, видя, что уже приближается состояніе экстаза, спрашиваетъ, глядя прямо въ глаза учителю: какъ вы изволили сказать, Иванъ Васильевичъ, у страха глаза велики?—пять—шесть футовъ? Не говорите, вотъ именно, отвѣчаетъ покуда еще сдержанно Иванъ Васильевичъ, пять—шесть футовъ, а около, говорю я, пяти... шести футовъ. Весь классъ хохочетъ. Одинъ маіоръ продолжаетъ серьезно свое дѣло... въ это время, говоритъ онъ, показывается дымокъ. Одинъ, другой... и, съ этимъ словомъ Иванъ Васильевичъ въ окончательномъ увлеченіи, ломаетъ мѣлокъ и съ храбростью въ лицѣ начинаетъ метать куски его и въ начертанный на доскѣ брустверъ и въ кого попало, изображая этимъ моментъ кроваваго боя. Начинается шумъ, слышный издали. Въ дверяхъ показывается дежурный офицеръ или инспекторъ. Иванъ Васильевичъ, разсерженный, зачѣмъ ему мѣшаютъ, приказываетъ выучить сказанное, и лекція кончается, а кадеты чувствуютъ обязанность внести лекцію въ записки—и вносили.

Въ этихъ классахъ проходилась уже и риторика по Кошанскому. Кого бы не озадачило теперь услыхать, напр., такое обращеніе учителя къ ученику: скажите—какъ сдѣлаться наилучшимъ ораторомъ или писателемъ? а между тѣмъ, такой вопросъ стоялъ даже на экзаменаціонномъ билетѣ. Кто изъ моихъ однокашниковъ забылъ немногочисленные примѣры разныхъ родовъ краснорѣчія. Боже великій! Что такое умъ человѣческій... или, надежда, кроткая посланница небесъ, тебя хочу воспѣть въ восторгѣ души моей, или отъ топота копытъ пыль по полю летитъ.

Кто повѣритъ, что можно было пройти курсъ математики, въ который входили и коническія сѣченія, и аналитическая геометрія,—не сдѣлавъ ни одной практической задачи даже изъ ариѳметики; а между тѣмъ, все это было и, какъ посмотришь на современныя учебныя средства и методъ преподаванія, куда какъ становится грустно, зачѣмъ не родился позже.

Впрочемъ, вѣроятно большинство, къ которому принадлежу и самъ, говоритъ спасибо и за то, что было. Теплый кровъ, сытный хлѣбъ и пріотворенныя двери къ полученію свѣдѣній по многимъ предме-

тамъ. Была бы охота продолжать. Высокое понятіе о честности, правдѣ и товариществѣ, чѣмъ нашъ корпусъ гордился и славился.

Третій годъ моего пребыванія въ большомъ корпусѣ закончился благополучнымъ экзаменомъ. Меня перевели въ гренадерскую роту.

Отъ бывшихъ въ гренадерской ротѣ уже второй годъ пришлось узнать, что, вѣроятно, при первомъ дежурствѣ по корпусу, командиръ роты будетъ говорить рѣчь и даже какого содержанія, и что прежде всего обругаетъ всѣхъ болванами. Пришло дежурство по корпусу нашего командира Александра Васильевича Жирякова.

Послѣ дѣятельнаго дня и сытаго ужина дремлется, а по кроватямъ не распускаютъ. Входитъ командиръ, маленькій, некрасивенькій, ножки кривенькія. Сталъ по срединѣ залы и руки съ киверомъ сложилъ сзади. Султанъ коснулся пола и образовалась какая-то треногая или мензула или прорицающая пиѳія. Началась рѣчь, какъ всегда начиналась. Предвѣщанія сбылись. Ну, болваны, вы перешли въ мою роту, помнить: послушаніе, прилежаніе, откровенность, опрятность, маршировка, ружейные пріемы; иначе—хлѣбъ и вода и вонъ изъ роты. Повторяю еще разъ. И началось повтореніе всего сказаннаго то съ прибавкою, то съ убавкою и закончилось опять угрозою—хлѣбъ и вода. Такъ и потянулось доброе время.

Не много пришлось мнѣ быть въ этой ротѣ. Однажды подозвалъ меня къ себѣ полковникъ и объявилъ, что я назначенъ унтеръ-офицеромъ въ неранжированную роту. Дѣло было въ лагерѣ, а неранжированная рота оставалась въ городѣ... Доложили, что вечеромъ ѣдетъ въ городъ фурштадская фура или лазаретный фургонъ. Я собрался живо и съ радостью усѣлся на козлы вмѣстѣ съ возницею, распростившись съ лагеремъ, сдѣлавшимся уже невыносимымъ.

На слѣдующій годъ меня сдѣлали фельдфебелемъ. Хотя у насъ не было ни приказовъ о дисциплинарныхъ мѣрахъ, ни судовъ съ ихъ атрибутами, а дисциплина была примѣрная, и фельдфебель въ иныхъ случаяхъ внутренней жизни значилъ въ ротѣ чуть не болѣе ротнаго командира.

Между тѣмъ приближается время производства. Какими душевными треволненіями преисполнялся послѣдній годъ для всѣхъ чаявшихъ право на выпускъ!

Прошелъ послѣдній экзаменъ и выкликнули выпускныхъ. Я оказался первымъ. Объявлено—имя мое вырѣзать на мраморной доскѣ и художнику Икулену заказано срисовать съ меня портретъ, который потомъ долго висѣлъ въ библіотекѣ. Я не шелъ, а летѣлъ домой. Всѣ, со слезами, благодарили Бога за настоящее. У одной матери выпала горькая слезинка. Ей пришла на умъ неизбѣжная, близкая и долгая разлука.

Прошло много лѣтъ. Я—старикъ, но, признаюсь чистосердечно, лучшаго дня я и не испытывалъ въ жизни. Не знаю, почему-то, офицерство меня не радовало. Ни даже гвардія. Все счастье мое заключалось въ настоящемъ и во мнѣ самомъ. Пусть всякій, положивъ руку на сердце, дастъ себѣ отвѣтъ: много ли пережилъ онъ минутъ; минутъ, говорю я, не болѣе, въ которыя могъ бы сказать со всею чистотою помышленій—я никому не завидую и ничего болѣе не желаю. Я имѣлъ счастіе пережить такой день. Мнѣ было хорошо и невыразимо пріятно. Какъ бы ни было незначительно первенство, пріобрѣтенное въ заведеніи, но мнѣ было уже около 18 лѣтъ. Если инстинктъ мѣняется съ лѣтами, то онъ въ 18 лѣтъ все-таки не влечетъ уже къ оловяннымъ солдатикамъ. Благодаря природѣ, въ эту пору сами проскакиваютъ иныя, новыя чувства, и, безъ всякихъ прецедентовъ, лѣзутъ въ голову кое-какія полузрѣлыя соображенія и понятія о собственномъ значеніи... Я получилъ все, что можно было взять и что можно было дать. Это, положимъ, не чудо. Приходилось потомъ видѣть, что берутъ и болѣе, чѣмъ бы, казалось, взять можно; но я получилъ все безъ всякихъ гадостей, безъ происковъ, безъ униженій, безъ покровительства и безъ денегъ. Я трудился, и только, не сознавая и не предчувствуя, что эти первые лавры одного труда будутъ навсегда послѣдними, и что этотъ первый день самоблагодарности и самоуваженія не повторится въ дѣйствительности безъ уступки того, что всецѣло наполняло мою душу—дѣвственно чистой совѣсти.

Потомъ пошли установленные порядки. Насъ, выпускныхъ, отдѣлили въ особое помѣщеніе, вмѣстѣ съ чѣмъ измѣнили и характеръ надзора. Нюханіе табаку и чтеніе стиховъ исключилось изъ криминальныхъ явленій; по крайней мѣрѣ, съ этою цѣлью начальство перестало лазить въ сапоги, выворачивать карманы и разстегивать куртки, но усилило надзоръ въ смыслѣ предупрежденія преступленій. Намъ, какъ чумнымъ, съ трудомъ удавалось входить въ другія роты, а къ намъ изъ тѣхъ ротъ не пускали вовсе. Пошла пригонка платья и, день за день, приготовленіе къ отъѣзду. Наконецъ объявили на завтра. Пошелъ я проститься съ милой своей старухой-матерью, которую уговорилъ братъ, вмѣсто проводовъ, выѣхать въ одинъ часъ со мною, въ противную заставу, на богомолье, въ Сергіевскую лавру. Простился съ дѣдомъ, съ родными, съ Ариною, съ каждымъ уголкомъ нашей невзрачной хаты и, въ послѣдній разъ, вышелъ изъ дому по направленію къ Никитѣ Мученику. Вспомнилъ свое дѣтство. Взглянулъ на ступеньки, на которыхъ сиживалъ, выжидая рѣшенія изъ противоположныхъ воротъ. Вспомнилъ, какъ я входилъ, ведомый трепещущей рукой дѣда въ обитель величія и роскоши.

Вспомнилъ, что все мое настоящее было послѣдствіемъ минуты хорошаго расположенія духа его высокопревосходительства—Николая Ивановича; но домъ его уже былъ не зеленый, а желтый. Изъ высокопревосходительства давно уже выросла крапива, и гдѣ онъ ликовалъ и рѣшалъ судьбы, шумно ѣздили взадъ и впередъ прядильные самоходы. Я пошелъ дальше.

На утро, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы выстраивались къ смотрамъ, разводамъ и парадамъ, оказался стройный рядъ однообразныхъ, запряженныхъ въ одиночку, телѣгъ съ новыми циновочными кибитками и съ циновками вродѣ полостей. Помолились, позавтракали, простились сердечно и съ начальствомъ, и съ кѣмъ удалось еще, и сѣли попарно въ кибитки. Колеса скрипнули. Екнуло что-то на сердцѣ, и мы выѣхали за ворота по дорогѣ... въ невѣдомую будущность. Это былъ послѣдній выпускъ, который ѣхалъ въ Петербургъ въ кибиткахъ, на долгихъ. Ѣхали 14 дней, но не скучали, несмотря на страшное однообразіе болотъ и перелѣсковъ.

Въ послѣдній день путешествія по московскому шоссе увидали вдали поѣздъ желѣзной дороги. Всѣ вскочили въ кибиткахъ. Это— Царскосельская, сказали намъ. Петербургъ близко. Часовъ въ 7 вечера показались и тріумфальныя ворота, потомъ скучнѣйшій пустырь, хотя и въ чертѣ города. Наконецъ и самый городъ. Улицы, мощеныя деревомъ, множество мостовъ, Исаакій, оплетенный лѣсами, точно паутиною, потомъ опять мосты, опять пустырь, гдѣ теперь Петровскій паркъ и, въ заключеніе, огромныя красныя казармы — знаменитый Дворянскій полкъ. Конечный пунктъ нашего странствованія.

II.

Дворянскій полкъ. — Генералъ Пущинъ. — Петергофскій праздникъ.—Катастрофа.—Атака Золотой горы.—Производство въ офицеры и первый арестъ.

По прибытіи въ Петербургъ насъ встрѣтилъ директоръ Дворянскаго полка Николай Николаевичъ Пущинъ. Какъ ни любезна была встрѣча, но суровый взглядъ и тембръ голоса заставилъ пожелать избѣгать и бояться немилости этого генерала. Только-что успѣлъ онъ поздороваться съ нами, какъ приказалъ ударить тревогу. Не прошло и четверти часа, какъ весь полкъ, два баталіона съ командирствомъ и офицерствомъ былъ уже выстроенъ и выравненъ, въ амуниціи и съ ружьями. Послѣ краткой рекомендаціи насъ, какъ пріѣхавшихъ, приказали было дворянамъ пройти церемоніальнымъ маршемъ. Казалось все гладко, но начальственное око что-то усмотрѣло. Фельдфебеля, на середину!—приказалъ Николай Николаевичъ.

Выбѣжали и выстроились въ рядъ отборные по нашимъ понятіямъ юноши. Ослы!—закричалъ на нихъ Николай Николаевичъ. Послѣ того всеобщаго уваженія, какимъ пользовалось у насъ званіе фельдфебеля, такое отношеніе ко всему составу фельдфебелей, передъ фронтомъ всего полка, насъ и удивило, и еще болѣе устрашило. Экзерциція кончилась. Насъ повели въ уготованное помѣщеніе. Говорятъ, ужинъ готовъ. Дали по кружкѣ сбитню и по пирогу съ манной кашей. Это тоже не по-нашему. Показалось жидко, въ утѣшеніе, намъ сообщили, что такой ужинъ не всегда, и два раза въ недѣлю водятъ даже въ столовую, а тамъ размазня бываетъ. Ну, что же дѣлать: знать правда, что городъ, то норовъ.

Объявили, что на - дняхъ будетъ публичный экзаменъ. Въ своемъ корпусѣ провели послѣ школьной скамейки, безъ занятій недѣль пять, да въ дорогѣ двѣ, да тутъ съ недѣлю, и все въ такую пору, когда въ головѣ совершался кавардакъ невообразимый. Каково же было предстать еще на публичное судилище, въ ожиданіи встрѣтить чужіе уши, глаза и требованія. И самыхъ храбрыхъ страхъ одолѣлъ. Нашъ добрѣйшій инспекторъ, князь Владиміръ Владиміровичъ Львовъ, желая пособить намъ по мѣрѣ силъ, принесъ намъ экзаменные билеты просмотрѣть и по нимъ старое припомнить. Каково же было наше изумленіе, когда мы нашли въ билетахъ, по которымъ насъ будутъ спрашивать, такіе вопросы, о которыхъ никто изъ насъ ничего и не слыхивалъ. Напр., по математикѣ, какія-то системы Фурье, Штурма. Мы къ инспектору. Говоримъ: такъ и такъ, и должны будемъ заявить публично, что объ этихъ системахъ намъ даже не упоминали. Посудилъ онъ, порядилъ, да и объявилъ, что на самомъ дѣлѣ эти системы проходить назначено, почему не включать ихъ въ билеты было нельзя; а такъ какъ билеты внесены уже въ экзаменаціонный комитетъ, то и удалить какіе-либо изъ нихъ невозможно, и затѣмъ осталось одно... авось не вынутся. Между тѣмъ этимъ авось ставилась на карту вся карьера того несчастнаго, которому попадается билетъ. Вотъ какой бывалъ порядокъ!

Пришли въ огромную залу. По срединѣ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На немъ блестящія чернильницы и множество книгъ. За столомъ необозримый рядъ креселъ, а передъ столомъ рядовъ пять казенныхъ скамеекъ,—это нашъ застѣнокъ, мѣсто нашего пытанія... Вошло одно парадное лицо, потомъ другое, еще нѣсколько и повалило, и повалило. Раздался маленькій шорохъ, и въ залу вступилъ бывшій тогда еще Яковъ, а впослѣдствіи Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Власти усѣлись. Откашлялись. Стали вызывать къ столу, а сидящимъ роздали листы бумаги для написанія сочиненій на заданныя темы.

Были само собою кое-какія, даже большія, прорухи; но, слава Богу, первую половину провалили.

Пригласили позавтракать. Славныя кулебяки и еще кое - какія снѣди поддали бодрости и подкрѣпили тѣло. Экзаменующіе тоже подкрѣпились, и вторая половина пошла какъ-то милостивѣе, и при томъ съ маленькою потѣхою. Лицамъ, приглашеннымъ на экзаменъ, въ силу одного приглашенія, не воспрещалось каждому, по своимъ силамъ, попытать экзаменующагося относящимся къ предмету вопросомъ. Воспитанникъ отвѣчалъ на билетъ изъ физики о земномъ магнитизмѣ. Одинъ изъ чужихъ преподавателей, бывшій неподалеку отъ Ростовцева, сдѣлалъ вопросъ: кто открылъ сѣверный магнитный полюсъ?—Воспитанникъ замялся. Ростовцевъ, вполголоса, спросилъ вопрошавшаго—кто?—Оказалось, что тотъ и самъ забылъ въ эту минуту. Невольная улыбка начальствующаго, къ нашему благополучію, придала улыбающійся характеръ всему дѣлу, и экзаменъ кончился.

Черезъ нѣсколько дней начались смотры и потомъ выступили въ лагерь, въ Петергофъ. Насъ включили, какъ составную часть перваго баталіона, въ общій составъ съ Пажескимъ корпусомъ и только-что преобразованною школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и поставили въ правофланговыхъ палаткахъ лагеря, совершенно отдѣльно отъ Дворянскаго полка, что преисполнило насъ неописанною радостью. Дворянскій полкъ намъ пришелся что-то не по сердцу.

Вступленію въ лагерь предшествовали маневры. Залѣзли ночью куда-то въ овраги, едва выбрались. Увидѣли, какъ по увѣдомленію о приближеніи полковника Свѣтлова, который усиленно преслѣдовалъ всякое отступленіе отъ служебныхъ и воспитательныхъ требованій, орудіе артиллерійскаго училища хватало по указанному направленію, будто-бы огурцами. Все это было для насъ и ново и забавно. Преддверіемъ окончанія похода былъ Петергофскій садъ, показавшійся намъ совершеннымъ Вавилономъ. Чистота, декоративность, фонтаны. Къ тому же въ саду шли приготовленія къ одной изъ тѣхъ сказочныхъ иллюминацій, которыя устраивались ежегодно 1-го іюля. По этому поводу весь садъ былъ оплетенъ стелажами, какъ кружевами, и въ концѣ, ко взморью, грандіозная постройка щита, одиннадцати саженъ высотою.

Лагерь начался при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Готовилась свадьба великой княгини Маріи Николаевны, почти ежедневно пріѣзжала въ лагерь императорская фамилія и за каждымъ посѣщеніемъ слѣдовало разрѣшеніе гулять. Первые дни конечно садъ привлекъ все вниманіе, а потомъ всегда открытыя для кадетъ фабрики писчебумажная и гранильная взяли верхъ. До того насъ поразило и заняло производство бумаги, что многіе не только могли начертить

наизусть обѣ дѣйствовавшія машины, но знали относительное число оборотовъ валовъ и колесъ. А когда добрались до Монплезира, то и прелесть невиданнаго до того моря не осталась безъ вліянія.

Вечеромъ, именно наши, московцы, цѣлыми толпами собирались на привѣтную площадку и могли безъ шуму и говору насыщаться какими-то новыми думами, — и также молча шли оттуда обыкновенно прямо въ лагерь. А подумать было о чемъ! Офицерство приближалось съ каждымъ днемъ и чѣмъ ближе подходилъ ожидаемый срокъ, тѣмъ замѣтнѣе стушевывался на большинствѣ колоритъ ребячества. Ко многому удалось присмотрѣться, многое пришлось повыслушать, и результатомъ всего была общая, невеселая дума. Насмотрѣвшись поближе на то, что называлось офицерствомъ, даже въ то, славное для военнаго званія время, многіе повѣсили носы. Нужда пугать стала.

Въ теченіе лагеря состоялась и та знаменитая иллюминація, которой мы видѣли уже приготовленія. Днемъ праздника, вмѣсто 1-го іюля, дня рожденія императрицы, какъ всегда бывало, назначено было 11-е іюля, день ангела вел. княгини Ольги Николаевны. Мы уже отобѣдали, небо стало хмуриться, поднялся вѣтеръ и за нимъ буря, какая рѣдко бывала. Въ Петербургѣ въ этотъ день потонулъ на перевозѣ отецъ извѣстнаго артистическаго семейства — Самойловъ. На морѣ случилось несчастій множество. Тогда между Петербургомъ и Петергофомъ ходили только два Бердовскіе парохода—„Петръ Великій" и „Михаилъ" и ходили они въ одинъ путь, часовъ пять и болѣе, а если бы взглянуть теперь хотя на фотографическій снимокъ съ тѣхъ пароходовъ, то оставалось бы только пожалѣть, зачѣмъ ихъ не сохранили для обузданія претензій тѣхъ, кто недоволенъ настоящимъ. Кто не попалъ на пароходъ, тотъ плылъ на ладьяхъ различныхъ конструкцій, и эта-то несчастная флотилія попалась цѣликомъ въ бурную передрягу.

Но чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ достигало Петергофа большинство посѣтителей иллюминаціи, нужно было отправиться на задній плацъ, который отводился для возобновлявшагося ежегодно табора. Представьте себѣ огромнѣйшій лугъ, загроможденный экипажами всѣхъ бывшихъ тогда образцовъ и, въ томъ числѣ, телѣгъ по преимуществу. Между и около снуютъ съ крикомъ всевозможные продавцы, сбитенщики и т. п. Во множествѣ дымятся самовары, и происходятъ разныя семейныя сцены. По наставленію опытныхъ уже и видавшихъ виды, мнѣ удалось, въ числѣ немногихъ, проскользнуть за цѣпь, ограждавшую импровизированный таборъ отъ нашествія кадетъ. Часу въ шестомъ буря стала стихать, и разнеслась молва, что гулянье не отмѣняется. Въ саду уже послышалась музыка. Пріѣз-

жимъ пора собираться; на множествѣ телѣгъ, по угламъ, водружены колья и кругомъ все затянуто простынями, а гдѣ попроще, и рогожками. Такихъ подвижныхъ палатокъ множество; мы направились къ одной, около которой толпилось семейство душъ изъ семи, откуда слѣдовало, что стоявшій около ковчегъ служилъ вмѣстилищемъ для всего семейства; когда мы подошли, господинъ въ содѣйствіи какого-то оборвыша, отжившаго свое время типа—крѣпостнаго, подсаживалъ увѣсистую барыню, которой видимо было трудно и физически и нравственно влѣзать публично чрезъ высочайшія грядки въ глубочайшую телѣгу. Наконецъ, она скрылась за простынями. Барыня оттуда кликнула, а баринъ повелѣлъ лѣзть туда же дѣвкѣ. Эта вскочила быстро. Прошло немного времени, простыни распахнулись, и предъ нами предстала на телѣгѣ та же барыня, но уже барынею въ полномъ смыслѣ, въ шляпкѣ, въ шали и въ чистомъ платьѣ Супругъ и лакей приняли ее. Полѣзла новая замарашка, должно быть, дочка. Рѣшились подождать, какъ подѣйствуетъ на эту купель преобразованія. Вылѣзла вся въ бѣломъ съ розовымъ кушакомъ. Мы ушли.

Гуляющихъ не удаляли насильно изъ саду, и потому одни изъ благоразумной предусмотрительности не найти ночью въ полѣ своего рыдвана, а другіе по извѣстнымъ имъ причинамъ, оставались въ саду до разсвѣта; тѣ же, которые двинулись на задній плацъ отыскивать средствъ къ возвращенію въ городъ, являли собою картину орды, собирающейся на перекочевку.

Послѣ такой ночи, конечно, и утро могло быть чревато происшествіями, но до насъ дошли немногія.

Отъ потрясеній бури свалилось съ лѣсовъ иллюминаціи множество шкаликовъ, которые и разбились. Подрядчикъ ли, матросы ли, наряженные зажигать иллюминацію, но кто-то, собравъ весь этотъ бой, ухнулъ его съ пристани въ море и какъ разъ угодилъ на то, вычищенное какъ бархатъ мѣсто, на которомъ купались кадеты. Въ урочное время привели первую партію и какъ только окунулись первые, поднялся крикъ самый раздирательный. Лѣзутъ вонъ всѣ въ крови, перерѣзались. Множество отправили въ лазаретъ. Государь навѣщалъ каждый день. Несчастныхъ послѣдствій не было.

Другой случай. Трое офицеровъ, путейцевъ, пожелавъ дать отдыхъ своей истрепавшейся плоти и, не зная куда пріютиться, стали спрашивать по домамъ, нѣтъ ли, или гдѣ бы можно найти уголокъ, чтобы преклонить голову до утра. Находчивый дворникъ, или кучеръ, богатаго дома, отрицая успѣшность поисковъ и въ чаяніи щедрой подачки, предложилъ ихъ благородіямъ подняться на сѣнникъ надъ сараемъ. Усталость соблазнила. Утромъ встанутъ поранѣе, никто не узнаетъ, а уснуть удастся и крѣпко хочется. Поднялись по подставленной

снаружи лѣстницѣ, да и заспались. Первый, кто проснулся, и видитъ, что на дворѣ день и должно быть не рано. Толкнулъ другихъ. Взглянули на дворъ, а лѣстницы нѣтъ—засуетились, какъ быть! Дворникъ замѣтилъ и подставилъ лѣстницу. Они къ окну, а прямо передъ ними, на террасѣ, все семейство и со своими гостями кушаютъ кофе. Что дѣлать! Подобрали шпаженки, да и поддерживая шляпенки, по всѣмъ правиламъ господствовавшаго у нихъ танцевальнаго искусства, стали спускаться задкомъ, да гуськомъ, со ступеньки на ступеньку, а потомъ мимо публики бочкомъ, да и въ калитку. Долго о нихъ ходили разсказы.

Вскорѣ за этимъ праздникомъ пошелъ слухъ, что насъ поведутъ на фонтаны. Что это значило, мы не знали, но въ одинъ прекрасный для насъ день отдано было приказаніе—надѣть самое старое платье, до рваныхъ сапоговъ включительно, для чего и вытащено изъ цейхгаузовъ все необходимое. Одѣваться было какъ-то брезгливо и скверно; но одѣлись, выстроились, и насъ повели въ садъ.

Кто бывалъ въ Петергофѣ, тому извѣстны въ группѣ фонтановъ у дворца, въ сторонѣ къ Самсону, ступенчатые каскады. Каждая ступень аршина въ полтора вышиною, такихъ семь или восемь, и когда сверху пущена вода, то она льется каскадами съ одной ступени на другую, толстѣйшимъ слоемъ и съ большою силою. Все это богато и красиво.

Подошли мы къ одной изъ такихъ горъ всей командой. Внизу стоитъ государь. Ну, московцы, маршъ на приступъ!—сказалъ его величество. Теперь мы поняли, что значитъ ходить на фонтаны. Иному ступень до подмышекъ. Вода хлещетъ и смываетъ. Платье все промокло прежде, чѣмъ добрался до первой ступени. У кого подлиннѣе ноги, да кто побойчѣе, одолѣлъ одну, двѣ ступени впереди другихъ, тому полегче, а остальная куча полощется, кувыркается, захлебывается, а все-таки, въ концѣ концовъ, всѣ до одного доберутся до верху. Тутъ первыхъ трехъ ожидаетъ подарокъ изъ собственныхъ рукъ государыни. Давались работы гранильной фабрики и большею частью кольца изъ яшмы или сердолика.

Такія эволюціи были обязательны для всѣхъ кадетскихъ корпусовъ безразлично.

Потомъ начались смотры; а затѣмъ кончился и лагерь. Перешли въ городъ. На другой день, 8-го августа, пріѣхалъ Яковъ Ивановичъ со множествомъ пакетовъ. Поздоровался и крикнулъ прапорщикъ такой-то, назвавъ мою фамилію и вручая мнѣ пакетъ, поздравилъ офицеромъ. На пакетѣ было написано: прапорщику лейбъ гвардіи Волынскаго полка такому-то, а въ пакетѣ высочайшій приказъ. И такъ я болѣе не кадетъ. Прощай, корпусъ. Кромѣ добра вспомянуть нечѣмъ.

Если бы не попалъ подъ твою кровлю, Богу извѣстно, что бы меня ожидало.

При порядкахъ и строѣ внутренней жизни корпуса, въ описанный мною періодъ, много далъ корпусъ благодарной и полезной молодежи, изъ которой одни покончили свое существованіе быть можетъ и славно, но скромно, а другіе блистали потомъ на высокихъ мѣстахъ государственной администраціи, какъ напр., перечисляя на память, безъ всякаго намѣреннаго порядка—генералы-отъ-инфантеріи: Гедеоновъ, Бруннеръ, Своевъ, Померанцевъ, Джемарджидзе, Кармалинъ. Генералъ-адъютанты: Ванновскій—бывшій военный министръ; Исаковъ—главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній и членъ Государственнаго Совѣта; Мордвиновъ—членъ Военнаго Совѣта. Тайные совѣтники—Апухтинъ и Воронцовъ—попечители учебныхъ округовъ.

Перехожу къ новой жизни. Получивъ приказы изъ рукъ Якова Ивановича, нѣкоторые рѣшились спросить его, можно ли надѣть офицерскую форму? Можно, да осторожно, отвѣтилъ онъ. Лучше пообождать, покуда васъ осмотрятъ. Но для многихъ сказанное можно было болѣе, чѣмъ нужно, и черезъ два часа легко было встрѣтить въ городѣ не одну уже юную офицерскую фигуру, у которыхъ кадетская каша еще на губахъ не обсохла.

Начались примѣрки и осмотры. Построили новое офицерство въ шеренги и велѣли идти рядами съ Петербургской стороны въ дворецъ Михаила Павловича. Выстроили сначала въ манежѣ, еще осмотрѣли и повели въ садъ. Великій князь осмотрѣлъ, что называется во всей подробности, каждаго по одиночкѣ, сдѣлалъ наставленіе, постращалъ, поздравилъ и разрѣшилъ обновить форму. Всякій собрался бѣжать куда глаза глядятъ, но дальнѣйшія соображенія были охлаждены приказаніемъ генерала Пущина явиться всѣмъ въ Дворянскій полкъ не позже 9 часовъ.

Черезъ два дня начали принимать присягу, а наканунѣ репетицію присяги. Я, въ силу званія офицера, считалъ достаточнымъ сказать дежурному офицеру, что ухожу въ городъ, но мнѣ предложили еще разъ, уже послѣдній, получить по прежнему порядку билетъ за подписью ротнаго командира. Долго хранилъ я этотъ билетъ, чисто кадетской формы, въ которомъ значилось, что предъявитель сего, лейбъ-гвардіи Волынскаго полка прапорщикъ NN, уволенъ изъ Дворянскаго полка въ отпускъ до 8 часовъ вечера, сего 12-го августа 1839 г.

Во время пребыванія въ Дворянскомъ полку я не успѣлъ вовсе ознакомиться съ Петербургомъ и, надѣвъ въ первый разъ офицерскую форму, пошелъ къ портному и оттуда куда попало. Къ удивленію встрѣтилъ на одномъ изъ мостовъ единственнаго извѣстнаго мнѣ господина, хорошаго знакомаго моего семейства. Онъ встрѣтилъ меня

очень ласково и пригласилъ ѣхать къ нему обѣдать въ Царское Село, сказавъ, чтобы я шелъ прямо на желѣзную дорогу, а онъ прибудетъ туда же, только съѣздивъ въ лавку. До поѣзда еще полчаса. Я, не зная дороги и боясь опоздать, спросилъ извощика, что возьметъ до вокзала? Назначилъ цѣлковый. Поѣздилъ я по какимъ-то закоулкамъ, торопя извощика и, наконецъ, прибылъ благополучно. На замѣчаніе мое, что извощикъ, кажется, взялъ дорого, мой знакомый расхохотался отъ души. Онъ объяснилъ, что мы встрѣтились на Семеновскомъ мосту и что станція была чуть не за слѣдующимъ домомъ. Извощикъ надулъ: понялъ съ кѣмъ дѣло имѣетъ.

Пріѣхали въ Царское. Ну, пообѣдали, погуляли, такъ, что я, какъ будто по обстоятельствамъ отъ меня не зависѣвшимъ на послѣобѣденный поѣздъ опоздалъ и остался до слѣдующаго. Пріѣзжаю въ Дворянскій полкъ около 9 часовъ, и первый, кого я встрѣтилъ, былъ дежурный по полку, потребовавшій тутъ же мою невинную полусаблю, объявивъ, что за неприбытіе къ назначенному въ билетѣ сроку Николай Николаевичъ, т. е. Пущинъ, приказалъ меня арестовать. Вотъ какъ пришлось обновить свою форму.

На другой день была присяга и актъ. Молодые офицеры выходили и получали подъ музыку, кто книги, кто часы и т. д. Такая роль офицеровъ намъ показалась странною, но здѣсь это было въ обычаѣ.

Вечеромъ объявили, что вновь произведенные дня черезъ два начнутъ отправляться изъ Петербурга по мѣстамъ службы. Въ то время объ отпускѣ тотчасъ послѣ производства никто не смѣлъ и думать, хотя другому такой отпускъ могъ быть куда какъ кстати.

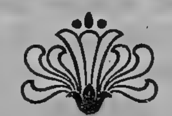
При выпускѣ, офицерамъ гвардіи давалось тройное жалованье на экипировку и, кромѣ того, годовое, въ видѣ пособія, такъ что, за окончаніемъ полнаго обмундированія, оставалось еще достаточно на скромное обзаведеніе кое-какими хозяйственными принадлежностями, а выпускавшимся не въ гвардію давалось только одно третное жалованіе, что̀ на теперешнія деньги составляетъ рублей около пятнадцати, а тогда, на ассигнаціи, составляло около двухсотъ, и на счетъ этой суммы строилась только та форма, какая была необходима, чтобы представиться начальству, т. е. киверъ съ различными украшеніями, фуражка, мундиръ и шинель. Сюртукъ даже не давался, и дорогу на почтовыхъ поѣзжай въ чемъ знаешь. Одна пара сапоговъ и двѣ смѣны бѣлья. Изъ всѣхъ денежныхъ ресурсовъ возлагалась надежда только на экономію отъ прогоновъ—она же должна была служить и источникомъ для пропитанія. Каково вступленіе въ ожидаемую новую жизнь съ офицерскимъ званіемъ, когда до того съ малолѣтства пріучали ходить по вѣчно блестящимъ паркетамъ. Пріучали мѣнять

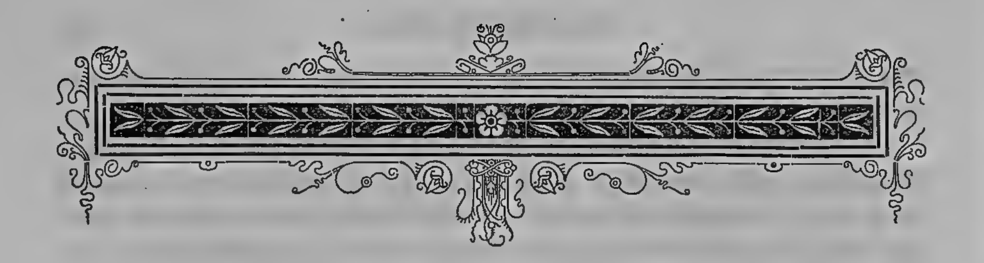
бѣлье два раза въ недѣлю и не лишали права быть разборчивымъ въ трехъ хорошихъ блюдахъ на обѣдъ и двухъ на ужинъ.

А что еще ожидало впереди! самому себѣ вѣрится съ трудомъ. Жалованье, какъ извѣстно, отпускалось не каждый мѣсяцъ, а по третямъ года, по прошествіи трети, съ тѣмъ чтобы на полученныя деньги умѣть прожить слѣдующіе четыре мѣсяца. Произведенные 8-го августа разсчитывали, по прибытія къ своимъ частямъ, получить, хотя, гроши, но все-таки получить, что причтется съ 8-го августа по конецъ трети, т. е. по 1-го сентября. Всю эту бухгалтерію многіе, по необходимости, очень скоро узнали, но по прибытіи въ свои части, узнали, что прежде всего изъ предстоящихъ денежныхъ выдачъ будетъ удержано мѣсячное жалованье за чинъ, да потомъ еще гдѣ на библіотеку, гдѣ на доктора или на церковь, гдѣ въ офицерскій капиталъ, и, въ концѣ концовъ, всѣ вновь выпущенные, 1-го сентября, могли приложить только руку въ казначейской книгѣ, а какъ жить и пробавляться предстоявшіе четыре мѣсяца, предоставлялось разрѣшать изобрѣтательности каждаго по-своему.

25230

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сибирскiе скопцы [1]).

(Историко-бытовой очеркъ).

II.

Радѣнія скопческія заключаются въ пѣніи, сопровождающемся разными тѣлодвиженіями, которыя скорѣе походятъ на танцы, чѣмъ на скромную молитву. Мотивъ пѣсенъ напоминаетъ „По улицѣ мостовой“. Пѣсенъ множество, это цѣлая скопческая поэзія, неуклюжая по формѣ и часто безсмысленная по содержанію. Воспѣваются, главнымъ образомъ, Искупитель, второй сынъ Божій, т. е. Петръ III, и богородица, Акулина Ивановна, т. е. императрица Елизавета Петровна. Имя Христа упоминается неопредѣленно, и можно думать, что оно скорѣе относится къ лицу того же Петра III, либо имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ хлыстовщинѣ. Петръ III называется честь-державой, гостемъ богатымъ (скопцы любятъ богатство), также святымъ духомъ, духомъ утѣшителемъ, государемъ-батюшкой, золотымъ орломъ и бѣлымъ орломъ-страдателемъ, россійскимъ соловьемъ и хозяиномъ-корабельщикомъ. Онъ, какъ воплотившійся богъ, изображается частію въ земной своей жизни, какъ страдающій на землѣ, частію въ небесной—сидящимъ на престолѣ, куда скопцы обращаютъ свои моленія и ходатайства. Наступитъ время, когда онъ будетъ судить всѣхъ вѣрныхъ и невѣрныхъ. Скопцы, называемые матросами, пташечками и виноградным садомъ, постоянно чувствуютъ себя виноватыми передъ вторымъ Искупителемъ своимъ, потому, что живутъ не такъ, какъ онъ заповѣдалъ. Главная вина ихъ заключается въ разнузданности плоти и буйствѣ духа. Прося прощенія у Искупителя, они въ то же время просятъ у него заступничества въ претерпѣваемыхъ гоненіяхъ отъ невѣрныхъ іудеевъ, т. е.

---

[1]) См. „Русская Старина“ іюль 1905 г.

правительства. Радѣнія скопческія подраздѣляются на слѣдующіе виды:

А) Корабельное радѣніе, которое состоитъ въ томъ, что всѣ скопцы, одѣтые въ бѣлыя, длинныя рубахи, каждый съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ, одинъ конецъ котораго подается въ руку другаго, рядомъ стоящаго, и такимъ образомъ платки служатъ связующимъ звеномъ между всѣми,—образуютъ кольцо, которое колышется, извиваясь подъ тактъ пѣсни. Каждый какъ будто стремится догнать своего сосѣда и такимъ манеромъ бѣгаютъ одинъ за другимъ. Пѣсни, входящія въ составъ корабельнаго радѣнія, большею частію слѣдующія, и начинается оно всегда однимъ и тѣмъ же распѣвомъ:

1.

Благослови насъ, государь батюшка родной,
Повели намъ, гость богатый, дорогой,
Про твою милость, батюшка, намъ спѣть,
Про твое, государь, сошествіе, про житье,
Что приходитъ на насъ грѣшныхъ забытье.
Забыли всѣ мы разумы—умы,
Мы поставлены на дорожкѣ, на пути,
Обѣщались служить, батюшка, тебѣ;
Мы душами и плотями отдалились,
Сколько силы нашей, государь, мочи есть,
Мы повинны предъ тобой, государь.
Какъ намъ, батюшка, отдать отвѣтъ,
А мы съ батюшкой совѣтовали совѣтъ,
Чтобы батюшка отъ всѣхъ просьбу принялъ,
Духи бурные унялъ.
Чтобы батюшка во всѣхъ грѣхахъ простилъ,
И благовѣстника свята духа спустилъ;
Помиловалъ бы насъ, грѣшныхъ, похранилъ,
Непорочнымъ своимъ даромъ подарилъ,
И небеснымъ своимъ покровомъ покрылъ.
Мы прославимъ своего батюшку отца,
И до вѣку, до конца.
Богу слава, честь, держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

2.

Искупитель батюшка,
Надежда великая,
Держава крѣпкая.
Держава свѣтъ нашъ батюшка,
Покровы небесные,
Во всѣ сердца вложилъ искру божественную,
А нонче, батюшка, сокровище тайное,
Свѣтъ ты нашъ укрылся,
Крѣпко затворился.
Нигдѣ мы батюшку, нигдѣ не отыщемъ.

Приди къ намъ, батюшка, пастырь пребожественный
Пробуди сердца наши, темнотой сокрытыя
И въ умахъ забытыя.
А нонче, батюшка, пастырь пребожественный,
Свѣтъ ты къ намъ явился,
Слезами залился.
Богу слава, честь, держава и т. д.

Въ этой, какъ и въ другихъ, пѣсняхъ скопцы подъ вліяніемъ экстаза воображаютъ, что ихъ Искупитель батюшка, услышавъ ихъ просьбу низойти къ нимъ, дѣйствительно какъ бы присутствуетъ уже между ними, и бесѣдуетъ съ ними.

3.

Вы избранные мои,
Вамъ показаны раи.
Идете прямо въ рай
И на спасителя взирай!
Смотрите, други мои,
Не оступитеся на край;
Вы живете на землѣ близъ синяго моря,
Не дѣлайте въ будущемъ душамъ своимъ горя.
Не забудьте вы про то,
Кто порукою за васъ
Смотрите, други,
Чтобы свѣтъ въ васъ не угасъ.
Кто безъ свѣта то пойдетъ
Тотъ и самъ въ муку зайдетъ,
А мнѣ это Богу жаль,
Вы достались мнѣ не шаль (не зря).
Какъ во Тулѣ то страдалъ
Обо всѣхъ васъ вспоминалъ,
И оковы то носилъ
Обо всемъ Бога просилъ.
Крестъ распятый претерпѣлъ,
Пташку райскую вамъ пѣлъ,
Глаголовалъ, говорилъ,
Чистоту хранить велѣлъ
Храните вы чистоту,
Не забуду на свѣту.
Богу слава и т. д.

Этотъ распѣвъ поется при приводѣ неофита въ секту, и всегда при одномъ только корабельномъ радѣніи. „Въ Тулѣ страдалъ"— здѣсь скопцы разумѣютъ Искупителя своего. По указанію однихъ Селивановъ въ 1770-хъ годахъ былъ арестованъ первоначально не въ Моршанскѣ, а въ Тулѣ; вообще же исторія скопцовъ не отличается точностію.

4.

Надо, братцы, намъ собраться
Во единый во соборъ,
Крѣпко думушку подумать
Про между самихъ собой.
Горьки слезушки прольемъ,
Съ неба птичку созовемъ
Мы россійскаго соловья,
Чтобъ пропѣлъ намъ всѣ дѣла,
Что садилъ вездѣ сады,
И онъ самъ свѣтъ поливалъ.
Богу слава, честь, держава.

Птица „райскій соловей", какъ было сказано, это—Искупитель, а сады—это скопческіе кружки, организаціи или секціи. „Поливалъ" значитъ, училъ, проповѣдывалъ.

5.

Мы сойдемся, други милы, побесѣдуемъ, любезны,
Про нонѣшни времена, какъ апостолы пророки поднимались въ небеса.
Видно, правдой они жили,
Чистоту дѣвства хранили,
Въ домахъ лести не творили,
Клеветы—лжи не складали,
Только плакали, рыдали,
Своей вѣрой, чистотой
Духовъ злыхъ изгоняли.
Богу слава и т. д.

6.

Запоемъ Христосъ воскресе
Во соборѣ теперь здѣся,
Станемъ просить отъ престола,
Что не даютъ намъ жить въ просторѣ,
Всегда гонятъ, тѣснятъ, бьютъ,
Пущай мучаютъ до смерти,
А мы съ радостью претерпимъ,
Хоть сидимъ теперь въ острогѣ,
Скованы руки у насъ, ноги.
О! Предвѣчный нашъ Судья!
Дай терпѣнія намъ, помочи (силы)
Научи слово сказать,
Какъ тебя намъ величать.
Поютъ предъ нами пророки,
Объявляютъ всѣ пороки.

Зависть нами овладѣла,
Благодати у насъ не стало,
Вселилась гордость въ насъ,
Оборвала со всѣхъ снасть.
Сине море колыхало,
По лѣсамъ вода разлилась,
Корабли всѣ обмелѣли
И матросы разошлися.
А хозяинъ ихъ корабельщикъ
Выступаетъ на корабль,
Выступаетъ правой ногой,
Затрубитъ златой трубой.
Матросы на гласъ сошлися,
Виноватыми нашлися.
А хозяинъ ихъ корабельщикъ
Всѣ вины онъ имъ прощаетъ
И впредь дѣлать запрещаетъ,
Велитъ сильно работать
И веслами выгребать.
Вдругъ веслами гребануть,
Матерь Божью вспомянуть.
Матерь Божья умилилась,
Въ кораблѣ у насъ явилась.
Хозяинъ ей поклонился
За престоломъ съ ней садился.
Пошла служба, гласъ и пѣнье
Всѣмъ матросамъ на утѣшенье.
Вдругъ матросы закричали:
Мы сердцами теперь здравы!
Выплывать будемъ изъ моря,
Не сдѣлаемъ душамъ горя.
Тяжело якорь закинемъ,
Корабль въ морѣ не покинемъ.
Богу слава, честь, держава!

7.

Благослови тайный синодъ
Своихъ вѣрныхъ сиротъ,
На святомъ Божьемъ пиру
Хвалу Господу воздать,
Намъ свята духа созвать,
Чтобъ онъ нашъ государь
Съ седьмаго неба сошелъ
И по древячкамъ прошелъ.
Никого онъ не просилъ,
И вселился свѣтъ въ него,
Пошелъ глаголь отъ него.
Идетъ слово отъ пророка:
А еще, мои любезные,

Скажу Божье вамъ слово,
Чтобъ казна была готова,
Неявная, братцы, тайная
Идетъ съ неба, други, манная.
Не откладывайте времена,
Собирать буду сѣмена.
Поставь гдѣ зерцалъ,
А самъ пойду по сердцамъ.
Растворятся узы-двери,
Издивятся архиреи,
Всѣ явные сенаторы
Великимъ его страдамъ.
Нашъ батюшка государь
Онъ послѣдній разъ страдалъ.
Умились, мой Саваоѳъ,
Волю твою творю,
Всѣмъ праведнымъ говорю,
Законъ хранить велю.
Дорогая, братцы, птица
Скоро свѣтъ являетъ.
Богу слава и т. д.

Б) Круговое или кружковое радѣніе, заключающееся въ томъ, что каждый скопецъ, стоя на одной ногѣ, вертится подъ тактъ слѣдующихъ распѣвовъ:

8.

Пойте, пташки, во саду,
Разгуляться къ вамъ иду,
Воспой, молодецъ творецъ,
Чтобъ услышалъ Богъ отецъ,
Послалъ золотой вѣнецъ.
А я, искупитель, прикажу
Вы затеплите сердечную свѣчу.
Поскорѣе убирайтесь во уборъ,
Позову всѣхъ на судъ, будетъ переборъ.
Вѣрныя мои дѣтушки будутъ горевать,
Плакать и рыдать,
Искупителя буду въ сердцахъ часто вспоминать.
Скоро я, дѣтушки, буду у васъ.
Изъ Иркутска, дѣтушки, я прикачу,
Вы затеплите сердечную свѣчу.
Маловѣрныя дѣтушки будутъ горевать,
Плакать и рыдать.
Сквозь Москву надежда прикатитъ,
И въ Москвѣ чудеса онъ сотворитъ.
И безбожнымъ іудеямъ говоритъ:
Не живите вы іудеи со постомъ,
Вы гонители за Іисусомъ Христомъ.

9.

Государь нашъ родимый батюшка
Государыня наша матушка!
Вы задумали, наша матушка,
Изъ дворца укатить.
Онъ и честно, онъ и хвально
Благословилъ его крестомъ,
Моленіемъ и постомъ,
И чувствительнымъ крестомъ.
Здѣсь мы крестъ приподняли,
Своему брату отдали.
Не хочу быть царь-царемъ
И земнымъ я королемъ.
Потому я оставляю
Всю земную суету,
Свою ленту голубую,
Свою шпагу золотую.
Ангелъ божій шпагу взялъ
И на престолъ ее поднялъ,
Честнымъ ангеломъ назвалъ,
Въ небо рученьки поднялъ
И во вторую жизнь подѣялъ,
Во вторую жизнь взялъ,
Во второе перекрестился,
По бѣлу убѣлился.
Богу слава и т. д.

Изъ этой пѣсни видно, что скопцы обрѣзаніе называютъ вторымъ крещеніемъ.

10.

На горѣ-горѣ, на Сіонскіѣ, Преображенскіѣ
Стояла тамъ церковь соборная,
Соборная и богомольная,
Со свѣчами она ерусалимскими,
Со крестами она съ позлащенными,
Со стѣнами она драгоцѣнными,
Драгоцѣнными, безцѣнными.
Съ ними богъ богамъ
И съ ними царь царямъ,
Съ ними вся силушка несчетная,
Они кормщики, корабельщики,
Именитые, знаменитые,
Все скопцы, бѣльцы,
Все страдатели земли греческой (?!)
Они скуплены искупителемъ
И святымъ духомъ утѣшителемъ.
Богу слава, честь, держава.

Въ этой пѣснѣ слова „богъ богамъ“ указываютъ на то, что по представленію скопцовъ богъ не одинъ, а есть какъ бы и другіе боги.

11.

Богъ живой къ намъ безсмертный
Обѣщался къ намъ явиться,
Отъ страдовъ (страданій) освободиться,
Изъ неволи прикатиться.
Поспѣшайте, мои други,
Сердечные храмы строить,
А жива бога спокоить.
Запѣвайте гласы новы,
Что Христосъ у насъ воскресе
И пасха нова наготовѣ.
Со слезами вы примите,
Въ небо руки поднимите,
Жалкій голосъ подавайте,
И ни объ чемъ не унывайте.
Что Христосъ у насъ воскресе
И въ соборѣ съ нами здѣся.
Вы просите, не убойтесь,
Въ моемъ кладезѣ умойтесь;
Тогда будете вы бѣлы,
Поведу васъ въ райски предѣлы.
Увидите тогда сами,
Какъ Господь да будетъ съ вами,
Будетъ съ вами обитать
Во крылахъ будетъ летать.
Богу слава и т. д.

12.

Какъ во нонѣшнее время,
При матушкѣ, при царицѣ
Акулинѣ Ивановнѣ,
Какъ расплакались сироты,
Поклонилися ей въ ноги,
Просили силы и помоги,
Чтобы землю обновить,
Гордость, лѣность истребить.
Богу слава и т. д.

13.

Блаженный, преблаженный,
Блаженная твоя часть
Не могла къ тебѣ прикачнуться (прикоснуться)
Никая больша страсть.
Колесница громомъ гласитъ,
На землѣ жилъ и былъ спасенъ
И засудилъ божіимъ судомъ.
Плоть на части изрывалъ,
Во трудѣ и вѣрѣ пребывалъ,
Плоть слезами обмывалъ
Къ себѣ грѣшныхъ призывалъ
Богу слава и т. д.

14.

Небесныя райскія пташечки
Во зеленый садъ солетались,
Они жалко сгорьковались (стосковались),
Всѣ батюшки сгоревалися,
Съ бѣлымъ орломъ, со страдателемъ.
Долго агнецъ на страданіи пребывалъ
И пташекъ къ себѣ призывалъ,
Долго пташки не видались,
Съ бѣлымъ орломъ, со страдателемъ.
Негдѣ, агнцы, и гнѣздышка мнѣ свить,
Вездѣ вижу я хищныхъ птицъ,
Не даютъ житья—покоя на землѣ.
Богу слава и т. д.

15.

На востокѣ растетъ садъ,
Расцвѣталъ бѣлъ виноградъ.
Названъ былъ тотъ Питеръ градъ.
Во садочкѣ златъ орелъ,
Безпрестанно жалко пѣлъ,
Райскихъ пташекъ жалѣлъ.
Онъ всегда ихъ утверждалъ,
Подъ деснымъ крыломъ держалъ,
Самъ всегда намъ подтверждалъ:
Вы идите, не убойтесь,
Въ моемъ кладезѣ умойтесь,
Тогда будете вы бѣлы,
Поведу въ райски предѣлы.
Увидите тогда сами,
Что живой богъ будетъ съ вами.
Онъ васъ будетъ подтверждать
И царствіе обѣщать,
Будетъ съ вами обожать,
Въ тайнѣ праздникъ совершать.
Богу слава и т. д.

В) Крестовое радѣніе скопцы становятся въ нѣсколько паръ другъ противъ друга. По формѣ это первая фигура французской кадрили, толька разница въ томъ заключается, что не берутъ другъ друга за руки, а все остальное есть копія съ этой фигуры. Поются распѣвы: „Надо, братцы, намъ собраться“, „Мы сойдемся, други милые“, и затѣмъ продолжаютъ:

16.

На восточной было на сторонушкѣ
При большой, при буйной дороженькѣ,
Выросталъ зеленый виноградъ—садъ.
Среди того садику винограднаго

Выростало древячко кипарисное.
На древячкѣ цвѣтики цвѣты царскіе,
На цвѣтахъ птицы райскія.
Среди того садику винограднаго
Выростало древячко благодатное,
Выростало древячко до седьмыхъ небесъ.
Сотворило древячко много чудесъ.
Расцвѣлъ въ немъ бѣлый цвѣтъ
Во весь бѣлый свѣтъ.
То-то было времячко, золотые года,
Наслаждались пташечки счастливой порой,
Счастливой порой, красной весной.
А царемъ былъ у пташечекъ золотой орелъ,
Воспитывалъ онъ пташечекъ духовной ѣдой,
А поилъ онъ пташечекъ живой водой,
Сберегалъ онъ пташечекъ подъ своимъ крыломъ,
А когда придетъ, други, лѣто теплое
Зайдутъ на васъ тучи грозныя,
Поднимутся воздухъ, вѣтры буйные.
Зашумятъ на васъ, дѣтушки, лѣса темные,
Закричатъ на васъ, дѣтушки, враны черные,
Возьмутъ меня золота орла за оба крыла,
Поведутъ отъ дѣтушекъ, широка двора,
Запрутъ меня золота орла въ тѣсну клѣточку,
Долго не услышите обо мнѣ вѣсточку.
Вѣрны мои дѣтушки будутъ вспоминать,
Будутъ меня вспоминать, плакать и рыдать.
А невѣрны дѣтушки станутъ забывать.
Безъ поры, безъ времячка завянетъ мой садъ,
Многи деревьица отправятся назадъ.
Исполните, дѣтушки, мои словеса,
Сотворю я, дѣтушки, многи чудеса,
Вспомните, дѣтушки, тому дѣлу быть.

17.

Какъ по морю, морю синему,
По синему морю, по житейскому
Плывутъ три корабля,
Да три большіе,
Съ товаромъ благолѣпнымъ и безцѣннымъ.
На немъ кормщики петербургскіе,
Работнички все, московскіе гребцы;
Они такъ плывутъ, что крылами машутъ.
На восточной было на сторонушкѣ,
На восточную на сторонушку
Во тые церковь, во соборную.
И тамъ то вамъ, братцы, переборъ будетъ —
Не беретъ государь золота, серебра,
Только беретъ государь вѣру, радѣнія,

Плачъ, моленія,
Сердечнаго попеченія.
А по сверхъ того любовь Божію
Съ добродѣтелью.
Богу слава, честь, держава.

Скопцы Олекминскаго округа распѣвомъ „По синему морю“ отличаются отъ другихъ скопцовъ, у которыхъ слово „синій“ замѣняется словомъ „хрустальный“. Скопцы, молящіеся „по хрустальному морю“, у олекминцевъ носятъ названіе громовъ, иначе „кавказцевъ“, которыхъ, впрочемъ, есть извѣстный % и въ г. Олекмѣ; но этотъ процентъ незначительный. На Кавказѣ, по скопческой географіи, есть самая высокая гора въ свѣтѣ — Сіонская. На этой горѣ — большое дерево (дубъ), имѣвшее дупло. Одинъ изъ скопцовъ, разъ пророчествуя въ соборѣ, сказалъ, что Богу будетъ очень пріятно, если въ слѣдующій разъ моленіе будетъ совершено близъ дерева, на горѣ. Въ слѣдующее радѣніе скопцы такъ и сдѣлали. Ловкій пророкъ помѣстилъ въ дупло дерева, имѣвшаго отверстіе, въ которое могъ свободно входить человѣкъ, одного изъ своихъ пріятелей секретно. О пріятелѣ онъ сказалъ всѣмъ прежде, что тотъ боленъ, и явиться на радѣніе не можетъ. Послѣ радѣній, когда опять пророкъ началъ пророчествовать, то вдругъ, къ великому изумленію, слышатъ изъ дупла гласъ трубный въ такомъ родѣ: Братія! Скоро придетъ на землю Искупитель батюшка судить царей земныхъ и невѣрныхъ слугъ, приготовьтесь къ его встрѣчѣ, продайте все имущество и деньги вручите вашему пророку, который сейчасъ пророчествуетъ, а сами въ это время открыто проповѣдуйте слово божіе и успѣвайте какъ можно больше пріобщить въ истинное стадо Христово невѣрныхъ. Ибо часъ пришествія Искупителя близокъ.

Всегда хитрые скопцы на этотъ разъ оказались недалекими, продали все свое имущество и деньги отнесли пророку, который, захвативъ ихъ, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, скрылся. Скопцы, въ первое же воскресеніе, собрались около православной церкви толпой; въ церкви совершалось богослуженіе. Когда оно окончилось и народъ сталъ выходить, скопцы, останавливая его, говорили: „братія, покайтесь во грѣхахъ, скоро настанетъ часъ судный“. За такую проповѣдь всѣ скопцы были жестоко избиты православными, арестованы и затѣмъ сосланы въ Сибирь, въ Якутскую область.

18.

Царство, ты царство небесное (иногда духовное)
Во тебѣ во царствіи благодать вселилася,
Праведные люди въ тебѣ пребывали.
Они въ тебѣ живутъ, ни о чемъ не упываютъ,

Надежду на Господа всегда спокладають,
На духа свята крѣпко уповають
Во этомъ во царствіи сады превеликіе и древы плодовитыя.
По этому садику батюшка гуляетъ,
Духъ святой катаетъ,
Съ древъ плодовитыхъ плоды собираетъ,
Во единомъ мѣстечкѣ онъ ихъ сохраняетъ.

Распѣвовъ на этомъ радѣніи поется мало; но на двухъ первыхъ поется очень много; всѣхъ ихъ существуетъ до 200. Послѣ вышеозначенной молитвы поютъ: „Экая радость, экая милость, экой духъ святой“ безчисленное множество разъ; чѣмъ это радѣніе и заканчивается.

Иногда бываютъ еще слѣдующія формы моленія:

1) Колесница. Становятся съ одной стороны человѣкъ 10—20 и съ другой тоже, образуя прямую линію, на извѣстномъ разстояніи линія отъ линіи. По срединѣ становится пророкъ или учитель и, послѣ знака, даннаго пророкомъ или учителемъ, одна линія идетъ за другой на небольшомъ разстояніи по солнцу; при этомъ поютъ распѣвы, какіе вздумается.

2) Солнце. Ходятъ по одиночкѣ другъ за другомъ всѣ, образуя кругъ. Потомъ распѣвъ, какой Богъ на душу положитъ.

3) Мѣсяцъ. Изображается кольцо изъ всѣхъ наличныхъ скопцовъ, присутствующихъ на моленіи. Стоя безъ движенія, на одномъ мѣстѣ, поютъ, что вздумается.

4) Звѣзды. Стоятъ всѣ на одномъ мѣстѣ, образуя кольцо. Въ срединѣ стоитъ пророкъ. Когда онъ пропоетъ: „Духъ святой, духъ“, и повернется къ солнцу на одной ногѣ, тогда и всѣ, составляющіе кругъ, дѣлаютъ то же и поютъ: Духъ святой, духъ“ и проч. Это означаетъ, что какъ звѣзды стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, такъ и скопцы, въ этотъ моментъ, изображая ихъ, должны стоять тоже неподвижно.

Четыре послѣднія формы радѣній бываютъ не всегда, а когда вздумается.

Послѣ окончанія всѣхъ этихъ радѣній или трехъ первыхъ, всегда бываетъ общій судъ, замѣчательный не только тѣмъ, что здѣсь пророкъ разыгрываетъ роль бога, но еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ для тѣхъ или другихъ скопцовъ. Учитель, хотя и присутствуетъ на судѣ, но болѣе въ качествѣ зрителя.

Пророкъ выходитъ на средину, крестится по скопческому обряду, т. е. обѣими руками, сложа ихъ на груди, имѣетъ въ правой рукѣ покровъ, зажмуриваетъ глаза. Всѣ скопцы стоятъ въ этотъ моментъ на колѣнахъ, окружая пророка. Ему одному лишь позволяется стоять,

По обряду, затѣмъ, онъ говоритъ: „ну, Христосъ, други, воскресе, самъ батюшка съ вами здѣся (я)“. Затѣмъ онъ поетъ: „экая радость, экая милость, экой духъ святой“ нѣсколько разъ. Когда это надоѣстъ пророку пѣть, тогда онъ обращается къ тому, кого хочетъ судить, называя по имени, и поетъ:

Выходи-ко, возлюбленная душа,
Ко мнѣ, богу, на лицо.
Вотъ я богъ, да батюшка,
Искупитель твой отецъ,
На тебя да погляжу,
Я тебя да накажу [1]),
Я тебя да награжу [2]),
Снаряжу вотъ я тебя [3]),
Въ постелю уложу [4]),
Золотую трубу съ неба сошлю [5]).

Пророкъ обязанъ непремѣнно говорить экспромптомъ стихи, и въ эти стихи вкладывается все, что Богъ ему на душу положитъ. Съ фанатиками пророкъ иногда поступаетъ такъ. Если онъ скажетъ вызванному на судъ: „ты возлюбленна душа пойдешь скоро въ небеса“, то фанатикъ и всѣ скопцы это понимаютъ такъ, что фанатикъ скоро долженъ умереть неестественной смертію. Послѣ этого другіе скопцы зорко слѣдятъ за такимъ и наблюдаютъ, приготовляется ли онъ къ смерти. Приготовленіе заключается въ томъ, что человѣкъ, если онъ совершенно здоровъ, то не ѣстъ и не пьетъ ничего въ теченіе 5—6 сутокъ, именно до тѣхъ поръ, пока не умретъ отъ голода. Если случится радѣніе въ непродолжительномъ времени, то пророкъ, вызывая приговореннаго къ смерти, поетъ, что вѣнецъ уже готовъ и за нимъ (скопцомъ) съ неба ангелы сошли. Скопецъ же фанатикъ усиленно постится и умираетъ отъ голода. Но если будетъ замѣчено, что приговоренный къ смерти слабъ, то его другіе запираютъ куда-либо въ сарай, не давая ему ни пить, ни ѣсть, гдѣ онъ и умираетъ. Умершій отъ голода считается святымъ, и кончину его чтутъ при каждомъ радѣніи. Пророкъ, въ слѣдующій разъ, уже пророчествуя, говоритъ: „помолимся, братіе, за усопшаго святаго Петра или Ивана,

---

[1]) Накажу—это означаетъ, что если пророкъ такъ скажетъ, то богъ прогнѣвался за что-то на скопца и хочетъ наказать его, а чѣмъ,—это зависитъ уже отъ пророка.

[2]) Подразумѣвается „богатствомъ“.

[3]) Подразумѣвается „на небеса“. Это означаетъ, что надо умереть.

[4]) Это означаетъ, что богъ наказываетъ болѣзнью.

[5]) Золотая труба здѣсь означаетъ какъ бы даръ пророчества. Слѣдовательно, богъ хочетъ, чтобы такой-то былъ пророкомъ.

душенька его воскресла, ликуетъ въ небесахъ, а мощи его нетлѣнны". О кончинѣ такого святаго повсемѣстно не извѣщается, но въ ближайшихъ мѣстностяхъ святой этотъ непремѣнно дѣлается извѣстнымъ, и память его чтится каждогодно, какъ святаго. Такихъ святыхъ у скопцовъ много. Если человѣкъ отказывается отъ голодной смерти и не вѣритъ, что Богъ ждетъ его душеньку въ небесахъ, то въ слѣдующее моленіе ему пророкъ, въ видѣ укоризны, говоритъ: „ты не вѣришь слову божію, живи и наслаждайся".

Послѣ того, какъ пророкъ скажетъ кому такое слово, этотъ человѣкъ имѣетъ уже право на слѣдующемъ радѣніи пророчествовать. Обращеніе „Золотую трубу съ неба сошлю" имѣетъ мѣсто не всегда, впрочемъ, а лишь въ томъ случаѣ, когда самъ пророкъ, по старости или болѣзни, чувствуетъ приближеніе смерти.

У женщинъ какъ радѣнія, такъ и все прочее происходитъ такъ же, какъ и у мужчинъ, съ той лишь разницей, что у мужчинъ пророкомъ и учителемъ можетъ быть и женатый, а у нихъ всегда пророчицей и учительницей должна быть не бывшая въ замужествѣ.

Радѣнія заканчиваются обыкновенно чаепитіемъ, передъ которымъ поютъ:

Явленскія дѣтки за святымъ столомъ сидѣли,
Они пили, они ѣли, наслаждались,
Живымъ богомъ, духомъ утѣшались,
Прикасались за книги, за евангельскія.

Затѣмъ поется „царство ты, царство" и проч.

За исключеніемъ указанныхъ обрядовъ, въ радѣніяхъ скопцовъ, составляющихъ культъ ихъ общественныхъ богомоленій, не существуетъ, кажется, никакихъ другихъ символическихъ выраженій вѣры. Всѣ таинства, какія признаются православной церковію, скопцами отрицаются. Нѣкоторыя изъ этихъ таинствъ, какъ, напр., бракъ, скопцамъ не нужны въ силу того, что скопецъ есть какъ бы вынужденный монахъ. Причащеніе, говорятъ скопцы, не можетъ существовать въ такомъ видѣ и формѣ, какъ у православныхъ, и называютъ его кощунствомъ надъ тѣломъ и кровью Господней. На этомъ основаніи они утверждаютъ, что во время причащенія причащающійся принимаетъ не тѣло и кровь, а простой пшеничный хлѣбъ и виноградное вино, и что никакого причащенія быть не можетъ. Отрицаніе таинствъ имъ заповѣдалъ одинъ изъ видныхъ основателей секты А. И. Шиловъ. Вотъ что говорятъ по этому поводу скопцы.

Шиловъ изъ Риги былъ привезенъ слугами антихриста въ Шлиссельбургскую крѣпость. Сидя въ ней, разъ къ нему зашелъ комендантъ крѣпости и началъ вести религіозные споры и, между про-

чимъ, коснулись и таинства. Шиловъ, понятно, ихъ отрицалъ, говоря, что православный во время причастія принимаетъ не тѣло и кровь, а хлѣбъ и вино. Тогда ему комендантъ сказалъ, что если ты помрешь, то я прикажу тебя похоронить какъ собаку въ болотѣ, а Шиловъ ему на это отвѣтилъ, что если ты это сдѣлаешь, то будешь безъ рукъ и безъ ногъ. Черезъ три года комендантъ такъ и сдѣлалъ. Когда померъ Шиловъ и комендантъ дѣйствительно лишился рукъ и ногъ ровно черезъ три года. Онъ тогда велѣлъ выкопать тѣло Шилова изъ болота, которое за три года нисколько не разложилось и осталось такимъ, какимъ было прежде. Тогда комендантъ увѣровалъ въ святость Шилова, потому что послѣ этого руки и ноги у него сдѣлались нормальными, а Шиловъ похороненъ на Преображенской горѣ, противъ собора, куда скопцы тайно ходятъ и кладутъ на могилу его баранки, булки и прочее. Этотъ хлѣбъ почитается у нихъ за святой и разсылается всюду своей братіи, но это все-таки не есть таинство причащенія.

Относительно загробной жизни скопцы думаютъ, что одного оскопленія мало для того, чтобы войти въ царствіе небесное, а нужно вести себя всю жизнь такъ, какъ предписываетъ законъ скопческій. Отъ скопцовъ можно услышать еще такой разсказъ относительно могущества ихъ спасителя, еще при жизни его, надъ загробной жизнью.

Когда живъ былъ Селивановъ, то померъ какой-то учитель. Приходятъ къ нему скопцы и говорятъ: „Искупитель батюшка, гдѣ находится душенька умершаго?“ „А вы какъ думаете?“ спрашиваетъ искупитель. „Въ раю, говорятъ скопцы, потому что человѣкъ былъ праведной жизни“. „Въ аду, отвѣчаетъ искупитель. Душа его посажена туда Богомъ на одну тысячу лѣтъ“. Скопцы говорятъ: „помилуй, государь батюшка, душеньку“. Тогда искупитель сбавляетъ срокъ на 500 лѣтъ, затѣмъ на 300. Въ концѣ этого торга или переговоровъ искупитель дѣлаетъ руками знакъ, что какъ будто онъ досталъ изъ ада душеньку, поднялъ ее кверху и отправилъ въ небеса. Къ этому скопцы присовокупляютъ, что отпадшій отъ скопчества, прежде чѣмъ войти въ царствіе небесное, долженъ обязательно для очищенія души своей вселиться на извѣстное, опредѣленное Богомъ, время въ какое-либо животное, а затѣмъ уже Богъ введетъ въ царствіе небесное такую душу. Изъ всего этого видно, что скопчество, заключая въ себѣ очень мало христіанскаго, не чуждо, однако, примѣси языческихъ идей, неизвѣстно, откуда скопцами позаимствованныхъ.

Къ обрядовой сторонѣ религіи относятся также и похороны скопцовъ. На умершаго надѣвается чистое, бѣлое бѣлье. Если таковаго нѣтъ, то одѣваютъ во что попало, обмываютъ трупъ, а затѣмъ учитель съ другими поютъ: „Святый Боже, святый крѣпкій“ и проч.

Пророкъ пророчествуетъ, отправляя душу умершаго въ небеса, говоря, что онъ видитъ, какъ ангелы сходятъ съ неба, и беретъ эту душеньку. Скопцы-фанатики увѣрены въ томъ, что пророкъ видитъ ангеловъ. „Вотъ полки полками, говоритъ онъ, понесли душеньку, несутъ ее къ престолу, искупитель батюшка принимаетъ ее за бѣлы рученьки; она уже ликуетъ съ ангелами и архангелами". Затѣмъ поютъ всѣ хоромъ: „Христосъ воскресе", и говорятъ между собою, что душа вознеслась на небеса. Эта церемонія бываетъ въ домѣ. Послѣ этого торжественно несутъ покойника съ пѣніемъ „святый Боже" на кладбище, гдѣ и зарываютъ въ землю.

Скопческія кладбища всегда отдѣлены отъ православныхъ. У женщинъ порядокъ при погребеніи тотъ же, только обмываетъ, понятно, женщину женщина же Если нѣтъ скопчихи, то обмываетъ и одѣваетъ ее мірянка, а хоронятъ уже мужчины. На кладбище ее везутъ на лошади, но не несутъ, какъ мужчину. Въ могилу опускаютъ на веревкѣ.

Скопцы чтутъ слѣдующіе праздники: 29-го іюля—день страданій Искупителя. Въ этотъ день обязательно ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Праздникъ продолжается отъ одного до семи дней.

22-го октября—день Елизаветы (Акулины Ивановны).

День Святой Троицы празднуется не два дня, какъ у православныхъ, а три. Первый день празднуется Отцу, второй Сыну и третій Духу святому.

17-го сентября—Вѣры, Надежды и Любви.

Это такъ скопцами и понимается буквально. *Вѣра* значитъ то, что только одни скопцы есть истинно вѣрующіе, *Любовь*, что только у нихъ однихъ и можетъ существовать братская любовь, *Надежда* же означаетъ, что долженъ каждый имѣть вѣру въ третье пришествіе Спасителя-Искупителя, который придетъ и будетъ судить грѣшниковъ, а праведниковъ возьметъ къ себѣ.

День Иннокентія иркутскаго скопцами празднуется, но празднованіе переносится на 24-е іюня, на томъ основаніи, что православные, присвоивъ себѣ этого святаго, неправильно его называютъ Иннокентіемъ, а онъ не Иннокентій, а Иванъ, который шелъ вмѣстѣ съ Искупителемъ отъ Тобольска до Иркутска.

14-го апрѣля скопцы празднуютъ Мартына, т. е. Михаила Родіоновича Воронцова-Дашкова.

30-го августа празднуютъ Александра, т. е. Шилова.

Вообще, всѣ эти дни бываетъ постъ. Память умершихъ голодною смертію, по повелѣнію пророковъ, въ извѣстной мѣстности чтится, но ихъ численность опредѣлить невозможно, такъ какъ о смерти такихъ святыхъ не во всѣ концы вселенной сообщаютъ.

И.А.К.

Воровство у скопцовъ въ теоріи также считается тяжкимъ грѣхомъ. Если скопецъ украдетъ что-либо, то на него накладывается учителемъ эпитимія. Укравшій не долженъ ѣсть minimum три дня и maximum семь дней. Тѣмъ не менѣе кражи и присвоенія чужой собственности у нихъ существуютъ не только между собой, но каждый скопецъ не прочь присвоить себѣ что поцѣннѣе и полегче, не говоря уже объ обманахъ. Особенно не церемонятся съ отпадшими, но временно остающимися между ними, членами.

Скопческая мораль, какъ и вообще правила ихъ жизни спеціально выражены въ слѣдующихъ стихахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Наставленіе душѣ ангеловъ" (т. е. скопцовъ).

Христіанинъ, вѣруй въ Бога,
Богъ все взыщетъ съ тебя строго,
Въ путь спасенія спѣши,
Ты покайся, не грѣши.
Вѣрой, какъ щитомъ защищайся,
Постомъ страсти побѣждай,
И дѣлъ чужихъ не осуждай.
Въ жизни у насъ есть двѣ дороги,
Въ лѣво адъ, на право рай,
Ты любое выбирай.
Я буду тебя хранить,
Благодать съ неба манить.
Я врагу буду говорить:
Отойди, лукавый врагъ,
Огнемъ скоро попалю.
При крещеніи Христа явилась голубица,
Какъ снѣгъ бѣла и чиста.
Въ видѣ того было съ Ноемъ,
Его сдѣлали героемъ.
Возстала убыль воды,
Избавленіе той бѣды,
То-то былъ потопъ воды.
А теперь возвѣщеніе отъ грѣховной отъ бѣды.
Такъ не славься ты дѣвствомъ,
Одной тѣлесной чистотой.
И не думай получить небесное царствіе съ высотой.
Одно тѣло чистотой ты сохраняешь,
Но духъ помысломъ страшно оскверняешь.
Сохрани же ты душевну и тѣлесну чистоту.
Полетишь какъ голубь бѣлый въ небесну высоту.
Такъ нашъ истинный искупитель
Призывалъ въ вѣчную обитель. Аминь.

Итакъ вѣра въ Бога, постъ, неосужденіе чужихъ дѣлъ, или сохраненіе душевной тѣлесной чистоты, по выраженію пѣсни,—вотъ кодексъ скопческой морали.

Чуждаясь мірскихъ развлеченій, скопцы въ то же время не допускаютъ у себя и мірскихъ развлеченій. У нихъ есть свои пѣсни, которыя поются тогда, когда никто изъ мірянъ ихъ не слышитъ. Пѣсенъ такихъ, впрочемъ, не очень много. Вотъ образчикъ:

На заливѣ было Финскіимъ
На славномъ островѣ Аланскіимъ,
Что не бѣлый снѣгъ бѣлѣется,
Заалѣлися и забѣлѣлися
Удалые добры молодцы,
Добры молодцы, Аланскіе скопцы,
Они плачутъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ключи гремятъ,
Ключи гремятъ подземельные.
Глаголовалъ государь батюшка родной:
„Возлюбленные мои душеньки,
Чистые отроки непорочные,
О чемъ же вы слезно плачете,
Я за то васъ награждать буду,
Я конями богатырскими,
И вѣнцами амигранными,
Потерпите время малое,
Время малое и время тяжкое“.
„Государь, родной батюшка,
И какъ же намъ слезно не рыдать,
На насъ міръ—народъ ругается,
Тобой господомъ поношается,
Накладутъ на насъ молодцевъ
Тяжелы работы тяжкія,
И дадутъ уроки разные“.

Пѣніемъ сопровождается также и возвращеніе въ секту отпадшихъ ея членовъ. Замѣчательно однако же, что условія принятія отпадшихъ членовъ не строги, что указываетъ, какъ скопцы дорожатъ цѣлостію своей организаціи. Если членъ совратится съ пути истиннаго, т. е. отпадетъ отъ секты, а потомъ вернется обратно и будетъ просить прощенія у братства, то въ молебнѣ по этому поводу поютъ:

Воротись ко мнѣ, овечка,
Ожидать буду тебя.
Сотворенная ты мною,
Неужели хочешь позабыть,
Въ неволѣ скучной жить.
Веселитеся, избранные,
Что погибшій сынъ нашелся;
Онъ пришелъ къ отцу домой,
Онъ не смѣлъ сыномъ назваться,
Хоть просилъ рабомъ принять.

*

Но отецъ это не сдѣлалъ,
Чтобъ рабомъ сына принять,
Миловалъ его любезно,
И велѣлъ всѣмъ ликовать.
Богу слава, честь, держава.

Противъ отступниковъ нераскаянныхъ существуетъ пѣсня, занесенная сюда изъ Россіи лѣтъ 25 тому назадъ. Пѣсня эта начинается такъ:

Ослабѣли бѣлоневецкіе скопцы,
Не тѣмъ стали товаромъ торговать,
Побратались они съ турками (т. е. православными).

Далѣе говорится, что бѣлоневецкіе скопцы водку пьютъ и табакъ курятъ, къ мірянамъ въ гости ходятъ, бѣса тѣшатъ и совершенно позабыли истиннаго Бога, и такъ нравственно упали, что имъ больше уже никогда не подняться на ту высоту, на которой они стояли прежде; они сдѣлались даже хуже бусурманъ, неправды всякія чинятъ, и что когда придетъ сынъ Божій искупитель въ третій разъ, то онъ этихъ заблудшихъ совершенно отвергнетъ, вмѣстѣ съ бусурманами, и пошлетъ въ пекло къ діаволу.

Такимъ образомъ, по признанію самихъ скопцовъ, какъ оно выразилось въ пѣснѣ, нравственный уровень ихъ не находится на должной высотѣ. И дѣйствительно, теоретическая сторона ихъ ученія замерла на одной точкѣ, а нравственность все болѣе и болѣе падаетъ. Поэтому, мало-мальски мыслящіе скопцы, особенно изъ оскопленныхъ насильно, въ дѣтскомъ возрастѣ, обнаруживаютъ сильное стремленіе выйти изъ секты, а если не выходятъ, то для этого существуютъ причины, на которыя невѣрующіе указываютъ какъ на непреоборимыя.

Дѣло въ томъ, что скопчество, какъ въ европейской Россіи, такъ и въ Сибири, организовано очень плотно. Между собой у нихъ происходятъ очень дѣятельныя сношенія. Скопцы при томъ же богаты и, благодаря подкупности мѣстнаго начальства, скопческіе вожаки могутъ запугивать отпадающихъ. Стоитъ только имъ послать въ областное управленіе 300—500 рублей, да исправнику дать 200, и ненавистный членъ общества прогуливается изъ г. Олекминска куда-нибудь въ Верхоянскъ (подъ 80 градусомъ сѣв. ш.), гдѣ у нихъ уже есть настоящіе приверженцы—друзья, которые и тамъ такого брата держатъ въ извѣстномъ подчиненіи.

Высланный дѣйствительно запугивается и молчитъ, чтобы съ нимъ не было еще чего хуже. Такъ они всегда расправляются съ тѣми, которыхъ заподозриваютъ въ чемъ-либо. И это очень естественно: дай свободный выходъ изъ секты, у нихъ образуется много внутреннихъ

враговъ, и враговъ очень опасныхъ, могущихъ разоблачить и разрушить всю здѣшнюю организацію. Такой образъ дѣйствія у нихъ оправдывается словами Іисуса Христа: „будьте мудры яко зміи, и незлобивы яко голуби". Этотъ принципъ скопцами усвоенъ очень твердо; онъ всосался у нихъ въ плоть и кровь, и поступать такъ имъ здѣсь очень легко, потому что мѣстная администрація всегда сидитъ у нихъ въ карманѣ. Частыми подачками они пріобрѣли себѣ расположеніе, по традиціи мѣстной администраціи, которая смотрѣла на нихъ какъ на доходную статью. Мѣстная администрація всегда рекомендовала ихъ какъ честныхъ и трудолюбивыхъ, безкорыстныхъ и полезныхъ странѣ жителей, высшая же администрація, понятно, смотрѣла на скопцовъ глазами низшей, не подозрѣвая отрицательныхъ сторонъ, вредныхъ для мѣстнаго населенія. Высшей администраціи трудно слѣдить за дѣйствіями скопцовъ еще потому, что воротилы ихъ всегда суть воротилы тайные, въ общественной жизни незамѣтные, и скопцы всѣ силы напрягаютъ къ тому, чтобы о нихъ вездѣ отзывались только хорошо. И вотъ имъ удалось, такимъ образомъ, всѣ дурныя, антипатичныя стороны скрыть, заручившись даже расположеніемъ всѣхъ слоевъ населенія. Скопцовъ уважаютъ и благорасположены къ нимъ по всей Якутской области. У нихъ и у администраціи всегда оказываются на плохомъ счету принявшіе православіе, хотя люди эти, будучи заурядными сами по себѣ, въ нравственномъ отношеніи стоятъ неизмѣримо выше скопческой массы. Скопцы выдѣлившихся не любятъ и преслѣдуютъ за выдѣленіе, а администрація—за то, что отъ нихъ нѣтъ никакой наживы.

Положеніе такихъ скопцовъ, по истинѣ, не завидное, потому что они почти не пользуются никакими льготами, напр. не увольняются никуда. Отъ проживающихъ въ Сибири, бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, они не пользуются ни матеріальной, ни нравственной поддержкой, чего нельзя сказать о неотпавшихъ, пользующихся даже очень часто матеріальной помощью отъ скопцовъ, живущихъ въ Россіи. Вдобавокъ, отпавшаго всегда и вездѣ, при каждомъ случаѣ, преслѣдуетъ мстительный скопецъ, который никогда не можетъ простить отпаденія отъ секты. Изъ личныхъ бесѣдъ съ тѣми или другими скопцами пришлось убѣждаться, что многіе изъ нихъ далеко не скопцы, но не отпадаютъ отъ скопчества потому, что, бросивъ скопчество, надо бросить за безцѣнокъ домъ, пашню и все хозяйство, жить же православному скопцу среди настоящихъ скопцовъ невозможно. Тогда или сожгутъ или убьютъ. Для иллюстраціи приведемъ разговоръ, бывшій у интеллигента Овч—ва съ однимъ молодымъ скопцомъ, оскопленнымъ въ девятилѣтнемъ возрастѣ.

Скопцу этому, надо замѣтить, нечаянно попала въ руки химія

безъ начала и конца, гдѣ онъ прочиталъ о законахъ вѣчности матеріи. Читая, онъ, понятно, не понималъ всего, но кое-что усвоилъ самостоятельно, а затѣмъ при помощи другаго лица ему удалось уразумѣть прочитанное. А когда онъ уразумѣлъ законъ, то сейчасъ же сталъ отрицать загробную жизнь, а затѣмъ и самаго Бога.

— Если вы не вѣрите въ скопчество, сказано было этому скопцу, то что вамъ мѣшаетъ выйти изъ скопческаго общества, принявъ, положимъ, православіе.

— Такой совѣтъ легко дать, но не легко исполнить, отвѣчалъ молодой скопецъ. Если принять православіе, то изъ меня выйдетъ худой православный. Брось я скопчество, я по закону не имѣю права жить въ селѣ, въ которомъ у меня есть хозяйство, и потому пришлось бы лишиться всего, накопленнаго трудами. Вотъ это и заставляетъ, главнымъ образомъ, оставаться между скопцами и надувать ихъ, лицемѣрно выполняя всѣ ихъ причудливыя радѣнія.

Съ этимъ нельзя не согласиться, потому что скопцы закономъ, запрещающимъ проживаніе между ними православныхъ, пользуются очень удобно для выселенія не только православныхъ, но и своихъ единовѣрцевъ, фактически неприсоединенныхъ къ православію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи подобный недовольный скопецъ нашелъ бы себѣ выходъ, перейдя въ какую-либо секту, или основавъ новую, но здѣсь нѣтъ для этого почвы, благодаря деморализаціи какъ туземнаго, такъ и пришлаго населенія. Ни якутъ, ни крестьянинъ, ни казакъ—здѣшніе, не говоря уже о поселенцахъ, никакими религіозными, какъ и вообще духовными, вопросами не интересуются.

Благодаря подобнымъ условіямъ, крайне затрудняющимъ выходъ изъ секты, число отпадшихъ здѣсь скопцовъ составляетъ совершенно небольшой процентъ. Изъ 370 — 380 человѣкъ въ Олекминскѣ всего отпадшихъ въ то время, къ которому относится это наблюденіе надъ скопцами, было девять человѣкъ, изъ коихъ самому старшему (Бармоту) было 55 лѣтъ, а самому младшему (Шабанову), оскопленному мальчикомъ, было 36 лѣтъ. Всѣ эти лица вышли изъ секты, потому что рамки скопческаго ученія были для нихъ тѣсны, безчеловѣчны и узко-эгоистичны. Другіе не выходятъ изъ секты единственно изъ боязни, потому что прежніе опыты отпаденія показали все неудобство такого дѣйствія. Ясно во всякомъ случаѣ, что не будь правительственныхъ репрессалій, тяготѣющихъ надъ скопцами, скопческая полуразвалившаяся, созданная искусственно община (не евангельская) давно бы уже разрушилась, и всѣ не фанатики, которыхъ не особенно много, давнымъ давно превратились бы въ православныхъ или сектантовъ, не особенно вредныхъ по своимъ взглядамъ человѣчеству.

Благодаря указаннымъ условіямъ скопчества, къ нему не можетъ

быть и присоединенія, путемъ напр. пропаганды. Оскопленныхъ изъ мѣстныхъ жителей — сибиряковъ здѣсь очень мало, и то не изъ жителей области, а изъ западной Сибири. Изъ числа 370 — 380 здѣшнихъ скопцовъ было только двое сибирскихъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе въ Олекминскѣ бываютъ довольно частые случаи оскопленія надъ лицами, прибывшими изъ Россіи, подъ именемъ скопцовъ, но не оскопленныхъ. За скопцовъ они попали въ Сибирь, потому что на судебномъ слѣдствіи признали себя членами скопческой организаціи. Особенно такихъ много между женщинами и дѣвушками, у которыхъ констатировать фактъ оскопленія гораздо труднѣе, чѣмъ у мужчинъ, если у нихъ не отрѣзаны груди. Всякое такое оскопленіе дѣлалось прежде съ благословенія мѣстныхъ исправниковъ, которые, понятно, за это получали приличный гонораръ въ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ рублей. Ублаготворенные скопцами, исправники не возбуждали дѣлъ объ оскопленіи, такъ что въ теченіе 20-лѣтъ здѣсь, кажется, возникло оффиціально только одно дѣло объ оскопленіи четырехъ лицъ, въ 1870 году, въ селѣ Ильгонскомъ. Возбудилъ это дѣло исправникъ Прищепенко, оставившій по себѣ память честнаго человѣка у мѣстныхъ жителей. Въ селѣ Ильгонскомъ скопцовъ въ 1870 г. было 54 мужчинъ и 8 женщинъ. Всѣ эти восемь женщинъ, добровольно пришедшихъ за мужьями въ Сибирь не скопчихами, были оскоплены уже въ Сибири. Ильгонскій скопческій староста принесъ за оскопленіе исправнику Прищепенко нѣсколько тысячъ рублей, но Прищепенко денегъ не взялъ, а оскопителя Богомолова и четырехъ оскопившихся предалъ суду. Судъ выслалъ оскопителя въ Средне-Колымскъ. Тѣмъ дѣло это и кончилось. Въ Якутскомъ же округѣ дѣлъ объ оскопленіи не возникало, хотя, вѣроятно, и тамъ были случаи оскопленія.

Не лишне однако замѣтить, что здѣсь, въ Якутской области, да и вообще въ Сибири, исправники подобные Прищепенко, составляютъ рѣдкое исключеніе, большая же часть изъ нихъ — это безсовѣстные взяточники. Знаніе всѣхъ скопческихъ тайнъ исправникомъ дѣлало его очень беззастѣнчивымъ по отношенію къ скопцамъ. Старый смѣняющійся исправникъ всѣ слабыя стороны скопческихъ продѣлокъ передавалъ своему преемнику. Смотря на скопцовъ какъ на доходную статью, исправники облагали ихъ противозаконными данями, и въ теченіе 6—7 лѣтъ своей службы наживали довольно крупные капиталы. Напр. умершій исправникъ Плетневъ, прибывшій на мѣсто изъ отставки въ такомъ некомфортабельномъ видѣ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда онъ еще только осматривался, съ которой стороны лучше хапать, ему приходилось самому зашивать себѣ рваные сапоги. Это въ памяти у всѣхъ. Но когда Плетневъ умеръ,

то послѣ него осталось 32.000 рублей, несмотря на то, что онъ жилъ по генералъ - губернаторски и задавалъ чуть не ежедневные пиры. Всѣ скопцы говорятъ, что Плетневъ, и тоже умершій исправникъ Шахурдинъ, оставившій послѣ себя 42.000 рублей, били ихъ по карману, какъ ни одинъ изъ слугъ антихриста не билъ и не будетъ бить. Такъ они говорятъ, быть можетъ, потому, что оба эти лица болѣе исправниками никогда уже не будутъ; вообще же отзываться дурно даже о бывшихъ исправникахъ, но могущихъ быть, напр., совѣтниками въ областномъ правленіи, здѣсь не принято. Нравственный цензъ исправника здѣсь всегда узнается вотъ почему: если исправникъ сдѣлаетъ визитъ скопцамъ, по пріѣздѣ, и будетъ ихъ хвалить, то это означаетъ, что онъ будетъ брать взятки, и наоборотъ.

Но если скопчество въ Сибири не увеличивается путемъ пропаганды, то увеличивается посредствомъ прибытія этапнымъ порядкомъ новыхъ членовъ изъ Россіи. Максимумъ въ теченіе года сюда прибываетъ 50 — 60 человѣкъ и минимумъ 20 — 30 человѣкъ. Рѣдко случается, что не каждогодно прибываютъ новые члены. Случается иногда такъ, что цифра вновь прибывшихъ бываетъ очень почтенна, а именно въ 200 человѣкъ, какъ это и случилось въ началѣ 80-хъ годовъ, когда правительствомъ случайно открыта была цѣлая скопческая организація въ Оренбургской губерніи въ концѣ 70-хъ годовъ. Если вѣрить скопцамъ, то по всей Россіи секта ихъ быстро прогрессируетъ, что̀, пожалуй, отчасти и справедливо, если взять во вниманіе усиливающіяся изъ года въ годъ присылки скопцовъ въ Сибирь.

Что касается численности скопцовъ, живущихъ въ Россіи, и за границей, то сами скопцы цифры этой точно не знаютъ, но приблизительно опредѣляютъ ее болѣе, чѣмъ въ 100.000 человѣкъ. Въ Россіи богатые скопцы изъ купцовъ денегъ для пріобрѣтенія новыхъ членовъ не жалѣютъ, хотя у нихъ и нѣтъ для этого правильной кассы.

Прогрессу секты способствуетъ отчасти и то, что въ Олекминскъ, напр. изъ Якутской области, хотя и рѣдко, но все же дѣлаются побѣги изъ мѣста ссылки. Точно также изъ Олекминскаго округа дѣлаются побѣги въ Россію, какъ напр. убѣжало отсюда лѣтъ 25 тому назадъ 11 человѣкъ, въ 1879 г. 6 человѣкъ, въ 1886 г. изъ Вилюйскаго округа 3 человѣка и въ послѣдующіе годы также были побѣги. Всѣ эти бѣжавшіе, являясь въ Россіи или за границей, преимущественно въ Молдавіи и Валахіи, пользуются тамъ извѣстнымъ вліяніемъ. Въ Россіи такіе скопцы, какъ пострадавшіе, гонимые, уже превращаются въ учителей. Нѣкто Пароенъ Николаевъ, бывшій казакъ Енисейскаго казачьяго полка, оскопившійся въ Енисейской губерніи, присланный въ Якутскую область въ 1869 г., убѣжалъ въ числѣ прочихъ шести скопцовъ изъ Спасскаго скопческаго селенія въ 1879 г.

Проживъ въ Молдавіи нѣсколько лѣтъ, онъ вернулся въ Россію уже въ качествѣ учителя, и пришелъ сюда этапнымъ порядкомъ въ 1887 г. въ числѣ 20 человѣкъ, уже со своимъ стадомъ, какъ говорятъ скопцы.

Сосчитать всѣхъ скопцовъ, живущихъ въ Олекминскомъ округѣ, нѣтъ физической возможности, потому что цифра ихъ постоянно колеблется: то причисляютъ сюда изъ Вилюйскаго и Якутскаго округовъ, то выселяютъ и высылаютъ обратно куда-либо; но приблизительно ихъ здѣсь теперь около 500 человѣкъ. Во всей Якутской области 2.600 человѣкъ. Въ данномъ случаѣ даже оффиціальной статистикѣ нельзя вѣрить, потому что въ статистикѣ Якутской имѣются капитальные промахи. Изъ молодыхъ, не достигшихъ совершеннолѣтія, (21 года) есть только такіе, которые живутъ со своими отцами-скопцами. Самые старые скопцы имѣютъ 80 лѣтъ; такихъ, впрочемъ, мало. Молодые отъ 17 до 30 лѣтъ, и большинство отъ 40 до 50 лѣтъ.

Скопцы здѣшніе составляютъ плотно организованное цѣлое, какъ мы выше сказали, но учрежденій какихъ-либо замѣчательныхъ у нихъ нѣтъ, благодаря развившемуся среди нихъ индивидуализму. Наставники (учителя) и пророки обязательно существуютъ въ каждомъ скопческомъ селеніи. Въ учителя назначается всякій, кто много присоединилъ къ сектѣ мірянъ. Въ пророки назначаются пророки же, т. е. тѣ, которые фактически выступили на пророческое поприще, по указанію и съ согласія уже извѣстнаго пророка. Званіе пророка очень важно, и онъ пользуется между скопцами, какъ мы это отчасти и видѣли, совершенно деспотическою властію. Званіе учителя менѣе почтенно, чѣмъ званіе пророка, хотя и учитель пользуется также громаднымъ вліяніемъ на своихъ овецъ. Жалованія никакого и пророкъ и учитель не получаютъ.

Грамотныхъ между скопцами всего 10%. Развиты всѣ они очень мало, такъ что на 500 человѣкъ скопцовъ, живущихъ въ Олекминскомъ округѣ, имѣется только одинъ человѣкъ, учившійся когда-то въ коммерческомъ училищѣ. Масса скопческая неграмотна. Вслѣдствіе этого начитанными въ скопческой литературѣ, которая, какъ утверждаютъ скопцы, обширна, и которая держится за семью замками отъ мірянъ, бываютъ только пророки и учителя. И тѣ и другіе хорошо знакомы также съ Библіей, но дальше буквы въ своемъ пониманіи Библіи они не идутъ и часто въ тексты влагаютъ произвольный смыслъ, толкуя слова или фразы по-своему.

Скопцы, пройдя тяжелый путь всевозможныхъ испытаній, при дальнѣйшемъ съ ними знакомствѣ, производятъ, въ концѣ концовъ, самое тяжелое впечатлѣніе. Они въ высшей степени народъ замкнутый, фразеръ, черствъ, жестокъ и мстителенъ. Скопцы народъ мало развитый, но каждый изъ нихъ іезуитъ, Тартюфъ въ полномъ смыслѣ

этого слова. Этой чертой они и пользуются почетомъ и уваженіемъ среди инородцевъ и русскихъ, не особенно требовательныхъ въ нравственномъ отношеніи людей. И тѣ и другіе, какъ стоящіе очень низко по своему развитію, считаютъ скопца за идеалъ честности, а въ невозможности обмануть его видятъ ума палату, хотя каждый скопецъ завзятый, ехидный кулакъ, значитъ, и человѣкъ въ высшей степени антипатичный. Что они всѣ кулаки, доказываетъ уже то, что они нисколько не стѣсняются эксплоатировать своего же брата бѣдняка скопца, а затѣмъ деньги, высылаемыя изъ Москвы и Петербурга—этихъ двухъ центровъ скопчества, присваиваются богатыми, которые не оказываютъ никакой помощи бѣднякамъ, хотя эти деньги, нерѣдко нѣсколько тысячъ, высылаются собственно для бѣдняковъ. Напр., нѣкто Мигачевъ въ Олекминскѣ, выпрашивая деньги у какого-либо московскаго купца-милліонера, пишетъ, что онъ слѣпой и хромой, и не можетъ работать, а потому ему и помощь нужна. И подобное письмо завѣряется 20—30 подписями другихъ скопцовъ. Такимъ-то образомъ немалыя суммы денегъ стекаются со всей Россіи въ однѣ руки; тамъ онѣ и остаются, а бѣдняки какъ не имѣли ничего, такъ и надолго остаются бѣдняками. Всѣ скопцы, быть можетъ, и были когда-либо симпатичны, но все хорошее стерто у нихъ. Антипатичны они уже тѣмъ, что ничего здороваго въ общественную жизнь не вносили и не вносятъ здѣсь, а вносятъ только деморализацію, что-то больное. Административный гнетъ здѣсь имѣетъ самое вредное вліяніе на скопцовъ, какъ на людей. Духовенство православное относится къ нимъ крайне равнодушно и никакой непріязни не питаетъ.

Было бы однако несправедливо отказать скопцамъ въ нѣкоторыхъ положительныхъ сторонахъ. Многіе изъ нихъ трудолюбивые и умѣлые земледѣльцы, культивирующіе въ суровой климатомъ Якутской области такія даже растенія, какъ пшеница, дыни, арбузы, которыя въ этой странѣ признается невозможнымъ разводить. Скопцы занимаются также и ремеслами. Между ними можно встрѣтить плотниковъ, столяровъ, слесарей, кожевниковъ, кузнецовъ и проч. По иниціативѣ ихъ въ 1863 г. въ городѣ Олекминскѣ были устроены лари, на которыхъ продавался печеный хлѣбъ и разный другой товаръ, потребный человѣку, не имѣющему собственнаго хозяйства. На ларяхъ, впрочемъ, продавалась и водка секретно. Продажа водки скопцами фактъ интересный, такъ какъ они въ теоріи ее отрицаютъ,—фактъ, свидѣтельствующій, что для наживы иногда не грѣшно продавать то, что запрещено Богомъ. Впослѣдствіи лари эти мѣстной администраціей отъ нихъ были переданы якутамъ, у которыхъ и теперь находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, потому, что на нихъ, кромѣ хаяка (окисленнаго коровьяго масла) и жалкаго мяса, ничего болѣе не продается.

Духъ торгашества у скопцовъ Олекминскаго округа развитъ очень сильно, хотя торговлей имъ, какъ ссыльнымъ, до которыхъ ни одинъ циркуляръ, ни одинъ манифестъ не касался, воспрещено заниматься. Но законъ этотъ, при извѣстной податливости мѣстной администраціи, всегда обходился, и скопцы въ небольшихъ размѣрахъ ведутъ торговлю. Скопцы, если бы имъ была предоставлена свобода дѣйствія, пожалуй, могли бы представить изъ себя крупную финансовую силу, опасную вообще здѣшнимъ купцамъ, у которыхъ недостаетъ ни скопческой солидарности, ни ума и энергіи. Поэтому легко представить себѣ, что было бы, если бы законъ не стѣснялъ ихъ коммерческихъ и спекуляторскихъ порывовъ.

Въ интересахъ мѣстности была бы даже очень полезна конкурренція скопцовъ здѣшнимъ купцамъ на торговомъ поприщѣ. Дѣло въ томъ, что въ бывающую здѣсь разъ въ году ярмарку иркутскими купцами привозится, между прочимъ, и хлѣбъ, который продается по умѣренной цѣнѣ. Купцы, имѣющіе запасы своего хлѣба, понижаютъ временно цѣны очень низко; тогда всѣ покупатели обращаются за дешевымъ хлѣбомъ, и привознаго хлѣба никто не беретъ, а этого только и нужно мѣстнымъ купцамъ. Иркутскіе купцы, видя застой въ торговлѣ, продаютъ оптомъ весь хлѣбъ по пониженной цѣнѣ мѣстнымъ купцамъ, а тѣ, скупивъ этотъ хлѣбъ, продаютъ его уже по совершенно произвольнымъ цѣнамъ. Такъ что хлѣбъ, напр., продававшійся сегодня вечеромъ въ разновѣсъ, положимъ, по 2 р. 50 к. за пудъ, завтра вдругъ возрастаетъ до 4 и 5 рублей за пудъ [1]).

Единодушіе скопцовъ до извѣстной степени объясняется тѣмъ гнетомъ, который они испытываютъ постоянно отъ администраціи. Напр. имъ не позволяется совершать религіозныхъ обрядовъ, дозволенныхъ вообще раскольникамъ закономъ 3-го мая 1883 года; запрещается открыто вести переписку съ родными и знакомыми, отлучаться безъ особаго разрѣшенія далеко изъ мѣстожительства и проч. Но все это опять таки за взятки обходится. Отъ каждаго скопца въ откровенной бесѣдѣ можно услышать такую рѣчь: „Начальство смотритъ на насъ какъ на дойныхъ коровъ, беретъ съ насъ, когда ему вздумается; насъ, добавляютъ они, не щиплетъ только дуракъ, да лѣнивый“.

---

[1]) Интересно сравнить эту громадную стоимость хлѣба въ Якутской области съ цѣнами его въ другихъ мѣстностяхъ Сибири. Въ Ялуторовскѣ, напр., цѣна ржанаго хлѣба до проведенія жел. дороги стояла не выше 50 коп. за пудъ, а самая лучшая пшеничная мука стоила 90 коп., въ Минусинскѣ же пудъ ржаной муки стоилъ 15—17 коп. и пшеничной 40—50 коп. Въ такой же безобразной пропорціи въ Якутской области, до проведенія желѣзной дороги, стояли цѣны и на мануфактурные товары. Якутская область, по климатическимъ условіямъ, очень мало производитъ хлѣба, а потому для нея желѣзная дорога должна имѣть громадное значеніе.

Скопцы имѣютъ своего выборнаго старшину, выборъ котораго происходитъ непремѣнно въ присутствіи исправника и подъ несомнѣннымъ его давленіемъ. Поэтому, въ качествѣ старшины всегда является лицо, пріятное начальству, но не совсѣмъ пріятное скопцамъ. Старшина, какъ водится, служитъ посредникомъ въ сношеніяхъ между начальствомъ и скопцами, а слѣдовательно черезъ него совершаются всякіе сборы и поборы, часть которыхъ прилипаетъ и къ его рукамъ. Разскажемъ по этому поводу одинъ случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Москвы прибылъ въ Якутскую область довольно богатый скопецъ Мишуткинъ, принявшій въ Россіи неполное оскопленіе. Здѣсь, т. е. въ Спасскомъ селеніи, онъ окончательно оскопился. Старшиной было лицо, угодное начальству, нѣкто Мигачевъ, служившій и нашимъ и вашимъ, какъ говоритъ русская пословица. Мигачевъ передалъ исправнику Плетневу (давно умершему) объ оскопленіи Мишуткина и шепнулъ ему на ухо, что тутъ можно погрѣть руки. Послѣ этого тотчасъ же явился исправникъ, въ сопровожденіи старшины, въ домъ, гдѣ лежалъ оскопленный, и поводя носомъ въ воздухѣ, замѣтилъ: „Здѣсь пахнетъ такъ, какъ будто кто-то оскопился“. Затѣмъ, приказавъ старшинѣ сейчасъ же зайти къ нему, онъ уѣхалъ. Старшина, возвратясь отъ исправника, говоритъ вновь оскопленному: „Бѣда, узналъ кто-то и донесъ, надо дать“, и назначилъ при этомъ цѣну въ 4.000 рублей. Получивъ эту сумму съ Мишуткина, онъ подѣлилъ ее между собой и исправникомъ поровну. Скопцы эти находятся еще въ живыхъ. Долго, такимъ образомъ, старшина имѣлъ двѣ личины, но наконецъ хитрые скопцы узнали всѣ его продѣлки, и Мигачевъ, къ великому неудовольствію начальства, былъ смѣненъ. Какъ бы то ни было, мѣстная полицейская власть старается провести на должность скопческаго старшины или старосты такое лицо, посредствомъ котораго она могла бы узнавать всѣ хитрости скопцовъ и которое служило бы для нея удобнымъ орудіемъ къ ихъ обиранію.

Скопчество является всецѣло порожденіемъ съ одной стороны стремленія народнаго духа къ идеалу лучшей, болѣе праведной жизни на землѣ, которою можно было бы угодить Богу и заслужить рай въ небѣ, и съ другой стороны—народнаго невѣжества, отсутствія въ массахъ просвѣщенія. Въ данномъ случаѣ, скопчество не составляетъ особенности съ нашимъ расколомъ вообще. Исторія скопчества, какъ и раскола вообще, насчитываетъ не одну сотню лѣтъ. Народная мысль, не будучи въ общеніи съ научной мыслію своего вѣка, работала въ религіозномъ направленіи не потому только, что религіозное направленіе есть первобытная стадія мышленія, съ котораго всегда начинается критицизмъ мысли у народовъ, но и потому еще, что народу изъ всѣхъ книгъ могли быть доступны только книги рели-

гіозныя. Еще до сихъ поръ лицами, которыя поставлены на стражѣ просвѣщенія, не преслѣдуется другой задачи, кромѣ той, чтобы не допускать въ массы народа истиннаго просвѣщенія и, слѣдовательно, тѣхъ книгъ, съ помощію которыхъ народъ могъ бы просвѣтиться. Если же мы возьмемъ время отъ насъ отдаленное за сотню-другую лѣтъ, то тогда, какъ мы знаемъ, на просвѣщеніе было еще большее гоненіе, чѣмъ теперь, и хорошая книга была запретнымъ плодомъ даже для такъ называемаго общества, а не только для народа.

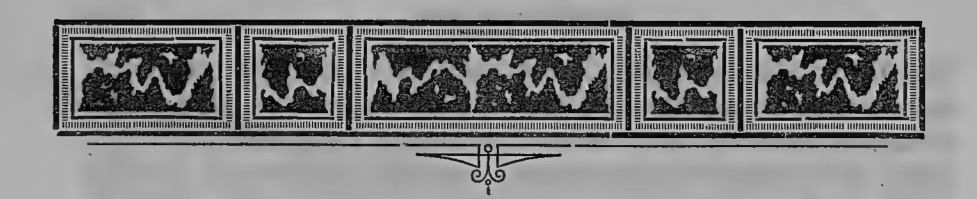
Русская народная мысль, направляясь по самостоятельному руслу, только и могла выразиться у насъ въ видѣ религіознаго раскола. Но если расколъ далъ намъ раціоналистическія секты, то почему онъ не могъ дать акты столь уродливаго характера, какъ скопчество? Какъ бы однако ни было, расколъ у насъ и въ томъ числѣ скопчество давно бы уже исчезли, если бы истинное просвѣщеніе нашло себѣ широкій доступъ въ массы. Изъ всѣхъ религіозныхъ сектъ скопчество, быть можетъ, единственная форма раскола дѣйствительно вредная для общества. Правительство, подвергнувъ гоненію расколъ за то, что имъ наносится ущербъ православію, этой признанной имъ самимъ опорѣ престола, подвергло скопчество особенно жестокимъ репрессаліямъ. Но гоненіемъ убѣжденной мысли нельзя искоренить; напротивъ, люди, гонимые за убѣжденія, за свою вѣру, еще болѣе убѣждаются въ своей правотѣ. Слѣдовательно, правительство, преслѣдуя расколъ, достигало діаметрально противоположныхъ результатовъ; вмѣсто искорененія, оно содѣйствовало его распространенію. Преслѣдованіе идеи, истребленіе людей идейныхъ—это вообще дурная, не только жестокая, но и прямо таки нелѣпая политика, потому что идеи, какъ кто-то давно сказалъ, на штыки не уловляются.

Въ то время какъ вредная форма раскола подвергалась въ Сибири всевозможнымъ стѣсненіямъ, еще болѣе вредная сибирская администрація имѣла полную свободу пользоваться закономъ противъ сектантовъ для своей наживы. Въ Сибири, какъ мы достаточно показали, главной виновницей скопческой солидарности и организаціи служитъ административный произволъ мѣстныхъ чиновниковъ, которые здѣсь всѣ, за немногими исключеніями, точно выхвачены изъ комедіи Грибоѣдова или Гоголя. Чиновники такого сорта, понятное дѣло, кромѣ деморализаціи въ страну не могли ничего болѣе внести.

Съ отмѣной всѣхъ стѣснительныхъ законовъ противъ раскольниковъ, съ воцареніемъ свободы совѣсти и съ проникновеніемъ въ массу народа свѣта знанія скапчество исчезнетъ само собою.

Мих. Вруцевичъ.

Записки протоіерея Пѣвницкаго.

IV [1]).

Жизнь въ Казанской академіи.—Отецъ Веніаминъ.—Архіепископъ Григорій.—Посѣщеніе академіи высокими особами.—Добротворскій и Щаповъ.—Характеристика Щапова.—Моя учительская дѣятельность.—Архимандритъ Евпсихій.—Епископъ Варлаамъ.—Врачъ Вишневскій.—Сватовство.—Неудача.

Въ Казанской академіи, самой младшей изъ другихъ академій, въ продолженіе многихъ лѣтъ отъ начала, было очень немного студентовъ—не болѣе 60 на обоихъ курсахъ, по 30 въ каждомъ. Несмотря на это число, почти въ каждый курсъ оказывалось по одному и по два монаха, поступавшихъ въ монашество во время ученія, или вслѣдъ за окончаніемъ его. И всѣ они, за исключеніемъ одного, были тамбовскіе, по мѣсту происхожденія. Это обстоятельство объясняли въ академіи тѣмъ, что у тамбовскихъ студентовъ состоялъ при академіи баккалавръ и помощникъ инспектора землякъ іеромонахъ Веніаминъ, о которомъ была рѣчь выше; къ нему, какъ земляку, тамбовскіе студенты ходили въ гости—пить чай, которымъ онъ радушно ихъ угощалъ, а при этомъ имѣлъ обыкновеніе тонко, своею бесѣдою, располагать ихъ и къ монашеству,—въ этомъ онъ находилъ особое удовольствіе. Благодаря этому вліянію, на тамбовскихъ студентовъ и стали смотрѣть всѣ, какъ на кандидатовъ въ монашество, и поговаривали объ этомъ въ насмѣшливомъ тонѣ,—надо замѣтить, что все тогдашнее академическое монашество не пользовалось репутаціею у корпораціи наставниковъ—не монаховъ. Послѣдніе недружелюбно относились къ своимъ товарищамъ-монахамъ, подозрѣвали ихъ въ лукавствѣ и говорили дурно, мало чѣмъ стѣсняясь. Особенно глумились надъ монашескимъ карьеризмомъ. Это все знали студенты и составляли о монашествѣ всѣ невыгодныя понятія, те-

---

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1905 г.

ряя всякое къ нему расположеніе. Учась на младшемъ курсѣ, я и мой землякъ товарищъ Дубровскій нерѣдко ходили къ Веніамину; жилъ онъ въ одномъ корпусѣ съ студентами въ нижнемъ этажѣ,—и часто слышали отъ него душеспасительныя бесѣды. Но онѣ не производили на насъ ожидаемаго имъ вліянія, и онъ отъ того сталъ становиться менѣе и все менѣе къ намъ расположеннымъ.

Общій антимонашескій духъ, бывшій въ это время уже въ силѣ и у студентовъ, парализовалъ возможныя въ насъ поползновенія къ монашеству, при тонкихъ и искусныхъ склоненіяхъ къ тому. Да и въ натурѣ своей въ насъ не было ничего подходящаго. Оба мы были юноши съ кипучей кровью, помышлявшіе болѣе всего о томъ, какъ бы поскорѣе по окончаніи ученія жениться,—да на хорошенькой,—по любви. При такомъ состояніи намъ крайне досадны были даже подозрѣнія въ склонности къ монашеству отъ студентовъ-товарищей; особенно негодовали мы, когда иные изъ нихъ, видя насъ идущими къ о. Веніамину, прямо съ насмѣшками говорили вслухъ: „вотъ они, будущіе монахи, назидаться идутъ“. Это все заставляло насъ ходить и рѣже, и какъ-нибудь незамѣтно отъ другихъ... Но ходить мы не переставали до самаго окончанія курса. О. Веніаминъ былъ человѣкъ достойный и монахъ незаурядный, его доброта и ласка насъ привлекали. Только мы были какіе-то оголтѣлые въ духѣ монашества, и, въ одебелѣломъ сердцѣ, и ушами слушали, но не слышали, и очами смотрѣли, но не видѣли. Такъ къ общему студенческому удовольствію тамбовскіе студенты и не выручили монашество. Съ окончаніемъ нашего курса, въ которомъ ни одного монаха-студента не было, прекратилось на долго дальнѣйшее поступленіе.

Студенческая жизнь въ академіи была во всѣхъ отношеніяхъ достаточная. По крайней мѣрѣ я былъ ею доволенъ, какъ человѣкъ, воспитавшійся въ семинаріи на мѣдныя деньги, въ простой и суровой обстановкѣ. Только трудно было учиться, въ слѣдствіе многихъ недостатковъ семинарскаго образованія въ Тамбовѣ. Тамъ мало до крайности сообщали намъ общихъ свѣдѣній по наукамъ и не давали намъ никакихъ удобствъ къ чтенію нужныхъ книгъ. О многихъ книгахъ мы и не слыхали, между тѣмъ какъ студенты другихъ семинарій ихъ могли знать и читать еще въ семинаріи и отъ того проявляли больше развитія и знанія. Этотъ недостатокъ почувствовалъ я съ большею тяжестью душевною; и долженъ былъ взяться всѣми силами за восполненіе его, чрезъ добываніе нужныхъ книгъ и усиленное ихъ чтеніе, не упуская и прямыхъ студенческихъ занятій. Студенческія занятія трудны были особенно въ томъ отношеніи, что иные профессоры читали свои лекціи въ классѣ и требовали, чтобы студенты для репетицій сами составляли записки о томъ, что

имъ было прочитано,—по слуху, и лекцій отъ себя не сдавали. Другіе сдавали записки передъ экзаменами, и студенты должны были ихъ списывать себѣ; литографированія у насъ не существовало и въ поминѣ; много было думъ, заботъ и труда по составленію сочиненій, которыя задавались ежемѣсячно на темы по изучаемымъ наукамъ, и на которыя обращалось вниманіе,—преимущественно предъ отвѣтами по наукамъ, особое, и по которымъ собственно и оцѣнивался студентъ въ своемъ научномъ достоинствѣ. Дума объ этихъ сочиненіяхъ—и дума тяжелая—занимала студента постоянно, и въ комнатѣ и въ классѣ, и въ церкви, особенно когда до срока не много уже оставалось времени. Тутъ между студентами происходило какое-то пустынное разъединеніе и уединеніе, точно бѣсъ проскочилъ между ними и унесъ у нихъ жизнерадостное общеніе. Одни сидятъ за чтеніемъ книгъ, набираясь свѣдѣніями для заданной темы; другіе съ перомъ въ рукѣ исписываютъ листы бумаги; иные гдѣ-нибудь ходятъ взадъ и впередъ, занятые одною думою; и все это мрачно, серьезно, задумчиво и ужасно сердито; такъ что, смотря на нихъ со стороны, невольно подумаешь, что въ мозги ихъ забито по крѣпкому гвоздю. Эта срочная ежемѣсячная работа ума была для студентовъ своего рода страдною порой. Не менѣе тяжелымъ временемъ была готовка къ экзаменамъ, которыхъ тогда полагалось два въ годъ, передъ Рождествомъ и послѣ Пасхи въ маѣ—іюнѣ, частныхъ, да по одному въ годъ экзаменовъ публичныхъ, послѣ частныхъ. Трудность этого приготовленія возрастала отъ отсутствія печатныхъ учебниковъ и отъ малаго количества сдаваемыхъ профессорами записокъ, которыя списывать студенты не успѣвали каждый для себя, а писали группами. Въ такихъ постоянныхъ трудахъ проходила вся жизнь студента, монотонно, однообразно, сухо и отвлеченно. Никакихъ развлеченій для разнообразія и обновленія не полагалось: не было ни музыки, ни пѣнія, ни гимнастики,—все это считалось пустою забавой, а танцы—малонравственнымъ и предосудительнымъ дѣломъ. Немудрено, что иные студенты не выдерживали такой удручающей жизни и тайкомъ крѣпко запивали, а иные впадали часто въ хандру, отъ которой не скоро отдѣлывались. Заведеніе было закрытое, подъ строгою монашескою опекой; стояло внѣ города на Арскомъ полѣ, почти одиноко; въ городъ ходить далеко, да и мало дозволялось,—надо указать, къ кому и для чего; а было не къ кому. Иные студенты, чтобы походить по городу и развлечься, выдумывали себѣ знакомыхъ и на имя ихъ записывались въ книгѣ для разрѣшенія отлучки отъ начальства. Такъ у насъ, тамбовскихъ, часто фигурировали для отлучки въ городъ фамиліи чиновниковъ—Писарева и Язвицева, у которыхъ мы, какъ незнакомые, никогда и не бывали, но о

[library stamp, illegible]

которыхъ знали только, что они наши земляки—тамбовскіе. Нѣкоторое развлеченіе давалъ намъ лѣтомъ маленькій академическій садъ, въ которомъ мы иногда играли въ мячъ и чушки, но этотъ садъ былъ недавно разсаженъ, и въ немъ еще не было тѣни. Еще развлекались мы лѣтомъ въ свободное каникулярное время въ такъ называемой „Швейцаріи“ противъ академіи. Это довольно большая роща, служившая мѣстомъ загороднаго гулянья и маленькою лѣтнею дачею казанскаго губернатора, гдѣ онъ иногда и жилъ въ тиши. Въ ней былъ и ресторанъ и распивныя. Здѣсь можно было съ удовольствіемъ погулять, а иные студенты съ свободными деньженками могли чего-нибудь и распить съ предосторожностью, чтобы не узнали... Въ этой „Швейцаріи“ припомнился мнѣ такой случай: я и одинъ изъ моихъ товарищей Васильковъ, Степанъ Иванычъ, вмѣстѣ шли, какъ-то разъ лѣтомъ, къ рѣкѣ Казанкѣ купаться, проходя чрезъ „Швейцарію по главной ея аллеѣ“. Шли и о чемъ-то философскомъ съ нимъ разсуждали, и въ отвлеченіи и увлеченіи не замѣтили, какъ поравнялся съ нами какой-то старикъ навстрѣчу, прошелъ и, моментально обратившись назадъ, свирѣпо окрикнулъ насъ такими словами: „шапки надо снимать, дураки, когда генералъ идетъ“. Въ испугѣ мы моментально остановились, какъ чѣмъ-то ошеломленные, хватаясь за свои картузы, и едва-едва нашлись сказать: „извините, ваше превосходительство, мы васъ не узнали“. Моментально генералъ поворотилъ назадъ и пошелъ своею дорогою. А мы потащились далѣе своею дорогою, но уже не въ прежней бодрости, а чѣмъ-то подавленные и растерянные. Стали догадываться, кто это такой—грозный генералъ, и, наконецъ догадались, что это самъ губернаторъ—генералъ Баратынскій, котораго мы никогда прежде не видали и не знали; да и при встрѣчѣ съ нимъ мы никакъ не могли узнать и просто генерала въ немъ шедшемъ по-просту съ купанья, и безъ всякой генеральской видимости; мы долго побаивались, какъ-бы этотъ николаевскій генералъ не довелъ до свѣдѣнія нашего начальства о нашемъ преступленіи. Но, вѣроятно, наше ошеломленное состояніе отъ грознаго крика генерала произвело на него пріятное впечатлѣніе, и онъ на немъ съ удовольствіемъ успокоился. Этотъ случай далъ намъ возможность въ первый разъ узнать казанскаго генералъ-губернатора Баратынскаго и никогда его не забывать... Доходили до студентовъ слухи о Казанскомъ театрѣ, въ которомъ давались хорошія представленія. Въ наше время славились, какъ знаменитость, въ театральной труппѣ: Милославскій—трагикъ и драматургъ, Дудкинъ—комикъ, Стрѣлкова, въ балетахъ Шмитгофъ и др. Всѣ студенты рвались хоть разъ побывать для развлеченія. О дозволеніи на то начальства и мыслить было нельзя. Но за невозможностью легальнаго

пути, они ухитрялись проникать въ театръ путемъ нелегальнымъ и дѣлали такъ ловко, что начальство не могло знать объ этомъ. У студентовъ всегда были преданные друзья—два давнишіе служителя академіи—юркій ветеранъ Кирьякычъ, придверникъ, или швейцаръ, и Егоръ Власичъ—студенческій цирюльникъ. Между ними и студентами издавна существовала традиціонная близость и искренняя взаимная любовь. Съ помощію ихъ всегда можно было въ позднее вечернее время уходить и приходить въ театръ и изъ театра самымъ потаеннымъ образомъ,—все гладко и тихо устроятъ и никогда не выдадутъ. На случай предосторожности отъ чуткаго носа и четырехъ глазъ отца Веніамина, помощника инспектора, о которомъ говорено выше, сами уже студенты поступали, въ видахъ выручки, такъ: Веніаминъ, въ цѣляхъ своего надзора, часто приходилъ въ студенческую столовую, когда всѣ обѣдали или ужинали, и въ спальни во время ночи, когда уже всѣ студенты спали; какъ въ столовой по пустымъ мѣстамъ за столомъ, такъ и въ спальняхъ по пустымъ койкамъ, онъ дознавался, кого нѣтъ дома. Студенты въ случаѣ запустѣнія мѣстнаго предварительно уже озабочивались, для выручки своихъ товарищей, такъ размѣститься за столомъ, чтобы нигдѣ не оказывалось пустоты, а въ спальняхъ койки пустыя взбудораживали такъ, что человѣкъ съ нихъ какъ будто только всталъ и вышелъ, а то и чучелу дѣлали, или клали кого-либо изъ служителей. Веніаминъ этого не замѣчалъ, а если что иногда и казалось ему подозрительнымъ, то, по деликатности своей, стыдился далѣе что-либо дознавать. Такимъ-то нелегальнымъ порядкомъ и мнѣ удалось нѣсколько разъ побывать въ Казанскомъ театрѣ.

Въ первый разъ я ушелъ въ театръ изъ больницы, гдѣ находился въ разрядѣ выздоравливавшихъ, и гдѣ Веніаминовскихъ глазъ не боялись, и ушелъ даже съ незажившею мушкой на груди. Но зато пришелъ въ совершенной безопасности и былъ въ такомъ подъемѣ духа, веселомъ и восторженномъ, что едва бы почувствовалъ боль и отъ нарвавшей мушки. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ театральныя представленія, и вообще, а тутъ удалось вдругъ видѣть знаменитаго Милославскаго и не менѣе гремѣвшую славой Стрѣлкову въ роляхъ Гамлета и Офеліи, и получить живое понятіе о Шекспировскимъ твореніи. Въ нѣсколькихъ другихъ удобныхъ безопасныхъ случаяхъ мнѣ удалось видѣть представленіе „Фауста,“ „Жизнь игрока,“ русскую оперу „Жизнь за Царя,“ и разные балеты, гдѣ производили фуроръ балерины Шмитгофъ, воспитаницы С.-Петербургскихъ школъ Императорскихъ театровъ, и въ первый еще театръ Казанскій поступившія въ юномъ цвѣтѣ лѣтъ. Эти театральныя развлеченія, хоть и очень рѣдкія, оживляли на долго монотонную, однообразную

и мрачно серьезную студенческую жизнь, и выгоняли изъ нея въѣдавшуюся хандру и тоску. Великими стимулами поднятія духа, оживленія и возбужденнаго настроенія послужили въ академической нашей жизни случившіяся въ то время великія событія—Крымская война, смерть императора Николая и воцареніе Александра II, съ отрадными слухами объ обновленіи Россіи. Живо представляется мнѣ теперь—черезъ 36—37 лѣтъ,—съ какою энергіею студенты добывали газеты и съ какимъ живымъ интересомъ собирались въ кружки, читали передовыя статьи, корресподенціи и разныя реляціи о ходѣ войны, въ которыхъ смѣло заявлялось, что россійской силѣ вся вооруженная Европа не страшна, что мы враговъ своихъ шапками закидаемъ, что наши войска вездѣ — и на сушѣ и на морѣ побѣдоносно бьютъ своихъ враговъ. Отъ такихъ реляцій всѣ приходили въ радостное воодушевленіе и особенно возликовали, когда пришло извѣстіе о пораженіи турецкаго флота при Синопѣ адмираломъ Нахимовымъ. Долго такое восторженное настроеніе занимало насъ, студентовъ. Въ этомъ настроеніи мы выучивали наизусть появлявшіяся въ то время патріотическія стихотворенія, декламировали ихъ и распѣвали. Изъ нихъ особенно часто слышался—и на распѣвъ—и въ рѣчи—мотивъ, всѣмъ даже впослѣдствіи надоѣдавшій: „Вотъ въ воинственномъ азартѣ“ и проч.

Но восторженность студентовъ продолжалась не долго. Она смѣнилась, для разнообразія, инымъ возбужденнымъ состояніемъ. Пришло извѣстіе, что при рѣчкѣ Альмѣ цѣлая армія съ кремневыми плохими ружьями и дырявыми сапогами пала отъ новыхъ и мѣткихъ ружей французовъ и другихъ европейцевъ, и въ бухтѣ Севастопольской Меншиковъ самъ добровольно потопилъ знаменитый уже по Синопу, русскій Черноморскій флотъ; враги разгромили адскимъ огнемъ изъ своихъ невиданныхъ нами пушекъ Севастопольскую крѣпость... Что такое это? Какъ могли допустить такія оплошности? Въ негодующемъ возбужденіи волновалось юношество, въ простотѣ сердца вѣря прежнимъ донесеніямъ газетъ о нашей непобѣдимой силѣ, и еще нисколько не зная, что вся наша сила была фиктивная, въ пустомъ самомнѣніи и самовосхваленіи...

Затѣмъ скоро какъ громомъ поразила всѣхъ внезапная смерть императора Николая... Всѣ мы съ любопытствомъ читали и даже списывали многочисленныя въ газетахъ статьи и корресподенціи иностранныя, въ которыхъ высказывалась похвала рыцарской честности почившаго и великимъ его заслугамъ Россіи, и выражалась глубокая скорбь о тяжелой утратѣ: „Плачь, русская земля, не стало у тебя отца!..“ Напечатанная въ газетахъ рѣчь Глинки читалась и перечитывалась съ неподдѣльною грустію. Всѣ слухи о причинахъ смерти императора

Николая ловились нами съ жадностью и перечитывались съ таинственностью. Когда вышла брошюра, подробно излагающая ходъ болѣзни и смерти его, мы всѣ постарались пріобрѣсть каждый себѣ и посылали, какъ дорогую книжку, почтою въ свои родныя захолустья!.. Много занимали насъ въ это время, какъ утѣшеніе въ печальныхъ событіяхъ, ходившія по рукамъ интеллигентнымъ, въ рукописи „письма о восточныхъ и западныхъ славянахъ“ М. П. Погодина, который въ славянахъ хотѣлъ найти великую силу для Россіи въ Крымской войнѣ, и будилъ славянъ къ соединенію съ русскими противъ враговъ всего славянства. Эти письма, подъ секретомъ, доставали гдѣ-то — кажется у профессоровъ—юркіе студенты и давали читать другимъ тайкомъ отъ начальства. Многіе студенты успѣли и списать ихъ для себя и какъ запрещенный плодъ сохранять у себя въ секретѣ. Письма эти запрещеннаго и не заключали въ себѣ ничего; въ нихъ Погодинъ выражалъ по большей части свои мечтанія, и о нихъ скоро и забыли, но таково ужъ было время, когда и безопасное могли принять за ужасное... Со смертію Николая и со вступленіемъ на престолъ Александра II тревожное время миновало. Пошли слухи о мирѣ. Въ газетахъ печатались рѣчи императора при представленіи ему дипломатическаго корпуса и переговоры объ условіяхъ примиренія; явился Парижскій трактатъ, который грустное впечатлѣніе произвелъ на насъ. Но послѣдовавшія за тѣмъ извѣстія о твердомъ рѣшеніи новаго императора приступить къ преобразованію внутренняго положенія Россіи наполнили юныя наши сердца радостію. Это все происходило передъ окончаніемъ нами курса академическаго ученія.

Между тѣмъ студенческія наши занятія шли своимъ чередомъ неослабно. На экзамены лѣтомъ пріѣзжалъ къ намъ архіепископъ Григорій, который, будучи постояннымъ членомъ Синода, зиму всю и половину осени проживалъ въ С.-Петербургѣ и на лѣтніе мѣсяцы пріѣзжалъ въ епархію въ Казань. На этихъ экзаменахъ мы имъ были всегда довольны. Онъ былъ очень расположенъ къ студентамъ и академіи и обращался, какъ добрый дѣдушка съ внучатами, оказывая имъ любовь и снисхожденіе. Говорили, что въ семинаріи на экзаменѣ онъ былъ строгъ; его всѣ боялись и трепетали, потому что часто сердился, бранился на семинаристовъ. Но въ академіи я не видѣлъ и не слышалъ ничего подобнаго. Онъ даже самъ помогалъ студенту выйти изъ затрудненія какого-либо въ своихъ отвѣтахъ, не желая ставить его въ тупикъ. На одномъ экзаменѣ по литературѣ мнѣ приходилось передъ нимъ отвѣчать „о вдохновеніи поэтовъ“. Много я читалъ заученное и отвѣчалъ на вопросы, даваемые Григоріемъ, но какъ только онъ замѣтилъ, что я сталъ путаться и не зналъ далѣе— что говорить, онъ сейчасъ же добродушнымъ: „Хорошо—довольно“

покончилъ дѣло, сказавъ мнѣ въ шутку: „пусть ихъ ждутъ", отвѣчая этимъ на сказанныя мною слова, что поэты не пишутъ свои произведенія, какъ вздумается, но ждутъ себѣ на это вдохновенія. Архіепископъ Григорій, бывшій впослѣдствіи митрополитомъ с.-петербургскимъ, по смерти Никанора, былъ крѣпкаго ума и очень ученый; съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ онъ находился въ дружбѣ, и дѣйствовали по Синоду заодно, и прокурора Протасова оба недолюбливали. Ученою спеціальностью его было изученіе русскаго раскола въ его исторіи и лжеученіи. Поэтому имъ издана въ печати большая книга подъ названіемъ: „Истинно древняя и истинно православная церковь—ученіе противъ раскола"; въ рукописи были въ употребленіи у студентовъ составленныя имъ подробныя записки по исторіи раскола. Въ академіи онъ положилъ начало и основаніе миссіонерскому противораскольническому отдѣленію и заставилъ студентовъ, по своему желанію—добровольно, заниматься изученіемъ раскола. Для этого онъ старался снабдить академію всѣми нужными пособіями. Такъ, кромѣ своихъ сочиненій и записокъ по расколу, онъ снабдилъ академію тогда секретными отчетами по своевременному состоянію раскола въ Россіи, особенно въ Нижегородской и Саратовской губерніяхъ, хранившимися въ многихъ томахъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ самъ выхлопоталъ взять изъ секретнаго храненія, и самъ привезъ ихъ съ собою въ Казань; далъ для прочтенія ректору, который черезъ студентовъ всѣ ихъ списалъ для себя, а студенты при этомъ постарались и себѣ списать. Свѣдѣнія въ этихъ отчетахъ были самыя живыя—современныя, никому неизвѣстныя тогда,—свѣдѣнія изъ самаго внутренняго быта раскольниковъ, изъ потайной ихъ жизни и дѣятельности въ дебряхъ своихъ скитовъ. Отчеты были составлены чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, нарочно командированнымъ для изученія раскола на мѣстѣ, извѣстнымъ Мельниковымъ, знаменитымъ писателемъ въ современной литературѣ подъ псевдонимомъ: „Андрей Печерскій". По его же ходатайству поступила во владѣніе академіи обширная библіотека Соловецкаго монастыря, въ которой хранились всѣ раскольническія книги и рукописи рѣдкія и дорогія по цѣнности и древности. Эта Соловецкая библіотека въ академіи послужила богатѣйшимъ источникомъ свѣдѣній по расколу и обильнымъ матеріаломъ для ученыхъ сочиненій по изученію раскола Нашъ курсъ немного изучалъ расколъ, и то въ послѣднее только время. Но нѣкоторые изъ товарищей, какъ Щаповъ и Добротворскій, даровитѣйшіе изъ студентовъ, занимались имъ спеціально и тщательно, и составляли, по выходѣ изъ академіи, въ печати капитальныя сочиненія.

Въ продолженіе всего нашего ученія въ академіи, вѣроятно по

отдаленности ея отъ С.-Петербурга, мы не видали почти никакихъ высокопоставленныхъ лицъ—въ качествѣ грозныхъ ревизоровъ и не ревизоровъ. Разъ только, зачѣмъ не знаю, ректоръ водилъ по нашимъ комнатамъ какого-то ходившаго индѣйскимъ пѣтухомъ петербургскаго чиновника и какъ надо думать вліятельнаго потому, что ректоръ держалъ себя передъ нимъ подобострастно, а онъ обращался къ нему „свысока", да и на насъ смотрѣлъ какъ-то презрительно и свирѣпо, точно мы передъ нимъ не стоящая ничего тварь. И слышали мы отъ него одни слова, сказанныя намъ мимоходомъ въ обращеніи къ ректору: „волосы у нихъ длинны, надо остричь подъ гребенку". До того противенъ намъ показался этотъ разжирѣвшій чиновникъ, надутый, какъ клещъ, своею гордостію, что мы очень рады были, когда онъ ушелъ, и болѣе мы уже никогда его не видали. Послѣ мы узнали, что надутая особа была нечто иное, какъ только директоръ духовно-учебнаго управленія, по фамиліи Карасевскій, имѣвшій тогда, какъ говорили, такую силу у оберъ-прокурора графа Протасова, что въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ дѣйствовалъ какъ полновластный министръ. Впрочемъ, въ духовномъ вѣдомствѣ и вообще, имѣли силу и всѣми и всѣмъ ворочали, какъ хотѣли, и отъ того сильно наживались и другіе канцелярскіе директоры подъ покровомъ всемогущаго Протасова. Этихъ директоровъ страшно боялись даже архіереи; неугодившій имъ архіерей терпѣлъ отъ нихъ большую невзгоду; его лишали наградъ, могли перевести, ни за что ни про что, изъ лучшей епархіи въ худшую, а то и совсѣмъ удалить на покой; зато каждый жившій съ ними въ дружбѣ и ухлеблявшій ихъ и награждался, и благоденствовалъ, и возвышался ни за что, и не въ примѣръ другимъ. Разсказывали тогда, что архіереи, получившіе черезъ нихъ хорошія—доходныя епархіи, обязательно въ продолженіе многихъ лѣтъ платили условленную большую сумму денегъ. Доселѣ еще жива злая память о тогдашнихъ знаменитостяхъ—директорахъ: Карасевскомъ, Гаевскомъ, Войцеховичѣ, Сербиновичѣ, которые оставили въ управляемыхъ ими учрежденіяхъ до того глубоко свои традиціи, что живучесть ихъ не прекращалась и при обновленіи реформами администраціи и суда гражданскаго въ Россіи, съ вѣяніемъ отъ ихъ свѣтлаго духа на судъ и администрацію духовнаго вѣдомства, остающихся доселѣ внѣ нужной реформы; а нынѣ опять возрастающихъ и проявляющихся въ новыхъ фасонахъ директорскихъ...

Пріѣзжалъ разъ въ Казанскій университетъ министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, славившійся тогда своими сочиненіями въ печати; суеты было много вездѣ по поводу этого пріѣзда. Нѣсколько дней ждали его и въ нашу академію, которую онъ обѣщался посѣтить, но не дождались, — уѣхалъ и почему-то не хотѣлъ побыть...

Еще помню, проѣзжалъ изъ Сибири въ Ярославль архіепископъ Нилъ чрезъ Казань. Этотъ Нилъ посѣтилъ нашу академію, ласково поговорилъ со студентами во время посѣщенія ихъ въ своихъ комнатахъ и, осматривая все, что было ему видно, сказалъ намъ, что „насъ содержатъ теперь хорошо, и кормятъ, и одѣваютъ, и помѣщаютъ прилично, по-благородному; а въ мое время и въ академіи была чистая бурса“. Содержали насъ въ академіи дѣйствительно хорошо, въ сравненіи съ семинарскою бурсою. Были особыя спальни, гдѣ только спали ночью, а днемъ не смѣли быть, — да онѣ на ключъ и запирались до времени сна. Въ комнатахъ для занятій жили по 9—10 человѣкъ въ каждой; комната была большая съ двумя большими диванами и передъ ними большими четвероугольными длинными столами, по стѣнамъ стояло нѣсколько этажерокъ для занятій стоя, а за столами занимались сидя, кто какъ находилъ для себя удобнымъ. Утромъ будили насъ долгимъ звонкомъ, въ который во всю силу и немилосердно отзванивалъ служитель, проходя медленно весь длинный корридоръ, по одну сторону котораго расположены были спальныя комнаты. Этотъ звонъ начинался ровно въ 6 часовъ и своею силою и продолжительностію пробуждалъ всякаго спящаго и мертвымъ сномъ, и скоро приводилъ въ бодрость. Послѣ молитвы отправлялись въ столовую, гдѣ стояли самовары съ кипящею водой и корзинка съ ломтями бѣлаго казеннаго хлѣба. Хлѣбъ брали всѣ и ѣли, а чай садились пить тѣ, которые имѣли его, казеннаго не полагалось.

Въ послѣдній годъ предъ окончаніемъ курса даны были профессорами по своимъ предметамъ темы для курсовыхъ диссертацій. Каждый студентъ обязанъ былъ выбрать изъ множества темъ одну по своему желанію и написать на нее въ продолженіе послѣдняго года ученое сочиненіе на ученую степень кандидата или магистра. Это былъ тяжелый трудъ, для выполненія котораго надобно было предварительно доставать нужные источники—книги и на русскомъ, и на иностранныхъ языкахъ, и читать ихъ много и долго. И затѣмъ обмыслить планъ сочиненія и вкратцѣ написать и показать тому профессору, по предмету котораго избрана тема. Я выбралъ себѣ тему по богословскому предмету, который проповѣдывалъ архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ, о которомъ сказано выше. Темою было: „о вѣчномъ мученіи злыхъ духовъ и человѣковъ“. Составивъ предварительный планъ будущаго моего сочиненія, я понесъ его показать о. Ѳеодору. Онъ, просмотрѣвъ планъ, сдѣлалъ мнѣ указанія, какъ войти въ изслѣдованіе предмета поглубже, а не ограничиваться обычными пріемами. Совѣтовалъ мнѣ выяснить, по слову Божію въ свящ. писаніи и свящ. преданіи, основаніе для вѣчнаго мученія злыхъ духовъ и человѣковъ въ самомъ Богѣ, въ природѣ злыхъ

существъ и въ существѣ ихъ грѣха. Надъ этою выработкою и пришлось много думать и соображать—философскимъ путемъ и такъ углубленно, что я не разъ подумывалъ, что лучше и легче было бы сидѣть за какою-либо историческою темою и напрасно ее не взялъ. Такую тяжелую думу задалъ мнѣ этотъ мудреный Θеодоръ. Но взявшись за рало—не возвращайся вспять, вспомнилъ я заповѣдь Спасителя. И, слава Богу, съ Его помощію одолѣлъ свою задачу, хоть и усиленнымъ трудомъ. И благодареніе Богу, я за сочиненіе это главнымъ образомъ и удостоенъ былъ при окончаніи академическаго курса степени магистра.

Въ числѣ студентовъ нашего VI курса было нѣсколько весьма даровитыхъ, изъ которыхъ по окончаніи курса ученія нѣкоторые оставлены были при академіи баккалаврами. Это — Добротворскій и Щаповъ. Добротворскій впослѣдствіи поступилъ профессоромъ въ Казанскій университетъ и по своему уму и преподаванію предмета пользовался особымъ уваженіемъ, онъ и студентомъ по спискамъ всегда былъ первымъ. Университетъ посылалъ за границу, но по возвращеніи онъ скоро умеръ. Говорили, что во время своего путешествія за границей онъ нашелъ одну прекрасную младую гречанку, влюбившись, женился на ней, и она-то, будучи женой, измотала его жизнь и довела до гроба преждевременно... Щаповъ тоже скоро оставилъ академію и поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ своими воодушевленными лекціями производилъ фуроръ въ студентахъ, но по своей необузданной увлекательности долженъ былъ оставить и университетъ, надѣлавъ много шуму въ тогдашнее время и въ Казани, и даже въ С.-Петербургѣ своею печальною судьбою. Этотъ человѣкъ былъ преоригинальной натуры. Родомъ сибирякъ изъ Иркутска—чистый сибирскій самородокъ, типа бурятскаго и сложенъ дубнякомъ, большаго роста и съ большою копною курчавыхъ волосъ на большой головѣ, дурнецъ лицомъ; ума обширнаго и заносчиваго, характера необузданнаго и вздорнаго; любилъ заниматься чтеніемъ книгъ самыхъ ученыхъ и самъ до страсти привязанъ былъ къ сочинительству. Въ академіи, будучи студентомъ, онъ постоянно сидѣлъ за сочиненіями, обложенный множествомъ книгъ, и писалъ долго послѣ срока, и сочиненія эти всегда выходили обширныя, авторскаго достоинства и эрудиціи, вполнѣ ученаго характера. Во время сочинительства онъ никого не подпускалъ къ себѣ и рычалъ какъ звѣрь, если кто мѣшалъ ему. Поэтому всѣ и сторонились его, а онъ въ довольствѣ отъ того и проводилъ все свое свободное время среди своихъ книгъ-друзей, какъ отшельникъ. Общеніе съ товарищами онъ имѣлъ только тогда, когда нужно и можно о чемъ-либо поспорить и поразсудить, и въ этомъ случаѣ онъ неистощимъ и надоѣдливъ, при-

ходилъ въ азартъ, когда его оспаривали, и непреклонно стоялъ на своемъ, въ азартѣ забрыжжетъ васъ слюнами и не уступитъ. Товарищи его не любили и почасту даже поддразнивали. Курсовое разсужденіе онъ написалъ обширное по изслѣдованію русскаго раскола и послѣ издалъ его въ печати. Вотъ изъ этого-то студента впослѣдствіи и вышелъ тотъ извѣстный въ ученой литературѣ Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ, біографію котораго напечаталъ въ журналѣ „Вѣстникѣ Европы“ профессоръ университета Н. Я. Аристовъ, бывшій студентъ Казанской академіи VII курса... Еще въ Казани на службѣ университетской А. П. Щаповъ, во время процесса реформы крѣпостнаго быта, — въ это горячее освободительное время, — своими либеральными лекціями и рѣчами студентамъ имѣлъ несчастіе впасть въ подозрѣніе у крѣпостниковъ; его обвинили въ преступной агитаціи—вредномъ возбужденіи умовъ юношества университетскаго, арестовали и подъ арестомъ увезли изъ Казани въ Петербургъ. Ближайшимъ и быстрымъ поводомъ къ тому была отслуженная на кладбищѣ панихида по убіеннымъ крестьянамъ, при усмиреніи въ с. Бездна возмущенія крестьянъ; на этой панихидѣ демонстративно участвовали всѣ студенты со Щаповымъ во главѣ, который говорилъ надъ могилами рѣчи, выставляя убитыхъ мучениками за свободу и правду. Въ Петербургѣ Щаповъ жилъ подъ надзоромъ, и прикомандированъ къ архиву министерства внутр. дѣлъ для разборки архива съ жалованьемъ 50 р. въ мѣсяцъ. Надъ архивомъ онъ работалъ, какъ волъ, неутомимо, и какъ ученый и даровитый изслѣдователь принесъ большую пользу и министерству, и ученому міру; потому что въ это время по матеріаламъ архивнымъ составилъ не мало ученыхъ статей, которыя печаталъ въ современныхъ журналахъ, получая за нихъ хорошую плату. И жилъ такъ долго, не нуждаясь, со славой ученаго писателя, даже женился на одной достойной и образованной дѣвицѣ, дочери-сиротѣ умершаго профессора, которая вышла за него, увлекшись лишь его ученою славою и судьбой, почему бракъ для нея не былъ счастливъ. Но по своей широкой и некультивированной сибирской натурѣ не могъ успокоиться на этой укромной жизни. Въ чемъ-то онъ оказался еще опаснымъ въ Петербургѣ и усланъ былъ оттуда на свою родину въ Иркутскъ, гдѣ, пробавляясь мѣстной литературою, немного пожилъ и умеръ въ бѣдности, а прежде его умерла жена, послѣдовавшая добровольно за нимъ въ Иркутскъ изъ С.-Петербурга—мѣста ея родины.

По окончаніи курса ученія въ Казанской академіи въ іюлѣ 1856 г., я получилъ назначеніе въ Пензенскую семинарію—быть тамъ преподавателемъ математическихъ наукъ, съ прибавкою къ нимъ греческаго языка. Но поступить на должность могъ не скоро. Надо было

ждать еще утвержденія въ должности изъ С.-Петербурга — отъ духовно-учебнаго управленія при Синодѣ. Поэтому я и долженъ былъ изъ академіи отправиться на родину—къ отцу, и въ томительномъ ожиданіи безъ дѣла и въ скукѣ, прожилъ тамъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, пока не получилъ отъ товарищей въ Пензенской семинаріи частнаго письма, извѣщающаго, что утвержденіе въ Пензенской семинаріи уже давно получено, они уже вступили въ ноябрѣ въ должность, и удивляются, отчего меня тамъ доселѣ нѣтъ. По этому-то письму я сталъ поспѣшно собираться въ Пензу и вступилъ въ должность уже 7-го января 1857 года. А оффиціальнаго извѣщенія въ Тамбовѣ такъ и не получилъ. Между тѣмъ въ Тамбовской консисторіи оно получено въ свое время изъ духовно - учебнаго управленія, но, какъ бумага недоходная, лежала себѣ долго безъ движенія, затѣмъ двинулась медленно въ Кирсановское духовное правленіе, чтобы изъ него двинуться къ благочинному въ село Трескино, гдѣ я проживалъ. Идя и сидя на этихъ медленныхъ дистанціяхъ, она такъ и застряла въ Кирсановѣ, не дойдя во-время до благочиннаго моего отца, и дошла уже и очистилась по-канцелярски тогда, когда я давно уже былъ въ Пензѣ и служилъ, пропустивъ нѣсколько мѣсяцевъ, не получивъ за нихъ жалованье, и проживая безъ пользы на счетъ скудныхъ средствъ отца.

Вступивъ въ должность профессора,—тогда всѣ преподаватели семинаріи носили громкое имя профессора, хотя оффиціально усвоивалось оно только имѣвшимъ ученую степень магистра, которые и подписывались и прописывались вездѣ профессорами, а имѣющіе кандидатскую степень писались учителями. На службѣ въ Пензенской семинаріи я почувствовалъ удовольствіе жизни самостоятельной. Пріятно вспоминалъ, что благополучно пронесъ Господь чрезъ долговременную и трудную духовно-учебную школу, продолжавшуюся цѣлыя шестнадцать лѣтъ. Безъ ломки костей удалось пройти шестилѣтнюю бурсацкую жизнь въ училищѣ, съ его сѣченіемъ и побоями палачей-учителей, затѣмъ шестилѣтнюю жизнь на мѣдныя деньги въ семинаріи, подъ іезуитскимъ надзоромъ и инквизиторскимъ преслѣдованіемъ монаховъ - инспекторовъ, ихъ помощниковъ и четырехлѣтнее наконецъ обученіе въ академіи, хоть и обезпеченное благородствомъ обстановки, но подавляющее тяжелымъ однообразіемъ: все ученья и ученья безъ развлеченья;—удалось все это пройти съ потратою до истощенія силъ и здоровья, но безъ искалѣченія, съ полною возможностію, при помощи молодыхъ силъ, войти въ свою мѣру и въ свою силу на самостоятельной жизни,—и слава Богу,—это все лучшее, чего и можно только получать отъ духовно-учебныхъ школъ; о другомъ чемъ нужномъ старайся уже самъ въ своей само-

стоятельной жизни, а школу не забывай своею благодарностію и за то, что вышелъ изъ нея „по-добру по-здорову",—цѣлъ и невредимъ.

„Корень ученія былъ по истинѣ горекъ". Сладки ли будутъ его плоды? Вотъ вопросъ, который предстояло разрѣшить въ послѣдовавшей самостоятельной жизни.

Въ Пензенской семинаріи я встрѣтилъ товарищескій кружокъ, въ которомъ была искренняя товарищеская связь и дружество. Въ немъ были два мои товарища—сокурсники, Степанъ Васильевичъ Масловскій и Александръ Мануиловичъ Каллистовъ, и курсомъ старшій Василій Михайловичъ Розовъ—всѣ воспитанники одной академіи, и уже не молодой по лѣтамъ, но молодой по духу Семенковскій Николай Ивановичъ. Всѣ мы пятеро были между собою искренны и откровенны; дѣлили пополамъ другъ съ другомъ и радости, и горести, и шалости. Всѣ мы ходили и въ гости къ своимъ сослуживцамъ—семейнымъ, съ которыми жили тоже ладно, и которые принимали и приглашали насъ съ искреннимъ радушіемъ. Здѣсь—въ домахъ семейныхъ, мы пѣли, танцовали съ дамами и барышнями-невѣстами со всѣмъ юношескимъ увлеченіемъ. Танцовать мы принуждены были особо учиться въ Пензѣ, и для этого отыскали себѣ дешеваго танцмейстера, который и обучилъ насъ на скорую руку самому нужному, что было въ ходу въ нашемъ кружкѣ, ибо скоро сознали неловкость своего положенія въ кругу будущихъ невѣстъ. Иногда поигрывали и въ картишки, по самой маленькой, чтобы въ случаѣ несчастія не проиграть болѣе полтинника. При этомъ и выпивали не полной рюмочкой, чтобы только не терять веселаго расположенія. Одинъ только Николай Ивановичъ, какъ старшій насъ на много лѣтъ, по праву выпивалъ полною рюмкою, и почасту отъ того доходилъ до такого благодушнаго смиренія, что съ умильною улыбкою посматривалъ на всѣхъ, чувствуя какую-то неизреченную радость отъ своего присутствія среди друзей. Да ему, по общему признанію, и можно было по всей справедливости выпивать по полной. Танцовать онъ не умѣлъ, и любилъ только весело смотрѣть на танцующихъ. Жениться не располагался, потому что на лѣта свои сталъ смотрѣть, какъ на застраховку отъ невѣстъ. Въ картишки играть тоже былъ не охотникъ, но никогда не отказывался, когда для ералашной партіи недоставало четвертаго партнера, и тутъ-то и была для него самая удобная почва выпивать по полной и почаще. И чѣмъ, отъ того, веселѣе онъ былъ, тѣмъ веселѣе и молчалъ. По природѣ своей вообще онъ былъ человѣкъ смирный, не говорливый и большой добрякъ. Въ этомъ товарищескомъ кругу мы находили всю отраду и утѣшеніе жизни, и отдыхали отъ жизни служебной, которая не давала намъ вкушать сладкихъ плодовъ.

Въ Пензенской семинаріи я преподавалъ алгебру, геометрію и пасхалію въ нижнемъ классѣ, и греческій языкъ въ томъ же классѣ въ послѣобѣденное время. Науки математическія издавна въ семинаріяхъ были въ пренебреженіи и у учениковъ, и у начальства. Для преподавателя это обстоятельство было крайне тяжело. Ученики, въ огромномъ большинствѣ, рѣшительно не хотѣли учиться, и ничѣмъ нельзя было ихъ понудить учиться, потому что они очень хорошо знали, что если они учатся по другимъ, особенно главнымъ предметамъ, то незнаніе математики имъ нисколько не попрепятствуетъ свободно переходить въ высшій классъ, не понижаясь нисколько въ разрядномъ спискѣ. Такъ всегда поступало начальство семинарское. Нужно было самому учителю ухищряться въ преподаваніи такъ, чтобы заохотить учениковъ и имѣть хоть сносное количество занимающихся, и облегчить имъ усвоеніе предмета по тяжелымъ стариннымъ учебникамъ. И вотъ я для пользы учениковъ и для своей рѣшился преподавать имъ какъ можно поупрощеннѣе и нагляднѣе, и принялся за тяжелый трудъ составленія самыхъ простенькихъ записокъ, которыя для нихъ и писалъ, выбирая изъ академическихъ и другихъ подходящихъ руководствъ нужный матеріалъ, и излагая его въ доступной ученикамъ формѣ и складѣ рѣчи. Записки эти и сдавалъ ученикамъ для списыванія. А въ классѣ предварительно уяснялъ и продѣлывалъ на доскѣ то, что они находили въ запискахъ. Этимъ я хоть немного помогъ успѣху дѣла. Я не былъ въ классѣ безъ внимательно слушающихъ учениковъ и отвѣчающихъ съ знаніемъ того, что я имъ преподавалъ. Но это на первыхъ порахъ стоило большаго труда, и мнѣ приходилось сидѣть дома за постоянной письменной работой. А пасхалію я и самъ не зналъ, въ академіи о ней не было и помина. Къ счастію моему въ Пензенской семинаріи по другому отдѣленію низшаго класса былъ отличный пасхалистъ, преподаватель давнишній,—Павелъ Матвѣевичъ Семиліоровъ, который издалъ въ печати, имъ составленную недавно предъ моимъ поступленіемъ, научную книжку „Пасхалія", да такую умную и обстоятельную, что мнѣ безъ труда по ней можно было узнать, что нужно, и преподавать. Эту драгоцѣнную для меня книжку я изучилъ, составилъ по ней коротенькія и простенькія записки, и ученики съ охотой ихъ усвояли. Учениковъ было все-таки мало—меньшинство, а большинство все-таки не училось, или училось кое-какъ. Но слава Богу и это, а то приходилось бы и воду толочь...

Семинарія Пензенская была въ то время тѣсненькая и грязнѣйшая. Зданіе каменное—стариннѣйшей постройки, комнаты классныя низкія—рукой потолки доставались. Ни стѣны, ни полы не были даже обѣлены, смотрѣли мрачными, полы некрашеные, отъ пыли и

грязи всегда черные. Выметали ихъ кое-какъ, перегоняя пыль съ мѣста на мѣсто. Поэтому въ классахъ всегда было душно и тяжко. Ученики сидѣли всѣ, въ чемъ пришли, въ калошахъ, у кого онѣ были, въ тулупахъ, если зимой, и другомъ верхнемъ платьѣ, потому что классы зимой всегда были холодные. Большую часть зданія занимало начальство—ректоръ и инспекторъ; квартиръ для кого-либо изъ наставниковъ ни одной не было; да квартира ректора была тѣсная, а у инспектора и походить было негдѣ. Ректоромъ въ мое время былъ архимандритъ Евпсихій, а инспекторомъ архимандритъ Серафимъ. Евпсихій былъ пренесносный человѣкъ, по своей горделивости и капризному настроенію и по отсутствію всякихъ достоинствъ. Умомъ и знаніемъ былъ до крайности скуденъ, и удивленія было достойно, какъ могъ онъ быть—и долго—ректоромъ при полной своей неспособности. И внѣшность его была самая мизерная: маленькій ростомъ, съ морщенной дурной физіономіей, съ походкой задорнаго пѣтушка. Нельзя было не смѣяться при видѣ этой удивительной каррикатурной фигуры. Не даромъ онъ въ свое время фигурировалъ въ сатирическомъ журналѣ „Искра". Говорили, что онъ въ академіи шелъ по третьему разряду, т. е. такой былъ ученикъ, котораго за неспособностію надо было давно уволить, но его терпѣли и провели до конца, только ради одного его монашества. Въ Пензенской семинаріи онъ служилъ очень долго, и къ счастію не пошелъ дальше,—не пустили въ архіереи, а убрали въ какой-то монастырь на подобающее мѣсто... Отъ наставниковъ онъ держалъ себя всегда въ отдаленіи, и по своему мелочному тщеславію желалъ и беззастѣнчиво даже выражалъ, чтобы они, особенно молодые, еще незаслуженные, были къ нему какъ нельзя болѣе почтительнѣе, т. е. когда останавливалъ онъ ихъ гдѣ въ корридорѣ, или на дворѣ, и что-либо говорилъ имъ,—то они непремѣнно стояли бы безъ шапокъ. Конечно, никто этого передъ нимъ не дѣлалъ, но онъ отъ этого рьяно пѣтушился... Инспекторъ Серафимъ былъ человѣкъ достойный, тихо и кротко держалъ себя вездѣ и во всемъ, но тоска внутренняя его постоянно грызла, и отъ того, какъ говорили, что его слишкомъ долго держатъ на одномъ инспекторскомъ мѣстѣ, и не повышаютъ; забыли почему-то и не во вниманіи былъ онъ у высшаго начальства. Слышно было, что его куда-то двинули впослѣдствіи въ ректоры, но въ архіерействѣ его не оказалось. Епископомъ въ Пензѣ въ мое время былъ Варлаамъ, недавно переведенный сюда изъ Архангельска, на мѣсто умершаго Амвросія Морева, который въ Пензѣ оставилъ память въ духовенствѣ тѣмъ, что всѣхъ своихъ многочисленныхъ племянницъ размѣстилъ по лучшимъ священническимъ мѣстамъ, отдавая ихъ замужъ все за профессоровъ семинаріи, и снабжалъ ихъ богато

имѣніемъ. Сестра Амвросія старушка имѣла въ Пензѣ большой двухъэтажный каменный домъ, купленный ей братомъ; въ домѣ этомъ она жила съ двумя своими зятьями, изъ которыхъ одинъ, Яковъ Петровичъ Бурлуцкій, былъ профессоромъ и экономомъ семинаріи и еще протоіереемъ при городской церкви, самой доходной изъ всѣхъ въ Пензѣ; другой—профессоромъ только одной семинаріи былъ, не успѣвшій получить лучшаго священническаго мѣста за скорою смертію дядюшки, но зато разсчитывавшій одинъ имѣть во владѣніи тещинъ каменный домъ по ея смерти, потому что Яковъ Петровичъ—своякъ его, былъ и слылъ большимъ богачемъ; а онъ, Константинъ Ѳедоровичъ Смирновъ, не успѣлъ получить ожидаемыхъ благъ отъ дядюшки за его смертію.

Епископъ Варлаамъ былъ нрава крутаго, но прямаго и честнаго. Велъ онъ жизнь простую, безъ всякихъ сибаритскихъ прихотей, и доступенъ былъ для духовенства и другихъ во всякое время. Въ обращеніи былъ грубоватъ и аляповатъ, но это и шло къ его простой, не дипломатичной, а искренней его натурѣ. Роста онъ былъ большущаго, и сложеніе тѣлесное имѣлъ крѣпкое, какъ дубнякъ. Съ удовольствіемъ и пользою ѣлъ простой сухой картофель и капусту кислую, и любилъ гречневую кашу съ медомъ. Обладалъ онъ крѣпкимъ здравымъ смысломъ русскаго стариннаго человѣка и велъ себя и обращался со всѣми по этому своему смыслу, безъ всякаго стѣсненія себя какими-либо тонкостями дипломатическими: вѣжливостію, ласковостію и любезностію, при которыхъ обыкновенно мягко стелятъ, а жестко спать. Духовенство имъ было довольно, потому что онъ не обременялъ его ничѣмъ, и слѣдилъ за консисторіею, на сколько могъ. Въ поѣздкахъ по епархіи ѣздилъ просто—съ малою свитою, и останавливался только у духовенства, которымъ запрещалъ дѣлать угощенія ему, а кормить тѣмъ, что есть, чѣмъ Богъ послалъ, не гнушаясь ночевать и въ бѣдной хижинѣ на убогой постелѣ. Но крѣпостные помѣщики тогдашніе его недолюбливали. Онъ ихъ никогда не ублажалъ и отъ ихъ капризовъ и стѣсненій всегда защищалъ духовенство. Разсказывали тогда, что какой-то помѣщикъ явился къ нему и азартно на словахъ чернилъ своего приходскаго священника, жалуясь на то и другое... Варлаамъ выслушалъ его и, оцѣнивъ своимъ здравымъ умомъ все ему наговоренное, прямо сказалъ такія не дипломатичныя слова этому ярому помѣщику: „Удивляюсь, вы образованный человѣкъ, а являясь къ архіерею, говорите ему безцеремонно такія глупости". Ошеломленный помѣщикъ поспѣшно раскланялся, но въ архіерейской передней не выдержалъ и сказалъ въ азартѣ: „это не архіерей, а сибирскій медвѣдь". Съ аристократіею и плутократіею онъ не сближался, такъ какъ ничего отъ

нея онъ не любилъ выгадывать, да она отъ него не могла чѣмъ пользоваться въ своихъ прихотяхъ. Онъ любилъ сидѣть дома за постоянными занятіями, которыхъ было очень много по управленію одному, а во всякое дѣло онъ считалъ своею обязанностію входить самому непосредственно. Не чуждъ былъ онъ и чисто ученыхъ занятій. Говорили, что онъ занимался пасхаліею и уже составилъ по этому предмету большое ученое изслѣдованіе и готовилъ его къ печати, но требовалъ при этомъ отъ начальства, чтобы цензура его сочиненія поручена была митрополиту московскому Филарету, котораго онъ особенно уважалъ. И я зналъ, что онъ приглашалъ къ себѣ часто пасхалиста преподавателя семинаріи Павла Семиліорова для разныхъ справокъ, и поручалъ въ семинаріи—не отъищутъ ли гдѣ что-нибудь по вопросу: о dies solis—день солнца у римлянъ, который былъ и днемъ воскреснымъ. Съ духовенствомъ и съ корпораціею семинарскою и со всѣми учеными онъ любилъ сближаться. Во всѣ высокоторжественные праздники и царскіе дни всѣ духовные и учители непремѣнно и обязательно къ нему являлись in corpore для поздравленія. Всѣ очередные проповѣдники съ своими проповѣдями должны были заранѣе лично быть у него. Онъ принималъ каждаго въ своемъ кабинетѣ и заставлялъ свою проповѣдь ему читать, а онъ, садясь, слушалъ, дѣлая по временамъ свои замѣчанія, и затѣмъ на проповѣди своею рукою аляповато писалъ рецензію—чего она стоитъ, и дозволеніе или недозволеніе произнести при архіерейскомъ служеніи. Къ сказыванію проповѣдей очередныхъ привлекались тогда и всѣ наставники не священники. Мнѣ самому лично, тогда въ Пензѣ, пока я тамъ служилъ, пришлось испытать два раза эту коммиссію. Первый разъ я пришелъ къ нему съ проповѣдью на текстъ: „не любите міра, ни яже въ немъ", назначенною мнѣ въ день препод. Варлаама,—день ангела владыки. Проповѣдь по-моему была приличная дню, и написана съ яснымъ убѣжденіемъ въ тщетѣ мірскихъ благъ, но просто, съ доказательствами изъ наблюденія и опытовъ исторически-житейскихъ. Но когда я прочиталъ ему, онъ взялъ проповѣдь у меня и, ничего говоря, написалъ на ней: „дозволяется сказать, но впередъ ученому человѣку нужно писать проповѣди не историческія, а или догматическія или чисто-нравственныя". Сказать эту проповѣдь мнѣ не пришлось, потому что Варлаамъ рано утромъ отъ именинъ своихъ внезапно уѣхалъ въ загородный свой домъ архіерейскій и потомъ никого къ себѣ не принималъ.

Въ другой разъ носилъ къ нему проповѣдь въ недѣлю мясопустную и постарался вложить свою ученую мудрость въ проповѣдь, чтобы не получать замѣчанія отъ архіерея въ небреженіи ученымъ рангомъ. Изъ дневнаго евангелія о страшномъ судѣ я взялъ тему о

вѣчномъ мученіи грѣшниковъ и написалъ не проповѣдь, а догматическое разсужденіе, въ которомъ доказывалъ необходимость вѣчнаго мученія по требованію божественной природы Бога въ Его существѣ и троичности, по требованію природы грѣшниковъ и по требованію существа грѣха. Когда я явился къ нему, въ это время былъ у него городской священникъ Секторовъ тоже съ проповѣдью на тотъ же день, и онъ уже свое дѣло окончилъ и готовился уходить. Варлаамъ, увидѣвъ меня, остановилъ Секторова подождать, а меня заставилъ читать. Послушавъ нѣсколько, онъ сказалъ Секторову: „ну, отецъ, иди, эта проповѣдь будетъ получше твоей“. Я началъ продолжать чтеніе, которое онъ иногда прерывалъ, и совѣтовалъ, въ какихъ мѣстахъ прибавить: „страшно, страшно, слушатели“. Насилу я кончилъ чтеніе, усталъ, запыхался,—проповѣдь была большая, годная только для кабинетнаго чтенія, читалъ предъ нимъ стоя, сажать онъ не имѣлъ обычая. Когда остановился и отдыхать сталъ, онъ сказалъ мнѣ: „что вы взволнованы“, не думая, что я усталъ и нужно бы посидѣть, а думая о чемъ-то другомъ. На проповѣди онъ написалъ: „углубленіе въ предметъ очень замѣтно, хотя предметъ все еще не изслѣдованъ. Впрочемъ, благословляется сказать“.

Эта проповѣдь сказана мною при архіерейскомъ служеніи въ соборѣ, сказывалъ въ стихарѣ. Это бывало хоть и рѣдко, но крайне тяжело въ нравственномъ отношеніи. Уже давно вышелъ я изъ учениковъ, и ужъ насолило это ученичество въ продолженіе долгой учебной школы, а тутъ еще сумасбродный архіерей Варлаамъ обращается съ тобою и съ твоими проповѣдями по-школярски.

Такъ отводили мы, что называется, душу свою ропотомъ и бранью на Варлаама въ своей компаніи и тихомолкомъ въ другихъ мѣстахъ. Не менѣе тяжелъ былъ Варлаамъ и на экзаменахъ въ семинаріи. Когда пріѣзжалъ на какой-либо предметъ экзамена, непремѣнно должна была собраться вся корпорація наставниковъ, встрѣтить его чуть не за воротами, подобострастно какъ идолу поклоняться,—надо замѣтить, что дома ему кланялись въ ноги; и затѣмъ всѣмъ сидѣть на экзаменѣ до конца. На экзаменѣ онъ уже и ломался во всю свою владычну силу и волю, не экзаменуя, а тѣша лишь себя, чрезъ свою потѣху надъ учениками и надъ ихъ учителями. Безъ возмущенія я не могу вспомнить такой сцены на экзаменѣ, которую владыка продѣлывалъ, какъ комедію. Вотъ вызваны для отвѣтовъ три ученика, съ ними съ боку стоитъ и учитель, какъ лицо тоже отвѣтственное. Ученики робко читаютъ наизусть, что имъ назначено къ отвѣту. Варлаамъ сурово слушаетъ... И вдругъ, останавливая отвѣчающаго, задаетъ на разрѣшеніе свой вопросъ, пришедшій ли ему внезапно, или заранѣе придуманный, на который ученикъ недоумѣваетъ, что

сказать, и боится, какъ бы въ чемъ не попасться. Помолчавъ нѣсколько, Варлаамъ хмуро киваетъ головой въ сторону учителя, говоря: „ну, учитель?“ Учитель начинаетъ говорить, что находитъ нужнымъ. Варлаамъ строго говоритъ: „нѣтъ, не то“, и если учитель боекъ, и говоритъ все—такъ, или иначе, на разные лады,—Варлаамъ постоянно удерживаетъ или осаждаетъ его одними только словами: „все не то, да не то“. Затѣмъ перебираетъ другихъ сидящихъ на виду учителей другихъ предметовъ, и всѣхъ переберетъ, часто до послѣдняго сидящаго. Кого знаетъ, поднимаетъ такъ: „ну-ка, Спасскій протоіерей! Ну-ка, протоіерей Троицкій?“ „Все не то“, говоритъ на слова протоіереевъ мудреный Варлаамъ. „А ну-ка, новенькій“, кивая въ нашу группу, „какъ васъ тамъ учили?“ И новенькимъ скажетъ то же—все не то. Ну-ка, отецъ инспекторъ? Инспекторъ поднимается медленно, съ грустною улыбкою, прижимая къ груди своей архимандричій крестъ, начинаетъ говорить, что думаетъ. Варлаамъ, помахивая своею головой, озадачиваетъ его словами: „эхъ, учитель Израилевъ, сихъ ли не вѣси! Ну, отецъ ректоръ?“ Убогенькій Евпсихій заерзаетъ на своемъ креслѣ около архіерея, и съ подобострастною улыбочкою что-то начнетъ въ уши архіерея тихонько говорить, и тѣмъ легко отъ него отдѣлывался. Ему Варлаамъ ничего бывало не скажетъ почему-то. И наконецъ все Варлаамъ поканчиваетъ такъ: „а мнѣ кажется дѣло-то простое: вотъ что я хотѣлъ слышать,—и скажетъ въ трехъ-четырехъ словахъ уже дотого простое, что всѣ бывало не надивятся, изъ-за чего же и весь „сыръ-боръ загорался?“ Ректоръ Евпсихій дотого юлилъ предъ Варлаамомъ, дотого пресмыкался, умѣя напускать на себя какую-то сіяющую во всей его физіономіи несказанную радость и умиленіе отъ созерцанія владыки, что возмутительно было видѣть его въ этой фальши всякому, но Варлаамъ за одно это конечно,—потому что другаго чего въ ректорѣ не было,—благоволилъ къ нему и любовно былъ снисходительнымъ; а къ инспектору Серафиму, державшему себя солидно, какъ подобаетъ приличному достоинству, видимо для всѣхъ не былъ расположенъ... На экзаменахъ публичныхъ ректоръ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы Варлааму воздать поболѣе, какъ только можно, чести и угожденій,—и заставлялъ заранѣе и учениковъ, кто подаровитѣе, а всего чаще наставниковъ—сочинять въ честь и славу владыки рѣчи, которыя и говорились учениками, изучившими ихъ наизусть, предъ владыкою, когда онъ со всею торжественностію и велелѣпіемъ вступалъ въ экзаменаціонныя комнаты. Эти рѣчи Евпсихій предварительно по-своему изукрашивалъ, вставляя въ нихъ, гдѣ только возможно, цвѣтистыя, льстивыя и кудрявыя слова и выраженія во славу владыки. И отъ этихъ цвѣтистыхъ похвалъ не могла не вскружиться и Варлаама голова.

Въ Пензѣ я прожилъ недолго, не болѣе полутора года. Отрадныя воспоминанія остались у меня отъ дружной товарищеской жизни, при которой мы, въ частыхъ компаніяхъ своихъ у того или другаго товарища семейнаго, находили развлеченіе отъ сутолоки служебной. Не мало развлеченія намъ доставляли общественныя гулянья въ городскомъ скверѣ, предъ губернаторскимъ домомъ, гдѣ часто слышалась даромъ прекрасная музыка губернаторскаго оркестра. Губернаторомъ въ то время былъ Панчулидзевъ, старикъ уже, бѣлый, какъ „лунь", что называется. Онъ давнымъ - давно губернаторствовалъ въ Пензѣ и жилъ всегда въ одно полное свое удовольствіе, какъ истый сибаритъ. Онъ - то и давалъ возможность находить удовольствіе и развлеченіе всѣмъ въ городѣ и даромъ въ скверѣ, который по его старанію давно устроенъ былъ прекрасно, — съ широкими аллеями между деревьями, концентрически проведенными; а въ срединѣ сада площадь, на которой былъ прекрасный фонтанъ, и большая бесѣдка для оркестра.

Дѣлами губернаторъ, какъ говорили, пересталъ заниматься, любилъ, несмотря на старость, только веселиться. У него подъ рукой для всякихъ нужныхъ дѣлъ были преданные и тѣломъ и душой постоянные дѣльцы, составившіе себѣ громкую славу во всей Пензѣ. Это правитель канцеляріи Мѣшковъ и два чиновника особыхъ порученій: кривой на лѣвый глазъ Карауловъ и съ двумя дальнозоркими глазами Кузьминскій. Ходилъ по городу Пензѣ такой про нихъ каламбуръ: „губернаторъ сидитъ въ мѣшкѣ, караулитъ правымъ глазомъ, дабы кого подкузьмить". Былъ и еще загородный садъ или роща, куда мы могли ходить для гулянья на чистомъ легкомъ воздухѣ. Въ рощѣ этой—театръ, куда мы очень рѣдко ходили, потому что на хожденіе нужны лишнія деньги, которыхъ у меня не могло быть.

Матеріальное обезпеченіе по службѣ въ семинаріи было скудное. Я получалъ въ мѣсяцъ не болѣе 21 р. съ копѣйками, а въ годъ двѣсти пятьдесятъ семь руб. Магистерскій окладъ въ 100 руб. въ годъ, я еще не скоро могъ получить — его выслали черезъ годъ. Квартиръ при семинаріи не было. Уроковъ стороннихъ нигдѣ не находилось. Вотъ и ухитряйся жить прилично. Ну, и жилъ, какъ было можно. Семь руб. съ полтиной платилъ за квартиру со столомъ у одного добраго діакона, при Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ.

Проживъ въ Пензѣ годъ, я уже сталъ чувствовать, что изъ пензенской семинарской жизни и службы не выжмешь для себя жизненной силы. Бѣдна, грязна и сутолочна она до крайности, и не видно было просвѣта къ лучшему. Вслѣдствіе сего, и по мечтамъ поэтическимъ:—„о родина святая! Кто не умиралъ, тебя благословляя",—я замыслилъ перейти на родину въ Тамбовскую семинарію, и когда

узналъ, что тамъ есть ваканція, немедленно написалъ просительное письмо синодальному оберъ-прокурору о переводѣ меня въ Тамбовъ. Вслѣдствіе этого письма скоро и прислано было на имя епископа Варлаама оффиціальное увѣдомленіе о перемѣщеніи меня согласно просьбѣ. Въ Тамбовъ пріѣхалъ я на свой счетъ и вступилъ въ должность профессора физики и математики 1858 года 6-го іюня; ректоръ семинаріи архимандритъ Ѳеофилактъ, къ которому представился, принялъ меня съ особенною наружною ласковостію, что̀ меня не мало удивило, при вспоминаніи объ обращеніи пензенскаго пѣтушка Евпсихія. На другой день повезъ меня на тройкѣ своихъ лошадей къ епископу Макарію, который жилъ въ это время въ загородномъ архіерейскомъ домѣ на хуторѣ. И Макарій своимъ ласковымъ обращеніемъ и деликатностію расположилъ къ себѣ и удивилъ, при невольномъ вспоминаніи о грубомъ и аляповатомъ пензенскомъ Варлаамѣ. Ну, подумалъ я, здѣсь не то, что Пенза. Начальство доброе,—служба будетъ, при его вниманіи и добромъ руководствѣ и поощреніи, не тяжела и не безотрадна. И по возвращеніи чувствовалъ себя въ довольствѣ. При семинаріи для неженатыхъ наставниковъ было нѣсколько казенныхъ квартиръ въ особомъ каменномъ флигелѣ, длинномъ и одноэтажномъ; одна изъ нихъ была свободна, въ ней я и поселился. Во флигелѣ этомъ жили три наставника: В. О. Поспѣловъ и Димитрій Николаевичъ Тростянскій, — уже довольно послужившіе—болѣе 10 лѣтъ, при которыхъ и я еще учился въ семинаріи,—и молодой только-что поступившій изъ С.-Петербургской академіи Николай Михаиловичъ Вирославскій, потомъ протоіерей при С.-Петербургской Владимірской церкви. Они меня приняли радушно,—какъ друга-товарища, и я скоро въ кругу ихъ освоился и оріентировался въ совмѣстномъ житьѣ-бытьѣ. Василій Осиповичъ Поспѣловъ жилъ между нами аристократомъ, — такъ звали его наставники. Ему давно удалось войти въ городѣ въ свѣтскій кружокъ и завести знакомство съ порядочными людьми и довольно высокими аристократами. Чрезъ нихъ онъ имѣлъ частныя должности, дававшія ему значительныя пособія въ матеріальномъ содержаніи, и не мало частныхъ уроковъ съ хорошимъ вознагражденіемъ въ домахъ богатыхъ: Ліона, Арапова, напримѣръ. Все это давало ему возможность жить свободно и въ довольствѣ, ходить въ клубъ и въ театры, и быть общественнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, да и казенную квартиру обставить на свой счетъ на хорошій тонъ, съ диванами и мебелью на пружинахъ. Но мы трое ничего такого не имѣли, пробавляясь долго однимъ скуднымъ семинарскимъ жалованьемъ. Квартиры наши были чисто казематы, тѣсныя, грязныя, съ некрашенными полами, съ хромою и ветхою казенною утварью, въ родѣ стариннаго дивана огром-

ной величины и плотничьей подѣлки съ грубой кожанной обивкой, которая отъ древности уже была протерта до хлама внутренняго, и такихъ же стульевъ, которыхъ рукой одной и поднять было нельзя. Все въ нихъ и во всемъ дышало семинарскою пресловутою бурсою. Но на первыхъ порахъ, при скудости средствъ, я довольствовался и тѣмъ, что нашелъ. Одно то уже не мало значило, что квартира даровая, не платить за нее, да при квартирѣ позволено было довольствоваться чернымъ хлѣбомъ изъ семинарской бурсы и солью и дровами для отопленія кухни и комнатъ. Чувствовалось по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ пензенскимъ убожествомъ много лучше и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. Комнаты впрочемъ, послѣ усиленныхъ просьбъ у ректора, дешевенькими обоями оклеили, но окраски половъ и поправки старой мебели добиться отъ эконома стариннаго, еще о которомъ я говорилъ выше, протоіерея Степана Березнеговскаго, никакъ не могли. Уперся жидоморъ и никакихъ резоновъ не хотѣлъ слушать. И обоями-то оклеили только потому, что молодой нашъ товарищъ Вирославскій, къ которому епископъ Макарій видимо благоволилъ по землячеству съ нимъ, попугалъ эконома жалобой архіерею. Вирославскій, благодаря этому землячеству, получилъ даже и мебель приличную отъ самого ректора, изъ большаго излишка въ ректорской квартирѣ. А мнѣ, когда я просилъ дать хоть два-три стула изъ излишка, этотъ ректоръ, съ кошачьею ласковостію на словахъ, отказалъ, узнавъ, что я ничѣмъ ему не могу насолить, какъ человѣкъ безъ фавора; и долженъ былъ потратиться на новую, хоть и дешевую, свою мебель, выпроводивъ поскорѣе казенную—клоповую. И странное дѣло! когда, спустя нѣкоторое время, поступилъ въ семинарію въ наставники монахъ Венедиктъ, и монахъ-то убогій нравственно, и пьяница горькій, для него живо отдѣлали и квартиру, и мебелью ее снабдили казенною, и жилъ онъ себѣ вольготно въ милости у ректора и инспектора, безъ стѣсненія припѣвая и попивая, и жилъ долго такъ, пока не убрали его какъ непотребнаго въ Задонскій монастырь на укрощеніе. Какъ бы то ни было, но въ домашнемъ—обиходномъ бытѣ я обезпечивался достаточно и дешево. Прислуга у насъ была общая, платили ей не много, и кормилась она на счетъ бурсы вмѣстѣ съ общею семинарскою прислугой. Въ каникулы и лѣтомъ и зимой я уѣзжалъ на отцовскихъ лошадяхъ въ родительскій домъ, все время проживалъ и отдыхалъ въ кругу родныхъ, сберегая большую часть каникулярнаго жалованья. Отцу я приносилъ маленькую помощь тѣмъ, что учащіеся братья жили нѣсколько времени у меня на казенной квартирѣ и учились подъ моимъ присмотромъ и руководствомъ.

Да и самъ онъ пріободрился въ своемъ смиреніи, имѣя сына въ

Тамбовѣ, профессоромъ семинаріи, а профессоры тогда пользовались въ мірѣ духовномъ и учебномъ особымъ вниманіемъ и почетомъ, ибо академиковъ тогда было крайне мало, какъ много расплодилось ихъ теперь по всѣмъ даже училищамъ. Когда я мало-мальски обжился и сдѣлался извѣстнѣе, — тогда и консисторскіе перестали одолѣвать и тревожить отца, и даже скорѣе пошли ему и заслуженныя заурядныя награды. Это конечно утѣшало меня тѣмъ, что давало мнѣ возможность хоть чѣмъ-либо и такимъ хоть способомъ вознаградить отца за его воспитаніе и содержаніе во время моего ученія... Со временемъ открылась для меня возможность заняться частными уроками и въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ: Попова, Арапова, Сатиной и даже въ частномъ пансіонѣ княжны Назаровой. Это давало мнѣ не малое пособіе къ скуднымъ семинарскимъ средствамъ, которыя впрочемъ одни на много больше были пензенскихъ; я получалъ уже не 257 р., а 420 р. при казенной квартирѣ бурсацкой, отъ семинаріи. Семинарія Тамбовская была обширнѣе Пензенской и по числу учениковъ и наставниковъ, и по размѣрамъ зданій. Два корпуса было двухъ - этажныхъ каменныхъ; въ одномъ помѣщались казенные ученики—бурсаки; въ другомъ были классы, церковь, квартира ректора, инспектора и библіотека. Въ классахъ было хоть такъ же грязно и зимой холодно отъ нетопленія по экономіи, какъ и въ Пензѣ, но было попросторнѣе. Зимой сидѣли въ нихъ въ теплой одеждѣ, въ чемъ приходили всѣ— и наставники и ученики. Кромѣ двухъ этихъ корпусовъ было два длинныхъ каменныхъ одноэтажныхъ флигеля, — одинъ для квартиръ неженатыхъ наставниковъ, въ другомъ помѣщались кухни и столовыя учениковъ, тутъ же было помѣщеніе для коммиссара и служителей— поваровъ и хлѣбопековъ. Дворъ семинарскій былъ большой и пустой. На немъ семинаристы во всю бурсацкую ширь и удаль играли въ чижи, чушки и мячъ, или лапту. Въ концѣ двора въ углубленіи стояла деревянная квадратной фигуры семинарская больница, въ которой, съ незапамятныхъ временъ, лѣчилъ и залѣчивалъ больныхъ учениковъ самодѣльными микстурами изъ травъ, собираемыхъ самими учениками, по наряду, въ лугахъ и лѣсахъ весной, „ветхій деньми" Петръ Степановичъ Вишневскій. О немъ тутъ не могу не замѣтить, что это былъ преоригинальный врачъ и образцовый исполнитель своего врачебнаго долга.

Зная, что семинарская больница содержится на грошевыя средства, онъ никогда не употреблялъ аптечныхъ средствъ, а практиковалъ своими, простыми и ничего не стоющими семинаріи средствами. Всѣ матеріалы для лѣкарствъ доставляли ученики и семинаристы, которыхъ начальство, по его указанію и руководству, по очереди группами командировало для сборки травъ и корней въ лѣса, поля

и луга по окрестностямъ Тамбова весной и лѣтомъ. Изъ учениковъ всегда при больницѣ жилъ одинъ или два старшихъ классовъ ученика въ качествѣ подлѣкарей, которые заранѣе къ этому готовились, и научались, чему нужно, самимъ Вишневскимъ. Эти подлѣкаря съ помощію другихъ дежурныхъ и служителей и приготовляли изъ заготовленнаго матеріала нужныя лѣкарства подъ его руководствомъ и при его указаніи. А пищей больнымъ всегда служила жидкая кашица изъ пшена съ масломъ или овсяный жидкій горячій кисель съ масломъ. Этимъ онъ приносилъ большую пользу семинарской экономіи и не насиловалъ молодыя натуры аптечными снадобьями, предоставляя все натуральной цѣлительной силѣ юности. Самъ онъ, какъ я наблюдалъ и другіе замѣчали, повидимому, вовсе не болѣлъ. Всегда аккуратно, какъ заведенные часы, неопустительно въ опредѣленное имъ время утромъ, и почти всегда и вечеромъ непремѣнно въ больницѣ, долго и внимательно діагнозируя всякаго больнаго и записывая въ скорбный листокъ свои замѣтки. Велъ онъ самую регулярную жизнь и простую, весь погруженъ былъ въ свое дѣло и ходилъ большею частію пѣшкомъ, рѣдко на лошади, развѣ по далекимъ больнымъ; никогда не видали его въ разсѣянности, или въ веселомъ расположеніи, и улыбался онъ рѣдко и говорить не любилъ. По виду казался чистымъ аскетомъ. Прожилъ на свѣтѣ много лѣтъ, болѣе 80-ти, и умеръ на ногахъ, идя зимой изъ семинарской больницы домой, на дорогѣ. Какъ шелъ тихонько, такъ и свалился на дорогу тихо и незамѣтно. Прохожіе случайно набрели на него, узнали и умирающаго донесли до дома, гдѣ онъ тутъ же испустилъ духъ. Дѣтей у него не было, осталась одна жена, которая послѣ него жила долго въ полномъ достаткѣ и любила благотворить изъ своего имущества. Какъ врачъ Вишневскій оставилъ по себѣ память честнаго, трудолюбиваго и безкорыстнаго врача. Кто бы его ни позвалъ къ себѣ, онъ скоро являлся на помощь больному, не разбирая, бѣдный онъ, или богатый, много ему дадутъ, или немного, или вовсе ничего, онъ спѣшилъ помочь больному и не интересовался платой. Въ послѣднее время онъ былъ въ Тамбовѣ врачебнымъ инспекторомъ.

Живя въ Тамбовѣ и устроившись уже въ своей обстановкѣ житейской, я часто вспоминалъ и о Пензѣ, какъ ни скудно было тамъ жить. Оставленное тамъ товарищеское общество, въ которомъ жилось искренно, мирно и дружно, а потому и весело и спокойно, долго не забывалось, тѣмъ болѣе, что въ Тамбовѣ такого товарищества не было. Тутъ жили разъединеннѣе и по интригамъ обособленнѣе. Между нами, живущими въ одномъ мѣстѣ—на казенныхъ квартирахъ, было небольшое товарищеское дружелюбіе, къ намъ примыкали нѣсколько и другихъ, но связь эта поддерживалась болѣе выпивкой, кото-

рой, за отсутствіемъ всякихъ развлеченій, давалось большое употребленіе и свободный ходъ. По этой распивочной части у насъ особенно отличался, жившій съ нами въ одномъ семинарскомъ флигелѣ и старѣйшій холостякъ, Дмитрій Николаевичъ Тростянскій, преподаватель естественной исторіи. Когда я еще учился въ семинаріи, онъ уже былъ въ ней учителемъ и состоялъ помощникомъ инспектора. Помогалъ инспекторамъ въ преслѣдованіи учениковъ онъ въ то время очень рьяно, за что пользовался благоволеніемъ ихъ особымъ, но ученики его не любили и называли его не иначе, какъ „черный марганецъ", или чаще „маргашка", былъ друженъ и съ Іеронимомъ пресловутымъ, о которомъ говорено выше, и совмѣстно съ нимъ дѣлали много зла ученикамъ и многихъ погубили. Въ послѣднее время онъ почему-то перемѣнилъ свой фронтъ, — вѣроятно потому, что, угождая монашествующимъ, онъ чрезъ это ничего отъ нихъ не выгадалъ себѣ, а только опрофанивался самъ,—и изъ угодниковъ имъ сдѣлался ярымъ антагонистомъ. Въ этомъ фазисѣ я его и засталъ, когда поступилъ въ наставники. Отъ природы онъ былъ не рѣчистъ говорилъ больше минами, чѣмъ словами, точно языкъ у него былъ чѣмъ подвязанъ. Онъ хмуро помалчивалъ, или иногда и выкрикивалъ полуфразами что-нибудь въ общемъ разговорѣ въ компаніяхъ. Но какъ только появлялся на столѣ графинъ водки, онъ оживлялся, языкъ его развязывался, и онъ становился находчивымъ въ разговорахъ, свободно—и весело и смѣшно—начиналъ говорить со всѣми, продѣлывая при этомъ энергическія жестикуляціи. Въ этомъ подъемѣ духа онъ становился самъ забавнымъ предметомъ для всѣхъ. Тутъ онъ подъ веселую руку съ откровенностію разсказывалъ свои старыя похожденія по помощничеству разнымъ инспекторамъ, которые все сваливали на его шею, а онъ съ простоты изъ кожи лѣзъ, чтобы имъ угодить; приходилъ въ азартъ и съ озлобленіемъ поносилъ всѣхъ монаховъ съ ректоромъ во главѣ за то, что они не оцѣнили его трудовъ и заплатили ему черною неблагодарностію. Въ послѣднее время по закрытіи въ семинаріи естественныхъ наукъ, онъ вышелъ по необходимости до пенсіи и дослуживалъ оную въ уѣздномъ училищѣ. Предметъ свой зналъ основательно и, состоя членомъ разныхъ обществъ сельско-хозяйственныхъ, пописывалъ разныя статейки, отсылая ихъ въ издаваемые журналы для печатанія. Умеръ въ отставкѣ, наживъ экономіею небольшой капиталецъ, который скопилъ отъ спартанской своей жизни и отъ долгаго преподаванія естественной исторіи въ кадетскомъ корпусѣ.

Другомъ Тростянскаго вообще, а особенно по части выпивки былъ преподаватель логики и психологіи Иванъ Максимовичъ Сладкопѣвцевъ. Человѣкъ умный, но крайне вздорный, а въ нетрезвомъ

видѣ грубо-буйный. Я засталъ его еще холостымъ съ желчною физіономіею. Потомъ онъ женился на дочери кирсановскаго протоіерея, который снабдилъ его всѣми матеріальными благами для достаточной жизни, — купилъ ему домъ въ Тамбовѣ и далъ денегъ на черный день. У протоіерея была единственная дочь — и наслѣдница всего имѣнія стариковъ. Можно было жить, не стѣсняясь. Дома одни безъ дѣла мужъ и жена всегда скучали, а это и побуждало ихъ постоянно и самихъ „въ гости ходить и къ себѣ гостей водить". А въ гостяхъ было одно развлеченіе—празднословить и злословить, а чтобы не было утомленія и истощенія въ разговорѣ, нужно было попивать во главѣ съ добрымъ хозяиномъ. Наша холостая компанія постоянно посѣщала Ивана Максимовича, и онъ и жена всегда рады были дорогимъ гостямъ, которые ходили запросто, какъ въ свой домъ. То же дѣлалъ и онъ намъ въ возмездіе; эти посѣщенія у насъ происходили въ разныхъ серьезныхъ разговорахъ по вопросамъ общественнымъ, политическимъ и литературнымъ; часто мы судили и рядили и о томъ, что дѣлается въ семинаріи по части управленія и экономіи, хулили, бранили, глумились, что не такъ, не по-нашему; особенно пробирали консисторскія безобразія и проказы разныхъ канцелярскихъ дѣятелей и крючковъ. Такого рода разговоры мало по малу начинали входить въ привычку, когда пообжились всѣ молодые въ Тамбовѣ, и они затѣвались вездѣ, гдѣ бы ни были въ гостяхъ. Но и при этихъ разговорахъ всегда бывала большая выпивка, которая иногда заканчивалась и импровизированнымъ пѣніемъ наскоро составившагося изъ насъ веселыхъ—хора. Если бывалъ И. М. Сладкопѣвцевъ въ этихъ компаніяхъ одинъ безъ жены, то всегда доходилъ до послѣдняго же взвода въ панданъ своему другу Тростянскому и нерѣдко производилъ скандалъ. Жена же не допускала его до этого и, замѣтивъ признаки, уводила его изъ гостей поскорѣе домой. Поступивъ въ священники, Сладкопѣвцевъ нѣсколько времени былъ воздержаннаго образа, крѣпился, но обжившись поворотилъ на старое и пріобрѣлъ неукротимую привычку выпивать дома одинъ. По смерти жены своей онъ еще больше сталъ пить, заливая горе водкой, разстроилъ донельзя свое здоровье, впалъ въ алкоголизмъ съ delirium tremens и умеръ въ нервномъ параличѣ... Эти два субъекта, Тростянскій и Сладкопѣвцевъ, съ самаго начала моего поступленія сильно вліяли на товарищескій кружокъ, и немало зла происходило въ нашихъ компаніяхъ отъ увлеченія ихъ заразительною попойкой. Но съ теченіемъ времени это вліяніе стушевалось, и оба эти неугомонные гуляки подпали сами подъ опеку товарищей, которые при всякомъ случаѣ умѣли укрощать ихъ во-время и не давали въ компаніяхъ доходить имъ до крайностей.

Кругъ молодыхъ и холостыхъ наставниковъ постоянно мѣнялся одни, послуживъ годъ-два, выбывали, кто на родину, кто съ родины въ Питеръ, ища себѣ чего-либо лучшаго. На должность семинарскую смотрѣли мы всѣ, какъ на переходную, какъ на бивуакъ, съ котораго непремѣнно нужно сняться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, иначе замытарѣешь, пропадешь. Все на ней и располагало къ этому: скудное наставническое жалованіе, на которое едва прожить и холостому; а молодежь наша сильно тогда стремилась къ женитьбѣ, боясь оставаться старымъ холостякомъ. Прослужи свѣтскій человѣкъ—не священникъ и не монахъ въ семинаріи хоть весь служебный срокъ, не получить ему никогда никакого креста или награды, развѣ за 35 лѣтъ Владиміра, на смерть. Такая ужъ была неправедная монашеская манера. Обильно и скоро сыпались эти награды только монахамъ, поменьше наставникамъ, священникамъ, а прочимъ полагалось въ царствіи небесномъ.

Не желая идти въ монахи и пользоваться ихъ антимонашескими благами, но желая жениться, чтобы жить въ нормальномъ положеніи солиднаго общественнаго дѣятеля, многіе изъ молодыхъ наставниковъ, чтобы имѣть обезпеченіе для семейной жизни, располагались принимать священническій санъ, становясь приходскими священниками и не оставляя карьеры наставнической. Въ такомъ положеніи былъ и я, перешедшій на родину съ расположеніемъ тутъ упрочиться. Не находя впрочемъ скораго и удобнаго случая для женитьбы и поступленія во священники въ Тамбовѣ, и начиная уже тяготиться неопредѣленностію своего положенія, я началъ предпринимать мѣры стороннія: подавалъ прошенія нѣкоторымъ попечителямъ учебныхъ округовъ по министерству народнаго просвѣщенія, прося ихъ о предоставленіи мнѣ учительскаго мѣста въ гимназіи, писалъ знакомымъ и товарищамъ по этому вѣдомству о содѣйствіи, и получалъ только одно извѣстіе:—будутъ имѣть въ виду, надо подождать. Посылалъ просительное письмо военному главному священнику Василію Борисовичу Бажанову, и отсюда все тоже получалъ увѣдомленіе: имѣть въ виду при открывшейся священнической вакансіи въ Гвардейскомъ или Гренадерскомъ полку, о чемъ я его просилъ. Но нужно все ждать, не зная, дождешься ли. Наконецъ, вздумалъ поѣхать и самъ своею особою—попытать счастія. Товарищъ мой, бывшій наставникомъ вмѣстѣ со мной въ Тамбовѣ и только-что уѣхавшій въ Питеръ для занятія священническаго мѣста тамъ при церкви на Пескахъ, съ женитьбою на дочери своего предмѣстника протоіерея, сдавшаго ему свое мѣсто, Василій Матвѣевичъ Масловъ, написалъ мнѣ письмо о томъ, что есть невѣста и за нею мѣсто священническое при Сампсоніевской церкви, можно не задумываясь ѣхать, тѣмъ болѣе, что

священникъ самисоніевскій обѣщается заплатить прогоны, если дѣло и не состоится. Пріѣхавъ въ Петербургъ зимой въ январѣ—началѣ 1862 года, я нашелъ тамъ немало товарищей тамбовскихъ, среди которыхъ былъ не одинокъ и чувствовалъ себя всегда весело и бодро. Это были два брата Масловы, изъ которыхъ Василій готовился къ женитьбѣ и познакомилъ меня съ семействомъ песковскаго протоіерея, имѣвшаго въ то время одну дочь—невѣсту Маслова и два сына уже на службѣ; другой кончившій курсъ академіи братъ Иванъ Масловъ, ждавшій назначенія. Еще былъ тутъ Николай Яковлевичъ Аристовъ, мой однокашникъ по академіи, жившій въ Петербургѣ управляющимъ одного частнаго дома и готовившій докторскую диссертацію для занятія профессорской должности въ университетѣ, каковую впослѣдствіи и получилъ, и умеръ недавно на должности профессора и инспектора лицея въ Нѣжинѣ; да въ семинаріи Петербурской учитель Алексѣй Дмитріевичъ Маловъ, товарищъ мнѣ по семинаріи Тамбовской. Большую часть времени я проводилъ въ радушномъ семействѣ невѣсты Маслова, въ церковномъ большомъ домѣ при церкви Христорожденской на Пескахъ. У старца протоіерея было въ Петербургѣ не мало родственниковъ, они часто его навѣщали. Это семейство и показало мнѣ, что нужно наскоро узнать и увидѣть новичку въ Петербургѣ, и давало мнѣ возможность бывать вмѣстѣ съ ними въ ложахъ Петербургскихъ театровъ и видѣть представленія лучшихъ актеровъ и піесъ. Прожилъ я такимъ образомъ въ Петербургѣ болѣе мѣсяца. Нашелъ и еще знакомыхъ и бывалъ у нихъ, наприм. священника Владимірской церкви Николая Вирославскаго, который полгода служилъ вмѣстѣ со мной въ Тамбовѣ, и котораго я нашелъ отъ богатства, повалившаго къ нему отъ самой доходной въ Питерѣ церкви, и отъ бездѣлья уже ожирѣвшимъ до чувственной животности сибаритомъ, и не симпатичнымъ; въ Ораніенбаумѣ нашелъ земляка протоіерея при дворцовой церкви Гаврила Марковича Любимова, который предлагалъ мнѣ жениться на дочери исаакіевскаго ключаря, своей свояченицѣ, обѣщая за ней и мѣсто, но я нецеремонно и даже съ жалкою теперь для меня по воспоминанію несообразительною по глупости юношеской неделикатностію отказался, повѣривъ предварительнымъ ходившимъ слухамъ, и побывать тамъ по его приглашенію; эта неловкость долго меня мучила послѣ—совѣстно было предъ Гавриломъ Марковичемъ, съ радушіемъ относившимся къ своимъ землякамъ. Еще нашелъ я земляка и близкаго по родинѣ чиновника, служившаго въ какомъ-то департаментѣ столоначальника Громова, женатаго; у него былъ раза два и обѣдалъ. Онъ меня разъ повезъ въ итальянскую оперу; я ее никогда не видалъ, пріѣхали мы не рано—даже немножко опоздали, всѣ билеты

на мѣста подешевле были разобраны, оставались дорогіе билеты, а я уже располагался завтра ѣхать изъ Петербурга совсѣмъ; случая видѣть оперу съ знаменитыми итальянскими пѣвцами Тамберликомъ, Кальцолари, не хотѣлось упустить, ну, и убѣдилъ онъ меня не жалѣть—потратиться, и вотъ онъ и я заплатили по 6 руб. за билеты, за то въ высшихъ рядахъ креселъ. Объ этой тратѣ мнѣ приходилось не разъ чувствительно пожалѣть, и только эстетическое удовольствіе, отъ удивительнаго искусства и необыкновенной силы голоса пѣвцовъ, смягчало матеріальную жалость. Дѣла своего, за которымъ собственно и пріѣхалъ въ Петербургъ, я не сдѣлалъ. Не судьба, вѣрно, была мнѣ жить въ немъ. Не по складу моей натуры онъ и приходился мнѣ со всею своею удушливою атмосферою, гдѣ все навытяжку, тонко и дипломатично, все дѣлается по разсчету и ради карьеры, съ оставленіемъ высшихъ душевныхъ побужденій искренняго сердца. Посмотрѣлъ, приглядѣлся и понюхалъ петербургское благовоніе и неблаговоніе, и порѣшилъ оттуда въ свою простую, солидную и живую по нутру своему провинцію уѣхать. Хоть то взять, какъ мои товарищи женились. На мѣстахъ женились, а вовсе не на невѣстахъ. Невѣсты ихъ были и старше ихъ, и чахлыя отъ долгаго невѣстинскаго застоя; зато мѣсто покойное и доходное, живи, ѣшь, пей и жирѣй, если ничего болѣе не требуетъ молодое сердце. Какъ только я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и немного оглядѣлся, тотчасъ же съ своими товарищами отправился къ Сампсонію, гдѣ указана мнѣ была невѣста; приняты были хлѣбосольно, сидѣли съ батюшкой и бесѣдовали долго одни до самыхъ огней. Невѣста все не показывалась,—слышались изъ отдаленныхъ комнатъ шуршаніе и движеніе отъ уборовъ невѣсты, наконецъ, отворились двери, и выходитъ торжественно въ пухъ и прахъ разодѣтая и распудренная невѣста, большаго роста, далеко не первой молодости. Послѣ взаимныхъ представленій всѣ сѣли и долго другъ друга разсматривали,—невѣста меня и моихъ спутниковъ, а мы ее, и всѣ въ какомъ-то недоумѣніи молчали; особенно я былъ какъ бы чѣмъ ошеломленъ; мнѣ и не воображалось, чтобы такая бабелина могла претендовать на невѣсту юноши, какимъ я былъ. Она казалась пожившею дамою, имѣющею дѣтей моего возраста. Скоро Аристовъ вывелъ всѣхъ изъ молчанія, заговоривъ что-то съ невѣстой, она на его слова что-то сказала съ усмѣшкой. Немного посидѣвъ и поговоривъ за поданной закуской и чаемъ, мы наконецъ возвратились домой. Дома, т. е. въ квартирахъ своихъ въ гостиницѣ, ни они мнѣ, ни я имъ, ничего почему-то, и не говорили о невѣстѣ. Я оставилъ о ней всякія помышленія и, несмотря на зовы побывать еще, я кое-какъ это отклонялъ, а о обѣщанныхъ прогонахъ я, на заявленія о нихъ,

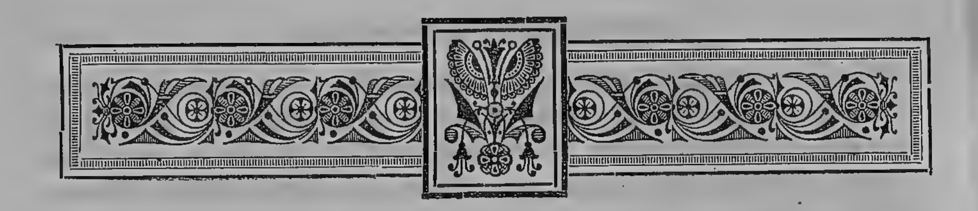
постарался щегольнуть великодушіемъ, что дескать я ѣхалъ въ Петербургъ по своимъ другимъ интересамъ и прогоновъ мнѣ и не слѣдуетъ... Оборвавшись на этой невѣстѣ съ мѣстомъ, я чрезъ нѣсколько времени рѣшился лично явиться къ Бажанову, котораго я прежде просилъ о мѣстѣ въ полку, какъ сказано выше, и лично изъ его устъ узнать, что можетъ быть полезнаго для меня отъ него. Думалъ, что не доберешься до него, не скоро пустятъ, онъ и архіереевъ заставлялъ себя подолгу ждать, — человѣкъ близкій государю, какъ духовникъ, и старѣйшій членъ Сѵнода. Но, къ изумленію моему, онъ сію же минуту вышелъ ко мнѣ по докладѣ, въ простомъ домашнемъ подрясникѣ, сѣлъ на стулъ и ласково меня около себя посадилъ, спрашивая, что мнѣ нужно. Ободренный такимъ искреннимъ пріемомъ, я свободно высказалъ ему, что нужно. На это онъ мнѣ просто сказалъ, что свободныхъ вакансій нѣтъ и едва-ли скоро будетъ. Вѣдь и я, какъ въ епархіяхъ архіереи, говорилъ онъ, зачисляю мѣста за сиротами-невѣстами. И тутъ я понялъ, что безъ невѣсты не получу мѣста. Когда я, по возвращеніи, разсказалъ товарищамъ объ этомъ результатѣ у Бажанова, и узнало объ этомъ семейство песковскаго протоіерея, то у него возникла мысль женить меня на одной изъ внучекъ протоіерея, сиротѣ Ольгѣ, которая была уже перешедшею пору невѣсты — давно зрѣлыхъ лѣтъ. Старикъ, дѣдъ ея, ко мнѣ въ это время былъ расположенъ, я съ нимъ почасту умѣлъ бесѣдовать. Онъ высказалъ прямо, что къ Василію Борисовичу самъ пойдетъ, и онъ ему, какъ бывшему товарищу своему, не откажетъ. Пошли въ ходъ старанія о сближеніи меня съ невѣстой, и много случаевъ на это изобрѣтали. Но нужнаго сближенія, при всѣхъ стараніяхъ, какъ-то все не выходило. Между мной и невѣстой не проявлялось и не зарождалось ничего почти симпатическаго. Она не была дурна, но такъ много думала о себѣ и своемъ образованіи, которое она получила въ заведеніяхъ Петербурга и дома,—покойный отецъ ея былъ профессоромъ университета, а также и сама пріумножила практикой учительницы, — что смотрѣла на меня, какъ на низшаго по развитію, и въ разговорѣ со мной высказала мнѣ, что она имѣетъ свои убѣжденія, отъ которыхъ не отстанетъ, напр., она святыхъ не почитаетъ, и имъ не считаетъ нужнымъ молиться; предъ Богомъ не должно быть протекціи святыхъ; прямо Ему Одному и молись, Онъ безъ протекціи услышитъ и дастъ, что нужно; не нравится ей и то, что я разсчитываю получить мѣсто чрезъ протекцію постороннюю, а не по своей силѣ и достоинству только, что было бы лучше; высказала наконецъ то, что она желаетъ выйти замужъ, чтобы любить мужа и уважать его...

Въ это время въ Петербургѣ много говорили о писателяхъ Ща-

повѣ и Помяловскомъ, они своими сочиненіями и особенно громкою ихъ славою, особенно въ томъ кругу, гдѣ она вращалась, давно уже кружили ея голову, и она въ воображеніи своемъ давно уже стала обожать Щапова, какъ героя, не видавъ его лично. Какъ дѣвица ловкая и развитая, что называется бой, она сумѣла хорошо отъ меня отдѣлаться, и родственниковъ не оскорбить за участіе въ ея судьбѣ, и свободно достигнуть намѣченной цѣли. Съ Щаповымъ она впослѣдствіи нашла возможность сблизиться, выйти за него замужъ, хотя и не на радость.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго [1]).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Жена готовилась быть матерью. Положеніе Перепелкина въ матеріальномъ отношеніи было къ этому времени, можно сказать, недурное: кромѣ правильно получаемаго жалованья изъ библіотеки, частенько перепадали хорошіе уроки, да и плата за переводъ получалась уже значительно выше противъ прежняго. Правда, приходилось трудиться много, какъ для насущнаго куска хлѣба, такъ и для пополненія своего образованія. Чай пить садился не иначе, какъ съ раскрытой и положенной возлѣ своего прибора книгой. Но эти труды, несмотря на утомленіе, не такъ тяготили его, какъ мысль о томъ, что всѣ, сдѣланныя имъ попытки втянуть свою молодую жену въ сферу его личныхъ или вообще умственныхъ какихъ-либо интересовъ, оказались совершенно безплодными. Несомнѣнно, что она любила мужа и по-своему была счастлива. Она готова была хоть поминутно цѣловаться съ нимъ, всегда встрѣчала и провожала его съ обычной сердечной лаской и любовью. Но этимъ только и ограничивались всѣ ея интимныя отношенія къ любимому человѣку. Умственная же ея сфера была крайне ограничена.

Однажды Перепелкинъ, проходя въ библіотекѣ чрезъ читальную комнату въ свое отдѣленіе, услышалъ такой разговоръ между читателемъ, сдававшимъ прочитанную книгу, и дежурнымъ чиновникомъ, принимавшимъ ее.

— Да вы ужъ лучше требуйте всѣ части, а то теперь библіотекаря нѣтъ, а другіе могутъ затрудниться подъисканіемъ той части или тома, въ которыхъ помѣщена нужная вамъ статья, говорилъ дежурный читателю.

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1905 г.

Читатель этотъ былъ худощавый брюнетъ, среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, съ серьезнымъ и умнымъ выраженіемъ лица, на которомъ внимательный и опытный наблюдатель не могъ не замѣтить нѣкоторыхъ слѣдовъ бурсацкой типичности.

— Да вамъ что нужно? обратился къ этому господину Перепелкинъ, желая поддержать честь тѣхъ „другихъ", на затрудненіе которыхъ подъискать требуемую статью указывалъ дежурный по библіотекѣ чиновникъ.

— А, вотъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, они знаютъ, обрадовался дежурный.

— Мнѣ нужно,—говорилъ брюнетъ, напрягая черезъ очки зрѣніе, чтобъ разглядѣть новое лицо,—разсужденіе о славянскомъ языкѣ, Востокова.

— Оно помѣщено въ 17-й части „Трудовъ общества любителей россійской словесности" 1820 года, сказалъ Перепелкинъ.

— Такъ, такъ, совершенно такъ! Теперь вспомнилъ, съ улыбкой, протягивая руку Перепелкину, заговорилъ брюнетъ: мнѣ, вѣдь, и нужно его всего на минуту—много на двѣ, для маленькой справки; я его хорошо знаю, но мнѣ нужно замѣтить одно мѣсто въ подлинныхъ словахъ автора.

— Да Востоковъ такъ сжато и своеобразно выражается, замѣтилъ Перепелкинъ, что какъ-то невольно удерживаются въ головѣ подлинныя его слова. Скажите, о чемъ идетъ рѣчь, я можетъ быть и припомню.

Брюнетъ поднялъ голову и воззрился на своего собесѣдника.

— Не удивляйтесь: я съ большимъ усердіемъ штудирую и нѣмецкихъ, и славянскихъ лингвистовъ, и многое у меня теперь въ свѣжей памяти, говорилъ добродушно, всегда готовой къ услугамъ другихъ, Перепелкинъ.

Брюнетъ сообщилъ, что требовалось ему знать въ подлинныхъ словахъ Востокова. Перепелкинъ привелъ ихъ, какъ помнилъ, и оба они пошли въ отдѣленіе, чтобы провѣрить. Оказалось, что Перепелкинымъ вѣрно переданы были собственныя выраженія Востокова. Брюнетъ выразилъ удивленіе, но онъ еще болѣе былъ изумленъ, когда юноша, увлекшись даннымъ вопросомъ, сопоставилъ это мѣсто съ аналогичными указаніями Гумбольдта въ его сочиненіи: „Ueber die Kawisprache auf der Insel java" и Миклошича въ только-что вышедшихъ: „Lautlehre und Formenlehre".

— Да вы учительствуете гдѣ-нибудь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, только готовлюсь пока.

— Вы сдѣлаете честь любому заведенію, и если не побрезгуете моимъ совѣтомъ, то берите темы на пробныя лекціи въ военныхъ

пансіонахъ, и вы можете всегда разсчитывать на хорошее мѣсто: тамъ теперь очень нуждаются въ людяхъ дѣльныхъ. Я, вѣдь, и самъ тамъ учительствую вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ и нахожу, что здѣсь положеніе учителя, въ денежномъ отношеніи, гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Моя фамилія Ринарховъ (Веденскій?), можетъ быть, слыхали? Одни меня превозносятъ, другіе на чемъ свѣтъ стоитъ ругаютъ, говорилъ онъ, смѣясь; а есть и такіе подлецы, которые подкапываются подъ меня и рады были бы погубить меня, въ чемъ, конечно, нетрудно было бы имъ и успѣть, если бы только судьба, на этотъ случай, благосклонная ко мнѣ, не соблаговолила расположить въ мою пользу второстепеннаго главу нашихъ учебныхъ заведеній Ростовцева, если слыхали. Всѣ шипѣнія противъ меня прекратились, какъ только заслышали гады, подъ какое покровительство я попалъ. Вотъ узнаете все, когда поступите къ намъ.

Затѣмъ Ринарховъ, разсказавъ Перепелкину подробно всю процедуру „держанія" въ штабѣ пробныхъ лекцій на данныя темы, простился съ нимъ очень любезно и ушелъ, но черезъ нѣсколько минутъ опять вернулся.

— Знаете, я такъ заинтересовался вами, что хочу возбудить такой же интересъ къ вамъ и въ начальникѣ учебнаго отдѣленія нашего штаба, бывшемъ профессорѣ К., который недавно спрашивалъ у меня, не возьмется ли кто изъ учителей перевести къ будущему засѣданію учебнаго комитета въ $2^1/_2$ печатныхъ листа брошюрку нѣмецкую: „Взглядъ на преподаваніе языковъ". Я вамъ совѣтую взять на себя этотъ трудъ, и вы отличнѣйшимъ образомъ зарекомендуете себя, да еще рублей полсотни и получите за это. Если желаете, то я вамъ сегодня вечеромъ и пришлю эту брошюру. Она недавно вышла за границей и всего дня три четыре, какъ получена здѣсь. Надѣюсь, вы не задержите и дней черезъ 7 пришлете мнѣ переводъ, а еще лучше будетъ, какъ въ среду на слѣдующей недѣлѣ и сами навѣстите меня. Я васъ познакомлю съ своимъ кружкомъ, который по этимъ днямъ собирается у меня.

Присланную въ тотъ же день брошюрку Перепелкинъ перевелъ въ шесть дней и тотчасъ же отослалъ ее Ринархову, къ которому и самъ отправился на другой день въ 7 часовъ по полудни, предупредивъ Любу, что онъ можетъ тамъ засидѣться и долго.

Перепелкинъ пришелъ рано съ Ринархову, который, представивъ его своей женѣ, подвелъ его къ какому-то господину, сидѣвшему въ кабинетѣ у окна и внимательно читавшему рукопись.

— Переводъ дѣльный, сказалъ этотъ господинъ грубоватымъ голосомъ, крѣпко пожимая руку Перепелкина: но у васъ есть нѣсколько неточныхъ терминовъ, свидѣтельствующихъ, что вы не со всѣми

еще лингвистами ознакомились,—и онъ указалъ, у кого и что надо прочесть.

Этотъ господинъ былъ славянистъ Лярскій, другъ Ринархова. Онъ пришелъ гораздо раньше Перепелкина, увидѣлъ въ кабинетѣ на столѣ съ заманчивымъ для него заглавіемъ рукопись и успѣлъ дочитать ее какъ разъ въ то время, когда Ринарховъ подвелъ къ нему Перепелкина со словами: „а вотъ и переводчикъ".

Два друга представляли изъ себя очень разновидныя и не безъинтересныя типичности. Ринарховъ (Веденскій?) былъ натура живая, подвижная, склонная къ увлеченіямъ, страстнымъ порывамъ, видимо одаренная сильной энергіей ума и воли. Лярскій же казался совершенной флегмой, былъ воловатъ; страстные порывы, навѣрное, были ему чужды, да едва-ли онъ и отдавался какимъ-либо увлеченіямъ, хотя и могъ преслѣдовать свои цѣли, какъ научныя, такъ и житейскія съ удивительною настойчивостію. Ума онъ былъ положительнаго, способнаго къ глубокому анализу. Ринарховъ не чуждъ былъ эффектности, не прочь, при всякомъ случаѣ, блеснуть и новизной мнѣнія, и даромъ слова, дѣйствительно необыкновеннымъ, нисколько, повидимому, не безпокоясь о томъ, что все, сказанное имъ горячо, красиво, съ блескомъ, бывъ переведено на трезвый языкъ, могло оказаться совершенно не стоящимъ такого шумнаго и эффектнаго выраженія. Лярскій говорилъ просто, немногословно и видимо стараясь о точности, иногда тянулъ рѣчь, чтобъ подъискать подходящее выраженіе. Тотчасъ же можно было замѣтить, что первый за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, хотя многія изъ его словъ немедленно по произнесеніи ихъ и забываются, а второй имѣлъ привычку, а можетъ быть и природную надобность часто за ними лазить, но добытыя имъ не безъ труда слова имѣли свойство невольно и надолго западать въ головы слушателей. Ясно было, что онъ немало заботился о томъ, чтобъ и мысль его была дѣльная, да и выразилась бы она какъ можно точнѣе. Все это Перепелкинъ успѣлъ подмѣтить въ продолженіе часоваго разговора съ ними, пока не собрались другіе гости. Тотъ и другой заговарили съ нимъ на темы по излюбленнымъ предметамъ—Ринарховъ по вопросамъ текущей литературы, Лярскій—лингвистики и филологіи.

На другой день, когда Перепелкинъ, побывавъ уже въ двухъ мѣстахъ на урокахъ и сдѣлавъ свое дѣло въ библіотекѣ, возвратился домой, Люба встрѣтила его какъ всегда и вдругъ засуетилась въ поискахъ чего-то. Оказалось, что она наканунѣ получила два письма.

Письма были отъ отца, отъ друзей по академіи изъ К. и по семинаріи изъ Брехова.

Первымъ онъ распечаталъ письмо отъ отца, который все еще сокрушался о томъ, что сынъ пошелъ не по проторенной и самимъ Богомъ указанной дорогѣ, а по новой, невѣдомой ему и приснымъ его. Вторично уже благословлялъ его бракъ, но не могъ не выразить и теперь своего сожалѣнія, что онъ, „вопреки преданіямъ церкви и обычаямъ людей благочестивыхъ“, поспѣшилъ этимъ дѣломъ, не посовѣтовавшись съ отцомъ. „Скорблю и о томъ“, писалъ въ заключеніе старикъ, „что твоя молодая жена ни единой строкой не почтила своего свекра“.

Необходимость заставила Перепелкина поспѣшить требованіемъ темъ изъ штаба на пробныя лекціи, которыя и были высланы ему черезъ недѣлю послѣ подачи имъ прошенія о томъ, а черезъ мѣсяцъ онъ былъ уже вызванъ для чтенія своихъ диссертацій и „защиты„ ихъ, что̀ онъ и исполнилъ съ такимъ успѣхомъ, что вызвалъ общее одобреніе. Здѣсь же ему предложены были два мѣста—одно въ кавалерійскомъ, а другое въ пѣхотномъ заведеніи.

Начальникъ учебнаго отдѣленія въ штабѣ, бывшій профессоръ университета Кавелинъ, посовѣтовалъ ему принять послѣднее, но почему не объяснилъ.

— А потому, сказалъ одинъ изъ учителей, бывшихъ на пробной лекціи Перепелкина, оппонировавшій ему больше другихъ и догнавшій его, по выходѣ изъ штаба, что въ первомъ воспитываются большею частью джентльмены, которые учиться не любятъ, а съ учителями обращаются по-свински. Вы же человѣкъ, какъ видно, съ огонькомъ, и едва-ли бы стали съ ними церемониться, а это повело бы къ столкновеніямъ съ начальствомъ и вы, навѣрное, бросили бы это мѣсто. Недавно тамъ былъ такой случай: только-что приглашенный учитель входитъ въ первый разъ въ классъ. У дверей его встрѣчаются два большихъ воспитанника, изъ которыхъ одинъ тотчасъ пригнулся, а другой верзила вскочилъ ему на спину и, подъѣхавъ на такомъ импровизованномъ конѣ въ упоръ къ учителю, приложилъ руку къ виску и по формѣ отрапортовалъ о наличномъ составѣ класса. Это были князь и графъ, самые безпардонные шалуны.

— Что это всегда такъ дѣлается у васъ? спросилъ озадаченный учитель-новичекъ.

— Нѣтъ, только для почетныхъ гостей, отвѣчалъ развязно князь, галопируя на графѣ.

— Ну, я не изъ тѣхъ, которые любятъ такой почетъ, сказалъ учитель. Повернулся и ушелъ, не давши ни одного урока въ этомъ заведеніи.

— Что имъ за это было? полюбопытствовалъ Перепелкинъ, тоже немало озадаченный разсказомъ.

Разсказчикъ захохоталъ.

— Да развѣ можно тутъ что-нибудь сдѣлать, не рискуя мѣстомъ? Конечно, скрыли отъ начальства, разумѣется, не отъ своего—свое хорошо все знало—а отъ высшаго, потому что кому же охота тягаться съ людьми сильными.

— А это заведеніе, въ которое мнѣ рекомендуютъ поступить, каково?

— Это—такъ себѣ... ничего! Да вотъ увидите сами, какъ поступите. Вообще надо сказать, что это совершенно особенный міръ, который на незнакомаго съ нимъ и въ первый разъ являющагося туда производитъ иногда тягостное впечатлѣніе, особенно на людей съ такимъ, какъ видно, горячимъ темпераментомъ, какъ у васъ. Формализма не оберешься, самаго страшнаго, подавляющаго формализма,—заключилъ недавно бывшій оппонентъ Перепелкина, прощаясь съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ.

И на этотъ разъ Перепелкинъ возвратился домой поздно, почти въ часъ ночи.

— Да, это, дѣйствительно, совсѣмъ другой міръ, о которомъ я почти не имѣлъ понятія, думалъ Перепелкинъ черезъ двѣ недѣли послѣ поступленія на службу въ одинъ изъ корпусовъ. Сверхъ ожиданія и вопреки нѣкоторымъ раннимъ предубѣжденіямъ, на первыхъ порахъ получались большею частію благопріятныя впечатлѣнія. Предупрежденіе начальника заведенія, при представленіи ему Перепелкина, что здѣсь требуется деликатное обращеніе съ воспитанниками, а не такое, какое допускается въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно-де въ духовныхъ, очень понравилось новичку - учителю, потому что оно вполнѣ согласовалось съ гуманнымъ настроеніемъ его души. Прочитанныя имъ инструкціи по части воспитанія и образованія молодыхъ людей военнаго типа, въ разное время составленныя и предложенныя для обязательнаго выполненія всѣмъ корпусамъ, очень подкупающе дѣйствовали на впечатлительнаго Перепелкина, такъ какъ онѣ были проникнуты самыми высокими гуманными и христіанскими началами. Самая большая часть служащихъ были люди военные, которые всѣ, за весьма немногими исключеніями, отличались деликатностью, предупредительной вѣжливостью и любезностью. Составъ учителей, на половину военный, на половину гражданскій, въ числѣ которыхъ были три профессора университета, повидимому, былъ хорошъ и заставлялъ думать, что дѣло преподаванія здѣсь поставлено хорошо. Учителя были большею частію люди молодые, поклонники Бѣлинскаго, Гоголя и новѣйшихъ послѣдователей ихъ. Смерть Гоголя и послѣдовавшій въ скоромъ времени арестъ Тургенева вызвали во всѣхъ ихъ искреннее и глубокое сожалѣніе о не-

ожиданной и преждевременной потерѣ перваго, равно какъ исполненный сильнаго негодованія протестъ за втораго.

— Удивительное дѣло, горячился молодой математикъ; изъ царской фамиліи, сколько извѣстно, всѣ читаютъ и почитаютъ Гоголя. Наслѣдникъ престола—тоже всѣмъ извѣстно, не одинъ разъ выручалъ его своими средствами изъ затруднительнаго денежнаго положенія,—и вдругъ арестуютъ написавшаго сочувственную статью о покойномъ.

— Этого мало: самъ государь всегда бралъ его подъ свою защиту отъ цензурныхъ нападокъ и урѣзокъ и вдругъ... заговорилъ какой-то военный, но его перебилъ тотчасъ же молодой и бойкій преподаватель статистики:

— Эка нашли чему удивляться! Никогда у насъ не церемонились съ законами.

Ретивость Перепелкина еще болѣе усилилась, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что уже готовы новыя программы, составленныя, по порученію штаба, лучшими знатоками дѣла по всѣмъ предметамъ, извѣстными спеціалистами, которые и будутъ ихъ объяснять и защищать въ полномъ собраніи учителей изъ всѣхъ военныхъ корпусовъ, по каждому отдѣльному предмету, а затѣмъ, по общемъ одобреніи ихъ, немедленно приступятъ къ составленію капитальныхъ руководствъ какъ для учащихъ, такъ и для учащихся.

По мѣрѣ распространенія слуховъ объ этомъ, репутація и популярность Ростовцева, какъ главнаго виновника затѣянныхъ реформъ для поднятія уровня образованія въ военныхъ заведеніяхъ, росли не по днямъ, а по часамъ, въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы, въ сильный ущербъ таковымъ же попечителя учебнаго округа, съ которымъ, по слухамъ, былъ легкій ударъ, когда запрещенная, по его настоянію, статья Тургенева по поводу смерти Гоголя появилась въ Москвѣ и была преподнесена ему другомъ его, княземъ.

— Да, воскликнулъ онъ при этомъ, задыхаясь отъ злобы;—есть враги отечества, которые вотъ такъ и толкаютъ его въ бездну, грозилъ онъ рукой внизъ и тутъ же и самъ повалился. Недѣли двѣ онъ не выѣзжалъ никуда. Инспекторъ студентовъ и помощники его были въ большомъ уныніи и какъ тѣни бродили по коридору, мало занимаясь существенными своими обязанностями, по части наблюденій за волосами, состояніемъ пуговицъ, походкой и улыбками юношей, какъ-будто эти предметы вдругъ сдѣлались почему-то недостойными ихъ вниманія.

Ничто такъ не содѣйствовало развитію и закрѣпленію симпатіи къ Тургеневу и антипатіи къ попечителю и людямъ, подобнымъ ему, какъ фактъ арестованія извѣстнаго писателя за сочувственную статью

о Гоголѣ. И то и другое еще болѣе усилилось, когда сдѣлалось извѣстно, что, вслѣдствіе письма Тургенева къ наслѣднику престола, онъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста: въ этомъ видѣли залогъ хорошаго будущаго. Даже совершенно беззаботные, насчетъ литературныхъ дѣлъ и ихъ представителя, Митрофанушки, попавшіе въ университетъ единственно ради дипломовъ, и тѣ заговорили въ симпатичномъ тонѣ о покойномъ Гоголѣ и Тургеневѣ и хвастались открытымъ проявленіемъ антипатіи къ попечителю, котораго, по выздоровленіи, по словамъ остряковъ, даже швейцаръ университета, почтенный Савельичъ, встрѣтилъ будто-бы не только безъ всякаго подобрастія, но съ какимъ-то серьезнымъ недружелюбнымъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Эхъ ты, гусь лапчатый, и мертвымъ-то ты не даешь покою!“

Это самые опасные моменты въ жизни учащейся молодежи: малѣйшей искры достаточно, чтобы поднялось зарево вездѣ, вызывая катастрофу за катастрофой. Инстинктивно это чувствовалъ и самъ виновникъ этого настроенія. Онъ какъ-то сильно осунулся, потерялъ всякую эффектирующую сановитость, на холодныя привѣтствія профессоровъ отвѣчалъ вѣжливыми поклонами, тогда какъ прежде отдѣлывался только кивкомъ головы, а студентовъ весьма часто и этого не удостоивалъ, созерцая ихъ только съ высоты величія суровымъ взглядомъ.

Инцидентъ съ Тургеневымъ вызвалъ продолжительные толки въ общественной жизни и рѣзко обозначилъ вкусы, наклонности и стремленія тупыхъ консерваторовъ, не любящихъ новшествъ по глупости, лжепатріотовъ-фарисеевъ, враждебно относившихся къ новому направленію литературы изъ боязни разоблаченія той гнусной фальши, подъ покровомъ которой обдѣлываются ими свои дѣлишки, вродѣ казнокрадства, наполненія казенныхъ учрежденій людьми своими, прижиманія и выживанія людей честныхъ, запугиванія правительства призраками революціи,—и людей, которыхъ, дѣйствительно, можно назвать патріотами, потому что они и желали только того, чтобъ разлилось просвѣщеніе въ Россіи, чтобъ возвысилась нравственность русскихъ людей, чтобъ, наконецъ, водворилась правда въ нашемъ отечествѣ, по крайней мѣрѣ, хоть въ такой степени, чтобъ можно было безъ боязни выражать всякому свое сочувствіе всему честному, разумному и доброму.

— Чортъ разберется въ этомъ ералашѣ, говорили люди послѣдней категоріи.—Какая-нибудь козявка, отъявленный тупица изъ старыхъ солдафоновъ, объявляетъ открытую войну противъ этого направленія.

Люди этой категоріи, въ виду надвигавшейся войны, первые

заговорили, съ сокрушеннымъ духомъ, о томъ, что едва-ли несомнѣнное мужество и самоотверженная стойкость русскаго солдата устоятъ противъ тѣхъ страшныхъ разрушительныхъ силъ, которыя создала наука запада и до которыхъ намъ куда еще какъ далеко, тѣмъ болѣе, что мы, какъ рутинеры, вели все по-старому и не только не думали о такихъ новшествахъ, но даже и не подозрѣвали ихъ у другихъ. Такъ думали тѣ интеллигентные и честные доброжелатели отечества, которыхъ иронически обзывали либералами тупые консерваторы и лжепатріоты-фарисеи, на всѣхъ перекресткахъ бахвалившіеся, что мы-де шапками закидаемъ супостатовъ, въ какихъ бы силахъ они ни сунулись къ намъ.

Перепелкину пріятно было думать, что его поступленіе на службу въ военное заведеніе совпадаетъ съ тѣми мѣропріятіями, которыя значительно могутъ видоизмѣнить типъ прежнихъ питомцевъ этихъ заведеній, сложившійся по старой формаціи и сказавшійся весьма неприглядными чертами на всѣхъ житейскихъ поприщахъ, доступныхъ военнымъ людямъ. А какія поприща имъ не были доступны, начиная съ скромной должности смотрителя какого-нибудь казеннаго учрежденія до высшаго сановническаго поста въ государствѣ? Даже много потрудившіеся на педагогическомъ поприщѣ, небезъизвѣстные ученые должны были пасовать и съ болью въ сердцахъ уступать имъ, если на давно ожидавшуюся ими вакансію директора заведенія или инспектора студентовъ являлись конкуррентами военные люди, къ которымъ не предъявлялись никакія требованія ни въ научномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ и которые—не тѣмъ будь помянуты—нерѣдко оставляли за собой слѣды безтолковости, круглаго невѣжества, а еще чаще дикаго произвола и самой беззастѣнчивой и неудержимой наклонности къ эксплоатаціи казны и ближняго.

Наконецъ, новыя программы по всѣмъ предметамъ, съ такимъ нетерпѣніемъ давно ожидаемыя всѣми, были отпечатаны и розданы учителямъ, съ тѣмъ, чтобы они ко дню, назначенному для „защиты и уясненія“ ихъ составителями, хорошо ознакомились съ ними и высказали съ полною откровенностью свои соображенія, въ какой степени онѣ могутъ быть теперь выполнены, принявъ во вниманіе то обстоятельство, что онѣ очень расширены въ сравненіи съ прежними.

Всѣ преподаватели русскаго языка и словесности во всѣхъ военныхъ заведеніяхъ, съ Веденскимъ во главѣ, ясно видѣли, что составители программъ вовсе не были знакомы съ дѣйствительнымъ состояніемъ языкознанія вообще въ военныхъ заведеніяхъ, а русскаго въ частности, а потому включили въ нихъ такія требованія по этимологіи славянскаго и древне-русскаго языка, которыя могли бы

быть подъ силу только въ семинаріяхъ, гдѣ съ ранняго возраста знакомятъ съ подобными вещами. Что касается словесности, какъ по части теоріи прозы и поэзіи, такъ и по исторіи литературы, то и самъ участвовавшій до нѣкоторой степени въ этомъ дѣлѣ, Веденскій, откровенно выразился въ кругу сотоварищей по преподаванію, что „тутъ ужъ составители программъ черезчуръ далеко хватили, имѣя, очевидно, самое преувеличенное понятіе объ умственномъ развитіи питомцевъ военныхъ заведеній".

За исключеніемъ преподавателей математики, на которую очень много времени удѣлялось и знакомство съ которою, болѣе или менѣе твердое, каждый воспитанникъ считалъ для себя неизбѣжно обязательнымъ, такъ какъ начальство слишкомъ внимательно было по этой части и спуска не давало никому,—всѣ учителя по остальнымъ предметамъ общаго образованія говорили единогласно, что программы, вновь составленныя и обсужденіе коихъ предстоитъ въ общемъ собраніи учителей, какъ обширностію своею, такъ и нѣкоторыми отдѣлами, обыкновенно, преподаваемыми въ высшихъ учебныхъ или спеціальныхъ заведеніяхъ, далеко будутъ не по силамъ питомцамъ военныхъ заведеній, и по степени ихъ умственнаго развитія, и по количеству изучаемыхъ ими предметовъ. Все это говорилось долго, въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, и говорилось совершенно открыто, свободно, въ присутствіи своего непосредственнаго начальства, которое и съ своей стороны нерѣдко поддакивало всѣмъ кружкамъ по разнымъ предметамъ, что, дескать, далеко ужъ очень хватили спеціалисты ученые при составленіи программъ для средне-учебныхъ заведеній военнаго типа.

Приближалось время засѣданій для разсмотрѣнія и обсужденія новыхъ программъ, и всѣ учителя готовились высказать откровенно массу заявленій и насчетъ состоянія учебнаго дѣла въ военныхъ заведеніяхъ, и насчетъ растяжимости курсовъ, вслѣдствіе расширенія программъ тѣми отдѣлами, какихъ прежде не было, и какіе, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ могутъ быть и не по силамъ учащихся. Веденскій имѣлъ намѣреніе особенно распространиться о важности задачъ для преподавателей словесности по серьезному и основательному ознакомленію учащихся съ тѣми литературными, какъ русскими, такъ и иностранными, произведеніями, которыя могутъ оказывать наибольшее вліяніе на подъемъ нравственныхъ качествъ человѣка.

Всѣ военные, на плечахъ которыхъ и лежало, главнымъ образомъ, руководительство учебнымъ дѣломъ, внимательно прислушивались къ постояннымъ толкамъ объ этомъ преподавателей, собиравшихся, во время перемѣны уроковъ, въ учительской комнатѣ; и хотя никого къ тому не поощряли, не говорили „ни да, ни нѣтъ", но ласково, даже

любовно посматривали на тѣхъ, которые особенно пѣтушились, грозясь высказаться досконально по всѣмъ пунктамъ возникающихъ недоумѣній, слѣдовательно, какъ-бы вселяли надежду, что всякій смѣльчакъ, рѣшившійся на такую откровенность, въ присутствіи всемогущаго Ростовцева, можетъ разсчитывать не только на ихъ сочувствіе всему тому, что онъ будетъ говорить, въ видахъ пользы заведенію, но, въ случаѣ надобности, даже на ихъ авторитетную поддержку.

Но горько пришлось разочароваться на открывшихся, наконецъ, засѣданіяхъ всѣмъ, кто питалъ такія опрометчивыя надежды. Р—въ, при первомъ взглядѣ на него, возбуждалъ мысль, что это человѣкъ вовсе не изъ тѣхъ, которые могутъ дѣлиться своими прерогативами иначе, какъ дѣлился царь звѣрей, левъ, со своими участниками въ добычѣ. И въ глазахъ, и въ рѣчахъ, и въ манерѣ говорить и держать себя такъ-таки ясно, опредѣленно и выражалось: „а кто до сей части коснется, тотъ съ мѣста живъ не уйдетъ". При всемъ томъ, по природѣ своей, человѣкъ онъ былъ, можно сказать, добрый, а такъ ужъ взросъ и воспитался въ такихъ своеобразныхъ понятіяхъ о власти. Онъ открылъ засѣданіе въ громаднѣйшей залѣ, въ которой свободно могли размѣститься нѣсколько сотъ человѣкъ, но такъ какъ ихъ всего было человѣкъ до полутораста, то всѣ столпились въ одинъ уголъ, усѣвшись полукругомъ предъ большимъ столомъ, за которымъ по срединѣ помѣщался Р—въ, какъ предсѣдатель засѣданія, а по бокамъ, съ одной стороны, извѣстный знатокъ литературныхъ дѣлъ, нарочно пріѣхавшій изъ Москвы (не Буслаевъ ли?) защищать и уяснять составленныя имъ и другимъ московскимъ ученымъ программы по русскому языку и словесности, а съ другой — Веденскій, получившій отъ Р—ва приказаніе быть „адвокатомъ" по этой части со стороны военныхъ заведеній. Сказавъ нѣсколько словъ о цѣли засѣданія, предсѣдательствующій предложилъ ученому составителю программъ выяснить дальнѣйшее и начать чтеніе программъ, указывая на мотивы, вызвавшіе то или другое измѣненіе противъ прежнихъ. Ученый своимъ спичемъ, тянувшимся не мало времени, ни на кого изъ учителей не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія. Самъ онъ былъ на видъ человѣкъ пожилой, сухощавый, всѣмъ существомъ своимъ свидѣтельствовавшій, что это былъ труженикъ великій, честно и неутомимо изслѣдовавшій и перебиравшій всю подноготную, по излюбленному дѣлу, но неотличавшійся особенною талантливостью, и потому его строго логичная, ясная и послѣдовательная рѣчь не заключала въ себѣ ни силы мысли, ни силы слова. Замѣчая на живомъ, подвижномъ лицѣ Р—ва признаки нѣкоторой нетерпѣливости, можно было думать, что и онъ находится подъ вліяніемъ несовсѣмъ благопріятныхъ впечатлѣній.

Когда приступлено было къ чтенію программы по русскому языку то съ перваго же шага и обнаружилось, что здѣсь откровеннымъ разговорамъ насчетъ возможности выполненія ея, особенно по части церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, не будетъ дано никакого мѣста. Даже просто, всѣ поняли, что здѣсь совсѣмъ другимъ пахнетъ.

На замѣчаніе стараго умнаго педагога, редактировавшаго превосходно одинъ изъ дѣтскихъ журналовъ, что по церковно-славянскому и древне-русскому языку затронуты вопросы, которые недостаточно выяснились и для извѣстныхъ спеціалистовъ по этой части, такъ какъ они высказывали относительно ихъ только свои догадки, или скромныя предположенія, а не окончательные выводы, за неимѣніемъ которыхъ учителя средне - учебныхъ заведеній могутъ затрудняться способомъ выясненія подобныхъ вещей, — послѣдовалъ со стороны предсѣдателя хотя искусно замаскированный, но тѣмъ не менѣе не двусмысленный отвѣтъ, что затрудняющихся въ чемъ-нибудь по своей части въ дѣлѣ преподаванія никто же и не удерживаетъ въ заведеніи.

Поднявшійся, было, одинъ изъ молодыхъ словесниковъ, чтобы высказаться по поводу какого-то недоразумѣнія, плохо выясненнаго и самимъ составителемъ программы, былъ встрѣченъ со стороны всевластнаго Р—ва такимъ взглядомъ, что непосредственный начальникъ этого педагога, вѣроятно, руководимый опасеніемъ за судьбу смѣльчака, а можетъ быть, и чувствомъ личнаго самосохраненія, дернулъ его за фалду фрака, и тотъ конфузливо опустился на стулъ.

Затѣмъ во все время засѣданій никакихъ серьезныхъ дебатовъ не было, потому что желающихъ оппонировать не оказывалось. Мелочныя замѣтки позволяли себѣ вставлять нѣкоторые преподаватели, и то въ видѣ подтвержденія или дополненія тѣхъ мнѣній, которыя излагалъ составитель программъ.

Одинъ только разъ чуть не завязались было серьезныя пренія по поводу замѣчанія, сдѣланнаго тѣмъ же старымъ умнымъ педагогомъ, редакторомъ превосходнаго дѣтскаго журнала, что „дѣти басенъ не любятъ да и не понимаютъ ихъ, потому-то и не интересуются ими“.

На это съ живостью возразилъ, но неубѣдительно, что-то Веденскій; за нимъ потянулъ длинную и сухую реплику ученый составитель программъ, и старый педагогъ, какъ дѣйствительный знатокъ дѣтской природы, началъ было уже очень вѣскими доводами доказывать свое мнѣніе, но забавное и, какъ можно было думать, не изъ чистыхъ побужденій вытекавшее вмѣшательство Благос—въ въ этотъ диспутъ было причиною, что почтенный и уважаемый всѣми педагогъ совершенно

замолкъ. Да и было отчего. Злой и желчный Бл—овъ, какъ-бы играя въ руку начальства, повидимому, не сочувствовавшаго мнѣнію уважаемаго педагога, выразился приблизительно такъ: „кто въ состояніи думать, что дѣти не интересуются баснями, потому что не понимаютъ ихъ, тотъ, очевидно, не знаетъ дѣтской натуры". Тихонько выразился ропотъ неудовольствія послѣ такихъ опрометчивыхъ словъ, и кто-то вслухъ, хотя и не громко, замѣтилъ: „странно, кому же, казалось бы и знать хорошо дѣтскую натуру, какъ не лицу, которое нѣсколько лѣтъ уже редактируетъ такъ умно лучшій дѣтскій журналъ!"

Послѣднее засѣданіе заключилось блистательнымъ, бойкимъ спичемъ-панегирикомъ, посвященнымъ корпораціи и руководителямъ военныхъ заведеній и произнесеннымъ Вед—мъ. Онъ говорилъ съ такою увлекательностію, что ораторская его талантливость не подлежала уже никакому сомнѣнію, но въ искренности его чувствъ многіе изъ знавшихъ его хорошо имѣли основаніе усомниться, потому что совсѣмъ не то привыкли обыкновенно слышать отъ него.

Перепелкинъ находился подъ вліяніемъ самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, но не отъ этого спича, а отъ результатовъ всѣхъ засѣданій. Спичъ, самъ по себѣ, былъ нѣчто, далеко выходящее изъ ряда обыкновенныхъ вещей и свидѣтельствовалъ о необыкновенной даровитости оратора, а то обстоятельство, что онъ сильно заволновался, поблѣднѣлъ и на нѣсколько секундъ прервалъ рѣчь, пока не выпилъ предложеннаго ему стакана воды, повидимому, сильно говоритъ противъ сомнѣнія въ искренности его чувствъ. Да иначе и быть не могло. Во-первыхъ, Вед—ій былъ совершенно правъ, указывая на цѣлый рядъ законченныхъ и предпринимаемыхъ мѣръ къ подъему образованія и воспитанія въ военныхъ заведеніяхъ, равно какъ и о тѣхъ учебныхъ силахъ, которыми располагаютъ эти учрежденія въ лицѣ заявившихъ уже свою даровитость педагоговъ, для постепеннаго осуществленія всего задуманнаго; во-вторыхъ, какъ умный человѣкъ, онъ хорошо понималъ, что такія личности, какъ Р—въ, очевидно, властолюбивый, честолюбивый и самолюбивый, какими бы побужденіями ни руководились они въ своихъ намѣреніяхъ послужить пользамъ просвѣщенія, естественно, заслуживаютъ того, чтобы къ ихъ дѣятельности разумно направляемой вызвано было сочувствіе со стороны общества, тѣмъ болѣе, что ретроградныя партіи какъ въ военныхъ, такъ и гражданскихъ кружкахъ, сильно ужъ иронизировали надъ Р—мъ, обзывая его черезчуръ „залиберальничавшимъ генераломъ". Такимъ образомъ противъ рѣчи Вед—аго, исполненной, правда, нѣкоторыхъ преувеличеній, Перепелкинъ ничего не имѣлъ, и не отъ нея были тяжелыя впечатлѣнія, а отъ того обстоятельства, что разыграно было нѣчто въ родѣ комедіи. Въ самомъ дѣлѣ, думалъ

въ простотѣ сердца неопытный молодой человѣкъ: къ чему эти многолюдныя торжественныя засѣданія были замышлены, когда никому не дозволялось говорить въ тонѣ, сколько-нибудь не согласномъ съ тѣмъ, какой былъ заданъ предсѣдателемъ вскорѣ по открытіи засѣданія. Или почему Вед—ій до засѣданій рекомендовавшій всѣмъ совершенно свободно и откровенно высказываться, и по поводу неудовлетворительнаго состоянія военныхъ заведеній, и по поводу возможности или невозможности выполненія какого-либо отдѣла новой программы, во время засѣданій не только никого не поддержалъ, но, очевидно, старался попадать въ тонъ начальства, развивая только тѣ мысли, какія были угодны послѣднему?

— Да развѣ въ этомъ состояло назначеніе „адвоката" со стороны военныхъ заведеній по дѣламъ выясненія цѣлесообразности новыхъ программъ? обратился Перепелкинъ съ вопросомъ къ офицеру того заведенія, въ которомъ онъ служилъ. Тотъ ничего не отвѣчалъ, но такъ посмотрѣлъ на спрашивавшаго, какъ будто тоже, съ своей стороны, хотѣлъ предложить ему вопросъ: „да, ты, пріятель, не съ луны ли къ намъ спустился?"

„Никогда еще въ жизни я не испытывалъ такихъ горькихъ разочарованій, подъ вліяніемъ какихъ я теперь нахожусь,—писалъ Перепелкинъ другу своему, баккалавру академіи, Ѳаворову,—видно, мораль нравовъ и мораль дѣйствительности — двѣ вещи не только разныя, но, кажется, ничего общаго даже не имѣющія между собою. Я никакъ себѣ и представить не могъ, чтобы горячій и умный пропагандистъ морали могъ иногда самъ лично и уклоняться отъ дѣйствительнаго осуществленія ея въ жизни. Я тебѣ уже писалъ о томъ, что меня особенно завлекало въ военныя заведенія, — это начавшееся тамъ оживленіе въ преподаваніи всѣхъ предметовъ вообще, а въ частности словесности, о чемъ въ городѣ не переставали говорить въ теченіе двухъ лѣтъ. Много толковали, во-первыхъ, о той горячности, какую всемогущій Р—въ проявилъ и не перестаетъ проявлять въ своихъ стремленіяхъ поднять уровень образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитанія въ военныхъ заведеніяхъ, во-вторыхъ, о небывалыхъ успѣхахъ, какіе въ короткое время сдѣлалъ даровитый преподаватель словесности Веденскій, прекрасными своими лекціями возбудившій въ своихъ слушателяхъ такой интересъ и къ наукамъ вообще, и къ литературнымъ произведеніямъ, въ частности, что нѣкоторые военные питомцы, понявъ крайнюю несостоятельность свою по части образованія, принялись не на шутку за дѣло умственнаго своего развитія и наглядно доказали, что личный интересъ къ чему-нибудь есть самый лучшій, энергическій и постоянный двигатель человѣческой дѣятельности". „Вотъ какъ до поступленія моего писали, выпускные

въ офицеры, военные питомцы, говоритъ мнѣ Веденскій, показывая сочиненіе одного изъ нихъ, которое начиналось такъ: „епосъ пишутъ когда сякнитъ лирика состояніи хаотичиской души и лерисмъ. У насъ после епоза лерисмъ писали Сумороковъ и Ламаносовъ а епосъ Державинъ и Пушкинъ"... и такъ далѣе [1]). На поляхъ противъ этой тирады написано было рукой Веденскаго: „Боги, не судите мнѣ больше видѣть подобное!" Но и до самаго засѣданія онъ не переставалъ говорить, что въ военныхъ заведеніяхъ общее образованіе получается жалкое и что, за весьма немногими исключеніями, пишутъ безграмотно, безтолково и безъ всякаго пониманія дѣла. Говорилъ, что объ этомъ особенно надобно распространиться въ имѣющихъ быть засѣданіяхъ для обсужденія новыхъ программъ по русскому языку и словесности. Всѣ учителя по этимъ предметамъ приготовили массу заявленій, которыя, бывъ приняты во вниманіе, сразу освѣтили бы печальное положеніе общихъ наукъ, равно какъ и нравственное состояніе учащихся, и гдѣ же было искать лучшаго случая и лучшаго мѣста, какъ не здѣсь, въ полномъ присутствіи всѣхъ учебныхъ и воспитательныхъ силъ заведеній для дружнаго и откровеннаго уясненія мѣръ, которыя помогли бы выйти изъ фальшиваго положенія, дали бы возможность разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ взглядовъ и недоразумѣній, позволили бы вести дѣло образованія и воспитанія правильнѣе и цѣлесообразнѣе. И что же произошло? Всевластный Р—въ, котораго и друзья и недруги считаютъ самымъ либеральнымъ начальникомъ, сразу поставилъ дѣло такъ, что въ разрѣзъ его мнѣніямъ не то что идти, но даже заикнуться никто не посмѣлъ, особенно, когда замѣтили, что Веденскій, пользующійся безграничнымъ довѣріемъ и расположеніемъ его, не только не станетъ за спиной смѣльчака, чтобы поддержать его, но, видимо, старается попадать въ тонъ начальства и о какихъ-либо недостаткахъ по образовательно-воспитательнымъ дѣламъ не обмолвился ни единымъ словечкомъ. А, вѣдь, это замѣчательно умный человѣкъ, и ему ли не понимать, что „не слова, не пропаганда перерождаютъ людей, а дѣйствительное осуществленіе въ жизни морали". Такъ вотъ, дружище, отчего я пришелъ въ такое уныніе! Вѣдь, за человѣка страшно: все фальшь, фальшь и фальшь!".

---

[1]) Какъ современникъ всего происходившаго и самъ, получившій образованіе въ военномъ заведеніи, могу по совѣсти сказать, что все это совершенно несправедливо. Такъ не могли писать даже десятилѣтніе мальчики.
Ред.

II.

Шли годы. Семейное положеніе Перепелкина все болѣе и болѣе осложнялось задачами, требовавшими толковаго и безотлагательнаго рѣшенія. Люба по-прежнему была плохой помощницей мужа въ его заботахъ о правильномъ рѣшеніи подобныхъ задачъ. На рукахъ у нея было уже три ребенка, въ которыхъ она души не слышала.

Недовольство самимъ собою чувствовалось, главнымъ образомъ, оттого, что онъ связалъ себя семейными заботами какъ разъ въ то время, когда явилась сильная потребность отдать всѣ силы излюбленному дѣлу, для успѣховъ котораго ему казалось необходимымъ выработать свои цѣлесообразные дидактическіе и педагогическіе пріемы для того, чтобы быть дѣльнымъ и вліятельнымъ преподавателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитателемъ. Недовольство же службой происходило не отъ недостатка вниманія къ нему со стороны начальства, или отъ неудобныхъ отношеній учащихся и сослуживцевъ, а отъ полнаго сознанія, что всѣ его усилія направить иначе и дѣло умственнаго развитія и дѣло воспитанія, посредствомъ чтенія литературныхъ вещей и уясненія нравственныхъ идеаловъ, ни къ чему въ сущности не приводили и не могли привести, какъ онъ годъ отъ года убѣждался въ этомъ. Знало ли начальство объ этихъ усиліяхъ новаго молодаго преподавателя добиться какихъ-нибудь осязательныхъ результатовъ по этой части, и о томъ, какъ онъ тяготился безплодностію своихъ усилій—ему неизвѣстно, но все-таки онъ не могъ жаловаться, чтобы его не поощряли и увеличеніемъ числа уроковъ, и прибавкой за нихъ большей поурочной платы. Отношенія же его, какъ съ сослуживцами, такъ еще болѣе съ учащимися, всегда были хорошія, дружескія: никакихъ столкновеній въ продолженіе шести лѣтъ его службы въ этомъ заведеніи у него ни съ кѣмъ не было. Неуспѣшность своихъ усилій, какъ въ дѣлѣ умственнаго развитія, такъ и направленія нравственнаго, онъ приписывалъ, главнымъ образомъ, во-первыхъ—многопредметности, не позволявшей ни на одну науку, кромѣ математики, удѣлять достаточно времени для того, чтобы молодой умишко могъ сосредоточиться на какой-нибудь живой мысли изучаемаго предмета, заинтересоваться имъ и чувствовать потребность дальнѣйшаго знакомства съ нимъ, что, естественно, и само собою повело бы къ устраненію повальной лѣни и самыхъ безнравственныхъ пріемовъ, ежедневно изобрѣтаемыхъ для обхода требованій учителя и для самаго безсовѣстнаго надувательства его.

Недостаточность умственнаго развитія питомцевъ, оканчивающихъ курсъ въ военныхъ заведеніяхъ, почувствовало наконецъ и высшее

начальство, и для поправленія этого дѣла прибавило еще одинъ классъ [1]), съ тою цѣлью, чтобы молодые люди, закончивъ общее и специальное образованіе, въ этомъ классѣ занялись самостоятельно повтореніемъ и провѣркой знаній по нѣкоторымъ предметамъ, подъ руководствомъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Ожидались чудеса отъ этого нововведенія. Каждый Петръ Ивановичъ говорилъ: „вѣдь годъ, цѣлый годъ предоставляется юношамъ, подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ, спокойно и не торопливо разбираться въ массѣ наскоро усвоенныхъ научныхъ понятій—какъ же тутъ не окрѣпнуть мысли и не вынести серьезнаго взгляда на науку, вмѣстѣ съ чувствомъ потребности дальнѣйшаго въ ней развитія собственными усиліями!"

Нѣкоторые такъ и не разубѣдились въ этихъ предположеніяхъ, но другіе скоро разочаровались и не скрывали, что этотъ классъ породилъ только много спѣси въ молодыхъ людяхъ, свысока даже посматривавшихъ на бывшихъ своихъ наставниковъ, но смысла имъ нисколько не прибавилъ. Но разочарованіе преподавателя Тлова [2]), тоже много ожидавшаго отъ этого нововведенія, было горче всѣхъ. Въ преподаваніи словесности онъ задавался слишкомъ широкими цѣлями, знакомя преимущественно съ разными направленіями европейской литературы, а въ манерѣ изложенія онъ слѣдовалъ пріемамъ Веденскаго, который подвергалъ серьезному анализу лучшія произведенія знаменитыхъ писателей всѣхъ временъ и народовъ. Близко ознакомившись съ научными познаніями и умственнымъ развитіемъ воспитанниковъ, Перепелкинъ, въ интимныхъ бесѣдахъ, указывалъ тому и другому на дидактическую несостоятельность подобныхъ пріемовъ въ отношеніи слушателей, совершенно не подготовленныхъ къ пониманію такихъ лекцій. Веденскій вполнѣ соглашался съ этимъ мнѣніемъ и говорилъ, что серьезнаго характера лекціи онъ читаетъ только въ спеціальномъ заведеніи, куда поступаютъ наилучшіе изъ воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ въ корпусѣ, въ послѣднихъ же онъ держится другой методы и ведетъ дѣло проще. Но злой и желчный Благосвѣтловъ выходилъ изъ себя, доказывая, что только такимъ путемъ и можно возбудить въ юношахъ интересъ къ литературѣ и охоту самостоятельно заниматься ею, а никакъ не выясненіемъ элементарныхъ понятій изъ логики и теоріи словесности на разбираемомъ въ классѣ образцѣ. Это уже былъ язвительный намекъ на то, что считалъ необходимымъ дѣлать, въ началѣ курса словесности, Перепелкинъ въ своихъ классахъ. Онъ черпалъ и свое вдохновеніе и цѣлыя тирады для записокъ, литографируемыхъ въ руко-

[1]) 3-й спеціальный. Прим. редакціи.

[2]) Благосвѣтлова.

водство воспитанникамъ, изъ только-что вышедшихъ тогда „Matinée littéraires", пересыпая подобныя извлеченія забористыми фразами, при сопоставленіи произведеній иностранной литературы съ таковыми же русской, и наивно былъ самъ убѣжденъ и даже успѣлъ убѣдить въ томъ не одного Петра Ивановича [1]), что такимъ только способомъ и можно поднять умственное развитіе въ корпусахъ. Каково жъ было его изумленіе, когда, по переходѣ его уже на другой родъ дѣятельности, Перепелкинъ, слишкомъ злопамятный для того, чтобъ не позабыть его похвальбы, преподнесъ ему однажды курьезное сочиненіе одного изъ пансіонеровъ, прошедшихъ школу Благосвѣтлова и пробывшаго годъ въ добавочномъ классѣ для самостоятельнаго пополненія пробѣловъ знаній по нѣкоторымъ предметамъ. Это самостоятельно уже обработавшій себя питомецъ, равно какъ и двое другихъ, совершившихъ то же самое надъ собой и учившихся прежде у Перепелкина, обратились къ послѣднему съ слезными просьбами просмотрѣть и выправить годовыя ихъ сочиненія, написанныя на данныя профессоромъ, руководителемъ ихъ самостоятельныхъ занятій, темы и предназначенныя для чтенія на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи всемогущаго Р—ва. Сочиненія двоихъ послѣднихъ были нелѣпы, но не въ такой степени, чтобъ ужъ никакъ нельзя было сдѣлать ихъ сносными. При нѣкоторыхъ поправкахъ, тотчасъ же сдѣланныхъ Перепелкинымъ, и указаніяхъ, какъ и что должны были передѣлать сами сочинители, затѣмъ послѣ новыхъ поправокъ и дополненій оба вышли настолько сносными, что за одно изъ нихъ дана была лучшая награда. Сочиненіе же питомца Благосвѣтлова представляло наборъ нелѣпѣйшихъ фразъ и такой безпорядочный ералашъ мыслей, что разобраться въ нихъ не представлялось никакой возможности, тѣмъ болѣе, что на всѣ вопросы Перепелкина, что хотѣлъ авторъ выразить тѣмъ-то и тѣмъ-то мѣстомъ, послѣдній только хлопалъ глазами и ничего не могъ сказать. Прочитавъ начало, энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень желчный Благосвѣтловъ плюнулъ на рукопись и, выругавшись непечатными словами по адресу бывшагосвоего воспитанника, просилъ Перепелкина передать ему пожеланіе чтобъ ему всю жизнь снились Кальдероны за его варварское сочиненіе.

Знало ли начальство, особенно какой-нибудь Петръ Ивановичъ, какъ лицо, руководящее учебнымъ дѣломъ въ каждомъ заведеніи, или, по меньшей мѣрѣ, догадывались ли, что немногимъ только изъ проведшихъ добавочный учебный годъ, въ самостоятельномъ уясненіи познаній по нѣкоторымъ предметамъ не написаны кѣмъ-либо на сторонѣ, или не поправлены радикально годовыя сочиненія, которыя

[1]) Подъ Петромъ Ивановичемъ авторъ разумѣетъ всякаго офицера военно-учебнаго заведенія, а главное—инспектора.

затѣмъ читались на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи многочисленной интеллигентной публики, и удостоивались цѣнныхъ наградъ, вродѣ золотыхъ часовъ и проч., получаемыхъ изъ собственныхъ рукъ всесильнаго Р—ва,—Перепелкину осталось неизвѣстнымъ. Но онъ не могъ не понять и не убѣдиться изъ многихъ явленій и наблюденій, что въ военныхъ заведеніяхъ показная и существенная сторона дѣла—двѣ вещи совершенно разныя.

— Эка, подумаешь, какое открытіе вы сдѣлали, сказалъ, саркатически улыбаясь, одинъ изъ сотоварищей по преподаванію словесности, когда Перепелкинъ однажды вздумалъ подѣлиться съ нимъ выводами въ этомъ родѣ: вѣдь это только для такихъ неисправимыхъ идеалистовъ, какимъ вы, дѣйствительно оказываетесь, можетъ это представляться новинкой, достойной разговоровъ и размышленій, мы же, старики, присмотрѣлись ко всему этому и очень хорошо понимаемъ, что въ царствѣ бумажномъ всегда все сводится къ письменнымъ отчетамъ, а о существенной провѣркѣ ихъ на дѣлѣ никогда никто и не думалъ.

Дѣйствительно, Крымская война воочію всѣмъ показала, что все терпящая бумага, въ видѣ отчетовъ, рапортовъ, представленій, объявленій, проектовъ и проч. и проч., всегда прикрывала массу лжи, допускаемой или съ цѣлями самаго безобразнаго хищничества, или по трусости, а то такъ по безсилію лица, неспособнаго понять и провѣрять то, что ввѣрено его наблюденію и храненію, или руководительству. Перепелкина особенно удивляло то обстоятельство, что въ столицѣ, резиденціи царя, открыто всѣ говорили о страшныхъ злоупотребленіяхъ, допущенныхъ въ арміи по подрядамъ и поставкамъ, по вооруженію войскъ, ихъ обмундированію, продовольствію, перевозкѣ раненыхъ героевъ, которые, предъ цѣлымъ міромъ засвидѣтельствовавъ необыкновенную храбрость, стойкость и самоотверженность, умирали не отъ ранъ, полученныхъ на полѣ битвы, а отъ нашихъ неурядицъ, прикрываемыхъ всетерпящей бумагой и вводящихъ въ заблужденіе всякую власть, до царя включительно, умирали несчастные герои отъ невообразимыхъ путей сообщенія, отъ недостатка перевязочныхъ средствъ, отъ небрежнаго, дурнаго ухода за ними и, къ стыду человѣчества, отъ голода и холода.

Толки въ этомъ родѣ тяжелымъ камнемъ ложились на душѣ нервнаго Перепелкина.—Боже мой, горячился онъ, искренно страдая за другихъ;—да неужели же подобные слухи не доходятъ куда слѣдуетъ? А какъ же они дойдутъ—получался внутренній отвѣтъ—вѣдь ты же въ засѣданіяхъ, при обсужденіи программъ, въ присутствіи всесильнаго Р—ва, не выскочилъ съ объясненіемъ всѣхъ тѣхъ неурядицъ, которыя подмѣтилъ въ военныхъ заведеніяхъ, и не выскочилъ

во-первыхъ, потому, что сразу понялъ, что здѣсь этого не требуется, совсѣмъ въ томъ не нуждаются; во-вторыхъ, потому, что на поддержку Веденскаго, какъ авторитетнаго лица и любимца Р—ва, по всѣмъ видимостямъ, разсчитывать никоимъ образомъ нельзя было; въ третьихъ потому, что сунувшійся было съ своими возраженіями какой-то словесникъ былъ встрѣченъ со стороны предсѣдателя такимъ взглядомъ, что непосредственный начальникъ этого смѣльчака, напуганный, можетъ быть, не столько за него, сколько за себя, потянулъ его назадъ за фалду фрака—вѣдь, если ты самъ струсилъ, боясь, конечно, рискнуть только-что полученнымъ мѣстомъ, то по какому же праву, или въ силу какой справедливости, ждешь ты подобнаго геройства отъ другихъ?—Да, да! вторилъ внутренній голосъ;—это такъ, не выскочилъ изъ подлой трусости, боясь рискнуть только-что полученнымъ мѣстомъ, а отъ другихъ требуешь геройства! И стыдно и тяжело стало молодому педагогу за такую подлую человѣческую слабость, отъ которой и самъ чувствовалъ себя не отрѣшившимся.

Подъ вліяніемъ мрачныхъ нравоученій, читаемыхъ самому себѣ, онъ пришелъ домой обезкураженнымъ и разстроеннымъ.

— Вотъ ты недавно плакался, что писемъ давно ни отъ кого не получаешь, обратилась къ нему жена, ставя предъ нимъ на письменный столъ стаканъ чая; а посмотри, какое толстенькое пришло.

— Сейчасъ принесли? говорилъ мужъ, пристально всматриваясь въ совершенно незнакомый почеркъ на конвертѣ.

— Нѣтъ, еще вчера, за часъ до твоего прихода съ вечернихъ лекцій, да я забыла о немъ.

Вскрывъ пакетъ, Перепелкинъ такъ углубился въ чтеніе письма, что Люба, предложивъ вопросъ, откуда оно, съ полминуты простояла въ ожиданіи отвѣта, но, не дождавшись его, ушла играть съ дѣтьми и больше не интересовалась имъ, вѣроятно, совершенно позабывъ о немъ. А между тѣмъ этому письму суждено было сдѣлаться роковымъ въ судьбѣ мужа. Писано оно второстепеннымъ начальствомъ одного изъ самыхъ отдаленныхъ отъ столицы военныхъ заведеній, съ согласія и одобренія первостепеннаго, т. е. начальника заведенія, приписавшаго собственноручно отъ себя нѣсколько строкъ въ томъ смыслѣ, что „все-де, написанное Петромъ Ивановичемъ, вполнѣ согласно и съ его мнѣніями и желаніями".

Вотъ это письмо: „Милостивый государь, Савва Саввичъ. Извините, что я, не имѣя чести быть лично знакомымъ съ вами, на первыхъ же порахъ пишу вамъ предлинную и, смѣю увѣрить васъ, совершенно искреннюю и доброжелательную цидулку. Дѣло въ томъ, что нашъ корпусъ нуждается въ дѣльномъ преподавателѣ по русскому

языку и словесности. Напрашивающихся сюда на это мѣсто есть не мало изъ столицъ и изъ ближайшихъ къ намъ губернскихъ гимназій, но всѣ они какъ-то не отвѣчаютъ нашимъ желаніямъ. А между тѣмъ, проѣзжавшій на-дняхъ чрезъ нашу палестину на Дальній Востокъ, полковникъ N, старый мой знакомый, служившій не такъ давно и въ вашемъ заведеніи, по поводу заведеннаго мною разговора съ нимъ на эту тему, охарактеризовалъ васъ въ такихъ чертахъ, которыя какъ нельзя болѣе приходятся намъ, т. е. мнѣ и начальнику заведенія, по вкусу. Онъ именно указалъ на ваше стремленіе быть не только дѣльнымъ преподавателемъ, но и воспитателемъ вмѣстѣ, на ваше недовольство современнымъ состояніемъ умственнаго и нравственнаго состоянія питомцевъ военныхъ пансіоновъ, на ваше колебаніе—оставаться ли на этомъ поприщѣ, въ ожиданіи благопріятныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи, или уйти на другое, чтобъ не растрачивать своихъ силъ безъ пользы. Отецъ родной, вѣрьте Богу, что эти стремленія и эти силы ваши намъ и всей нашей палестинѣ куда-какъ были бы дороги! Вѣдь, теперь, когда у васъ тамъ, въ столицѣ, и литература оживляется, и публичныя лекціи читаются, вы у насъ, какъ лицо, пріѣхавшее быть представителемъ этого движенія, могли бы имѣть огромное вліяніе какъ на питомцевъ, такъ и на все наше сонное общество. Тутъ есть надъ чѣмъ поработать мыслящему человѣку: вѣдь, это край исконнаго мрака, невѣжества, край неслыханнаго въ наши времена безправія. Здѣсь ли не развернуться и не найти примѣненія молодымъ силамъ, рвущимся сослужить полезную службу царю и отечеству! Я и самъ забрался сюда, движимый искреннимъ и горячимъ желаніемъ содѣйствовать приведенію заведенія въ такое состояніе, чтобы изъ него выходили на службу краю люди дѣльные и нравственные. Могу безъ хвастовства сказать, что мои усилія въ этомъ направленіи не остаются безъ успѣха, замѣчаемаго даже и мѣстнымъ обществомъ. Вѣдь у насъ—между нами будь сказано—меньше давленія формалистики, чѣмъ въ столицѣ, и разумнымъ, благонамѣреннымъ стремленіямъ, хотя бы требовавшимъ и особыхъ цѣлесообразныхъ мѣропріятій, повѣрьте, никто никакихъ препятствій и преградъ ставить не будетъ. Его превосходительство, начальникъ нашего заведенія, вполнѣ сочувствуетъ (какъ увидите ниже изъ собственноручной его приписки) всѣмъ моимъ стремленіямъ и мѣрамъ, принимаемымъ къ поднятію умственнаго и нравственнаго развитія учащихся въ заведеніи. А вотъ наши условія, если вы пожелаете перейти къ намъ на службу: плата за годовой урокъ у насъ будетъ вамъ въ полтора раза больше, чѣмъ вы получаете въ столицѣ, а уроковъ можете имѣть, сколько пожелаете. Теперь преимущества службы въ нашемъ краю: годовой окладъ жалованья не въ зачетъ,

при отъѣздѣ, двойные прогоны на число лошадей по чину, сокращенный пятью годами срокъ на выслугу пенсіи, кромѣ того черезъ каждыя пять лѣтъ прибавки къ жалованью 1/4 изъ стариннаго учительскаго оклада въ 500 руб. Но прибавки изъ этого оклада мы нашли не соотвѣтствующими ни времени, ни цѣлямъ привлеченія дѣльныхъ людей въ край, лишенный всякихъ удобствъ цивилизованныхъ мѣстностей, и вошли къ высшему начальству съ представленіемъ о выработкѣ новаго положенія, на основаніи котораго каждый учитель могъ бы получать за каждое пятилѣтіе четвертую часть того оклада, какой онъ получалъ по средней сложности за это время. Начальство изъявило полное согласіе на наше представленіе и обѣщаетъ разработать этотъ вопросъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Считаю должнымъ распространиться здѣсь также и о стоимости содержанія въ нашемъ городѣ. Все привозное изъ дальнихъ мѣстъ, разумѣется, здѣсь очень дорого, такъ что иногда выгоднѣе находишь выписывать изъ столицъ нѣкоторые предметы прямо по почтѣ, чѣмъ пріобрѣтать ихъ здѣсь у мѣстныхъ торговцевъ, которые и товаръ держатъ недоброкачественный, и цѣны дерутъ непомѣрно высокія. Но за то все мѣстное баснословно дешево.

„Не подумайте, что я здѣсь кое-что преувеличиваю съ цѣлью только заманить васъ къ себѣ. Возвращающійся на-дняхъ въ Петербургъ, пробывшій здѣсь больше года, И. С. П. имѣетъ отъ меня порученіе побывать у васъ и лично передать вамъ свои впечатлѣнія объ этомъ краѣ вообще и о нашемъ городѣ въ частности, который онъ окрестилъ такими названіями: „безтолочь“, „непроницаемая муть“, „покладистая блудница“, „а-ну-ко попробуй“. Уже по однимъ этимъ кличкамъ вы можете судить, какое онъ о немъ понятіе составилъ, но тѣмъ безпристрастнѣе можетъ вамъ представиться мое мнѣніе, раздѣляемое и его превосходительствомъ, начальникомъ заведенія, что такимъ личностямъ, какъ вы, по изображенію общаго нашего знакомаго, здѣсь-то именно и есть настоящее мѣсто: не придется скучать, потому что кругомъ найдется много работы, которая не можетъ быть непроизводительной и навѣрное дастъ хорошіе результаты.

„Подумайте-ка объ этомъ и поспѣшите обрадовать насъ своимъ отвѣтомъ въ положительномъ смыслѣ, а еще лучше бы сдѣлали, если бы при таковомъ приложили и форменное прошеніе на имя начальника заведенія о переводѣ васъ на службу въ наше заведеніе“.

Прочитавъ это письмо, Перепелкинъ долго оставался въ глубокомъ размышленіи, изрѣдка развертывая его и вновь перечитывая внимательно нѣкоторыя мѣста. Оно какъ-бы служило отвѣтомъ на тайныя, ничѣмъ не успокаивающіяся желанія его найти родъ дѣятельности,

который бы всецѣло занялъ его умъ и сердце и давалъ бы возможность чувствовать плоды своихъ усилій быть полезнымъ членомъ общества, возбужденіемъ въ другихъ стремленія къ просвѣщенію ума, освобожденію человѣческой природы отъ грубыхъ инстинктовъ, водворенію въ душѣ людей чувства правды, добра, любви ко всему возвышенному и благородному. „Да, разсуждалъ онъ самъ съ собою; здѣсь, въ этомъ, исполненномъ всякаго мрака, краѣ, и помимо мѣста службы есть поприще для дѣятельности людей, намѣтившихъ себѣ такія цѣли. А я даже и не слыхалъ, что и въ такомъ отдаленіи отъ столицы существуютъ корпуса“.

Черезъ два мѣсяца посѣтилъ Перепелкина господинъ, который окрестилъ такими нелестными именами городъ, куда приглашается словесникъ для пропаганды слова правды и любви къ ближнему.

Такъ, такъ, онъ и есть! привѣтствовалъ гость Перепелкина, простирая къ нему обѣ широкія длани; вы не узнаете меня? А помните, лѣтъ пять тому назадъ, мы видѣлись... еще допрашивали васъ насчетъ вашихъ идеаловъ. Я, признаться, забылъ вашу фамилію, да и не зналъ, что вы женаты, но когда при мнѣ, у знакомыхъ тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, зашла какъ-то рѣчь о вызовѣ туда какого-то семейнаго педагога, отличающагося идеальными стремленіями и энергіею, мнѣ вдругъ на умъ почему-то вспало, да не идетъ ли ужъ рѣчь о томъ юномъ горячемъ пропагандистѣ, который тогда въ нашей компаніи грозился жечь глаголами правды сердца всѣхъ смертныхъ, и такъ какъ мнѣ предстоялъ путь сюда, то я и взялся переговорить съ вами и просить васъ пожаловать ко мнѣ черезъ два дня.

Эти два дня, которые нужно было провести въ ожиданіи назначеннаго свиданія, Перепелкину показались чуть не вѣчностью.

— Вотъ черезъ два дня этотъ господинъ, что сейчасъ былъ у насъ, поразскажетъ мнѣ все о томъ краѣ, куда приглашаютъ меня на службу, и тогда можно будетъ окончательно рѣшить, ѣхать или не ѣхать туда, говорилъ онъ Любѣ, стараясь хоть сколько-нибудь заинтересовать ее предполагаемой перемѣной ихъ положенія. Для меня это дѣло представляется чрезвычайно важнымъ, по многимъ причинамъ. И онъ началъ подробно объяснять эти причины.

Онъ поднялъ глаза на жену и, къ изумленію, увидѣлъ, что она вперла глаза въ обои и чрезвычайно внимательно къ чему-то присматривается, не слушая его вовсе.

Какъ съ облаковъ упалъ размечтавшійся было мужъ на тему по излюбленному дѣлу и, уходя, понурый, въ свой кабинетъ, не переставалъ думать: да, сиротство мое, круглое сиротство, совершенно безпомощное!

Но въ этомъ горькомъ чувствѣ круглаго своего сиротства онъ

былъ утѣшенъ въ тотъ же день выраженіемъ самаго искреннаго сожалѣнія почти со стороны всего класса, которому онъ послѣ вечерней лекціи объявилъ о предполагаемомъ имъ переходѣ на службу въ отдаленный край. Больше всѣхъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ воспитанникъ N., котораго Перепелкинъ, года за два передъ тѣмъ, назвалъ „вянущимъ василькомъ“ по вялому, даже чахлому его виду. Теперь онъ выглядѣлъ здоровымъ, краснощекимъ юношей и, зная, кому этимъ обязанъ, онъ всегда выражалъ чувство глубокой признательности къ виновнику этой перемѣны, „доброму своему учителю“, какъ онъ называлъ Перепелкина, объясняясь по поводу этого дѣла съ однимъ дежурнымъ офицеромъ. По многимъ признакамъ Перепелкинъ убѣдился, что вялость, сонливость, угрюмость и исхуданіе его и нѣкоторыхъ другихъ происходятъ, главнымъ образомъ, отъ извѣстнаго тайнаго порока, нерѣдкаго и въ другихъ заведеніяхъ, но особенно сильно распространеннаго въ корпусахъ. Встрѣчаясь съ такими питомцами въ корридорахъ, онъ умѣлъ, побуждаемый добрымъ своимъ сердцемъ, войти въ довѣріе къ нимъ по поводу разспросовъ о состояніи ихъ здоровья и, ведя бесѣду наединѣ съ каждымъ отдѣльно, выяснить послѣдствія, къ которымъ можетъ привести этотъ порокъ, если они не употребятъ всѣхъ усилій, чтобы немедленно его оставить. Его искреннее и горячее участіе въ судьбѣ этихъ лицъ, съ которыми онъ входилъ въ объясненія по такимъ щекотливымъ вопросамъ, спасло не одну личность отъ несчастной привычки, и выраженіе признательности онъ встрѣчалъ со стороны многихъ, хотя далеко, впрочемъ, не всѣхъ, но никто не выражалъ ее такъ ясно, открыто, какъ N. „Никогда, говорилъ онъ часто, при встрѣчахъ одинъ на одинъ, я не забуду, какой переворотъ вы произвели во мнѣ своими совѣтами, я не только обязанъ вамъ хорошимъ своимъ здоровьемъ, но и полной перемѣной характера, который, вслѣдствіе несчастной привычки, сдѣлался было страшно отвратительнымъ: я ненавидѣлъ всѣхъ и все, поминутно раздражался, жизнь мнѣ опротивѣла, и я не имѣлъ никакихъ ни надеждъ, ни желаній впереди. Бродила даже мысль въ головѣ броситься съ моста въ воду. Теперь, какъ видите, и цвѣтущъ, и веселъ, и во всю жизнь не забуду, что этимъ обязанъ вамъ, доброму моему учителю.“

Но отвратительнѣе и возмутительнѣе всего для Перепелкина были циничныя привычки воспитанниковъ старшихъ классовъ.

Однажды Перепелкинъ шелъ по корридору съ однимъ изъ своихъ сотоварищей по преподаванію. Навстрѣчу имъ попались два верзилы, у которыхъ физіономіи мгновенно исказились, принявъ злой до звѣрства видъ. Перепелкинъ, издали уже замѣтивъ такую метаморфозу, въ ту же минуту обратилъ на нее вниманіе товарища, и на вопросъ его —

вслѣдствіе чего же они такъ свирѣпѣютъ—объснилъ подробно въ чемъ дѣло.

— Ну, вы, батенька, оставьте ихъ въ покоѣ на этотъ счетъ, особенно, джентльменовъ съ особыми нашивками, показывающими, что они закончили уже полное образованіе, проглотивъ всю премудрость, преподаваемую здѣсь, и оставлены на годъ для самостоятельнаго пережевыванія ея въ особо сочиненномъ для этой цѣли классѣ [1]). Повѣрьте мнѣ, какъ человѣку искренно прямодушному, что за самаго послѣдняго изъ нихъ—хотя, между нами будь сказано, они и всѣ-то пріучаются только здѣсь бить баклуши по формѣ,—не постѣснятся пожертвовать любымъ изъ насъ, еслибъ пришлось кому-нибудь изъ насъ считаться обидами съ ними. А вы знаете мнѣніе объ этомъ классѣ Р—ва?—спросилъ товарищъ Перепелкина и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ, что прошедшими послѣднюю школу самостоятельнаго развитія, подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ-спеціалистовъ, надобно будетъ особенно дорожить, такъ какъ несомнѣнно это будутъ люди образцовые, успѣвшіе, такъ сказать, опериться и окрылиться для высшихъ полетовъ, и вотъ вѣрьте мнѣ, что хотя бы это были самые заурядные болваны, но за каждаго изъ нихъ безъ всякаго сострaданія выгнали бы любаго изъ насъ, коснись только разбирательства взаимныхъ обидъ между учителемъ и подобнымъ, самостоятельно развивающимся питомцемъ.

— Вотъ ужъ разодолжили меня, говорилъ пріѣзжій изъ Сибири, бросаясь навстрѣчу Перепелкина, цѣлуясь съ нимъ и усаживая его на диванъ рядомъ съ собою.

Перепелкинъ полюбопытствовалъ прежде всего спросить—каково начальство заведенія, куда его приглашаютъ, и дѣйствительно ли тамъ содержаніе такъ дешево, какъ ему пишутъ оттуда, затѣмъ каково общество, каковъ климатъ.

На всѣ эти вопросы получались отвѣты, если и не вполнѣ обстоятельные, то все же свидѣтельствующіе, что разсказчикъ одаренъ наблюдательностію и умѣлъ схватить характерныя черты явленій.

— Начальство отличное во всѣхъ отношеніяхъ, говорилъ сибирякъ, особенно правая рука начальника заведенія, т. е., лицо завѣдующее учебною частью. Онъ въ короткое время успѣлъ многое сдѣлать для заведенія. Самъ начальникъ добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, но старъ и слишкомъ довѣрчивъ къ людямъ, а потому его кругомъ обманываютъ эти тамъ смотрителя, экономы, завѣдующіе вещевыми заготовленіями и проч. Онъ и самъ это сознаетъ, но, по малодушію, боится круто поступить съ этими людьми, чтобы самого не оплели,

[1]) Третій спеціальный.

какъ онъ выражается, и не спихнули съ мѣста. Онъ же пріобрѣлъ въ городѣ такихъ партнеровъ по преферансу, что смерть не хотѣлось бы ему выѣзжать отсюда. Климатъ здоровый, хотя морозы достигаютъ иногда 40 градусовъ.

Что касается общества, мѣстныхъ нравовъ и всякихъ житейскихъ дѣлъ, то это статья обширная, а я теперь, какъ говорится, въ ударѣ и могу наговорить вамъ съ три короба.

Общество... общество въ Сибири состоитъ изъ аборигеновъ и наѣзжаго люда. Аборигены—это косолапые медвѣди, лежатъ въ берлогахъ и сосутъ лапы, но себѣ на умѣ: пальцевъ въ ротъ имъ не клади, откусятъ какъ разъ. Народъ хитрый, продувной! Да и неудивительно, почему онъ таковъ: обитатель этого отдаленнаго обширнаго края несравненно больше, чѣмъ обитатели другихъ мѣстностей Россіи, могъ чувствовать горечь сложившейся на Руси поговорки: до Бога высоко, до царя далеко. Онъ никогда и нигдѣ кругомъ себя не видѣлъ правды и, съ покорностію безсловеснаго животнаго, терпѣливо выносилъ на себѣ всевозможныя обиды, насилія и всяческія несправедливости. Наѣзжіе составляютъ не постоянный и быстро мѣняющійся элементъ. Они бываютъ двухъ, даже трехъ родовъ: люди хорошо образованные, честные, пріѣзжающіе съ цѣлью послужить пользамъ края; но они какъ-то долго здѣсь не уживаются: ихъ либо выкуриваютъ разными способами отсюда, либо они сами утекаютъ почему-то изъ этого края. Затѣмъ люди тоже не безъ образованія, но честности болѣе чѣмъ сомнительной, предъявляющіе большія претензіи на дѣловитость, которая, впрочемъ, вся направлена къ своекорыстнымъ цѣлямъ самаго безшабашнаго эксплоатированія всѣхъ и всего, казны и ближняго. Это самый вліятельный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый зловредный классъ людей, который съ такимъ искусствомъ умѣетъ раскидывать свои сѣти, что даже очень чуткій, осторожный и опытный красный звѣрь неизбѣжно какъ-бы чудомъ какимъ попадаетъ въ нихъ, а разъ попавъ, никоимъ образомъ уже собственными своими усиліями не выпутается изъ нихъ, потому что онѣ сотканы изъ густой и чрезвычайно цѣпкой паутины. Наконецъ, люди безъ всякаго образованія, не предъявлявшіе никогда ни малѣйшихъ притязаній на него, равно какъ на честность, благородство и другія какія-нибудь высшія нравственныя качества. Эти люди составляютъ здѣсь самый давній, такъ сказать, архаическій элементъ, живучесть котораго обусловливается, главнымъ образомъ, его подвижностію, неудержимымъ стремленіемъ къ частымъ, иногда почти безпрерывнымъ перемѣщеніемъ. Сильно проворовавшись, или скомпрометтировавъ себя черезчуръ другимъ путемъ въ одномъ пунктѣ какого-нибудь района обширной территоріи этого отдаленнаго края, они втихомолку спѣшатъ по-добру—по-здорову

убраться оттуда, не производя ни малѣйшаго шума, и совершаютъ осторожно передвиженія съ Востока на Западъ, или съ Запада на Востокъ, смотря по тому, гдѣ получилась осѣчка, преспокойно устраиваются на новомъ мѣстѣ, впредь до новой неизбѣжной осѣчки, чтобы съ тѣмъ же спокойствіемъ и съ тою же осторожностію учинить дальнѣйшее движеніе по длинному, на нѣсколько тысячъ верстъ змѣйкой тянущемуся пути, въ восточномъ или западномъ направленіи. У иныхъ этихъ перемѣщеній значится въ формулярномъ спискѣ такъ много, что кажется даже невѣроятнымъ, какъ это на нихъ не было обращено вниманія со стороны тѣхъ учрежденій, которымъ надлежитъ это вѣдать. А ужъ какъ тихо, безъ малѣйшей огласки совершаются, какъ бы въ ночномъ мракѣ, эти переселенія! Иной разъ въ клубѣ, или въ другомъ какомъ многолюдномъ обществѣ, кто-нибудь изъ опоздавшихъ во время засѣсть за карточный столъ, подыскивая себѣ партнеровъ, вдругъ крикнетъ: „да гдѣ же это запропастился нашъ Ксаверій Ивановичъ? Неужто все еще разъѣзжаетъ по дѣламъ службы?“ „Экъ хватились!“ отвѣчаетъ ему какой-нибудь одиночный голосъ;—„Ксаверій Ивановичъ съ мѣсяцъ уже будетъ, какъ откочевалъ отсюда и перевалилъ за ту широту, гдѣ морозы переходятъ за сорокъ градусовъ“. И это явленіе такъ обычно, что ни въ комъ изъ жрецовъ Ѳемиды не вызываетъ ни малѣйшаго удивленія, развѣ кто-нибудь дополнитъ это извѣстіе о внезапномъ исчезновеніи Ксаверія Ивановича такимъ замѣчаніемъ: „на Востокъ“, молъ, „значитъ, направился“. Или съострить кто: „захотѣлось-де къ тюленямъ въ сосѣдство“. Эти двѣ категоріи наѣзжаго люда составляютъ страшную сплошную язву на всемъ организмѣ мѣстнаго края. Всѣ чудовищные разсказы о невѣроятныхъ дѣлахъ, совершенныхъ не въ прошломъ столѣтіи, или еще раньше, а въ самое ближайшее къ намъ время, въ родѣ того, напримѣръ, какъ земскіе чины развозили по округамъ отрубленную руку, заставляя цѣлыя волости откупаться отъ подозрѣнія, что она найдена на ихъ территоріи, какъ тѣ же чины облагали всяческими незаконными поборами всѣхъ и все, наживая такимъ способомъ громадныя состоянія, дѣлясь ими съ высшими властями, какъ иниціаторами въ подобныхъ прожектахъ, и разоряя до тла, доводя до полной нищеты, а нерѣдко даже заключая въ тюрьму всѣхъ тѣхъ, которые такъ или иначе осмѣлились протествовать противъ подобныхъ злоупотребленій,—всѣ эти, говорю, акты чудовищнаго насилія составляютъ дѣло рукъ людей этихъ двухъ категорій. Они же развращаютъ и мѣстныхъ жителей, разнуздывая ихъ хищные инстинкты. Отъ чего только нельзя откупиться и выйти сухимъ изъ воды въ этомъ краю! Одинъ, напримѣръ, мелко плавающій коммерсантъ, кажется, изъ бывшихъ волостныхъ писарей, задумалъ попасть въ первостатейные купцы—и что же? Онъ

совершилъ такую метаморфозу скоро, оригинально и съ полнымъ успѣхомъ, такъ сказать, на глазахъ всѣхъ властей и всѣхъ обывателей. Пригласивъ къ себѣ на заимку (это нѣчто въ родѣ хутора) двухъ-трехъ артистовъ, изъ ссыльныхъ, по части дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, онъ устроилъ имъ логово и мастерскую въ лѣсу, въ подземельи, снабдилъ ихъ всѣми нужными инструментами и матеріалами, и сбывъ въ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ отчетливыя и великолѣпныя произведенія на Ирбитской и Макарьевской ярмаркахъ, онъ угостилъ виновниковъ своего обогащенія великолѣпнымъ пиромъ тамъ же, въ подземельи, и когда они и нѣсколько ихъ помощниковъ, изъ бродягъ, перепились всѣ до положенія ризъ онъ собственноручно заколотивъ дверь ихъ логовища, поджогъ его со всѣхъ сторонъ и преспокойно уѣхалъ домой, въ городъ, чтобы приступить къ обширнымъ коммерческимъ операціямъ. Заведено было обширное дѣло и по поводу исчезновенія мастеровъ-художниковъ, кости которыхъ были открыты въ подземельи, и по поводу быстраго обогащенія прежде бывшаго мелкаго коммерсанта, пошли разслѣдованія и тайныя и явныя, исписаны стопы бумаги, но крапивное сѣмя, взросшее во всяческихъ правонарушеніяхъ и обходахъ законовъ, умѣло такъ запутать это дѣло и напустить столько тумана во всѣ его части, что бились, бились надъ нимъ разныя учрежденія, да такъ и бросили его, предавъ все волѣ Божіей. Можете себѣ представить, какъ деморализуются нравы мѣстныхъ жителей отъ такихъ непорядковъ?

— Ай да Акимъ Савельевичъ! разсуждаетъ за продолжительнымъ чаепитіемъ какой-нибудь купчина, окруженный сонмомъ взрослыхъ дѣтей, а также приказчиковъ, сидѣльцевъ;—куда какая башковитая голова! Вѣдь, такое обработалъ дѣльцо, что внукамъ и правнукамъ предоставитъ счастье, а себѣ почетъ на всю жисть.

— Такъ-то, такъ, ваше степенство, башка, что и говорить! Да крещеныхъ-то больно ужъ много сгубилъ за одинъ разъ, осмѣливается вставить скромное свое замѣчаніе несовсѣмъ еще очерствѣвшій душой подначальный человѣкъ: вѣдь, сказываютъ, всѣхъ-то этихъ загубленныхъ человѣкъ 6—7 никакъ было.

— Эхъ ты, блажной! закипаетъ негодованіемъ хозяинъ; нешто это люди? Варнаки—вотъ кто это! Мало ли ихъ пристрѣливаютъ по дорогамъ за бродяжество? Опять же и то сказать почто посылаютъ ихъ къ намъ, нешто они намъ нужны? Вѣдь отъ нихъ намъ только одно разоренье. А на счетъ грѣха что жъ? При эфтакомъ капиталѣ отмолить можно какой хошь: примѣрно, колоколъ пудовъ въ тысячу, аль раскошелиться ужъ хоть разъ да гораздъ для Бога и прямо соорудить трехпрестольный храмъ. Вотъ что, дура твоя голова, наставительно заключаетъ скотоподобный брюханъ.

— Что дѣло, то дѣло, Кузьма Селифантіевичъ! спѣшатъ поддакнуть остальные подневольные люди, проникаясь и дѣйствительно такимъ же взглядомъ на вещи.

— Но позвольте же, прерываетъ разсказчика Перепелкинъ, все болѣе и болѣе поражаемый такими неслыханными дѣлами: вѣдь, тамъ же есть высшая власть, облеченная довѣріемъ государя и самыми широкими полномочіями, какъ, же—я не понимаю—въ виду такой власти могутъ быть допускаемы подобныя злодѣянія?

— Эхъ, вы наивный, пренаивный идеалистъ! Да эта власть столько же знаетъ про эти злодѣянія, сколько и выше ея стоящая тамъ, въ Петербургѣ: она никогда и ни отъ кого не слыхивала тамъ истинной правды ни о чемъ. Жандармерія, правда, иногда на кое-что пытается раскрыть ему глаза, но окружающіе эту власть свои чины тотчасъ же и постараются закрыть ихъ хотя на самое вопіющее дѣло; „придираются, молъ, ваше-ство, жандармскіе; отличиться, знать, хотятъ; а дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ, просто кляузничество". И власть эта вполнѣ вѣритъ своимъ, а такъ какъ она, дѣйствительно, сильно полномочная, то она еще даетъ нотаціи жандармскому начальству не раздувать такихъ вздорныхъ вещей къ соблазну народонаселенія.

— Да неужели же тамъ не бываетъ протестующихъ противъ такихъ хитросплетеній?

— Какъ не бывать! Бываютъ. Но маленькому протестанту дадутъ щелчка въ носъ, онъ и замолчитъ, а большаго всенепремѣнно выживутъ, такъ или иначе, а будьте увѣрены—выживутъ непремѣнно. Вотъ еще недавно ловкимъ манеромъ выкурили оттуда одного очень крупнаго протестанта. Онъ былъ тамъ членъ совѣта что-ли по управленію краемъ, не сходился въ мнѣніяхъ съ другими, все, какъ говорили, по-своему оригинально понималъ и дошелъ даже до такой смѣлости, что изготовилъ проектъ, для поднесенія главному начальнику края, объ искорененіи разныхъ злоупотребленій въ сферѣ административной и судебной, путемъ болѣе правильнаго и опредѣленнаго разграниченія правъ и компетентности властей той и другой категоріи и бо̀льшей отвѣтственности лицъ, допускающихъ правонарушенія въ той или другой области. Когда еще изготовлялся имъ этотъ проектъ, нѣкоторые изъ товарищей подтрунивали надъ нимъ, какъ надъ затѣйникомъ неслыханнаго въ ихъ средѣ дѣла, и дѣлали нешуточныя предостереженія: „какъ-бы, дескать, самъ ты не провалился вмѣстѣ съ этимъ проектомъ". Но когда сдѣлалось извѣстнымъ, что проектъ готовъ и въ скоромъ времени будетъ представленъ главѣ края, составитель его сталъ получать чуть не ежедневно угрожающія письма, изъ которыхъ иныя начинались такъ: „а ну-ка попробуй".

Въ одномъ изъ нихъ красовались эти слова и въ началѣ и въ концѣ письма, въ которое вложена была еще сорванная съ какого-то душеспасительнаго журнала, виньетка, на которой изображенъ паломникъ съ сумкой за плечами и съ посохомъ въ рукахъ, а внизу подъ нимъ напечатанъ текстъ: „не имамы града, гдѣ пребывати, но грядущаго взыскуемъ". Грубый намекъ на то, что какъ бы не пришлось смѣлому составителю проекта постранствовать въ поискахъ града, гдѣ бы его приняли на службу. Но честный человѣкъ не испугался этихъ угрозъ и въ одинъ прекрасный день самолично представилъ проектъ генералу, который, не зная еще его содержанія, принялъ автора его весьма любезно и обѣщалъ въ самомъ скоромъ времени основательно ознакомиться съ его произведеніемъ и дать ему дальнѣйшее движеніе въ Петербургъ. Оно, дѣйствительно, такъ бы и было, если бы генералъ, съ самаго же пріѣзда сюда, не очутился въ рукахъ необыкновенно ловкихъ двухъ проходимцевъ, которые, льстя ему самымъ безсовѣстнымъ образомъ, вертѣли имъ по произволу, какъ хотѣли. Старикъ былъ честный и добрый человѣкъ, но слишкомъ покладистый для того, чтобъ люди ловкіе, вкравшись въ его довѣріе, не подчинили его себѣ вполнѣ. Онъ на все смотрѣлъ ихъ глазами, а потому и проектъ, объясненный ими, какъ нѣчто, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніями самого генерала, возбудилъ въ немъ большое неудовольствіе, и онъ написалъ на немъ или велѣлъ передать автору его, что онъ можетъ ѣхать съ этимъ своимъ проектомъ въ столицу и больше сюда не возвращаться. Тотъ такъ и сдѣлалъ.

Это, если хотите, страна полнаго безправія, гдѣ сильный безнаказанно можетъ совершать какія угодно дѣла. Да и не сильный, но смѣлый можетъ рискнуть на многое, вовсе не опасаясь запросовъ, на какомъ основаніи онъ дозволяетъ себѣ то и другое. Въ доказательство этого я приведу самъ, какъ самовидецъ, два факта. Одинъ случился въ дорогѣ, когда я еще ѣхалъ только въ этотъ городъ, куда приглашаетесь вы, и которому я послѣднюю кличку далъ: „а ну-ка попробуй", а другой—въ скоромъ времени по прибытіи туда. Надо вамъ сказать, что я ѣхалъ въ собственномъ, довольно большомъ и удобномъ экипажѣ. Въ городѣ К. ко мнѣ напросился въ попутчики отставной подполковникъ П., очень веселаго нрава господинъ, и выпить не дуракъ, но по денежной части очень слабоватъ, какъ оказалось вскорѣ, такъ что мнѣ приходилось почти даромъ везти его, какъ бы въ качествѣ компаньона, который готовъ продѣлывать всяческіе фокусы въ угоду и удовольствіе своего патрона. При въѣздѣ въ одно обширное и очень богатое мѣстечко, уже въ предѣлахъ того края, о которомъ у насъ рѣчь, на мосту намъ попалась навстрѣчу крытая ямщицкая повозка съ двумя сѣдоками въ ней, изъ которыхъ

одинъ былъ татаринъ, а другой костюмированъ такъ странно, что трудно было опредѣлить, къ какому племени онъ принадлежитъ, и если бы не усы и борода, то не узнать бы даже и пола его.

— Стой! громовымъ голосомъ закричалъ мой спутникъ встрѣчному возницѣ.

Тотъ остановился. Сѣдоки растерянно глядѣли на насъ, особенно тотъ, который одѣтъ былъ оригинально. Онъ даже поблѣднѣлъ и, откинувъ голову назадъ кибитки, старался принять такое положеніе, чтобъ не видать было его лица.

— Поворачивай назадъ, властно командуетъ, къ величайшему моему удивленію, мой спутникъ, и поѣзжай за нами на станцію.

Возница задергалъ вожжами, чтобъ поворотить лошадей, но сѣдоки воспротивились этому и онъ поѣхалъ впередъ. Все это происходило въ виду станціи, которая была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и гдѣ, по случаю праздника, нѣсколько ямщиковъ сидѣли на скамейкѣ у воротъ.

— Сейчасъ на лошадей садись человѣка 2—3, догнать кибитку и воротить ее сюда на станцію, гаркнулъ зычнымъ голосомъ расхрабрившійся воинъ, когда мы подъѣзжали къ крыльцу станціи. Не прошло и 2 минутъ, какъ три всадника вихремъ понеслись, догнали кибитку и повернули ее назадъ. Спутникъ мой принялъ дѣловитый видъ, казался чѣмъ-то озабоченъ и на вопросъ мой—въ чемъ дѣло, ничего не отвѣчалъ, а только покручивалъ усы. Я тотчасъ же подумалъ, что спутникъ мой въ шутку назвался отставнымъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ какой-нибудь значительный мѣстный начальникъ, въ чемъ невольно и выдалъ себя. Признаться, я немножко даже заробѣлъ въ виду этого открытія и силился припомнить, не сказалъ ли я во время пути и самъ чего такого, за что могутъ придраться ко мнѣ и держать на примѣтѣ какъ неблагонадежнаго человѣка.

— Ты кто такой, обратился онъ не только съ серьезнымъ, но даже грознымъ видомъ къ татарину, который вмѣстѣ съ одѣтымъ странно товарищемъ ямщиками былъ введенъ къ намъ въ комнату.

— Я, бачка, татаринъ... я... мой... ѣхалъ на ярмарка. А онъ, попутчикъ, лошади пополамъ, сѣлъ съ завода, указывалъ онъ на съежившагося товарища своего, который старался держаться сзади татарина. Это былъ тщедушный человѣчекъ, лѣтъ 30 на видъ, съ небольшими усами и черной, какъ смоль, жиденькой бородкой. Его лукавые, разбѣгающіеся глаза метали искры, но ни на комъ изъ людей не останавливались.

— Ты кто такой? крикнулъ на него мой спутникъ, вытаскивая его своей сильной рукой за воротъ изъ-за татарина и разстегивая его верхній костюмъ, совершенно похожій на женскую кацавейку.

— Я заводскій, ваше скородіе, забасилъ тотъ, не глядя на вопрошающаго.

— Раздѣть его.

Ямщики, несмотря на сопротивленіе, сняли съ него кацавейку. На немъ оказались хорошіе новые плисовые шаровары и широчайшій, длиннѣйшій, очевидно, не на него шитый, черный суконный жилетъ, наглухо застегнутый подъ самую шею.

— Снимай съ него все, раздается команда моего спутника, который вошелъ въ начальственную роль такъ, что у меня ужъ и сомнѣнія не оставалось въ томъ, что онъ вовсе не отставной какой, а лицо, власть имѣющее. Подъ этимъ жилетомъ оказался другой, бархатный, самаго моднаго покроя, какіе въ то время носили только щеголи, далѣе виднѣлась красная канифасовая рубашка, а изъ-подъ нея выглядывали концы рваной, крѣпко заношенной рубахи изъ грубаго холста. Очевидно было, что верхній нарядъ этого человѣчка состоялъ изъ вещей, не ему принадлежавшихъ.

— Гдѣ ты своровалъ эти вещи? грозно пристаетъ къ нему мой спутникъ.

— Я не воровалъ ихъ, а выпросилъ на три дня съѣздить въ Б., невѣсту посмотрѣть.

— Вре-ошь, ска-а-тина! заревѣлъ неистово воинъ и, размахнувшись, далъ такую затрещину этому тщедушному человѣчку, что онъ свалился съ ногъ. Отвести его въ волость, надѣть кандалы и препроводить къ исправнику, отдавалъ онъ приказъ.

Его увели. Мы усѣлись чай пить. Смотритель подалъ мнѣ мою подорожную и доложилъ, что лошади готовы. Несмотря на то, что въ подорожной значится отставной коллежскій секретарь, ѣдущій съ неизвѣстнымъ „будущимъ", всѣ въ домѣ—смотритель, его жена, староста, ямщики, ходили на цыпочкахъ, очевидно, подавленные страхомъ отъ присутствія грозной, карающей силы въ лицѣ неизвѣстнаго „будущаго", который теперь пилъ чай и курилъ трубку, имѣя тотъ же озабоченный, дѣловитый видъ, какой онъ принялъ съ самаго пріѣзда сюда. Занятый мыслями печальнаго свойства о разыгравшейся передо мной сценѣ, я ничего не говорилъ, да, видно было, что и спутникъ не расположенъ къ разговорамъ и даже избѣгаетъ ихъ. Не прошло и полчаса, какъ въ комнату къ намъ робко входитъ сельскій старшина, низко кланяется и, откашлявшись въ руку, говоритъ: „Позвольте, господа-чиновники, отпустить на волю „риштанта". „Повинился, молъ, предъ опчествомъ ведромъ водки".

— Да ты его знаешь? спрашиваетъ мой спутникъ.

— Какъ не знать! Это Егорка съ завода, а одежину тоже у заводскихъ беретъ—мы это знаемъ—жилетку это, большую, Филатъ

Ивановичъ даютъ, а малую, бархатную сиклитарь ихъ. А шаровары и верхняя одежина—это пивоваровы.

— Ну, чортъ съ нимъ совсѣмъ! отпусти его.

Мы молча уѣхали со станціи. Смотритель, ямщицкій староста и ямщики — кто съ крыльца, а кто отъ воротъ — подобострастно смотрѣли, какъ мы усаживались въ экипажъ. Намъ дали лучшихъ лошадей и кучера одѣли въ форменный кафтанъ и шляпу съ мѣдной бляхой. Я горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе узнать, по какому праву мой спутникъ такъ самовластно распоряжался тутъ, но, видя его серьезность и очевидное нерасположеніе къ общительной бесѣдѣ, я счелъ за лучшее дождаться, пока онъ самъ заговоритъ. Такой образъ поведенія его окончательно уже утвердилъ меня въ мысляхъ, что онъ лицо оффиціальное, здѣсь извѣстное, а что онъ напросился ко мнѣ въ попутчики, назвавъ себя отставнымъ подполковникомъ, разыгрывалъ роль затрудняющагося въ средствахъ доѣхать до мѣста жительства, не брезгалъ моими подачками, въ видѣ заимообразныхъ одолженій, подлежащихъ возврату, когда представится къ тому полная возможность, а теперь пока оплачивавшихся съ его стороны тѣмъ, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы смѣшить, веселить и всячески развлекать меня во всю дорогу, до настоящаго случая, открывшаго его званіе и измѣнившаго его роль, то все это приписывалъ я теперь преднамѣреннымъ его дѣйствіямъ, имѣвшимъ въ основаніи, можетъ быть, цѣли политическія. Эта мысль мучила меня, и я все продолжалъ ломать голову надъ вопросомъ—не обронилъ ли я неосторожно какихъ-нибудь мыслей, которыми можетъ воспользоваться этотъ господинъ, чтобъ скромпрометтировать меня предъ мѣстнымъ начальствомъ. Я посмотрѣлъ на него сбоку и не могъ не удивиться, что онъ не только по-прежнему серьезенъ, но такъ погрузился въ глубокія размышленія, что, положительно, ни на кого и ни на что не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Да, думаю себѣ, выкинетъ же онъ мнѣ штуку, если я чѣмъ-нибудь проговорился. Каково жъ было мое удивленіе, когда на второй станціи, сѣвъ за столъ обѣдать, онъ вдругъ разразился гомерическимъ хохотомъ и, схватываясь за бока, поспѣшилъ хорошенько затворить дверь, въ которую вышла служанка, подавшая обѣдъ.

— А что, искусный я актеръ? обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобъ подавить взрывы хохота.

— Какъ, неужели у васъ допускаются такія шутки?

— Что жъ тутъ такое! Я нарочно все это продѣлалъ, чтобъ дать вамъ возможность составить полное понятіе о загнанности здѣшняго люда и о совершенномъ безправіи, царящемъ въ этомъ краѣ повсюду.

— Но били-то вы зачѣмъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка? сказалъ я съ нескрываемымъ негодованіемъ.

— Ну, это, точно, я сдѣлалъ глупость, повинился онъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ; представьте себѣ, что, по наружному виду его, я вполнѣ былъ увѣренъ, что это бродяга, обворовавшій, а можетъ быть и ограбившій кого-нибудь въ дорогѣ. Дѣйствительно, это была глупость, въ которой я и каялся во все это время, какъ сидѣлъ насупившись, не говоря съ вами ни слова. Вѣрите, самому стыдно было за себя: это ужъ у насъ, военныхъ, такая глупая привычка—чуть что,—сейчасъ въ рыло. Скверно, подло! сознаюсь.

Другой случай произошелъ въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ городъ, которому я давалъ разныя названія по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія оставались у меня отъ всего видѣннаго и слышаннаго тамъ. Я былъ знакомъ съ полицеймейстеромъ и любилъ заходить къ нему въ полицію, побесѣдовать, какъ это дѣлали и многіе другіе. Это былъ человѣкъ небезъинтересный въ томъ отношеніи, что относительно современной политики того края, или, вообще, по текущимъ вопросамъ, отъ него нельзя было добиться никакихъ свѣдѣній, рѣшительно ничего изъ него не выжмешь, сколько бы ни приставалъ къ нему; но по дѣламъ прошедшимъ, которыя онъ зналъ хорошо, какъ человѣкъ, здѣсь проживщій не мало времени, и при томъ бывалый, онъ готовъ былъ удовлетворить всякое любопытство и даже сообщить больше, чѣмъ сколько требовалось. Онъ пользовался расположеніемъ въ высшемъ обществѣ, потому что старался угодить всѣмъ и каждому. Пришлетъ ли кто кучера, лакея, повара, кухарку или горничную къ нему для исправленія, или, какъ обыкновенно выражались въ запискахъ къ нему, для секретныхъ бесѣдъ, онъ отпоретъ на всѣ корки провинившагося и отпуститъ съ нотаціей впредь быть исправнѣе и не попадаться больше въ его руки, „а то закатаю", кричитъ онъ вслѣдъ уходящаго. Провинившихся же въ другой разъ онъ обыкновенно такъ встрѣчалъ:

— А, Дарья Степановна, или Сампсонъ Сидоровичъ, опять ко мнѣ въ гости? Что жъ, милости просимъ, милости просимъ, и при этомъ захохочетъ такимъ адскимъ смѣхомъ, что несчастныхъ смертельная дрожь пробираетъ и они стоятъ предъ нимъ ни живы, ни мертвы. Сначала потѣшится надъ ними разными издѣвками, припоминая имъ всѣ случаи, когда и въ чемъ они попадались, потомъ велитъ посадить ихъ въ холодную, чтобы они „посокрушались хоть немножко о своихъ грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ", и наконецъ всыплетъ имъ такихъ горячихъ, что тѣмъ „небо съ овчинку покажется", какъ онъ любилъ выражаться по поводу этихъ истязаній. Никому и въ голову не приходило ставить ему въ упрекъ эти пытки, а напротивъ

всѣ хвалили его за эту строгость къ низшему классу. Особенно дамы были въ восторгѣ отъ его скороспѣлой расправы съ тѣми горничными, которыя не умѣли угодить на нихъ, или, какъ онѣ выражались, „манкировали своими обязанностями". Люди низшаго класса боялись его, какъ огня, но нельзя сказать, чтобъ онъ во всѣхъ возбуждалъ ненависть, за нимъ водились и добрыя свойства: къ бѣднымъ, голоднымъ, безпріютнымъ и даже къ арестантамъ онъ нерѣдко обнаруживалъ состраданіе, помогая изъ своихъ средствъ, побуждая и другихъ къ тому, или оффиціальнымъ путемъ изыскивая средства на помощь имъ. Зналъ же онъ въ городѣ и окрестностяхъ всѣхъ и все, и въ чемъ бы вы ни нуждались—въ займѣ ли денегъ за умѣренные проценты, въ удобной квартирѣ, въ сносной, не пьющей прислугѣ, въ пріобрѣтеніи какихъ-либо предметовъ, которые не продаются въ лавкахъ, а сбываются иногда за безцѣнокъ, по случаю отъѣзда, за ненадобностью, или по другимъ причинамъ—на все это ни отъ кого нельзя было получить лучшихъ указаній, какъ отъ этого градоначальника. Такъ вотъ у него-то, въ полиціи, когда я пришелъ за одною справкою въ подобномъ родѣ, при мнѣ произошла такая сцена: только-что я, поздоровавшись, усѣлся противъ него, какъ дверь присутствія распахнулась, и къ намъ быстро вошелъ представительный штабъ-офицеръ.

— А, ваше сіятельство! бросился къ нему навстрѣчу мой собесѣдникъ; какими судьбами пожаловали сюда?

— Представьте себѣ, какой случай! Я только-что собрался ѣхать въ должность, какъ мнѣ докладываютъ, что какой-то отставной военный проситъ на бѣдность. Я вынулъ рубль и велѣлъ слугѣ подать ему, съ извиненіемъ, что больше не могу дать. Слышу, сиплымъ пьянымъ голосомъ бурлитъ попрошайка: „ай да князь! рупъ выкинулъ заслуженному воину". Меня взорвало. Отворяю дверь и вижу сомнительную рожу. Велѣлъ подать лошадей, а ему говорю: садитесь-ка со мной, я васъ подвезу къ знакомымъ, гдѣ больше дадутъ. Дорогой онъ смекнулъ, куда везу, и хотѣлъ-было на утекъ, но я попридержалъ и привезъ его къ вамъ, да еще приказалъ тамъ въ передней караулить, чтобъ не ушелъ. Думаю, что какой-нибудь пройдоха-надувало.

— А вотъ увидимъ, говорилъ градоначальникъ, выходя вмѣстѣ съ нами изъ присутствія въ пріемную, куда тотчасъ же скомандовалъ ввести мнимаго отставнаго воина.

Едва только показался послѣдній, какъ съ градоначальникомъ чуть не конвульсіи произошли: лицо его передернуло, въ глазахъ засвѣтился дикій огонь, онъ истерически захохоталъ и, подбѣжавъ къ отставному воину, сталъ причитывать: „Ваничка, другъ мой сердечный!

гдѣ тебя носили такъ долго легкія твои ноги? Вѣдь, я изстрадался по тебѣ, сердце мое все изныло". И вдругъ хвать по физіономіи друга сердечнаго! Ваничка потрясъ головой и, оправляясь, испуганно смотрѣлъ исподлобья на своего палача. Это былъ человѣкъ лѣтъ 45, на видъ невзрачный, но съ выраженіемъ лица интеллигентнымъ. Одѣтъ онъ былъ въ старый сюртукъ, какіе носятъ, обыкновенно, отставные военные офицеры.

— Вѣрите ли, ваше сіятельство? Вы жизнь возвратили мнѣ, умиралъ изъ-за этого человѣка, говорилъ патетически полицеймейстеръ и опять, подскочивъ къ другу, два раза заушилъ его страшными пощечинами. „Ну, теперь мы тебя сбережемъ. Надѣть ему и сюда, и туда", указывалъ онъ рукой на шею, ноги, руки,—„крѣпкія цѣпи съ большими замками, опеленать его кругомъ веригами и сейчасъ же препроводить его за крѣпкимъ карауломъ въ острогъ". Провизжавъ всю эту инструкцію съ дикимъ хохотомъ, онъ опять накинулся на Ваничку и двумя ударами кулакомъ по лицу окровянилъ его. Что-то крайне дикое было въ этой возмутительной сценѣ, сопровождавшейся истерическимъ взвизгиваніемъ и сатанинскимъ хохотомъ. Никогда въ жизни не испытывалъ я такихъ тяжелыхъ впечатлѣній и ощущеній, какъ здѣсь, при этихъ неистовыхъ издѣвательствахъ человѣка надъ человѣкомъ.

— Это важный преступникъ, оговорился полицеймейстеръ, когда увели арестанта, какъ-бы оправдываясь предъ нами; онъ убѣжалъ изъ полиціи при передопросѣ, и, не явись онъ теперь, я навѣрное пострадалъ бы изъ-за него.

Рѣшивъ ѣхать на востокъ, онъ и послалъ туда письмо, но отъ подачи прошенія воздержался, во-первыхъ, потому что и выѣхать раньше лѣтняго времени, до котораго было еще очень далеко, съ маленькими дѣтьми неудобно было, во-вторыхъ, онъ считалъ несогласнымъ съ своими правилами оставлять среди года учебное заведеніе, гдѣ онъ имѣлъ много уроковъ, не доведя дѣла до конца. Онъ находилъ необходимымъ предупредить непосредственно свое начальство, которое говорило ему:

— Все это такъ,—говорило старшее начальство,—но мѣнять извѣстное на неизвѣстное не всегда бываетъ выгодно: здѣсь, при множествѣ учебныхъ заведеній, вы могли разсчитывать и на что-нибудь повыше учительства, а тамъ ужъ прійдется и закончить служебное поприще въ этомъ званіи, потому что на открывающіяся тамъ вакансіи повыше посылаютъ обыкновенно отсюда, а не утверждаютъ представляемыхъ мѣстнымъ начальствомъ.

— Я не изъ честолюбивыхъ,—скромно замѣтилъ Перепелкинъ, учительство я предпочитаю всякимъ другимъ должностямъ.

— Вотъ какъ! удивилось начальство, пристально взглянувъ на собесѣдника.

Младшее начальство выразило удивленіе по поводу такого неожиданнаго замысла со стороны учителя и, выслушавъ побудительныя причины, на которыя указано старшему, посулило прибавку за уроки въ старшихъ классахъ, но въ младшихъ находило невозможнымъ это сдѣлать, въ виду того, что и многіе другіе пожелали бы увеличенія поурочной платы, а между тѣмъ средствъ къ тому не имѣется.

Младшее начальство, съ своей стороны, тоже замѣтило о нѣкоторыхъ неудобствахъ провинціальной службы и любезно предупредило, что если бы Перепелкинъ встрѣтилъ тамъ что-либо не по сердцу себѣ и вздумалъ бы перевестись, то безъ всякаго сомнѣнія могъ бы разсчитывать на переходъ сюда, на мѣсто, насиженное уже.

Когда намѣреніе Перепелкина сдѣлалось извѣстнымъ среди сослуживцевъ, то многіе изъ нихъ, какъ военные, такъ и гражданскіе, выражали удивленіе, что человѣкъ, занимающій полное число уроковъ, пользующійся благоволеніемъ начальства и расположеніемъ учащихся, вдругъ ни съ сего ни съ того задумалъ бросить насиженное мѣсто и забраться съ семействомъ въ такую даль и глушь.

— Неужели это правда? говорилъ пожилой преподаватель, встрѣтясь въ корридорѣ съ Перепелкинымъ, къ которому онъ всегда оказывалъ большое расположеніе, да вы имѣете ли понятіе о службѣ въ провинціи? И, наконецъ, какія такія побудительныя причины могли заставить васъ избрать именно этотъ самый дальній корпусъ, куда и на высшія должности неохотно ѣдутъ люди дѣльные?

Когда Перепелкинъ сообщилъ, что онъ не самъ избралъ корпусъ, а ѣдетъ туда по вызову тамошняго начальства, при чемъ назвалъ фамилію писавшаго къ нему письмо слишкомъ заманчиваго содержанія, то оказалось, что это лицо, служившее прежде въ одномъ изъ здѣшнихъ корпусовъ, извѣстно многимъ, какъ личность, выдающаяся и дарованіемъ, и энергіей, и неподкупной честностію.

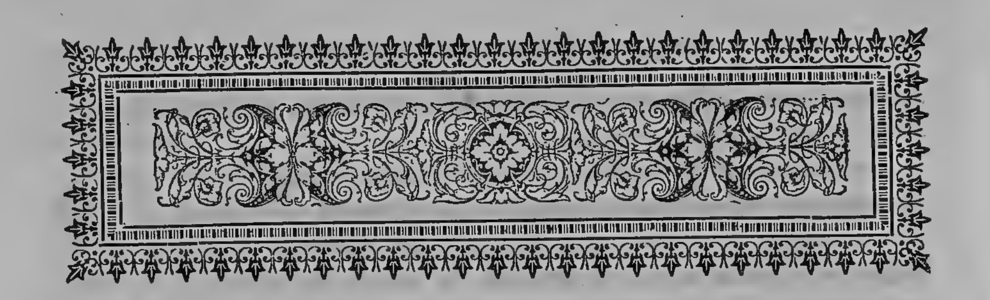
— На этого человѣка, пожалуй, можно положиться, я его хорошо знаю, говорилъ товарищъ; но не забывайте моего замѣчанія, что онъ, при всей своей честности, большой политикъ и способенъ лавировать такъ ловко между всевозможными партіями, что, навѣрное, будетъ пользоваться расположеніемъ всѣхъ ихъ; вы же, какъ человѣкъ прямолинейный, да еще носящійся съ своими идеалами правды, чести и добра, будете имѣть горсть поклонниковъ и сотни враговъ, а это въ провинціи, да еще такой, гдѣ по слухамъ свирѣп-

ствуетъ полное безправіе, можетъ составить такое несчастіе, послѣдствій котораго и не исчислить.

Эти слова глубоко запали въ душу Перепелкина и въ связи съ другими обстоятельствами начали было колебать его намѣреніе. Отъ отца получилось письмо неодобрительнаго свойства: „какъ-де отбиваться отъ родни своей и жениной въ такую страшную даль!" Несмотря на то Перепелкинъ отправился въ далекій путь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Иркутскаго жителя.

(И. Т. Калашникова).

ЧАСТЬ II [1].

I.

Образованность Иркутскихъ жителей.—Отсутствіе библіотекъ и книжныхъ лавокъ въ Иркутскѣ.—Образъ жизни обывателей.—Академикъ Миллеръ—директоръ Иркутской гимназіи.—Плачевное состояніе гимназіи.—Словцовъ.—Его служба при Румянцовѣ и его финансовые проекты.—Интрига противъ него.—Удаленіе въ Сибирь.

Начало образованія въ Иркутскѣ относится къ 1781 году, когда была учреждена тамъ первая народная школа, но образованіе долго только мерцало, какъ сумерки, и даже въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія не было еще замѣтно вліянія науки въ общей массѣ народонаселенія, можетъ быть, потому, что образованіе массы зависитъ наиболѣе отъ женщинъ, а для женщинъ въ Иркутскѣ не было никакого училища. Онѣ учились грамотѣ кое-какъ, самоучкою, на мѣдныя деньги, и при томъ не всѣ, а только избраннѣйшія чада фортуны; прочія были, большею частію, безграмотныя или весьма малограмотныя, читали и, особенно, писали пополамъ съ грѣхомъ. Но нѣтъ правила безъ исключенія. Я говорилъ уже въ первой части моихъ записокъ о дочери купца Полевого, удивившей меня своими познаніями. Сверхъ того, я зналъ еще одну даму, также изъ купеческаго сословія, весьма умную, начитанную, которая гордилась тѣмъ, что дважды прочитала нѣсколько томовъ, in quarto, Древней и Римской Исторіи Роллена, въ переводѣ знаменитаго Василія Кирилло-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1905 г.

вича Третьяковскаго: подвигъ, которымъ по справедливости можно было хвалиться. Такимъ образомъ, не смотря на этотъ, однако же, общій недостатокъ образованія, и тогда были уже и между женщинами, тѣмъ болѣе между мужчинами, замѣчательныя личности, ярко выдававшіяся своими достоинствами изъ общей массы населенія. Особенно это слѣдуетъ сказать о второмъ десятилѣтіи. Жажда познаній особенно пробуждалась съ большею энергіею между молодыми чиновниками. Одаренные, большею частію, свѣтлымъ умомъ, они обладали и бо̀льшимъ чувствомъ благородства, чѣмъ многіе изъ пріѣзжихъ авантюристовъ, скакавшихъ въ Сибирь то за чиномъ коллежскаго ассесора, то для наполненія пустыхъ кармановъ. Сказать правду, въ старые годы, людей, пріѣзжавшихъ въ Сибирь исключительно съ цѣлью приносить пользу странѣ, къ сожалѣнію, было весьма не много. Напротивъ, были и такіе, которые, побывавъ разъ въ Сибири, потомъ раскаявались, что мало давали воли рукамъ, и снова возвращаясь туда, чтобы поправить свою ошибку, уже рвали, какъ говорится, съ живого и съ мертваго. Утѣшительно думать, что теперь нѣтъ уже въ Сибири подобныхъ проходимцевъ!

Не смотря, однако же, на столь похвальныя качества пріѣзжихъ чиновниковъ, туземные служаки всѣ оставались, большею частію, въ загонѣ, по извѣстному изреченію: нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ. Поэтому изъ уроженцевъ Сибирскихъ многіе должны были искать счастія на чужбинѣ, хотя сибирякъ, какъ швейцарецъ, страстно привязанъ къ своей почвѣ, и тоска по отчизнѣ никогда не замолкаетъ въ его сердцѣ...

Стремленіе молодыхъ чиновниковъ къ просвѣщенію преимущественно проявлялось въ казенной экспедиціи, именно въ то время, когда горѣла самая жаркая битва, въ предъидущей части описанная, между этою экспедиціею и губернаторомъ. Чиновники ея, стремившіеся къ проявленію своихъ духовныхъ силъ, раздѣлялись на два рода: одни устремились къ музыкѣ, другіе—къ наукамъ и въ особенности къ русской литературѣ.

Любители музыки составили пѣвческій хоръ, наняли учителя, квартиру, и собирались туда для пѣнія два или три раза въ недѣлю, наконецъ, разучили нѣсколько концертовъ и пѣли въ церквахъ, иногда одни, иногда въ соединеніи съ пѣвчими казацкими. Многіе изъ нихъ имѣли хорошіе голоса.

Чиновники - литераторы изучали грамматику, риторику и поэзію; писали сочиненія прозой и стихами, не для печати, не для славы, а такъ, con amore, единственно для упражненія, для домашняго обихода: не видна ли здѣсь истинно чистая, безъинтересная любовь къ искусству, о которой недавно такъ много толковали?

Одинъ изъ этихъ чистыхъ любителей искусства, восторгавшись побѣдами нашими въ Отечественную войну, сочинилъ большую торжественную оду на изгнаніе французовъ, подъ названіемъ: „Торжество Россіи". Въ этомъ стихотвореніи не только направленіе было Державинское, но какъ-то проскочили даже цѣликомъ двѣ, три строчки, съ небольшими измѣненіями, ради благопристойности. Можно ли, однако же, не простить этой маленькой слабости Иркутскому поэту столь давняго времени, когда и столичные піиты были не безъ грѣха. И то уже было много, что какой-то огонекъ вспыхивалъ въ такой глуши, въ странѣ такъ нравственно-холодной и пустынной!

Въ одѣ, по тогдашнему обыкновенію, Наполеонъ представленъ былъ въ видѣ чудовища, отъ котораго трепеталъ міръ и дрожала ось земная; прославлялся Кутузовъ, Витгенштейнъ, Платовъ, Багратіонъ, славилась русская армія и воздавалась достойная хвала императору Александру I-му.

Для ознакомленія читателя съ Иркутскою музою тогдашняго времени, я приведу изъ этой пресловутой оды нѣсколько строфъ:

„Летитъ (чудовище, т. е. Наполеонъ)—и скипетромъ желѣзнымъ
Повсюду сѣетъ страхъ и смерть,
Крылами разсѣкаетъ бездны,
На вѣчной оси движетъ твердь;
Народы рабству покоряя,
И въ пепелъ грады превращая,
Колеблетъ троны, силы власть.
Разверзла челюсти геенна,
Объята пламенемъ вселенна
И всюду бѣдствіе, напасть!"

Описавъ полетъ страшнаго чудовища и ужасы, имъ произведенные, поэтъ приступаетъ къ восхваленію русскихъ героевъ, начиная съ князя Кутузова. Потомъ обращается съ хвалебной рѣчью къ русской арміи, и наконецъ заключаетъ прославленіемъ государя:

„Монархъ! О, ангелъ благодатный!
. . . .
Коль шествіе твое красно!
Гдѣ гласъ священный твой внимаютъ,
Изъ пепла грады возникаютъ,
И все тобой оживлено!..
Отъ бѣдъ избавлена вселенна
Къ тебѣ сердецъ склоняетъ взоръ;
Ужъ громомъ гидра пораженна
Въ ущелья скрылась мрачныхъ горъ!
Гряди, Монархъ, снимай оковы:
Тебѣ сердецъ вѣнцы готовы,

Зажженныхъ ревностью къ Тебѣ!
Тобою Россы вознесутся,
Главы чудовища сотрутся,
Гордился врагъ—и се не бѣ!"

Ода эта была сочинена, какъ помнится, въ началѣ 1813 года; слѣдовательно, когда Наполеонъ, хотя и потерпѣлъ пораженіе, однако же, былъ еще въ силѣ, но такъ у всѣхъ была велика увѣренность въ его конечную гибель, что въ одѣ уже пророчески предсказывается его паденіе и общее освобожденіе Европы. Ужъ подлинно: гласъ народа—гласъ Божій!

Вся поэзія, современная Державину, была только отголоскомъ Сибирской лиры. Всѣ старались наперерывъ надуваться, какъ лягушка, желавшая поравняться съ воломъ, подбирали слова самыя высокопарныя и гремѣли, кто во что былъ гораздъ. И въ Иркутскѣ кто не зналъ, кто не имѣлъ стиховъ Державина? Всякій грамотей, часто не знавшій правописанія, поставлялъ непремѣннымъ долгомъ списать нѣсколько одъ великаго поэта, въ особенности: Богъ, На счастье, Вельможа, На взятіе Измаила, На покореніе Варшавы... Многіе помнили ихъ наизусть и любили ихъ цитировать. Чѣмъ стихъ былъ высокопарнѣе и громче, тѣмъ болѣе нравился. Я помню, какъ одинъ изъ тогдашнихъ Иркутскихъ начетчиковъ, кстати и не кстати, любилъ повторять:

„Какъ черна ночь надулась чревомъ;
„Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ!..

Картина, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательная! Нельзя не видѣть и здѣсь общаго закона въ умственномъ развитіи, которое всегда и вездѣ начиналось съ поэзіи и при томъ съ поэзіи почти всегда воинственной. Такъ и Россія, гдѣ еще только начиналась заря просвѣщенія, страстно любила слушать и повторять Державина. Когда Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали: скоро ли запоетъ Державинъ? И вотъ раздался его лебединый голосъ, истинно послѣдняя пѣснь лебедя: „Гимнъ лиро-эпическій на изгнаніе Галловъ". Всѣ были въ восхищеніи. Многіе изъ Иркутскихъ чтецовъ выдолбили весь гимнъ наизусть, съ начала до конца, повторяли стихи изъ него при всякомъ удобномъ случаѣ, а случаевъ тогда было много: всѣ разговоры были наполнены и переполнены событіями войны.

И вдругъ посреди грома и шума Державинскихъ стиховъ раздался мелодическій, нѣжный, чудный и не слыханный дотолѣ голосъ Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ. Сначала были этимъ невольно поражены; не могли еще долго разстаться съ громомъ Державина, сильно сроднившимся съ душою; наконецъ, мало по малу, стали прислушиваться

къ музыкѣ Жуковскаго, и чуять, болѣе и болѣе, сладость его стиховъ и, отвыкая отъ Державина, стали дружиться съ Жуковскимъ. Это были два свѣтила: одно закатывающееся, а другое—восходящее. Самъ Державинъ сознавался, что время его уже прошло и талантъ его угасаетъ. Весьма трогательно заключеніе его лиро-эпическаго гимна, гдѣ великій поэтъ, склоняющійся къ закату, говоритъ съ печалію:

„Но солнце, мой вечерній лучъ!
Уже за холмы синихъ тучъ
Склоняешься ты въ темны бездны!..“

И далѣе:

„И мой ужъ гаснетъ жаръ:
Холодна старость—духъ,
У лиры—гласъ отъемлетъ!..“
„Младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны!..“

Такимъ образомъ Державинъ пережилъ самого себя. Вообще нельзя видѣть равнодушно угасаніе таланта, нравственную смерть духа, тѣмъ болѣе такого великаго таланта, каковъ былъ Державинъ!..

Не смотря, однако же, на угасаніе Державина, данное имъ направленіе поэзіи долго еще преобладало надъ умами Иркутскаго большинства, даже и послѣ ознакомленія съ Жуковскимъ... Поэтому приведенная мною выше торжественная ода произвела въ малопишущемъ тогда Иркутскѣ большой фуроръ.

Въ Иркутскѣ не было тогда никакой библіотеки, кромѣ гимназической, подаренной Иркутскому училищу Екатериною II. Въ ней заключались лучшія творенія древнихъ и новѣйшихъ, разумѣется тогдашнихъ, писателей; даже была пресловутая энциклопедія—плодъ философовъ восемнадцатаго вѣка. Гимназія увеличивала ежегодно составъ билліотеки, выписывая новыя книги; но никто изъ жителей Иркутска не имѣлъ права пользоваться ея сокровищами, какъ будто прямое назначеніе ея книгъ было—гнить безъ пользы.

Книжныхъ лавокъ также не было, а выписывать книги изъ Петербурга или Москвы стоило дорого, было хлопотливо и не всегда вѣрно: о дальнихъ подписчикахъ въ тогдашнее время книгопродавцы столичные не слишкомъ много безпокоились. Самые газеты и журналы были довольно рѣдки и выписывались преимущественно присутственными мѣстами и при томъ всего болѣе—однѣ „Московскія Вѣдомости“. Для внутреннихъ и сибирскихъ губерній Москва была какъ-то знакомѣе Петербурга.

Журналовъ тогда выходило немного. Главными представителями

тогдашней журналистики были: „Вѣстникъ Европы“, сильно уже устарѣвшій, подъ редакціею Каченовскаго, и „Сынъ Отечества“, только-что начавшійся въ Отечественную войну, подъ редакціею Н. И. Греча. „Сынъ Отечества“ весьма ловко приноровился къ потребностямъ времени и потому выписывался охотнѣе. Но и его выписывали весьма немногіе изъ жителей Иркутска, хотя всѣ чрезвычайно жаждали новостей.

Выше уже было сказано, съ какимъ горячимъ участіемъ принимали въ Иркутскѣ всѣ отечественныя событія. Въ этомъ расположеніи духа сильнѣйшее впечатлѣніе произвело ненавистное извѣстіе о мнимой измѣнѣ Сперанскаго и о томъ, что этотъ злодѣй (т.-е. мученикъ общественнаго блага!), наконецъ, схваченъ и сосланъ. Даже, помню въ гимназіи ученики, еще мальчики, толковали объ этомъ страшномъ Сперанскомъ и поносили его какъ только могли. Такъ была повсемѣстна ядовитая клевета на этого великаго человѣка!

Между тѣмъ, на небесахъ горѣло великое знаменіе, звѣзда съ хвостомъ, искони признаваемая народами за предвѣстіе бѣдствій [1]. Комета явилась, сколько могу припомнить, осенью 1811 года, горѣла въ продолженіе зимы 1811 — 1812 года на сѣверной части неба и постепенно приближалась къ зениту, наконецъ потонула въ безконечности. Въ ясныя зимнія безлунныя ночи она грозно свѣтилась, какъ мечъ Архангела, и наводила, особенно на дѣтское воображеніе, невольный страхъ. Народъ также смотрѣлъ на нее съ боязнію, ожидая чего-то необыкновеннаго, страшнаго, тѣмъ болѣе, что вѣсть о приближеніи Наполеона къ Россіи съ несмѣтными силами уже ходила въ народѣ. Тогда іезуиты еще не были удалены изъ Россіи. Они забрались и въ Иркутскую губернію; шныряли крѣпко по деревнямъ и старались всячески обезкураживать умы нелѣпыми слухами. Я слышалъ самъ, какъ іезуитъ говорилъ съ увѣренностію: „мы надѣемся, что скоро ваша вѣра соединится съ нашею“.

Напуганный то небесными знаменіями, то неблагопріятною молвою народъ сильно упадалъ духомъ. Думали, что французъ вотъ такъ-таки и пойдетъ по деревнямъ и заберетъ всѣхъ живьемъ... Съ началомъ войны, при непрерывномъ отступленіи нашихъ армій, при сдачѣ города за городомъ, при вторженіи Наполеона далѣе и далѣе внутрь Россіи, страхъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Газеты читали на расхватъ; толкамъ и впрямь и вкось не было конца. Въ это время, для успокоенія народа, приходили изъ Москвы рукописныя

---

[1]) Комета имѣла хвостъ 150 м. верстъ; слѣдовательно, болѣе разстоянія земли отъ солнца. Голова ея съ туманною оболочкою имѣла въ діаметрѣ 900.000 верстъ, а самое ядро—4.000 верстъ.

извѣстія, въ которыхъ ложь мѣшалась съ правдою, а иногда была и одна ложь безъ всякой примѣси. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

„отъ 9-го августа 1812 г.“.

„Генералъ Остерманъ-Толстой разбилъ 28 т. корпусъ поляковъ и другихъ иностранцевъ подъ командою Понятовскаго“.

„Англичане взяли Данцигъ, и 6.000 человѣкъ прусскаго войска положило оружіе“.

„Англичане при заключеніи мира дали России вспомогательныхъ 800 т. ф. с. золотомъ, и соединивъ свой флотъ съ русскимъ и шведскимъ, сдѣлали дессантъ въ Пруссію“.

„Сейчасъ получено извѣстіе, что происходило главное сраженіе обѣихъ россійскихъ армій съ французскими силами и одержана побѣда надъ оными, 80 т. человѣкъ взято въ плѣнъ, 30 т. положено на мѣстѣ, армія непріятельская на сто верстъ отступила“.

„отъ 29-го августа“.

„26-го августа подъ Можайскомъ происходило кровопролитнѣйшее сраженіе. Самъ главнокомандующій, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ увѣряетъ, что съ начала міра не было подобнаго сраженія. 4.000 нашихъ пушекъ было въ дѣйствіи и отъ одного сотрясенія падали лошади; гулъ былъ слышенъ на Поклонной горѣ подъ Москвою, что около ста верстъ отъ сраженія. Французы наступали, какъ бѣшеные, колоннами, но ихъ валили, какъ лѣсъ. 45 т. французовъ убито. Король Неаполитанскій и 5 генераловъ французскихъ убиты, въ томъ числѣ маршалъ Даву. Мы потеряли до 15 т. человѣкъ. Сраженіе кончилось по невозможности драться отъ множества мертвыхъ тѣлъ. У насъ ранены: храбрый генералъ Багратіонъ, генералъ-лейтенантъ Коновницынъ и Лавровъ. Въ плѣнъ взято нами множество и всѣ истреблены. По приказанію Кутузова было наряжено нѣсколько полковъ, и два дня ихъ рѣзали, едва осталось 1.000 человѣкъ и они приведены къ Поклонной горѣ, гдѣ стоятъ въ полѣ босы, наги и безобразны; множество умираетъ ихъ отъ ночного холода. Ожесточеніе нашихъ войскъ чрезвычайно. Московскіе жители не терпятъ даже имени француза или нѣмца, и потому невозможно вести плѣнныхъ въ Москву“.

„Изъ Петербурга“.

„Здѣшняя академія выдумала два шара, изъ коихъ на одномъ 50 т. человѣкъ, а на другомъ 25 т. человѣкъ сядутъ, и, налетя на французскую армію, станутъ лить огонь. Надо сказать, что шаровъ такихъ никогда не было, и огонь льющійся также новый родъ горящей жидкости“.

По сдачѣ Москвы непріятелю, ложь еще разъ попыталась смастерить фальшивое утѣшеніе. Было писано, что „наши туда нарочно пропустили французовъ, и самъ Наполеонъ, ничего не догадываясь, вошелъ въ нее ночью съ 15 т. человѣкъ. Но нашъ хватъ, графъ Ростопчинъ, надѣлалъ въ каждой улицѣ и въ каждомъ домѣ батареи, и какъ только показались головы французскихъ колоннъ, началась ужасная пальба со всѣхъ сторонъ. Бѣдняжка Наполеонъ съ 500 человѣками убѣжалъ къ Тулѣ, но за нимъ послано 20 т. человѣкъ кавалеріи. Курьера объ этомъ не послано потому, что не до того: ожидаютъ совершенной побѣды".

Вотъ какими фокусами мечтали тогда успокоить народъ! Правда, они имѣли моментальное дѣйствіе. Въ Иркутскѣ, конечно, было много людей, которые искренно довѣряли всякой лжи, особенно когда она была согласна съ патріотическими желаніями. Но, между тѣмъ, событія совершались неотразимо; и истина наводила тѣмъ большій страхъ, чѣмъ болѣе было довѣренности въ предшествующую ложь.

Въ протекшія послѣ Отечественной войны пятьдесятъ лѣтъ Россія ушла далеко. Ее уже узнать трудно. Просвѣщеніе, болѣе или менѣе, проникло во всѣ слои общества. Но если и теперь, да въ просвѣщенной Европѣ, вѣрятъ въ верченіе столовъ, въ самописаніе карандашей, въ вызываніе тѣней и т. под., то чего нельзя простить тогдашнему времени, особенно въ такомъ отдаленномъ городѣ, каковъ Иркутскъ?

Жизнь въ Иркутскѣ была исключительно семейная. Никакихъ мѣстъ, гдѣ бы можно было убивать время за картами, или прогуливать иногда послѣднія крохи бѣднаго жалованья, не было вовсе. По пріѣздѣ Сперанскаго было учреждено благородное собраніе, но туда собирались только разъ въ недѣлю. Во всемъ городѣ былъ одинъ трактиръ, да и въ тотъ заходить считалось безчестіемъ: туда заглядывали только отчаянные гуляки, которые составляли весьма малочисленное и рѣзкое исключеніе.

Времяпрепровожденіе было единственно семейственное. Гостепріимство было развито въ высшей степени и при томъ не только въ Иркутскѣ, но и вообще въ губерніи. Никакой крестьянинъ, хотя бы и самый бѣдный, ни за что не взялъ бы съ проѣзжаго за постой, или за тепловое, какъ говорятъ крестьяне въ великороссійскихъ губерніяхъ, и всегда готовъ былъ даромъ накормить и напоить каждаго путешественника. Впрочемъ, многіе крестьяне жили патріархами. Патріархатство ихъ состояло изъ отдѣльной заимки, гдѣ жилъ родоначальникъ большого семейства съ сыновьями, невѣстками, внучатами, правнучатами. Я зналъ такихъ двѣ заимки, изъ которыхъ на одной родоначальникъ имѣлъ болѣе девяноста лѣтъ, но былъ еще свѣжъ и бодръ,

высокаго роста съ бѣлою, какъ лунь, головою и длинною сѣдою бородою. Наружность его возбуждала невольное уваженіе. Онъ имѣлъ семь или восемь сыновей. Старшему было уже лѣтъ за семьдесятъ; все же семейство состояло человѣкъ изъ тридцати если не болѣе.

Вообще Иркутскія семейства были крѣпки взаимною любовію и уваженіемъ своихъ членовъ. Семейныя распри, въ особенности между братьями и сестрами, было явленіе самое несбыточное. Отцы семейства пользовались глубокою покорностію. Молодое поколѣніе смотрѣло на старшихъ, какъ на опытныхъ путеводителей, и руководствовалось ихъ совѣтами.

Старики наблюдали съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ особенности за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей со стороны своихъ дѣтей и внуковъ. Сохрани Боже, не идти къ обѣднѣ и даже къ заутренѣ или ко всенощной! Всѣ посты соблюдались со всею строгостію, тѣмъ болѣе великій. Я зналъ одну старушку, которая въ молодости своей во весь великій постъ ѣла только семь разъ, по воскресеньямъ, и даже въ старости передъ принятіемъ Св. Таинъ не пила и не ѣла не менѣе трехъ дней!

При религіозности чувствъ чистота и цѣломудріе въ семействахъ были наслѣдственны и чтились свято. Не было и помину ни объ одной дѣвицѣ изъ хорошаго семейства, которая бы рисковала своимъ именемъ. То же слѣдуетъ сказать и о дамахъ. Впрочемъ, въ числѣ послѣднихъ скорѣе можно было найти зародыши эмансипаціи, но ихъ было такъ мало и столько были извѣстны подобныя личности, что всякій могъ указать на нихъ пальцемъ.

Позоръ не смѣлъ появляться, какъ говорится, съ непокрытою головою, и прятался отъ общаго суда, какъ злой духъ отъ ладана. Домовъ, гдѣ привилегированный развратъ не стыдится показываться во всей мерзости, въ Иркутскѣ совсѣмъ не было, и если былъ развратъ, то онъ гнѣздился тихомолкомъ на окраинахъ города, въ глуши, въ темнотѣ и не смѣлъ явно показываться на свѣтъ Божій.

Словомъ сказать, Иркутскіе нравы, весьма съ немногими исключеніями, отличались набожностію, чистотою, цѣломудріемъ, добродушіемъ и гостепріимствомъ. Какъ нынче, не знаю. Прошло сорокъ лѣтъ, какъ я оставилъ Иркутскъ. Въ сорокъ лѣтъ много утекло воды изъ Байкала.

Я сказалъ, что основаніе просвѣщенію Иркутска положено въ 1781 году. Это было при губернаторѣ Кличкѣ, который учредилъ тогда первую народную школу, куда поступило до 100 учениковъ, а въ 1789 году открылъ главное народное училище, которому императрица Екатерина II, какъ было также сказано, пожаловала въ даръ

богатую библіотеку. Граждане Иркутскіе подарили училищу большой домъ и обязались ежегодно вносить сумму на его содержаніе.

Первымъ директоромъ народнаго училища былъ тотъ самый Лангансъ домосѣдъ, о которомъ я уже говорилъ. Учителя были присланы изъ Петербурга, люди весьма знающіе и достойные: Ермилъ Васильевичъ Флоринскій, учитель исторіи, географіи и русской словесности; Степанъ Петровичъ Бѣлышевъ, учитель математики, и Александръ Ивановичъ Гапоновъ, учитель первоначальнаго образованія, преподававшій, между прочимъ, весьма замѣчательную книгу, родъ нравственной философіи: „О должности человѣка и гражданина“, въ послѣдствіи отмѣненную...

Изъ этихъ преподавателей особенно отличался бойкими способностями и отличными познаніями, какъ по своему предмету, такъ и по другимъ отраслямъ наукъ—Бѣлышевъ.

Въ то время было обыкновеніе, чтобы ученики говорили на экзаменахъ рѣчи, сочиненныя учителемъ. Для этого избирались лучшіе ученики: говорить рѣчь считалось почетомъ. Старшій братъ мой, учившись хорошо и имѣя пріятную наружность, постоянно пользовался этою честію.

Въ 1805 году была открыта въ Иркутскѣ гимназія съ уѣзднымъ и приходскимъ училищами.

Директоромъ Иркутскихъ училищъ былъ опредѣленъ нѣкто Кранцъ. Сначала поступили въ гимназію учителя изъ упраздненнаго главнаго народнаго училища, о которыхъ говорилъ я выше, а потомъ, для занятія учительскихъ должностей, пріѣхали молодые люди изъ Петербургскаго Педагогическаго института. Тогда преподаваніе въ гимназіи обнимало всѣ факультеты наукъ, вмѣщавшіеся въ университетахъ, только въ элементарномъ размѣрѣ. Факультетъ физико-математическихъ наукъ, послѣ Бѣлышева, занялъ Иванъ Григорьевичъ Новотроицкій, тотъ самый, о которомъ говорилъ я въ первой части, упоминая о гимназическихъ спектакляхъ; факультетъ политико-философскихъ и словесныхъ наукъ—Матвѣй Васильевичъ Неждановъ, историко-географическихъ наукъ—Петръ Александровичъ Урусовъ. Сверхъ наукъ преподавались языки:—европейскіе: латинскій, французскій и нѣмецкій и азіятскіе: китайскій и японскій.

Изъ преподавателей языковъ особенно были замѣчательны—нѣмецкаго лютеранскій пасторъ Иванъ Юрьевичъ Беккеръ, и японскаго, Николай Петровичъ Колотыгинъ, природный японецъ.

Пасторъ Беккеръ былъ человѣкъ весьма ученый, но отличавшійся многими странностями. Онъ жилъ болѣе въ мірѣ идей, чѣмъ въ мірѣ дѣйствительномъ. Ученыя занятія были первою потребностію его души и наслажденіемъ. Погрузившись въ науку, онъ забывалъ все его

окружающее. Въ этомъ самозабвеніи случилось съ нимъ, однажды, весьма загадочное происшествіе. Углубленный въ занятія, вдругъ онъ видитъ, что вошелъ къ нему въ кабинетъ и остановился у его стола его отецъ, котораго онъ, много лѣтъ назадъ, оставилъ въ Саксоніи и о которомъ давно не получалъ никакого извѣстія.

Беккеръ съ ужасомъ вскочилъ со стула, но видѣніе печально посмотрѣло на него и исчезло... Впослѣдствіи Беккеръ получилъ письмо, изъ котораго узналъ, что отецъ его умеръ именно въ тотъ день, какъ онъ видѣлъ его... Для объясненія подобныхъ явленій употребляются два обычные способа: или ихъ приписываютъ игрѣ воображенія, или просто не вѣрятъ разсказамъ о нихъ. Послѣдній способъ еще легче и удобнѣе, чѣмъ первый. Я мыслю иначе, но не пускаясь въ неумѣстную здѣсь метафизику, возвращаюсь къ моему главному предмету.

Преподаватель японскаго языка Колотыгинъ былъ изъ Японіи занесенъ бурею въ Камчатку. Бывъ привезенъ потомъ въ Иркутскъ, онъ принялъ православную вѣру и русскую фамилію; выучился порусски; купилъ домъ, женился на русской и имѣлъ дѣтей, которые учились въ гимназіи, словомъ, былъ счастливый семьянинъ, бывъ весьма хорошимъ человѣкомъ. Такъ иногда случай неожиданно располагаетъ судьбою людей!..

При открытіи гимназіи поступило въ нее 30 учениковъ. Въ первые годы состояніе ея было весьма удовлетворительно, но потомъ, не будучи покровительствуема мѣстнымъ начальствомъ, смотрѣвшимъ на нее, какъ на заведеніе не нашего прихода, гимназія, при плохомъ ближайшемъ управленіи, постепенно клонилась къ упадку, и, наконецъ, при директорѣ Миллерѣ, родомъ нѣмцѣ, пришла въ окончательное разстройство. Членъ Санктъ-Петербургской академіи наукъ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, слѣдовательно, безъ всякаго спора, мужъ ученый, Миллеръ, казалось, былъ не директоръ, а кладъ для Иркутской гимназіи, а вышло наоборотъ!.. Ни прежде, ни послѣ гимназія не страдала такъ ни въ учебномъ, ни въ хозяйственномъ отношеніи, какъ при этомъ многоученомъ мужѣ. Самый домъ гимназическій пришелъ въ разрушеніе; зимнихъ рамъ не вставляли, да и въ лѣтнихъ были многія стекла разбиты и заклеены бумагой, многія изъ дверей выбиты; стулья и столы переломаны. Въ самые лютые морозы, случалось, не топили печей, потому что, вѣроятно, дровяныя деньги употреблялись почтеннымъ директоромъ на другое назначеніе; учителя и ученики въ классахъ сидѣли въ шубахъ. Надобно было много имѣть самоотверженія и любви къ долгу, чтобы исполнять безупречно свою должность при такихъ физическихъ затрудненіяхъ.

Между тѣмъ директоръ Миллеръ ко всѣмъ прочимъ своимъ недостаткамъ присоединялъ еще одно—стремленіе къ пьянству и, сказывали, что, однажды, вечеромъ, съ которымъ-то изъ учителей, осушивъ штофъ сивухи, онъ поднялъ съ нимъ драку. Учитель, само собою разумѣется, уже не церемонился. Въ свалкѣ они погасили свѣчу и ухватили другъ друга за волосы. Потасовка продолжалась долго, покамѣстъ на шумъ не пришли другіе учителя и ихъ не розняли. Естественно, что къ такому прекрасному начальнику немного имѣли уваженія подчиненные, да и самъ Миллеръ уже совѣстился заглядывать въ заведеніе, доведенное имъ до такого совершенства.

Жители потеряли всякую довѣренность къ гимназіи и перестали отдавать туда своихъ дѣтей. Число учениковъ, постепенно уменьшаясь, дошло до жалкаго количества—десяти человѣкъ, такъ что на каждаго учителя приходилось не болѣе двухъ. По причинѣ частаго отсутствія учителей, преподаваніе въ гимназіи почти прекратилось, и ученики большую часть класснаго времени проводили въ разныхъ шалостяхъ. Начитавшись какого-то стариннаго романа, гдѣ героемъ былъ разбойникъ Ринальдо-Ринальдини, они сами вздумали представлять разбойниковъ: гдѣ-то, около города устроили притонъ и шуточнымъ нападеніемъ пугали ѣздившихъ по дорогѣ деревенскихъ женщинъ. Бывали происшествія и романическія. Влюбились они гуртомъ всѣ въ одну какую-то дѣвушку, и писали къ ней общими силами безъименныя письма. Шутка эта, однако же, не обошлась безъ большихъ хлопотъ романическимъ героямъ. Случались, къ несчастію, и такія шалости, которыя уже переходили границы ребячества и имѣли видъ непростительнаго кощунства—слѣдствіе легко вкрадывающагося въ молодые умы невѣрія. Но это было скорѣе молодечество, бравура, чѣмъ отъявленное вольнодумство; и потому-то, когда каждый изъ недорослей-вольнодумцевъ оставался наединѣ, лицомъ къ лицу съ своею совѣстію, невольный страхъ овладѣвалъ его душою. Такъ одинъ изъ нихъ, имѣя сильное и живое воображеніе, вѣроятно, заснувшій подъ вліяніемъ этого невольнаго страха, видѣлъ во снѣ, что какая-то женщина, величественной наружности, озаренная блестящимъ ореоломъ, въ бѣломъ одѣяніи, подошла къ постели его съ Евангеліемъ въ рукахъ и произнесла грознымъ голосомъ: „Да будешь ты проклятъ!". Съ этимъ словомъ онъ полетѣлъ въ разверзшуюся подъ нимъ пропасть—и проснулся отъ ужаса!.. Я давно потерялъ изъ вида этого человѣка: дай Богъ, чтобы онъ воспользовался даннымъ ему страшнымъ урокомъ...

Между тѣмъ, нельзя не удивляться, что несмотря на многоразличныя шалости, на праздное, большею частію, препровожденіе времени, на плохое ученье, въ молодыхъ умахъ все-таки тлѣлся огонь

науки, и потомъ, при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, многіе изъ этихъ подражателей Ринальдо-Ринальдини усовершенствовали свои познанія и сдѣлались замѣчательными или, по крайней мѣрѣ, весьма полезными членами общества [1]). Такимъ образомъ гимназія даже и въ періодъ самаго крайняго своего упадка все-таки приносила пользу самымъ существованіемъ своимъ, даже однимъ своимъ именемъ поддерживая въ молодыхъ умахъ любовь къ наукѣ и вливая въ души своихъ питомцевъ жажду образованія.

Обращаясь къ положенію учителей прежняго времени, нельзя не пожалѣть искренно, что нѣкоторые изъ нихъ въ жалкое управленіе многоученаго Миллера впали въ неизлечимую апатію, въ безнадежность и погибли невозвратно. До сихъ поръ я не могу вспомнить безъ сожалѣнія о двухъ изъ нихъ, о Неждановѣ и Урусовѣ, въ особенности о первомъ.

Неждановъ былъ прекраснѣйшій молодой человѣкъ, образованный, пріятный въ обращеніи, ласковый съ учениками, привѣтливый со всѣми, нрава кроткаго и нѣжнаго сердца. Онъ зналъ хорошо латинскій и нѣмецкій языки и свободно говорилъ по-французски. Сверхъ служебныхъ, невыносимыхъ непріятностей, съ нимъ случилось проис-

---

1) Двое изъ нихъ окончили курсъ въ Педагогическомъ институтѣ и возвратились въ Иркутскъ прекрасными и хорошо образованными молодыми людьми. Это были Николай Өедоровичъ Кокоринъ и Семенъ Ивановичъ Щукинъ. Сначала они вступили въ званіе старшихъ учителей гимназіи, потомъ первый поступилъ въ гражданскую службу и теперь въ Иркутскѣ занимаетъ весьма почетное мѣсто, а послѣдній былъ директоромъ Иркутской гимназіи и извѣстенъ многими учеными наблюденіями (членъ Сибирскаго Географическаго общества).

Двое другихъ отправились на службу въ Петербургъ въ то время, когда многіе ѣхали изъ Петербурга въ Сибирь за чиномъ коллежскаго ассессора. Сибирскіе выходцы не устрашились, немедленно по пріѣздѣ сюда, держать экзаменъ въ университетъ, и не только выдержали его съ успѣхомъ, но познаніями своими удивили экзаменовавшихъ ихъ профессоровъ и принесли честь Иркутской гимназіи. Изъ этихъ двухъ особенно замѣчателенъ Л. С. Бѣлышевъ, сынъ учителя Бѣлышева. Онъ зналъ весьма основательно математику, читалъ математическія сочиненія, какъ обыкновенныя книги; обладалъ основательнымъ знаніемъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Двухъ первыхъ языковъ онъ былъ учителемъ въ Иркутской гимназіи. Бывъ еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ могъ бы еще принести много пользы обществу, но, къ сожалѣнію, рано умеръ.

Двое сдѣлались извѣстными своими сочиненіями. Изъ нихъ Ник. Сем. Щукинъ написалъ очень любопытную книгу. „Поѣздка въ Якутскъ“, нѣсколько повѣстей и много дѣльныхъ журнальныхъ статей, касающихся Сибири.

Наконецъ, одинъ, сынъ пастора Беккера, В. И. Беккеръ, съ честію служивъ въ Сибири, посвятилъ потомъ любознательную жизнь свою непрерывнымъ путешествіямъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ изъ Иркутска, онъ былъ по-

шествіе, которое окончательно убило его. Неждановъ полюбилъ одну дѣвушку и предложилъ ей свою руку. Отецъ ея, генералъ, командовавшій стоявшимъ тогда въ Селенгинскѣ пѣхотнымъ полкомъ, далъ согласіе на ихъ бракъ. Неждановъ, полный надеждъ на исполненіе его самаго пламеннаго желанія, отправился въ Селенгинскъ, но вдругъ, обнесенный неизвѣстно кѣмъ передъ отцомъ своей невѣсты, получилъ неожиданный отказъ. Чувство собственнаго достоинства, стыдъ, страданіе любви—цѣлая буря забушевала въ его груди... Ничего не видя впереди, кромѣ скуки и безотрадности, отягощаемый бѣдностію, огорчаемый окружающею его холодностію общества, наконецъ обманутый самыми лучшими надеждами своей жизни, Неждановъ впалъ въ жесточайшее нравственное разстройство, предался пьянству и умеръ скоропостижно въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. За часъ до его смерти, я видѣлъ его еще здоровымъ, и вдругъ слышу роковую вѣсть: „Неждановъ умеръ“!

Урусовъ также весьма умный и образованный человѣкъ, но отъ природы весьма серьезный и мрачный, не видя исхода изъ подъ гнетущихъ его обстоятельствъ, началъ сильно задумываться и, наконецъ, помѣшался въ умѣ. Онъ заперся въ своей квартирѣ и рѣшился уморить себя голодомъ. Чтобы спасти его, должно было выломать дверь. Его взяли и отвезли въ больницу. Это было въ послѣдній разъ, что я его видѣлъ, когда его выводили изъ квартиры.

томъ на Кавказѣ, проѣзжалъ неоднократно по Волжскимъ губерніямъ, объѣхалъ губерніи Остзейскія, посѣщалъ много разъ Финляндію, наконецъ путешествовалъ по Европѣ, былъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Ниццѣ, Римѣ, Неаполѣ, всходилъ на Везувій, осматривалъ развалины Помпеи и Геркулана, видѣлъ знаменитѣйшихъ людей Германіи и Франціи, бесѣдовалъ съ Гумбольдтомъ и другими учеными мужами Европы; потомъ, возвратясь въ Петербургъ, снова отправился въ Иркутскъ, былъ на берегахъ Байкала; участвовалъ въ изданіи „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ и хотѣлъ остаться навсегда на своей родинѣ, желая одной ей посвятить свои знанія и способности, но родина, къ сожалѣнію, не умѣла или не хотѣла оцѣнить его. Разочаровавшись окончательно въ Иркутскѣ, Беккеръ опять ринулся въ Петербургъ, еще съѣздилъ два или три раза въ Финляндію, собственно для прогулки, и, наконецъ, поѣхалъ въ Саксонію, отчизну его отца, чтобы тамъ сложить свои кости.. Между тѣмъ онъ издалъ весьма интересное описаніе своихъ путешествій по Россіи и нынѣ готовитъ записки о путешествіи своемъ по Европѣ. Много интереснаго можно ожидать отъ этого труда. Беккеръ, человѣкъ очень умный, хорошо образованный, въ особенности подъ руководствомъ своего многознавшаго отца, имѣетъ большія практическія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя во время его многолѣтнихъ путешествій; но что главное, человѣкъ честный и благородный. Вотъ его-то, по справедливости, можно назвать: честный нѣмецъ. Еще повторяю, жаль, что Иркутскъ не оцѣнилъ по достоинству этого отличнаго чиновника и прекраснаго человѣка!.

Потомъ, онъ изъ больницы вышелъ и куда дѣвался, никому не было извѣстно; ходили только темные слухи; говорили, что онъ рѣшился идти пѣшкомъ въ Россію и, вѣроятно, погибъ на дорогѣ!..

Въ этомъ несчастномъ состояніи Иркутской гимназіи, когда домъ гимназическій разрушался, учениковъ почти не было, учителя находились въ отчаяніи и гибли, жители смотрѣли на гимназію съ отвращеніемъ, губернское начальство равнодушно взирало, какъ древо познанія сохло и гнило. Въ это несчастное время Иркутскихъ училищъ дѣлается директоромъ ихъ славный своимъ просвѣщеніемъ, умомъ и даже своими несчастіями — Петръ Андреевичъ Словцовъ. Отсюда начинается новая эра Иркутскихъ училищъ.

Но прежде нежели я буду говорить о дѣйствіяхъ Словцова по управленію въ Иркутскѣ учебною частію, я изложу въ слѣдующихъ главахъ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія я имѣю о жизни этого замѣчательнаго человѣка, который, какъ сказано мною въ предисловіи къ настоящимъ запискамъ, завѣщалъ мнѣ всѣ свои бумаги, и съ которымъ я былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ двадцать восемь лѣтъ!

Словцовъ былъ изъ тѣхъ сильныхъ духомъ людей, которые своимъ личнымъ достоинствомъ исторгаютъ невольное уваженіе. Въ самомъ изгнаніи, оставаясь безъ связей, безъ состоянія, Словцовъ стоялъ выше окружающей его среды. Все, что было мыслящаго въ Сибири, искало, какъ почета, его знакомства. Генералъ-губернаторы приходили къ нему бесѣдовать, не говоря уже о Сперанскомъ, который посѣщалъ его весьма часто, какъ стараго товарища и друга.

Съ благороднымъ, даже нѣсколько гордымъ и непреклоннымъ характеромъ, Словцовъ соединялъ необыкновенную, почти дѣтскую нѣжность сердца и чувствительность. Иногда одолѣвала его ипохондрія, и тогда онъ изливался въ слезахъ, какъ ребенокъ. Всѣ впечатлѣнія онъ принималъ живо и сильно; душа его была исполнена энергіи и высокихъ стремленій. Ничего низкаго не закрадывалось въ его сердце; никогда лесть и ласкательство не касались его языка. Онъ ни въ комъ никогда не заискивалъ и никогда никого ни о чемъ не просилъ. Судьбу свою онъ совершенно предоставилъ волѣ Провидѣнія. Въ послѣдніе годы былъ преданъ вполнѣ религіи и только въ ней искалъ своего успокоенія...

Словцовъ родился въ 1766 году [1]) на Нижне-Сусанскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ Пермской губерніи, какъ пишетъ онъ въ Историческомъ обозрѣніи Сибири, но самъ лично всегда говорилъ мнѣ, что

[1]) Въ письмѣ ко мнѣ, писанномъ въ 1842 году, онъ называлъ себя старикомъ 76-лѣтнимъ, слѣдовательно, родился въ 1766 году, но въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ онъ говоритъ, что родился въ 1767 году. Не знаю, который годъ достовѣрнѣе.

онъ родился на берегахъ Нейвы въ Невьянскомъ заводѣ, находящемся въ Ирбитскомъ уѣздѣ, лежащемъ по ту сторону Уральскаго хребта, слѣдовательно, въ Сибири. Словцовъ происходитъ изъ духовнаго званія. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Тобольской семинаріи. Отсюда, какъ лучшій ученикъ, онъ былъ посланъ, для окончательнаго образованія, въ Петербургъ, въ Александро-Невскую семинарію, потомъ преобразованную въ духовную академію. Тамъ онъ встрѣтилъ Сперанскаго, имѣвшаго тогда только еще 19 лѣтъ: это было въ 1789 году. По сходству способностей и направленія они сдружились и дружба ихъ перешла съ ними за гробъ. Словцовъ сказывалъ мнѣ, что, при тогдашнемъ состояніи Александро-Невскаго училища, преподаваніе не удовлетворяло ихъ любознательнымъ умамъ. Потому вмѣстѣ съ Сперанскимъ они сами задавали себѣ программы занятій и исполняли ихъ взаимною помощію. Взаимно раздѣляли они и свои горести и свои недостатки: случалось, что попеременно носили одну рубашку.

По смерти Сперанскаго, Словцовъ, съ горестію воспоминая о покойномъ другѣ своемъ, писалъ ко мнѣ отъ 6-го февраля 1840 года, что „Сперанскій превосходилъ всѣхъ товарищей своихъ успѣхами въ чистой математикѣ, физикѣ и философіи, отличался цѣломудріемъ въ мысляхъ словахъ и чувствахъ. Сердце его, можно сказать, благоухало уже тогда свѣжимъ, чистымъ запахомъ“.

„Въ 1792 году, въ качествѣ студента, Сперанскій говорилъ проповѣдь о страшномъ судѣ въ недѣлю блуднаго сына съ такимъ увлеченіемъ, что убѣжденіе видимымъ образомъ разлилось на лицахъ слушателей. Конечно, такому успѣху содѣйствовали: оживленное лицо юноши, мелодическій голосъ и изливавшееся въ словахъ его помазаніе. Митрополитъ Гавріилъ, присутствовавшій тогда въ церкви, поручилъ ректору убѣждать юнаго проповѣдника вступить въ санъ монашескій и въ надеждѣ на то, по окончаніи курса, поручилъ ему преподавать краснорѣчіе и физику“.

„Въ 1794 году—помнится мнѣ—продолжаетъ Словцовъ—я нашелъ его за Невтономъ. Въ 1795 году онъ сдѣланъ былъ преподавателемъ философіи, и два года провелъ, кромѣ должностного класса, въ критическомъ разсмотрѣніи философскихъ системъ, начиная съ Декарта, Локка, Лейбница и проч. до Кандильяка, тогда славившагося. По временамъ Михайла Михайловичъ читалъ мнѣ свои критическія разсмотрѣнія [1]). Кто знаетъ, говоритъ Словцовъ, менѣе ли добра сдѣлалъ бы графъ Сперанскій на поприщѣ златоустовъ, нежели сколько на поприщѣ людей государственныхъ?“

[1]) Выписка изъ этого письма Словцова была сообщена мною барону М. А. Корфу и помѣщена въ біографіи графа Сперанскаго.

По окончаніи ученія въ Александро-Невской семинаріи, Словцовъ былъ посланъ преподавателемъ философіи въ Тобольскую семинарію.

Въ девяностыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, какъ извѣстно, вулканъ французской революціи былъ въ самомъ разгарѣ. Міръ наполнялся чадомъ разрушительныхъ идей. Изумленныя власти стали на стражѣ алтарей и престоловъ. Строго слѣдили тогда за каждымъ дѣйствіемъ, за каждымъ словомъ.

Въ это тревожное время Словцовъ ораторствовалъ съ соборной каѳедры въ Тобольскѣ, въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ властей. Мнѣ не случалось читать его проповѣдей и потому не могу сказать о нихъ ничего положительнаго. Но послѣдствіемъ ихъ было самое тяжкое событіе въ жизни Словцова: онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Петербургъ, откуда его сослали въ Валаамскую пустыню. Тамъ содержали его весьма строго, въ темномъ и холодномъ затворѣ, какъ видно изъ посланія его, писаннаго къ Сперанскому. Въ посланіи этомъ Словцовъ описываетъ свою Валаамскую жизнь въ самыхъ горькихъ чертахъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого замѣчательнаго посланія:

Еще съ холоднаго пера текутъ чернила,
Еще кровь дружества при гробѣ не застыла!
Сижу въ стѣнахъ, гдѣ нѣтъ полдневнаго луча,
Гдѣ таетъ вѣчная и тусклая свѣча...

Физическія и нравственныя страданія имѣли разрушительное дѣйствіе на его здоровье.

Я боленъ (говоритъ онъ), весь опухъ и силы ослабѣли...
Сказалъ бы болѣе, да слезы одолѣли!..

Болѣзнь и отчаяніе быстро вели его къ гробу. Увѣренный въ скоромъ приближеніи смерти, страдалецъ продолжаетъ:

Уже плачевну жизнь мою смерть облегчаетъ,
Уже мой трупъ душа стеняща оставляетъ!..
Сокрой его земля отъ плачущихъ друзей!
Увы! Они моихъ не погребутъ костей,
И не узнаютъ, гдѣ лежать мой пепелъ будетъ!..
Забудетъ дружество и свѣтъ меня забудетъ!..

Словцовъ никогда не говорилъ объ этомъ тяжкомъ для него времени: вѣроятно, самое воспоминаніе о немъ было ему мукою и растравляло прежнія раны; но, какъ видно, онъ не считалъ себя виновнымъ; ибо говоритъ въ заключеніе своего посланія:

Скажи родителямъ моимъ, что умеръ я,
Что я родительскихъ по смерть держался правилъ:
Что добродѣтель, честь всего превыше ставилъ!..
Напомни, что здѣсь я невинно былъ гонимъ;
Проси прощенія несчастіямъ моимъ!..

Между тѣмъ, какъ Словцовъ страдалъ, такимъ образомъ, въ затворахъ Валаама, многое измѣнилось: не стало великой Екатерины, взошелъ на престолъ императоръ Павелъ Петровичъ; Сперанскій, вступивъ въ гражданскую службу, пріобрѣлъ расположеніе генералъ-прокурора князя Куракина: тогда одною изъ первыхъ заботъ прекрасной души его было подать руку спасенія своему другу и товарищу. По ходатайству его, Словцовъ былъ вызванъ изъ заточенія и 22-го іюня 1797 года вступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора. Служба его пошла весьма удачно: въ томъ же году октября 4-го, Словцовъ былъ произведенъ въ титулярные совѣтники; чрезъ три года онъ былъ уже надворнымъ совѣтникомъ и 30-го іюня 1801 года перемѣщенъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта помощникомъ экспедитора.

Отличныя дарованія и обширныя познанія Словцова доставили ему вскорѣ общую извѣстность. Молва о немъ дошла до бывшаго тогда министромъ коммерціи графа Румянцова. Желая окружить себя людьми даровитыми, графъ Румянцовъ обратилъ на Словцова особое вниманіе. Первый дебютъ его по министерству коммерціи былъ—описаніе Черноморской торговли. Порученіе это вполнѣ убѣдило графа Румянцова въ необыкновенныхъ способностяхъ Словцова, къ которому писалъ онъ отъ 23-го декабря 1802 года: „отдавая полную справедливость трудамъ и способностямъ вашимъ... я не могу не изъяснить вамъ, милостивый государь мой, какъ истинному и дѣятельному сотруднику, моего утѣшенія, что сдѣланное вамъ препорученіе обнаруживаетъ извѣстныя познанія ваши и заставляетъ меня искать случая употребить васъ на пользу государственную соразмѣрно достоинствамъ вашимъ“.

По окончательномъ исполненіи даннаго Словцову порученія, графъ Румянцовъ испросилъ ему Высочайшій подарокъ и перевелъ его на службу по министерству коммерціи экспедиторомъ, т. е. начальникомъ отдѣленія. Высочайшій указъ о томъ состоялся 20 февраля 1803 года. Извѣщая объ этомъ Словцова, отъ 24 того же февраля, графъ Румянцовъ писалъ: „Отдавая полную справедливость дарованіямъ и способностямъ Вашимъ, пріятно мнѣ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что съ 20 сего мѣсяца послѣдовалъ Правительствующему Сенату Высочайшій указъ, по силѣ котораго Вы опредѣлены въ департаментъ министерства коммерціи экспедиторомъ, и проч.“.

Въ слѣдующемъ году, января 29, Словцовъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники: слѣдовательно, не болѣе, какъ чрезъ семь лѣтъ по вступленіи въ гражданскую службу...

Графъ Румянцовъ приблизилъ его къ себѣ. Онъ всталъ выше

всѣхъ своихъ товарищей. Бумаги, имъ писанныя, соперничали въ общемъ мнѣніи съ бумагами Сперанскаго. Представленія графа Румянцова, сочиненныя Словцовымъ, ходили по рукамъ и списывались, какъ образцовыя. Надобно сказать, что самъ Словцовъ никогда мнѣ не говорилъ о своихъ прежнихъ заслугахъ, но мнѣ были переданы нѣкоторыя его должностныя бумаги, въ свое время производившія фуроръ, пріятелемъ его, бывшимъ въ Кяхтѣ директоромъ таможни П. Ф. Голяховскимъ. Въ числѣ этихъ бумагъ было мнѣніе графа Румянцова, писанное Словцовымъ, по поводу проекта, представленнаго министромъ удѣловъ графомъ Гурьевымъ о способахъ возвышенія государственныхъ доходовъ. Я выпишу замѣчательнѣйшія мѣста изъ этого мнѣнія собственно для того, чтобы показать, сколько блестящихъ мыслей, предупреждавшихъ свой вѣкъ, было разлито въ этомъ мнѣніи. Оно касалось четырехъ предметовъ: 1) преобразованіе купеческихъ гильдій, 2) цеховыхъ, 3) налога акцизнаго и накладныхъ денегъ и 4) способа возвратиться отъ ассигнацій къ вещественной монетѣ.

1) О преобразованіи гильдій. „Прежде всего я принимаю—говоритъ графъ Румянцовъ—за общее для налоговъ правило, чтобы одною рукою собирая съ людей подать, другою наслажденіе дарить имъ, дабы впечатлѣвалось въ народѣ то спокойное увѣреніе, что доходъ государственный ростетъ не иначе, какъ по мѣрѣ гражданскихъ выгодъ“. Далѣе, послѣ разсужденій: какіе капиталы должно опредѣлить, для предъявленія каждой гильдіи, министръ продолжаетъ:

„При томъ примѣчаю, что предѣлы 2 и 1 гильдіи, недовольно раздѣленные, и въ новомъ проектѣ остались смѣшанными, чрезъ что и отнимается поощреніе переходить въ высшую гильдію. Я желалъ бы, напротивъ, обнародовать такое истолкованіе, что 2-я гильдія, по смыслу законовъ, не можетъ впредь въ пограничныхъ мѣстахъ непосредственно производить ни мѣны, ни продажи, ни покупки съ иностранными купцами и увѣренъ, что такое истолкованіе увеличило бы 1 гильдію“.

„Я согласенъ также на уничтоженіе званія именитыхъ гражданъ, потому что сіе отличіе въ послѣдствіи, въ 3 колѣнѣ, уже перерождаетъ торговую фамилію въ дворянскую и что наравнѣ съ ними, по нѣкоторому странному смѣшенію идей, раздѣляютъ то же имя неимущіе художники, которымъ, по свойству талантовъ, надлежало бы пріискать другую мѣру соревнованія“.

„Я не согласенъ съ мнѣніемъ Дмитрія Александровича (графа Гурьева, министра удѣловъ) въ томъ, чтобы даровать право помѣщичье купцамъ, объявившимъ недвижимаго имѣнія на 150/т. рублей:

ибо какую можно въ Россіи вообразить разницу между помѣщикомъ и дворяниномъ? Преимущество послѣдняго въ томъ и состоитъ, чтобы пріобрѣтать недвижимыя имѣнія съ крестьянами и располагать ими по произволу".

„А посему купецъ, вступивъ въ одни права съ помѣщикомъ или дворяниномъ, вынесетъ, наконецъ, капиталъ свой изъ торговой массы, и торговля будетъ истощаться въ капиталахъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе явится почтенныхъ купцовъ, желающихъ перейти въ классъ помѣщичій".

„А какая прибыль государству умножать дворянскій классъ тѣми людьми, которые для того только и входятъ въ сословіе помѣщиковъ, чтобы съ дворянами раздѣлять печальное преимущество порабощать себѣ народъ".

„Прибавьте къ тому, что непоколебимость государственныхъ положеній надобно считать основаніемъ благоустройства и народной довѣренности къ правительству. Давно ли царствующій императоръ (18 окт. 1804 года) обнародовалъ свою волю, что званію купечества принадлежитъ одно право покупать земли безъ крестьянъ? Я тогда домогался другого у Правительствующаго Сената. Но когда уже рѣшительный жребій палъ отъ престола, послѣ того я, который пять лѣтъ неумолчно повторяю о соблюденіи правилъ, въ долгѣ своемъ считаю теперь ходатайствовать о неприкосновенности того узаконенія".

Нельзя не замѣтить, что, отличаясь здравыми и просвѣщенными идеями, мнѣніе сильно и гласно, вопреки тогдашнему направленію, вооружается противъ крѣпостного владѣнія, которое тогда почиталось священнымъ правомъ дворянства и которое въ мнѣніи безъ обиняковъ именуется печальнымъ преимуществомъ порабощать себѣ народъ.

Сказавши о несообразности присвоенія купцамъ помѣщичьяго права, графъ Румянцовъ предлагаетъ другія преимущества для нихъ, дабы облагородить ихъ званіе, до того времени находившееся въ нѣкоторомъ униженіи. Далѣе разсматривается вопросъ: какимъ образомъ увеличить число вписывающихся въ купечество и умножить торговые капиталы и съ этою цѣлью министръ обращается къ иностраннымъ гостямъ и дворянамъ. Въ отношеніи первыхъ онъ предлагалъ такія правила, которыя устраняли всякую возможность иностранному купечеству дѣйствовать во вредъ русскаго и пресѣкали болѣе или менѣе временное подданство иностранныхъ купцовъ.

„Въ настоящемъ образѣ управленія—говоритъ министръ—обыкновенно встрѣчается, что торговые дома, состоя по большей части изъ участниковъ иностранныхъ и одного записаннаго въ гильдію, поль-

зуются подъ его именемъ внутри Россіи всѣми правами россійскихъ подданныхъ, а въ случаяхъ, гдѣ выгоднѣе имя иностранное, тутъ ссылаются на трактаты и ищутъ защиты у иностранныхъ министровъ и консуловъ". Сдѣлавъ сіе замѣчаніе,—министръ предложилъ—въ отвращеніе этого, разныя положительныя мѣры".

Далѣе, говоря о необходимости допустить дворянъ къ торговлѣ, министръ произноситъ слѣдующія замѣчательныя слова: „о допущеніи дворянъ въ торговлю я давно ходатайствовалъ; только не считаю нужнымъ учреждать особый классъ почетныхъ гостей: ибо тамъ, гдѣ дѣло идетъ о распространеніи промышленности, предпочтенія должны принадлежать однимъ капиталамъ и торговымъ способностямъ, а не лицамъ. Съ одной стороны, давъ мѣсто тщеславію дворянина на торговомъ поприщѣ, не покажется ли, что онъ и тутъ оспариваетъ себѣ преимущество, а съ другой, вводя его въ общій рядъ гильдій, можно преклонить его къ выгодному мнѣнію о купечествѣ. Великій узелъ общества тѣмъ и крѣпится, чтобы государственныя состоянія, различаясь назначеніемъ и долгомъ, связывались единомысліемъ и прихотливыхъ преградъ между собою не полагали".

Вотъ въ чемъ заключается то истинное сліяніе сословій: не въ уравненіи правъ, не согласномъ съ начала монархіи, но именно въ единомысліи и устраненіи всякихъ ненужныхъ, или, какъ выразительно сказано въ мнѣніи, прихотливыхъ различій.

2) О цеховыхъ. Въ отношеніи цеховыхъ, мнѣніе также проникнуто духомъ патріотизма. Министръ не желаетъ стѣснять иностранцевъ, даже облегчаетъ имъ входъ въ Россію, но въ то же время устраняетъ со стороны ихъ всякое стѣсненіе русскихъ ремесленниковъ.

„Слышно—говоритъ онъ, что иностранные цехи, безъ явнаго законнаго права, отдѣляясь отъ россійскихъ, составляютъ здѣсь особую управу и вывели себя изъ общей связи и должнаго отчета городовой думѣ, или магистрату. При дальнѣйшемъ сего разсмотрѣніи надобно поставить ихъ въ одинакую съ россійскими цехами зависимость.

Затѣмъ министръ переходитъ къ чрезвычайно важному замѣчанію на счетъ торговли помѣщичьихъ крестьянъ. Здѣсь, съ благородною смѣлостію, высказывается несообразность рабскаго состоянія съ пользами государства и уже проявляется великая мысль освобожденія. Доказавъ вредныя послѣдствія торговли помѣщичьихъ крестьянъ, торгующихъ подъ чужимъ именемъ, министръ предлагалъ на благоусмотрѣніе комитета: „какимъ бы поощреніемъ, съ согласія помѣщиковъ, вызвать сихъ людей въ состояніе свободы, ни мало не оскорбляя права помѣщиковъ".

3) Объ акцизныхъ и накладныхъ деньгахъ. Графъ

Гурьевъ представлялъ, чтобы сверхъ пограничныхъ пошлинъ учредить внутренніе сборы съ товаровъ, привозимыхъ въ городъ на продажу, не исключая и жизненныхъ припасовъ.

Опровергая это предположеніе, графъ Румянцовъ говоритъ:

„Во всякомъ случаѣ я полагаю за неприличное казнѣ явно корыствоваться съ продажи жизненныхъ припасовъ, служащихъ къ продовольствію числительнѣйшей части народа, почти въ глазахъ его обнаруживая, что и здоровье и малое наслажденіе сему классу, по закону естества не сполна счастливому, даются отъ правительства не даромъ. Какія же тогда впечатлѣнія родятся въ народѣ!"

Припоминая, что слова министра были сказаны болѣе полустолѣтія назадъ, нельзя безъ восхищенія читать, что и тогда уже мудрое правительство наше не считало народъ безгласною толпою рабовъ, но разумною личностью, которой впечатлѣніями оно дорожило, и которой благо признавалось выше выгодъ казны. Сколько просвѣщенія, сколько ума, сколько человѣчности или, говоря нынѣшнимъ языкомъ, гуманности заключается въ приведенныхъ выше словахъ мнѣнія? И какъ они характеризуютъ просвѣщенное царствованіе Александра I, когда гуманныя идеи принимались въ основаніе правленія!

Далѣе министръ говоритъ, что хотя акцизъ съ товаровъ сбирается въ Англіи, но что положеніе Англіи совсѣмъ иное и то, что можетъ быть тамъ допущено, не можетъ быть приложено здѣсь; что впрочемъ и въ самой Англіи онъ несообразенъ ни съ общимъ духомъ англійской конституціи, ни съ гражданскою свободою.

„Извлекая изъ всего—продолжаетъ министръ—что акцизный и накладный сборъ не можетъ не быть не отяготителенъ, и что при всемъ отягощеніи не такъ великъ, чтобы для нѣсколькихъ милліоновъ разстаться съ расположеніемъ народнымъ и замѣнить оное ропотомъ, я заключаю, что будетъ менѣе, нежели выведенъ (въ представленіи графа Гурьева)".

Затѣмъ министръ полагаетъ, что, вмѣсто внутренняго сбора, нужно увеличить сборъ пограничный, т. е. пошлины съ привозимыхъ товаровъ, но какимъ образомъ?

„Четыремъ членамъ—говоритъ онъ—извѣстны правила необходимыя, какія представлялъ я къ облегченію пошлинъ, доказавъ, что одною умѣренностью оныхъ можно обезоружить корысть пользующихся отъ тайнаго водворенія товаровъ. Послѣ того я не знаю, въ какомъ видѣ имъ и мнѣ отступить отъ недавнихъ заключеній, Высочайшими указами въ прошломъ году приведенныхъ въ законное дѣйствіе? Какое заключеніе осталось бы народу, когда бы онъ увидѣлъ, что тѣ же министры, которые ходатайствовали у престола о

сбавкѣ пошлинъ, снова утруждали монарха о удвоеніи и утроеніи оныхъ на тѣ же товары?"

Въ этихъ словахъ всего поразительнѣе та благородная откровенность, съ какою министръ выражается, что онъ дорожитъ судомъ народа. Какое заключеніе сдѣлалъ бы народъ? говоритъ онъ. Какой не достойно славы правительство, такъ мыслящее?..

4) О способѣ возвращенія отъ ассигнацій къ вещественной монетѣ. „Я согласенъ—говоритъ министръ—что выпуску ассигнацій есть мѣры... Но какъ опредѣлить эту мѣру?... Желаемая мѣра бываетъ передвижная и зависящая отъ постороннихъ обстоятельствъ: отъ хода торговли, отъ военныхъ дѣлъ, можетъ быть, отъ довѣренности къ правительственнымъ лицамъ. А посему только темная ощупь можетъ высматривать и угадывать, какая масса ассигнацій, при извѣстныхъ оборотахъ государственнаго движенія, соразмѣрна замѣнить монету вещественную".

Далѣе министръ говоритъ, что ассигнаціи замѣняютъ не только деньги, но векселя; но что, можетъ быть, не далеко то время, когда торговые дома внутри государства будутъ, въ оборотахъ своихъ, дѣйствовать векселями или, какъ сказано въ мнѣніи, слогомъ Словцова, всегда нѣсколько фигуральнымъ, станутъ понимать себя па языкѣ векселей. И потому въ предупрежденіе замѣшательства, могущаго потрясти финансовую систему, министръ предлагаетъ, чтобы ежегодно уничтожать по нѣсколько милліоновъ ассигнацій, пуская въ размѣнъ такую же сумму звонкой монеты. „Продолжая сей размѣнъ—говоритъ министръ—въ 20 или 30 лѣтъ, постепенное уменьшеніе бумаги, не обременяя государственнаго казначейства, удержитъ самую бумагу въ лучшемъ достоинствѣ, пока, наконецъ, само собою окажется, на какую точно сумму можно безъ опасности оставить ассигнацій въ обращеніи или совсѣмъ вывести ихъ изъ хожденія, замѣнивъ бумагами государственнаго купеческаго банка".

Мѣры эти, свѣтлымъ умомъ предначертанныя, не остались втунѣ: впослѣдствіи и ежегодный размѣнъ ассигнацій на звонкую, или, какъ сказано въ мнѣніи, на вещественную монету производился въ значительныхъ размѣрахъ, ассигнаціи уничтожались въ большихъ массахъ и бумаги купеческаго или коммерческаго банка замѣняли прежнюю бумагу; но было уже поздно: ассигнаціи тогда превосходили уже всякую соразмѣрность съ монетою.

Вообще, излагая здѣсь это мнѣніе, составленное Словцовымъ и въ свое время считавшееся образцовымъ, я хотѣлъ показать и обширность ума этого, можно сказать, геніальнаго человѣка, и просвѣщенный образъ его воззрѣнія, и глубокое познаніе государственной экономіи, которое сдѣлало бы честь и нынѣ любому политико-эконо-

мисту. Сколько подобныхъ бумагъ, сколько пользы государству могъ бы принести еще этотъ необыкновенный человѣкъ, если бы судьба не бросила его внезапно за предѣлы мыслящаго міра!

Сверхъ идей просвѣщенныхъ и человѣчныхъ нельзя не обратить вниманія и на самый слогъ мнѣнія. Языкъ въ немъ былъ чистый, свободный, сильный, складъ періодовъ новый, уже не обремененный латинскими Ломоносовскими формами. Но не должно полагать, что это было слѣдствіе Карамзинскаго вліянія; нѣтъ, ни Сперанскій, ни Словцовъ не имѣли нужды въ руководителяхъ; они сами создали свой слогъ: могучій и плавный. И какъ, составляя государственныя бумаги, могли они заимствовать слогъ у автора сантиментальныхъ писемъ русскаго путешественника или бѣдной Лизы и Мареы Посадницы? Исторіи государства Россійскаго тогда не было еще и въ поминѣ...

Но отдавая справедливость Словцову, какъ творцу мнѣнія, нельзя не отдать достойной похвалы и графу Румянцову, который раздѣлялъ мысли, изложенныя въ мнѣніи, и отъ воли котораго вполнѣ зависѣло—принять ихъ или не принять; тѣмъ болѣе невозможно безъ глубокаго благоговѣнія вспомнить о государѣ, при которомъ министры съ такою откровенностью могли высказывать свой благородный и просвѣщенный образъ мыслей!

Предположенія графа Румянцова относительно преимуществъ купеческаго званія впослѣдствіи были облечены Высочайшимъ манифестомъ 1807 года января 1-го. Составленіе этого знаменитаго манифеста, возвысившаго полезное купеческое сословіе и давшаго новую жизнь русской торговлѣ и промышленности, упрочило славу Словцова среди тогдашняго служебнаго міра. Графъ Румянцовъ испросилъ ему орденъ Владиміра 4-й степени: награда въ тогдашнее время весьма значительная.

Блестящее поприще открывалось для Словцова въ будущемъ. Графъ Румянцовъ, человѣкъ могущественный, былъ отъ него въ восхищеніи, Сперанскій, въ это время уже входившій въ довѣренность государя, былъ его другъ и товарищъ, талантъ и знаніе его доставляли ему огромную извѣстность. О многомъ могъ онъ мечтать, на многое надѣяться... и вдругъ грозный ударъ опять раздался надъ его головою и онъ снова въ изгнаніи!.. Здѣсь невольно вспомнишь стихъ Гейне:

„Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?"

При графѣ Румянцовѣ былъ секретаремъ и весьма близкимъ довѣреннымъ лицомъ его нѣкто Панинъ. Естественно, что Словцовъ,

по совмѣстному служенію съ Панинымъ, не чуждался его знакомства. Но Панинъ, съ извѣстною ему одному цѣлію, усильно старался ввести также въ знакомство Словцова нѣкоего Стратиновича, выдавая его за Екатеринославскаго помѣщика, чуждаго всякихъ служебныхъ дѣлъ, и еще другого, своего пріятеля Борисковскаго. Словцовъ, проводя жизнь въ должностныхъ дѣлахъ и наукахъ, и совершенно бывъ чуждъ всѣхъ, такъ сказать, закулисныхъ сплётенъ и отношеній своихъ сослуживцевъ, хотя не совсѣмъ, но попалъ въ разставленныя имъ сѣти. Онъ отвергъ знакомство съ Борисковскимъ, но согласился на знакомство съ Стратиновичемъ. Прикрываясь маскою Екатеринославскаго помѣщика, чуждаго, какъ сказалъ я выше, служебныхъ дѣлъ, но въ сущности составляя, какъ видно, одну шайку съ Борисковскимъ и Панинымъ, Стратиновичъ, вѣроятно, съ цѣлію пріобрѣсть надъ Словцовымъ вліяніе, дѣлалъ ему разныя одолженія, получая, впрочемъ, и самъ отъ Словцова печатныя его сочиненія, которыхъ цѣнность даже превосходила мѣру одолженія Стратиновича. Впрочемъ, и безъ взаимныхъ вознагражденій, отчего между частными людьми не можетъ быть допущено никакихъ пріятельскихъ отношеній, если отношенія эти не касаются дѣлъ службы или какихъ-либо законопротивныхъ цѣлей? Воспрещать подобныя отношенія не значитъ ли разрывать насильственно узелъ общества? Но пойдемъ далѣе.

Словцовъ, получая весьма небольшое жалованіе и бывъ чуждъ всякой незаконной корысти, даже гордясь своимъ безкорыстіемъ, въ которомъ онъ находилъ свою славу,—переносилъ большіе недостатки и крайне нуждался. Панинъ воспользовался его бѣдностію и предложилъ ему отъ себя, какъ пріятеля и сослуживца, въ займы незначительную впрочемъ сумму (по-нынѣшнему до 700 р. серебр.). Словцовъ не видѣлъ причины не воспользоваться этимъ пріятельскимъ предложеніемъ своего сослуживца, не обнаружившаго дотолѣ никакихъ безчестныхъ видовъ и пріобрѣвшаго большую довѣренность общаго ихъ начальника, слѣдовательно, такого человѣка, въ нравственномъ достоинствѣ котораго не было причины сомнѣваться.

Но едва Панинъ успѣлъ сдѣлать это одолженіе Словцову, какъ снялъ съ себя маску и именемъ графа Румянцова, можетъ быть, безъ дозволенія его употребленнымъ, онъ обратился къ Словцову съ ходатайствомъ по просьбѣ, поданной пріятелемъ его, Борисковскимъ, который домогался, чтобы конфискація по Рижской таможнѣ на 30 т. руб. была отдана ему одному цѣликомъ.

Словцовъ нашелъ просьбу Борисковскаго неправильною и не смотря ни на коварныя одолженія Панина, ни на сильное имя министра, тутъ имъ впутанное, раздѣлилъ конфискацію между всѣми чинами, которые участвовали въ открытіи контрабанды — какъ слѣдовало по

точнымъ словамъ закона. Гдѣ же преступленіе?—говоритъ Словцовъ въ оправдательной запискѣ, поданной имъ сенаторамъ, ревизовавшимъ Сибирь: о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи.

Но въ 1808 году на секретномъ судѣ—принятіе одолженій отъ Стратиновича и заемъ у Панина были сочтены преступленіемъ. Словцовъ былъ лишенъ мѣста по министерству коммерціи и удаленъ на всегда въ Сибирь на службу къ сибирскому генералъ-губернатору.

Ровно двадцать лѣтъ страдалъ онъ въ изгнаніи, неся на себѣ тягость безчестія: никто не зналъ вины; всѣ видѣли виновнаго. Наконецъ уже въ 1828 году онъ былъ освобожденъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Но, между тѣмъ, жизнь уже сгорѣла; годы силы, энергіи и труда пробѣжали невозвратно: при удаленіи въ Сибирь Словцовъ имѣлъ отъ роду 42 года, а когда получилъ разрѣшеніе, ему было уже 62 года—большая разница!

Исторію освобожденія его я разскажу подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ, изъ которыхъ можно будетъ видѣть, сколько душевныхъ страданій перенесъ этотъ благородный человѣкъ, какъ долго испытывала судьба его терпѣніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Казнь царевича Алексѣя Петровича.

(Письмо Александра Румянцова къ Титову Дмитрію Ивановичу).

Высокопочтеннѣйшій другъ и благотворитель
Дмитрій Ивановичъ.

Се паки не обинуясь, велѣніе ваше исполняю и пишу сіе, его же не повѣдалъ бы, ни во что вмѣняя всяческія блага и отцу моему мнѣ жизнь даровавшему, понеже бо чту васъ, яко величайшаго моего благотворца и вмѣняю себѣ добро, вашими милостями на меня изліянное, паче того блага, иже жизнію безъ вѣсти порицается. Отъ всего свѣта незнаемый гражданинъ вашими веліими, зельными трудами и старательствами, я грамотѣ обученъ, и на службу отданъ, и ко двору его царскаго величества приписанъ, и нынѣ у всемилостивѣйшаго государя довѣреннымъ человѣкомъ сталъ, и капитаномъ отъ гвардіи рангомъ почтенъ и еще на большее имѣть надежду дерзаю. Довлѣетъ быть камнемъ либо коею иною бездушною вещью тому, кто толикихъ несказанныхъ милостей въ памяти своей отщетился бы и отъ благодарствія во вся дни живота своего отрекся бы. А какъ я человѣкъ живый, имѣющъ сердце и душу, то всего того по вѣкъ не забуду, и благодарствовать вамъ, аще силы дозволятъ, потщуся. Отъ искренности сердца возглаголю, что какъ прочиталъ я посланіе ваше, да узналъ какихъ вѣстей требуете отъ меня, то страхъ и трепетъ объялъ мя, и на душу мою налегли тяжкія помышленія; какъ повѣдую вамъ страшная сія и буду измѣнникъ и предатель всепресвѣтлаго державца моего, но мало затѣмъ подумавъ и приведши въ памятованіе все вышереченное гдѣ о благотвореніяхъ вашихъ, зѣло усумнился кая измѣна жесточаѣ будетъ: аще тайны открою царевы, либо аще скрою оныя отъ васъ, коего неизреченно уважаю и тако вижу довѣріе благотворца моего, и то грѣхъ великій, и сей грѣхъ тяжкій. Обаче помыслы мои лукавы суть и исполненъ всякія лжи

судъ мой; того ради, отложа всякое умствованіе, реку: да судитъ мя милосердный Богъ и помилуетъ предъ праведнымъ судомъ своимъ. И такъ уповая на Его благость неизреченную, потщуся повѣдать вашему любознанію вся бывшая по раду, я же слушая въ малѣ времени предъ очами моими, и молю васъ, дружбы ради, сохраните вся сія глубоко въ сердцѣ своемъ, никому же повѣдая о томъ изъ живущихъ на землѣ.

Въ оные дни, сердцу пресвѣтлаго монарха зѣло тяжкія, егда своевольный царевичъ, по привозѣ изъ Москвы въ заключеніи бысть, мы всѣ съ превеликою тоскою зрѣли, какъ печаль его царскаго величества и его царское здравіе корочало; не вѣдя же бо государьскую мѣру съ тѣмъ непокорнымъ содѣяти: даровать ли ему волю, постричь ли въ монашество, или въ вѣчномъ заточеніи оставити. Въ первыхъ бо оказіяхъ вящихъ бѣдъ отъ него ожидалося, а послѣднее зѣло тяжкою для родительскаго сердца быть мнилося. Еще нѣкіе отъ близкихъ царю опаство имѣли, дабы царь старинѣ не препятствовалъ и, улучивъ заточеніе царевича за благую причину войны на насъ поднялъ; обаче вся сія въ единомъ шептаніи говорилося изъ боязни, да его величеству таковые толки не во гнѣвъ будутъ. И такое сіе таилося никому же неизвѣстно, что изъ того выйдетъ, до времени, въ кое у нѣкихъ особъ къ царевичу близкихъ, найдены сверхъ всякаго чаянія разныя зашитыя въ платья письма, новый умыселъ на царя предвѣщающія. Монархъ, самъ въ крайній гнѣвъ приведенный, узрѣлъ себя въ нуждѣ паки оное дѣло возобновить, и того для, велѣлъ царевича изъ дому въ крѣпость подъ крѣпчайшій караулъ пересадить, и лишнихъ людей, кромѣ постельничнаго, да мастеровъ, гардеробнаго и кухоннаго, всѣхъ отобрать, малаго же царевича Петра Алексѣевича и царевну Наталію со всѣми челядинцами ихъ въ царевичевомъ домѣ оставить, и знатнѣйшимъ духовнаго, военнаго и статскаго чина персонамъ въ Петербургъ съѣхаться и повиннаго царевича судить. Затѣмъ царевичевъ обозъ изъ Москвы поспѣлъ и съ нимъ привезена невольница его, царевича, чухонская дѣвка Евфросинія, кая при слѣдствіи не только изъ устъ своихъ показала, но и многія бумаги выдала, писанныя царевичемъ, какъ бы въ бѣгствѣ изъ отечества, а въ тѣхъ бумагахъ были письма къ измѣнникамъ россійскимъ: архіереямъ Крутицкому и Ростовскому, да къ сенаторамъ нѣкіимъ, въ коихъ посланіяхъ извѣствуя о своемъ здоровьи, царевичъ проситъ пособія словомъ и дѣломъ, на случай ежели бы съ войскомъ въ Россію пришелъ и о престолѣ отеческомъ помыслилъ. Всѣ тѣ измѣнники нимало не замедля были привезены и подъ судъ отданы, а дѣвкѣ Евфросиніи за правое сказаніе, по царскому милосердію, животъ дарованъ и въ монастырь на вѣчное покаяніе

отослана. А была та дѣвка росту великаго, собою дюжая, толстогубая, волосомъ рыжая, и всѣ дивилися, какъ пришлось царевичу такую скаредную чухонку любить и такъ постоянно съ нею въ общеніи пребывать. А какъ всѣ знатныя, свѣтскія и духовныя особы, по указу царскому, не замедлили съѣхаться, то его величество предписалъ имъ особыя грамоты, въ коихъ повелѣлъ, дабы виновнаго судили не яко царскаго сына, а яко подданнаго; и его бы, буде нужно, на испытаніе предъ судъ требовали и приводили. А чтобы о другихъ далѣе рѣчи не было, то разомъ скажу, что многіе по сему дѣлу, и изъ нихъ Авраамъ Лопухинъ и протопопъ Яковъ Игнатьевъ, бывшій царевича духовникъ, были водимы въ застѣнокъ, весь умыселъ высказали, и достойно смертію казнены, ибо послѣдній, какъ ему царевичъ исповѣдался, сказалъ: „винюсь, отче, желаю смерти моему родителю", то онъ на сіе: „желаемъ!" Затѣмъ же царевича св. таинъ причастилъ и съ той поры его любимымъ совѣтникомъ сталъ. Знатные люди, духовнаго и свѣтскаго чина собирались по вся дни во дворецъ, имѣли зѣло правдивое сужденіе о поступкахъ его, царевича, и разслѣдивъ до конца, написали весьма разумныя разсужденія, въ коихъ приводили слова изъ церковныхъ и свѣтскихъ уставовъ и книгъ, яко то: „человѣкъ еже аще злорѣчитъ отцу своему и матери своей, смертью да умретъ" (Левит. Гл. 20). „Иже злословитъ отца или матерь смертью да умретъ" (Матв. Гл. 15). „Злословляя отца или матерь угашаетъ свѣтильникъ свой" (Прит. Сол. Гл. 20). „Князю людей твоихъ перешчи зла" (Исходъ Гл. 20). „Будетъ кто какимъ умышленіямъ учить, мыслить на государское здоровье злое дѣло, и при томъ его злоумышленіе сыщется до пряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ и такова по съиску казнить смертію" (Улож. Гл. 2).

Таковое разсужденіе представили для ради разсмотрѣнія его царскаго величества, отъ духовныхъ едино и отъ свѣтскихъ едино; а затѣмъ каждый изъ судящихъ призываемъ по одному къ министрамъ и гг. сенаторамъ, да скажетъ судъ свой, и всѣ сказали: „повинный де царевичъ заслужилъ смертную казнь". Тогда, собравшись всѣ во едино, сотворили приговоръ и своеручно подписали, въ коемъ сказано, что хотя бы однакожъ по волѣ его сіе мнѣніе и сужденіе объявляется съ такою чистою и христіанскою совѣстью, какъ предъ страшнымъ праведнымъ и нелицемѣрнымъ судомъ всемогущаго Бога, подвергая впрочемъ оный приговоръ и сужденіе въ самодержавную власть, волю и разсмотрѣніе его царскаго величества, всемилостивѣйшаго государя. А какъ царевичъ въ тѣ поры недомогалъ, то его къ суду для объявки приговора не выслали, а поѣхали къ нему въ крѣпость. Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, да канцлеръ, графъ Гавріилъ Головкинъ,

да тайный совѣтникъ Петръ Толстой, да я, и ему то осужденіе прочитали. Едва же царевичъ о смертной казни услышалъ, то зѣло поблѣднѣлъ и пошатался, такъ что мы съ Толстымъ едва успѣли подъ руки схватить и тѣмъ отъ паденія долу избавить. Уложивъ царевича на кровать и наказавъ охраненіе его слугамъ, да лекарю, мы отъѣхали къ его царскому величеству съ рапортомъ, что царевичъ приговоръ свой выслушалъ, и тутъ же Толстой, я, генералъ - поручикъ Бутурлинъ и лейбъ-гвардіи маіоръ Ушаковъ тайное приказаніе получили, дабы съѣхаться къ его величеству во дворецъ въ 1-мъ часу по полуночи.

Недоумѣвая ради коея вины сіе секретное собраніе будетъ, я прибылъ къ назначенному времени во дворецъ и былъ введенъ отъ дворцоваго камергера во внутренніе упокои и даже увидѣлъ царя сидяща и вельми горююща, а вокругъ его стояли: царица Екатерина Алексѣевна, Троицкій архимандритъ Ѳеодосій отъ Александровскаго монастыря, его же царь зѣло уважая за духовника и добраго совѣтодателя имѣяти, да Толстой, да Ушаковъ, а не было только Бутурлина, но и тотъ пріѣздомъ не замедлилъ. А какъ о нашемъ прибытіи царю оповѣстили, ибо ему за многими слезами, едва-ли видно самому было, то его величество всталъ и, подойдя къ блаженному Ѳеодосію, просилъ у него благословеніе, на что сей рекъ: „царю благій, помысли мало, да не кается будеши". А царь сказалъ: „Злу, отче святый, мѣра грѣховъ его, и всякое милосердіе отъ сего часа въ тяжкій грѣхъ намъ будетъ, и предъ Богомъ, и предъ славнымъ царствомъ нашимъ. Благослови мя, владыко, на указъ зѣло тяжкій моему родительскому сердцу и моли всеблагаго Бога, да проститъ мое окаянство". Тогда Ѳеодосій, воздѣвъ руки, помолился и благословилъ царя, глаголя: „да будетъ воля твоя, пресвѣтлый государь, твори якоже пошлетъ-ти на разумъ сердцевидецъ Богъ". Тогда царь приблизился къ намъ, въ недоумѣніи о волѣ его стоящимъ, и сказалъ: „слуги мои вѣрные, во многихъ обстоятельствахъ испытанные! се часъ наступилъ, да великую мнѣ и государству моему услугу сдѣлать; оный зловредный Алексѣй, его же сыномъ и царевичемъ срамлюся нарицати, презрѣвъ клятву предъ Богомъ данную, скрылъ отъ насъ большую часть своихъ преступленій и общенниковъ, имѣлъ въ умѣ да сіи послѣдніи о другомъ разѣ ему въ скверномъ умыслѣ на престолъ нашъ пригодятся, мы праведно негодуя за таковое нарушеніе клятвы, надъ нимъ судъ нарядили и тамо открыли многія и премногія злодѣянія, о коихъ намъ и въ помышленіе придти не могло. Судъ тотъ, якоже и вы всѣ вѣдаете праведно творя и на многіе законы гражданскіе и отъ св. писанія указуя, его царевича достойно къ понесенію смертныя казни осудилъ. Всѣмъ свѣдомо тер-

пѣніе наше о немъ, послабленіе до нынѣшняго часа, ибо давно уже за свои измѣны казни учинился достоинъ. Яко человѣкъ и отецъ и днесь я болѣзную о немъ сердцемъ, но яко справедливый государь на преступленія клятвы, на новыя измѣны уже нетерпимо и намъ, бо за всякія несчастія отъ моего сердолюбія отвѣтъ строгій дати Богу, на царство мя помазавшему и на престолъ россkія державы всадившему. Того ради, слуги мои вѣрные, спѣшно идите къ одру преступнаго Алексѣя и казните его смертію, якоже подобаетъ казнити измѣнниковъ государю и отечеству. Не хощу поругать царскую кровь всенародною казнію; но да совершится сей предѣлъ тихо и неслышно, якобы его умрети отъ естества предназначеннаго смертію. Идите и исполните, тако бы хощетъ законный вашъ государь и изволяетъ Богъ, въ его же державѣ мы вси есмы"!

Сіе глаголаше, царь новыя тучи исполнился, и аще бы не утѣшенія отъ царицы да не слова въ иноцѣхъ блаженнаго Θеодосія, толикѣ яко презельная горесть велій ущербъ его царскому здоровью приключила бы. Не вѣдано въ кое время и коимъ способомъ мы изъ царскаго упокоя къ крѣпостнымъ воротамъ достигли, ибо великость и новизна сего диковиннаго казуса весь умъ мой обуяла и долго бы я оттого въ память не пришелъ, когда бы Толстой напамятованіемъ объ исполненіи царскаго указа меня не возбудилъ. А какъ пришли мы въ великія сѣни, то стоящаго тутъ часоваго опознавши, ему Ушаковъ, яко отъ дежурства начальникъ дворцовыя стражи, отойти къ наружнымъ дверямъ приказалъ, яко бы стукъ оружія недугующему царевичу безпокойство творя, вредоносенъ быть можетъ. Затѣмъ Толстой пошелъ въ упокой, гдѣ спали по царевича постельничій, да гардеробный, да кухарный мастеръ, и тѣхъ онъ снова возбудивъ, велѣлъ немѣшкатно отъ крѣпостнаго караула трехъ солдатъ во дворъ послать и всѣхъ челядинцевъ съ тѣми солдатами яко бы къ допросу въ коллегію отправить, гдѣ тайно повелѣлъ подъ стражею задержать. И такъ во всемъ домѣ осталося лишь насъ четверо да единый царевичъ, и то спящій, ибо все сіе сдѣлалось съ великимъ опасательствомъ, да его безвременно не разбудятъ. Тогда мы елико возможно тихо перешли темные упокои и съ таковымъ же предостереженіемъ дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освѣщена отъ лампады, предъ образомъ горящей, и нашли мы царевича спяща, разметавши одежды якобы отъ нѣкоего соннаго и страшнаго видѣнія, да еще по времена и стонуща. А-бы и вправду недуженъ вельми, такъ что и св. причастія того дня вечеромъ, по выслушаніи приговора, сподобился страхомъ, да не умретъ, не покаявшись во грѣсехъ; съ поры его здравіе далеко лучше стало и по словамъ лекарей къ совершенному выздоровленію надежду крѣпкую

подавалъ. И нехотяще никто изъ насъ его мирно покоя нарушати, промежъ собою судяще, не лучше ли да его во снѣ смерти предать, и тѣмъ отъ лютаго мученія избавити. Обаче совѣсть на душу налегла, да не умретъ безъ молитвы. Сіе помысливъ и укрѣпясь силами, Толстой его царевича тихо толкнулъ, сказавъ: „ваше царское высочество, возстаните!“ онъ же открывъ очеса и недоумѣвая, что сіе есть, сиде на ложницѣ и смотряще на насъ, ничего же отъ замѣшательства вопрошая. Тогда Толстой, приступивъ къ нему поближе, сказалъ: „государь царевичъ, по суду знатнѣйшихъ людей земли русской ты приговоренъ къ смертной казни за многія измѣны государю родителю твоему и отечеству. Се мы, по его царскаго величества указу, пришли къ тебѣ тотъ судъ исполнити, того ради молитвою и покаяніемъ приготовься къ твоему исходу, ибо время жизни твоей близь есть къ концу своему“. Едва царевичъ сіе услышалъ, какъ вопль великій поднялъ, призывая къ себѣ на помощь, но изъ того успѣха не возымѣвъ, началъ горько плакатися и глаголя: „горе мнѣ бѣдному, горе мнѣ, отъ царскія крове рожденному, не лучше ли мнѣ родитися отъ послѣднѣйшаго подданнаго“. Тогда Толстой, утѣшая царевича, сказалъ: „государь, яко отецъ, простилъ тебѣ всѣ прегрѣшенія и будетъ молиться о душѣ твоей, но яко монархъ, онъ измѣнъ твоихъ и клятвъ нарушенія простить не могъ, боясь не кое заключеніе отечество свое повергнетъ чрезъ то, того для отвергни вопли и слезы единыхъ бабъ свойство и пріими удѣлъ свой, якоже подобаетъ мужу царскихъ кровь и сотвори послѣднюю молитву объ отпущеніи грѣховъ своихъ“. Но царевичъ того не слушалъ, а плакалъ и хулилъ его царское величество, нарекалъ дѣтоубійцей. А какъ увидѣли, что царевичъ молиться не хочетъ, то взявъ его подъ руки, поставили на колѣни и одинъ изъ насъ, кто же именно, отъ страха не упомню, говоритъ за нимъ: „Господи! въ руцы твои предаю духъ мой“; онъ же не говори того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Тогда той же мною яко Бутурлинъ рекъ: „Господи! упокой душу раба твоего Алексѣя въ селеніи праведныхъ, презирая прегрѣшенія его, яко человѣколюбецъ“. И съ симъ словомъ царевича на ложу спиною повалиши, и взявъ отъ возглавія два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движенія рукъ и ногъ утихли и сердце битеся перестало, что сдѣлалося скоро, ради его тогдашней немощи, и что онъ тогда говорилъ, того никто разбирать не могъ, ибо отъ страха близкія смерти ему разума потрясенія сталося.

А какъ то совершилося, мы паки уложили тѣло царевича якобы спящаго и помолядся Богу о душѣ, тихо вышли. Я съ Ушаковымъ близъ дома остались, да кто-либо изъ стороннихъ туда не войдетъ Бутурлинъ же, да Толстой къ царю съ донесеніемъ о кончинѣ царе-

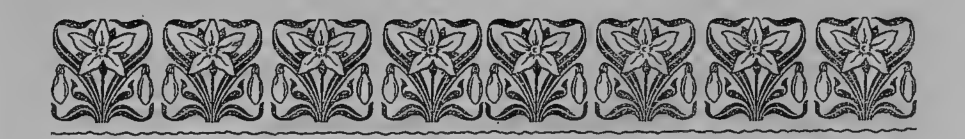
вичевой поѣхали. Скоро пріѣхали отъ двора г-жа Крамеръ и показавъ намъ Толстого записку, въ крѣпость вошла, и мы съ нею тѣло царевича опрятали и къ погребенію изготовили, обрекли его въ свѣтлыя царскія одежды. А стала смерть царевича гласна около полудня того дня, сіе есть 26-го іюня, якобы отъ кровянаго пострѣла умеръ. На третій же того день, тѣло его съ подобающею сыну цареву честію перенесено изъ крѣпости въ Троицкій соборъ, а 30-го числа въ склепъ поставлено въ Петропавловскомъ соборѣ близь тѣла его царевичевой супруги.

И все то дѣлалось уже, погребеніе и перенесеніе, при великомъ стеченіи народа и всякаго чина и званія людей по церемоніаламъ, отъ самого государя апробованнымъ, и было красно и чинно; а настоящей же смерти царевича никто не вѣдалъ. А на похоронахъ царь съ царицею былъ и горько плакалъ, мню, яко не о смертномъ случаѣ, а припамятуя, что изъ того сына своего желалъ добраго наслѣдника престолу сдѣлать, но ради скверныхъ его свойствъ, многія страданія перенесъ и вотще трудъ и желаніе свое погубилъ. Вся сія отъ искренности моея повѣдавъ, паки молю, да тайна отъ васъ пребудетъ, и да не явлюся измѣнникъ моего пресвѣтлаго довѣрителя; въ чемъ несумнѣнъ пребываю, ибо не знавъ васъ, того и подъ страхомъ смерти не написалъ бы вашему сыну, а моему вселюбезнѣйшему благопріятелю Ивану Дмитріевичу мое почтеніе отдайте, а я вамъ нижайшее творя поклоненіе, по гробъ мой пребуду вашимъ вѣрнѣйшимъ услужникомъ.

Іюня 27-го дня 1718 года, изъ С.-Петербурга. Ал. Румянцовъ.

Сообщилъ **А. А. Карасевъ.**

Воспоминанія о Горномъ корпусѣ.

(1853—1861 г.).

Сто тридцать два года прошло уже со дня основанія Горнаго института и чуть не сорокъ лѣтъ со времени преобразованія его изъ закрытаго въ открытое учебное заведеніе. Нынѣшняя внутренняя организація института не имѣетъ почти ничего общаго съ прежнею, и немного найдется лицъ, хорошо знакомыхъ съ прежними порядками и условіями кадетской жизни, заключавшими въ себѣ много хорошаго и еще до сихъ поръ живущими въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ горныхъ инженеровъ, обязанныхъ своимъ воспитаніемъ старому корпусу. Эти порядки, эта особая, замкнутая на нѣсколько лѣтъ въ стѣнахъ заведенія, жизнь питомцевъ его была на столько своеобразна и отлична отъ нынѣшней, студенческой жизни, что вѣроятно не будетъ лишена нѣкотораго интереса для читателей, тѣмъ болѣе, что кромѣ небольшой статьи Ардальона Иванова: „Мои воспоминанія о Горномъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1815 по 1822 годъ“, напечатанной, въ 1859 году, въ „Современникѣ“, не было помѣщено ни одной строки ни въ одномъ журналѣ объ этомъ старѣйшемъ изъ учебныхъ заведеній.

Мои же воспоминанія о Горномъ корпусѣ обнимаютъ періодъ времени съ 1853 по 1861 годъ, сохранившій почти всецѣло всѣ тѣ внутренніе порядки и правила, какіе установлены были еще съ 1847 года и продолжались вплоть до послѣдняго его преобразованія.

Прежде чѣмъ приступить къ воспоминаніямъ, я позволю себѣ познакомить читателей съ краткой исторіей этого высшаго горнаго учебнаго заведенія.

Великая государыня императрица Екатерина II, обращая особенное вниманіе на подземныя богатства нашего отечества и сознавая всю важность добычи и обработки рудъ, основанной на прочныхъ началахъ науки и требующей свѣдущихъ для того дѣятелей, соизво-

лила, 21-го октября 1773 года, основать въ Петербургѣ спеціальное учебное заведеніе, подъ названіемъ Горнаго училища.

На первыхъ порахъ, въ число учениковъ Горнаго училища предполагалось принимать студентовъ Московскаго университета, въ виду того, что они были уже надлежащимъ образомъ подготовлены къ слушанію наукъ, преподаваемыхъ въ вновь учрежденномъ заведеніи. Но такое правило пріема продолжалось не долго. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, въ студенты училища стали опредѣлять также дѣтей горныхъ чиновниковъ и вообще лицъ всякаго состоянія, почти совсѣмъ неподготовленныхъ къ слушанію высшихъ наукъ; поэтому, къ курсу спеціальныхъ наукъ вынуждены были присоединить и предметы гимназическаго курса. Слѣдствіемъ такого отступленія отъ первоначальныхъ правилъ было то, что черезъ десять лѣтъ пріемъ въ училище студентовъ Московскаго университета совершенно прекратился. Въ такомъ видѣ Горное училище просуществовало почти безъ всякихъ перемѣнъ до первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I-го.

Съ учрежденіемъ министерствъ, Горное училище было причислено къ министерству финансовъ и довольно быстро стало измѣняться къ лучшему. Во время управленія министерствомъ графа Васильева, былъ выработанъ планъ преобразованія этого учебнаго заведенія и составленъ особый уставъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 19-го января 1804 года. Горное училище было переименовано въ Горный кадетскій корпусъ; программа его расширилась, а средства къ обученію спеціальнымъ предметамъ значительно улучшились.

Младшіе воспитанники вновь преобразованнаго заведенія назывались кадетами; а старшіе—унтеръ-офицерами. Послѣдніе, съ пріобрѣтеніемъ этого званія, считались уже въ государственной службѣ и приносили на вѣрность въ подданствѣ установленную закономъ присягу.

Большое вліяніе на успѣшную дѣятельность лицъ, прошедшихъ курсъ наукъ въ корпусѣ, имѣли нѣкоторыя статьи устава, а именно: 1) окончившихъ курсъ ученія оставляли въ корпусѣ еще на одинъ годъ, для большаго усовершенствованія въ тѣхъ отрасляхъ познаній, которымъ они себя посвятили; и 2) выпускаемые изъ корпуса воспитанники не опредѣлялись тотчасъ же на службу съ офицерскими чинами, а должны были предварительно, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ званіи практикантовъ, осмотрѣть горные заводы и рудники и пріучиться къ служебнымъ порядкамъ. При этомъ практиканты обязывались представить начальству составленныя ими описанія горныхъ и заводскихъ устройствъ и только въ томъ случаѣ производились въ офицерскій чинъ, если описанія эти оказывались удовлетворитель-

ными. Кромѣ того, молодые горные чиновники, для большаго усовершенствованія въ своей спеціальности, командировались за границу и знакомились тамъ съ современнымъ состояніемъ горной и заводской промышленности. До 1811 года Горный корпусъ состоялъ въ вѣдѣніи Бергъ-коллегіи, а съ упраздненіемъ послѣдней, поступилъ въ вѣдѣніе Горнаго департамента, директоръ котораго считался главнымъ начальникомъ этого заведенія.

Въ 1834 году, одновременно съ учрежденіемъ корпуса горныхъ инженеровъ, для завѣдыванія распорядительною и искусственною частями горнаго, монетнаго и солянаго производствъ, Горный кадетскій корпусъ, за годъ передъ тѣмъ переименованный въ Горный институтъ, былъ вновь преобразованъ и получилъ новое устройство. Согласно устава, удостоившагося Высочайшаго утвержденія, Горный институтъ былъ непосредственно подчиненъ начальнику штаба корпуса горныхъ инженеровъ, а ближайшее завѣдываніе имъ было поручено особому директору. Общія правила воспитанія, обученія и управленія въ преобразованномъ заведеніи были заимствованы изъ Высочайше утвержденнаго для военно-учебныхъ заведеній устава.

Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ предназначался для образованія свѣдущихъ инженеровъ и чиновниковъ для службы горной. Сообразно съ этою цѣлью, ученіе въ немъ дѣлилось на двѣ части: приготовительную и горную; на каждую изъ нихъ назначалось по четыре класса, а впослѣдствіи на первую былъ прибавленъ еще пятый классъ. Воспитанники четырехъ низшихъ классовъ назывались кадетами, двухъ слѣдующихъ—кондукторами, а въ высшихъ обучались уже офицеры.

Образованіе воспитанниковъ по этому плану продолжалось до 1844 года, когда въ Бозѣ почившій императоръ Николай I соизволилъ поручить главное завѣдываніе горнымъ институтомъ его высочеству, герцогу Максимиліану Евгеніевичу Лейхтенбергскому. По представленію послѣдняго, были вскорѣ же упразднены офицерскіе классы, а оканчивавшіе курсъ въ заведеніи, смотря по степени ихъ успѣховъ, стали выпускаться на службу горными инженеръ-поручиками, подпоручиками, прапорщиками и горными чиновниками 12-го и 14-го классовъ. Общій курсъ ученія продолжался сперва девять, а затѣмъ восемь лѣтъ, изъ которыхъ три года приходилось на спеціальные, горные предметы. Когда я поступилъ въ Горный институтъ, послѣдній состоялъ изъ пяти приготовительныхъ и трехъ спеціальныхъ классовъ. Въ первыхъ преподавались всѣ предметы, входящіе въ составъ гимназическаго курса, за исключеніемъ древнихъ языковъ, а въ послѣднихъ—исключительно высшія горныя науки.

По горному уставу 1847 года, въ Горномъ институтѣ полагалось

125 казеннокоштныхъ и 75 своекоштныхъ пансіонеровъ. Изъ первыхъ двѣ трети замѣщались сыновьями горныхъ инженеровъ, горныхъ чиновниковъ и лѣсничихъ, откомандированныхъ въ распоряженіе горнаго вѣдомства, для завѣдыванія заводскими, лѣсными дачами.

Въ 1867 году горный институтъ подвергся послѣднему, можно сказать, коренному преобразованію и былъ превращенъ изъ закрытаго въ открытое, высшее горное учебное заведеніе, а обучающіеся въ немъ юноши стали называться студентами. Въ настоящее время Горный институтъ состоитъ изъ пяти курсовъ и пополняется преимущественно учениками, окончившими гимназіи и семи-классныя реальныя училища. Выдержавшіе повѣрочныя изъ нѣкоторыхъ предметовъ испытанія, ученики эти принимаются на первый курсъ института по конкурренціи и въ количествѣ, соотвѣтствующемъ числу открывшихся ваканій.

I.

Съ десятилѣтняго возраста я былъ зачисленъ кандидатомъ на одну изъ казенно коштныхъ вакансій Горнаго корпуса. Учился я, какъ и большинство моихъ сверстниковъ, отцы которыхъ, подобно моему, служили на казенныхъ заводахъ Урала, у одного изъ учителей окружнаго училища. Лица эти, не обладавшія достаточными знаніями, занимались обученіемъ своихъ учениковъ по самому примитивному и простому методу, задавая отъ сихъ и до сихъ, и спрашивая уроки по книжкѣ учебника. Понятно, что съ подобнымъ наставникомъ успѣхи мои въ области пріобрѣтенія научныхъ знаній не могли уйти особенно далеко. Въ одиннадцати-лѣтнемъ возрастѣ я, съ грѣхомъ пополамъ, зналъ кое-что изъ краткой священной исторіи ветхаго завѣта, четыре правила ариѳметики и имѣлъ самое смутное понятіе о географіи. Но зато по части чистописанія и даже скорописи я не уступалъ, пожалуй, и любому писцу заводской конторы. Что же касается иностранныхъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, то, благодаря счастливой случайности, мнѣ удалось познакомиться съ ними весьма достаточно, особенно съ первымъ, на которомъ я могъ даже довольно сносно болтать. Языки эти преподавала единственная въ заводѣ гувернантка-француженка, жившая у горнаго начальника, который былъ на столько обязателенъ, что разрѣшилъ ей, одновременно съ его дѣтьми, обучать и другихъ постороннихъ, а въ томъ числѣ и меня.

Сообразуясь съ спискомъ кандидатовъ, отецъ мой разсчиталъ, что

лѣтомъ 1853 года должна наступить моя очередь поступленія въ горный корпусъ. А потому, сознавая, что почерпнутыя мною отъ мѣстнаго наставника познанія далеко не достаточны, онъ уговорилъ одного молодаго горнаго инженера, Николая Александровича Грамматчикова, принять на себя трудъ подготовить меня къ предстоящимъ пріемнымъ испытаніямъ.

Еще недавно, всего года два тому назадъ, окончившій курсъ, Грамматчиковъ охотно и умѣло занялся со мною, обращая особенное вниманіе на ариѳметику и географію, какъ на предметы, изъ которыхъ я зналъ всего менѣе. По окончаніи полутора-часоваго урока, я нерѣдко проводилъ еще часокъ—другой у новаго учителя, жадно внимая его разсказамъ о кадетской жизни, о разныхъ корпусныхъ порядкахъ, разводахъ, парадахъ и т. п. Онъ такъ съумѣлъ заинтересовать меня всѣмъ этимъ, что мнѣ страстно захотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать въ Петербургъ и сдѣлаться горнымъ кадетомъ.

Такимъ образомъ, среди уроковъ и интересныхъ разсказовъ, время летѣло быстро, и я почти не замѣтилъ, какъ промелькнула зима и, вслѣдъ за весной, наступило лѣто.

Въ одинъ прекрасный день отецъ получилъ оффиціальное предложеніе приготовить меня къ отправкѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ дѣтскимъ караваномъ, въ Петербургъ, для опредѣленія тамъ въ Горный корпусъ.

Нужно замѣтить, что отправка съ уральскихъ заводовъ казеннокоштныхъ кандидатовъ въ столичныя учебныя заведенія производилась за счетъ казны, для чего, подъ управленіемъ особо назначавшагося горнымъ начальствомъ лица, формировались, такъ называемые, дѣтскіе караваны. Формировались они обыкновенно въ Екатеринбургѣ, куда къ 1-му іюля доставлялись родителями всѣ очередные кандидаты и сдавались тамъ, съ рукъ на руки, вмѣстѣ съ необходимыми документами, управляющему караваномъ. Послѣднему выдавались прогонныя деньги, лично ему, по его чину, и на одну лошадь для каждаго кандидата. Кромѣ того, на продовольствіе дѣтей, во время дороги, полагались еще особыя, суточныя деньги.

Въ помощь управляющему, а главное для оказанія медицинской помощи, въ случаѣ заболѣваній дѣтей дорогою, прикомандировывался еще или лекарскій помощникъ, или опытный старшій фельдшеръ изъ заводскаго госпиталя.

Въ распоряженіе управляющаго караваномъ предоставлялось необходимое число довольно удобныхъ казенныхъ тарантасовъ, которые, по минованіи въ нихъ надобности, продавались въ Москвѣ, какъ крайнемъ пунктѣ слѣдованія каравана сухимъ путемъ, на лошадяхъ.

По прибытіи каравана въ Петербургъ, управляющій обязанъ былъ подать, куда слѣдуетъ, установленныя о пріемѣ дѣтей въ учебныя заведенія прошенія, справиться о времени пріемныхъ испытаній, сопровождать кандидатовъ на эти послѣднія и, наконецъ, сдать ихъ, съ рукъ на руки, начальству тѣхъ заведеній, въ которыя они окажутся принятыми.

Въ 1853 году управляющимъ дѣтскимъ караваномъ былъ назначенъ бывшій сослуживецъ и пріятель моего отца, горный начальникъ Гороблагодатскихъ заводовъ, полковникъ Александръ Ильичъ Арсеньевъ.

Воткинскій заводъ, гдѣ служилъ въ это время мой отецъ, находился за четыреста слишкомъ верстъ отъ Екатеринбурга и только въ девятидесяти верстахъ отъ села Сосновскаго, расположеннаго на Казанскомъ трактѣ, какъ разъ на пути слѣдованія каравана. Поэтому, для избѣжанія излишней и напрасной поѣздки въ Екатеринбургъ, Арсеньевъ письменно предложилъ отцу доставить меня въ помянутое село къ 20-му іюля, къ каковому сроку, по его разсчету, онъ долженъ уже прибыть туда съ своимъ караваномъ.

Узнавъ объ этомъ, я не только не горевалъ о предстоящей разлукѣ съ родными, но былъ, напротивъ, очень радъ и съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать дня отъѣзда.

Вотъ, наконецъ, насталъ и этотъ желанный день. Это было 18-го іюля. Послѣ напутственнаго молебна и неизбѣжныхъ, при разставаніи, поцѣлуевъ, слезъ и объятій, мы съ отцомъ и матерью, выѣхали изъ завода и бойко покатили по дорогѣ къ селу Сосновскому.

Пріѣхавъ туда въ тотъ же день, поздно вечеромъ, и остановясь на почтовой станціи, мы еще около двухъ сутокъ должны были ожидать прибытія каравана. Но время это прошло незамѣтно. Погода стояла прекрасная, а окрестности села изобиловали живописными мѣстечками, которыя я съ удовольствіемъ обѣгалъ и осмотрѣлъ; кромѣ того не одинъ часъ просидѣлъ я на берегу протекавшей по близости рѣчки и съ наслажденіемъ отдавался своему любимому спорту—уженію рыбы. Въ станціонномъ домѣ устроились мы не дурно. Дома эти, въ прежніе годы, когда по Волгѣ и Камѣ не существовало еще пароходныхъ сообщеній, представляли собою нѣчто вродѣ небольшихъ гостиницъ, съ двумя - тремя, а въ городахъ и съ большимъ числомъ чистыхъ комнатъ. Въ каждомъ изъ нихъ имѣлись буфеты, изъ которыхъ проѣзжающіе могли получать обѣды, ужины, чай и коекакія закуски, иногда даже съ винами и напитками. Теперь же тамъ ничего подобнаго нѣтъ, и если путешественники не запасутся, на дорогу, провизіей, то рискуютъ порядкомъ наголодаться.

Какъ ни занятъ я былъ прогулками и уженіемъ, а все-же чутко

прислушивался къ звуку колокольцевъ подъѣзжавшихъ отъ времени до времени къ почтовой станціи экипажей. Но пока это были не тѣ, которыхъ я ожидалъ. Только въ полдень 21-го іюля, когда мы кончали уже нашъ завтракъ, послышались, наконецъ, звонко заливающіеся вдали колокольцы, а въ слѣдъ затѣмъ показались и несущіеся, по направленію къ станціи, шесть троечныхъ тарантасовъ, составлявшихъ, такъ сказать, поѣздъ дѣтскаго каравана. Въ первомъ изъ нихъ находились Арсеньевъ съ двумя сыновьями, а въ остальныхъ—девять мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 11 до 14 лѣтъ, и еще какой-то видный, высокаго роста, брюнетъ, оказавшійся прикомандированнымъ къ каравану помощникомъ лекаря.

Пока перепрягали лошадей, отецъ мой переговорилъ, о чемъ нужно, съ Александромъ Ильичемъ и передалъ ему мои документы. Я же, въ свою очередь, успѣлъ въ это время перезнакомиться съ тѣми изъ будущихъ своихъ товарищей, которыхъ еще не зналъ, а ихъ было большинство.

Но, вотъ, лошади готовы; вотъ еще и въ послѣдній разъ распростился я съ родителями и, усѣвшись въ тарантасъ съ однимъ изъ мальчиковъ и помощникомъ лекаря, помчался туда, на западъ, къ гранитнымъ берегамъ Невы, на которыхъ, во всей своей красѣ, широко раскинулась наша Сѣверная Пальмира.

Погода стояла чудесная, и весь путь до Москвы, благодаря удобнымъ и покойнымъ экипажамъ, мы совершили сравнительно скоро и незамѣтно. Все насъ, дѣтей, занимало дорогой: и встрѣчавшіяся на пути живописныя мѣстности, и убогія деревеньки, и многолюдныя, богатыя села, съ блестящими издали куполами и крестами своихъ церквей, и мощеныя улицы губернскихъ городовъ, съ ихъ красивыми и, сравнительно, большими зданіями и т. д. Но болѣе всего произвели на насъ впечатлѣніе старушка Москва, съ ея безчисленными храмами и многими памятниками старины, и Николаевская желѣзная дорога, о которой, до того времени, мы не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Ѣхали мы со всѣми удобствами. Каждый день, благодаря заботливости и предусмотрительности Арсеньева, ночевали или въ чистыхъ комнаткахъ большихъ и удобныхъ, почтовыхъ станцій, или въ лучшихъ нумерахъ городскихъ гостиницъ. По два раза на дню пили чай; вкусно и сытно завтракали и обѣдали.

Но не всѣ кандидаты совершали свое путешествіе въ Петербургъ подобно тому, какъ это привелось намъ. Порой управляющими дѣтскихъ каравановъ назначались лица недостаточныя или слишкомъ разсчетливыя, которыя старались соблюдать въ пути возможную экономію, брали меньше экипажей, тѣснѣе разсаживали въ нихъ своихъ

питомцевъ и не угощали ихъ радушно и сытно ни чаями, ни обѣдами, ни завтраками, а просто на просто выдавали имъ на руки, положенное каждому изъ нихъ, путевое довольствіе, что-то въ родѣ 25-ти или 30-ти копѣекъ въ сутки. Конечно, глупые мальчуганы, при первой же возможности, спѣшили истратить эти деньги на разныя дешевыя лакомства и нерѣдко совершали свой длинный путь съ тощими, или даже разстроенными желудками.

Въ Москвѣ прожили мы около двухъ сутокъ и, въ сопровожденіи помощника лекаря, успѣли осмотрѣть нѣкоторыя изъ ея достопримѣчательностей. Въ Петербургъ мы пріѣхали въ первыхъ числахъ августа и остановились въ одной изъ гостинницъ Васильевскаго острова.

Вскорѣ же по пріѣздѣ нашемъ, были назначены въ Горномъ корпусѣ пріемные экзамены, которые я выдержалъ довольно удовлетворительно и, по лѣтамъ (мнѣ было около 12-ти лѣтъ), поступилъ въ первый приготовительный классъ. Послѣ экзаменовъ, до 25-го августа, всѣхъ принятыхъ въ корпусъ кандидатовъ распустили по домамъ. Меня, въ сопровожденіи помощника лекаря, отправилъ Арсеньевъ къ моей бабушкѣ, матери отца, проживавшей въ то время, съ двумя сыновьями, моими дядями, въ Петербургѣ, въ Коломнѣ, около Покровской церкви. Съ бабушкой я видѣлся въ первый разъ и прожилъ у нея нѣсколько дней, остававшихся до срока явки въ корпусъ. Къ ней же, впослѣдствіи, я ходилъ въ отпускъ по праздникамъ. А какъ до извѣстнаго, а именно 4-го класса, насъ безъ провожатаго домой не отпускали, то за мною, наканунѣ праздниковъ, приходилъ обыкновенно одинъ изъ моихъ дядей.

Но, вотъ, наступилъ день явки въ корпусъ, и Александръ Ильичъ тепло и родственно, словно отецъ, распростившись съ нами, лично, съ рукъ на руки, сдалъ всѣхъ насъ корпусному начальству.

Какъ теперь помню я этотъ первый день, проведенный мною въ стѣнахъ корпуса. Незнакомыя лица начальства, толпы кадетъ разнаго возраста, обступившія новичковъ и по обыкновенію къ нимъ пристававшія, совсѣмъ особые порядки,—все это показалось мнѣ настолько чуждымъ и дикимъ, что я, не выронившій и слезинки при разлукѣ съ родителями, забился куда-то въ уголокъ и горько, прегорько расплакался. Впрочемъ, горе мое было непродожительно, тѣмъ болѣе, что, среди кадетъ я нашелъ своего кузена Л***, который былъ уже въ четвертомъ классѣ и охотно взялъ на себя трудъ— быть, на первыхъ порахъ, моимъ менторомъ и ознакомить меня съ корпусными порядками.

Благодаря этому обстоятельству, я вскорѣ же сталъ освоиваться съ окружающимъ и незамѣтно и постепенно свыкаться съ обычнымъ строемъ кадетской жизни.

Жизнь эта, совершенно особенная и замкнутая, устроенная на военный ладъ, съ военною дисциплиною, рѣзко отличалась отъ свободной жизни нынѣшнихъ воспитанниковъ Горнаго института. Но, несмотря на это, намъ, бывшимъ кадетамъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, жилось несравненно спокойнѣе и удобнѣе, чѣмъ большинству нынѣшнихъ студентовъ. А ужъ про отцовъ нашихъ, состоявшихъ на горной службѣ, я и не говорю. Съ нихъ не только были сняты всѣ заботы по образованію и воспитанію ихъ сыновей, но все это производилось еще за счетъ казны и не стоило имъ почти ни копѣйки. Теперь же, взамѣнъ такой громадной льготы, горнымъ инженерамъ выдается отъ казны на воспитаніе ихъ сыновей лишь по 200 рублей ежегодно и то только въ теченіе пяти лѣтъ. А между тѣмъ образованіе мальчиковъ, общее и высшее, стало требовать, вмѣсто прежнихъ 7—8-ми лѣтъ, уже minimum 12—13 и обходится очень дорого, до 7.500 рублей и даже болѣе. Кромѣ того служащимъ на заводахъ инженерамъ общее образованіе ихъ сыновей доставляетъ еще массу хлопотъ и заботъ, такъ какъ они вынуждены отправлять ихъ въ города, имѣющіе гимназіи или реальныя училища, и пріискивать имъ тамъ приличныя квартиры. А главное они лишены возможности лично слѣдить за ихъ нравственнымъ воспитаніемъ, что̀, въ дѣтскомъ возрастѣ, крайне важно и необходимо. Всѣ эти заботы и хлопоты далеко не легки и никакой матеріальной оцѣнкѣ не поддаются.

II.

Горный корпусъ, какъ извѣстно, находится на набережной р. Невы, между 20-й и 21-ой линіями Васильевскаго острова. Главное, двухъэтажное зданіе корпуса, выходящее на Неву, имѣетъ внушительный и красивый видъ. Большой, трехъ-угольный фронтонъ, украшенный двуглавымъ орломъ, поддерживается массивными колоннами. Красивое парадное крыльцо, съ двумя, стоящими по бокамъ его статуями, ведетъ въ обширную швейцарскую.

Къ этому главному зданію по ту и другую сторону его примыкаютъ, подъ прямымъ угломъ, двухъ-этажные же, съ подвальными этажами, каменные пристрои. Кромѣ того, нѣсколько, разной величины, также двухъ-этажныхъ строеній расположено какъ вдоль 21 и 22-й линій острова, такъ и внутри корпусной ограды. Всѣ зданія Горнаго корпуса, вмѣстѣ съ чистыми и черными дворами и большимъ садомъ, занимаютъ цѣлый громадный кварталъ города.

Въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія было устроено пять просторныхъ спальныхъ комнатъ, или камеръ, свободно вмѣщавшихъ отъ 25 до 35 воспитанниковъ, двѣ дежурныя и учебныя комнаты, малый рекреаціонный залъ, широкій корридоръ, цейхгаузы и уборныя, а въ томъ же этажѣ боковыхъ пристроевъ—квартиры директора и командира второй роты. Верхній этажъ состоялъ изъ четырехъ спальныхъ камеръ, одной дежурной и одной учебной комнаты, корридора, цейхгауза, уборной, конференцъ-зала, музеума и домовой церкви.

Въ особомъ пристроѣ, соединяющемъ вдающуюся внутрь ограды среднюю часть главнаго зданія съ лѣвымъ крыломъ его, были устроены пріемная для постороннихъ посѣтителей и большой рекреаціонный залъ, изъ котораго вела дверь въ карцеръ.

Въ лѣвомъ пристроѣ и слѣдующемъ, примыкающемъ къ нему, строеніи помѣщались: въ верхнемъ этажѣ—громадный столовый залъ, а въ нижнемъ—классныя комнаты, расположенныя по ту и другую сторону длиннаго корридора, идущаго по всей длинѣ пристроя; за классными комнатами слѣдовали учительская комната, гдѣ хранились въ шкафахъ учебники и письменныя принадлежности, и лазаретъ.

Лабораторія, баня, кухни, а также квартиры низшихъ служащихъ и прислуги находились въ подвальныхъ этажахъ зданій. Остальныя строенія были заняты квартирами разныхъ начальствующихъ лицъ и профессоровъ Горнаго корпуса.

Горный корпусъ, состоявшій подъ непосредственнымъ управленіемъ особаго директора, давалъ своимъ питомцамъ и общее и спеціальное образованіе. Для перваго имѣлось при немъ пять приготовительныхъ, а для послѣдняго—три спеціальныхъ класса.

Всѣхъ воспитанниковъ, или кадетъ, въ 1853 году, было до 250, изъ числа которыхъ около половины насчитывалось казеннокоштныхъ.

Всѣ корпусные офицеры являлись въ корпусъ ежедневно часа на полтора, для обученія воспитанниковъ своихъ отдѣленій фронтовому ученію; но двое изъ нихъ, исполняя суточныя дежурства по ротамъ, проводили по очереди въ стѣнахъ заведенія цѣлыя сутки, т. е. двадцать четыре часа, обѣдая и ужиная одновременно съ кадетами и проводя ночь на диванахъ дежурныхъ комнатъ.

Офицерскій обѣдъ и ужинъ состояли, въ общемъ, изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и кадетскія, но только мясныя кушанья приготовлялись гораздо тщательнѣе.

Все внѣклассное время воспитанники проводили въ спальныхъ камерахъ своихъ отдѣленій, а также въ маломъ и большомъ рекреаціонныхъ залахъ.

Всѣ будничные, т. е. учебные дни проходили въ стѣнахъ корпуса всегда въ одномъ и томъ же стройномъ и неизмѣнномъ порядкѣ.

Въ семь часовъ утра, барабанщикъ, расхаживая по корридорамъ около камеръ, билъ повѣстку и, вслѣдъ за нею, утреннюю зарю. Дежурные офицеръ и унтеръ-офицеры обходили отдѣленія и будили воспитанниковъ.

Въ три четверти восьмаго звуки барабана раздавались снова, кадеты строились въ двѣ шеренги, по отдѣленіямъ и, по командѣ своихъ старшихъ, направлялись въ малый рекреаціонный залъ, гдѣ примыкали къ другимъ отдѣленіямъ. Одновременно съ отдѣленіями появлялись въ залѣ командиръ роты и дежурный офицеръ. Изъ малаго рекреаціоннаго зала, по командѣ офицера, кадеты маршировали въ большой рекреаціонный залъ, гдѣ сходились обѣ роты и откуда направлялись уже въ столовую.

По утрамъ, вмѣсто чая, давали намъ по стакану сбитня [1]), съ молокомъ или безъ молока, смотря по тому, какъ кому нравилось, и по круглой трехъ-копѣечной свѣжей булкѣ.

Покончивъ со сбитнемъ, кадеты отправлялись въ роты, расходились по отдѣленіямъ и, усѣвшись передъ своими столами, занимались около часу подготовкой дообѣденныхъ уроковъ.

Около девяти часовъ, тѣмъ же порядкомъ обѣ роты маршировали въ классы.

Въ 12 часовъ дня, вмѣсто завтрака, давали намъ свѣжій, черный хлѣбъ съ солью, который въ корзинахъ разносили по ротамъ кухонные солдатики.

До часу мы были свободны и проводили время, по своему желанію, или въ камерахъ и залахъ, или въ хорошую погоду въ саду. Съ часу до двухъ начинались военныя ученія, уроки пѣнія, музыки, фехтованія, гимнастики и танцевъ; первые четыре изъ нихъ бывали ежедневно, а послѣдніе—два раза въ недѣлю, по средамъ и пятницамъ. Уроки музыки, фехтованія и пѣнія были не обязательны, и этимъ тремъ искусствамъ обучались только желающіе, а послѣднему еще и всѣ тѣ воспитанники, которые входили въ составъ пѣвческаго хора.

Обученіе новичковъ военной выправкѣ, маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ лежало на обязанности офицеровъ; а болѣе сложныя, военныя ученія, необходимыя для участвующихъ въ парадахъ и разводахъ воспитанниковъ, производились подъ непосредственнымъ руководствомъ баталіоннаго и ротныхъ командировъ.

Въ два съ половиною часа дня воспитанники шли обѣдать. Кормили насъ вообще недурно.

Оба ротные командира неизмѣнно и постоянно присутствовали за

---

1) Горячій напитокъ на меду съ разными специями.

обѣдомъ воспитанниковъ, прохаживаясь по столовому залу. Почти ежедневно же бывалъ въ это время въ столовой и баталіонный командиръ.

Послѣ обѣда до вечернихъ классовъ и около часа послѣ послѣднихъ кадеты были свободны и занимались, по своему усмотрѣнію, свойственными ихъ лѣтамъ играми и забавами.

Въ восемь часовъ вечера всѣ воспитанники садились къ своимъ столамъ и приготовляли заданные къ слѣдующему дню уроки; въ $9^1/_2$ часовъ ужинали и въ $10^1/_2$—ложились спать.

Почти каждый день, послѣ ужина, устраивалось въ одной изъ дежурныхъ комнатъ нѣчто въ родѣ домашнихъ, танцовальныхъ и музыкальныхъ вечеринокъ. Кто-нибудь изъ кадетъ или пѣлъ или игралъ на роялѣ; или любители танцевъ весело кружились подъ звуки вальса или польки, извлекаемые своимъ же таперомъ-воспитанникомъ, недостатка въ которыхъ никогда не было.

Такъ, изо дня въ день, постепенно и незамѣтно шла наша кадетская жизнь, шла ровно, спокойно, лишь изрѣдка прерываемая какими-нибудь случайными, жизненными невзгодами и даже подъ часъ довольно чувствительными грозами.

III.

Во время восьмилѣтняго пребыванія моего въ Горномъ институтѣ, директоромъ его былъ генералъ-маіоръ, Сергѣй Ивановичъ Волковъ, который въ семидесятыхъ годахъ, уже въ чинѣ полнаго генерала, занималъ постъ члена военнаго совѣта. Это былъ красивый, видный, почти совсѣмъ сѣдой мужчина, лѣтъ около сорока пяти, прекрасно воспитанный, съ изящными и аристократическими манерами. Онъ почти ежедневно посѣщалъ корпусъ, или во время классовъ, или во время обѣда, или въ другое какое-нибудь время, появляясь среди кадетъ всегда неожиданно. Нѣсколько разъ въ году, по субботамъ, онъ приглашалъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ, преимущественно танцоровъ, на дѣтскія танцовальныя вечеринки, которыя устраивалъ для своей старшей дочери, дѣвочки лѣтъ двѣнадцати.

Должность помощника директора и, вмѣстѣ, баталіоннаго командира, занималъ полковникъ Михаилъ Васильевичъ Аврамовъ, произведенный вскорѣ въ генералы. Старый холостякъ, нѣсколько суровый на видъ, строгій, но безпристрастный, и большой фронтовикъ, онъ большую часть времени проводилъ среди кадетъ, появляясь въ

корпусѣ съ 12 часовъ дня, а иногда и ранѣе. Его любимымъ мѣстомъ была площадка, передъ входомъ въ пріемную, гдѣ онъ подолгу простаивалъ, бесѣдуя то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ подходившихъ къ нему сослуживцевъ.

Командирами ротъ были: первой—подполковникъ Жуковскій и второй—полковникъ Валентинъ Платоновичъ Добронизскій. Жуковскаго я зналъ мало, такъ какъ всѣ восемь лѣтъ провелъ во второй ротѣ. По отзывамъ же товарищей, это былъ человѣкъ благовоспитанный, развитой, нѣсколько сдержанный и холодный въ обращеніи, но относившійся къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно и пользовавшійся вообще большимъ уваженіемъ подчиненныхъ.

Но, за то, Добронизскаго я зналъ прекрасно и, подобно своимъ товарищамъ, не могъ не оцѣнить по достоинству этого крайне симпатичнаго начальника.

Валентинъ Платоновичъ былъ пожилой, замѣчательно подвижной и въ высшей степени добрый человѣкъ. Ходилъ онъ всегда быстро, частыми и мелкими шажками, и безпрестанно слегка отплевывался, что̂ было слѣдствіемъ полученной имъ въ ротъ контузіи во время какой-то войны, въ которой онъ участвовалъ. Онъ всей душой, всѣми своими помыслами отдавался кадетамъ, любилъ ихъ, заботился о нихъ и даже, можно сказать, жилъ съ ними почти неразлучно. Словомъ, въ личности Добронизскаго мы имѣли рѣдкаго и примѣрнаго воспитателя, образъ котораго, какъ свѣтлый лучъ, до конца нашихъ дней будетъ озарять воспоминаніе о долгихъ годахъ, проведенныхъ нами въ корпусѣ.

Чуть, бывало, замѣтитъ онъ въ комъ-нибудь изъ насъ особую вялость или блѣдность лица, какъ уже сей часъ же встревожится и подзоветъ къ себѣ:

— А, тьфу, тьфу, поди-ка сюда! Что ты такъ блѣденъ?.. Нездоровъ? А? И, спрашивая, онъ заботливо оглядываетъ кадета и щупаетъ ему голову.

— Нѣтъ, ничего, полковникъ, я здоровъ, отвѣчаетъ послѣдній, или дѣйствительно чувствующій себя здоровымъ, или не желающій почему-либо идти въ лазаретъ.

— Врешь! Тьфу, тьфу, врешь! вотъ и головка горячая... Маршъ въ лазаретъ! Тьфу, тьфу... Сей часъ же... Слышишь!

Наказывалъ онъ вообще рѣдко и развѣ только самыхъ непослушныхъ и шаловливыхъ мальчиковъ. Непріятнѣе всего бывало ему прибѣгать къ розгамъ, что̂ дѣлалъ онъ всегда видимо неохотно, и сѣкъ обыкновенно слегка: не больно, единственно ради соблюденія формальности.

Вся простая и денежная корреспонденція, адресованная на имя

не ходившихъ въ отпускъ кадетъ, получалось ими черезъ Валентина Платоновича. Деньги на руки, за исключеніемъ кадетъ чиновныхъ, онъ никогда не отдавалъ, а хранилъ у себя, выдавая ихъ, въ извѣстные дни, по мелочамъ. Процедура выдачи совершалась всегда въ дежурной комнатѣ, гдѣ, окруженный кадетами, усаживался Добронизскій за столъ и вынималъ записную книжку.

— А сколько тебѣ? Тьфу, тьфу,—обращался онъ къ вызванному по очереди кадету.

— Полтинникъ, отвѣчалъ тотъ.

— Что? Полтинникъ! Тьфу, тьфу... Ахъ, ты, мотыга!.. Тьфу, тьфу... Будетъ съ тебя и двугривеннаго.

— Нѣтъ, полковникъ, дайте пожалуйста полтинникъ... мнѣ очень нужно, упрашивалъ кадетикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... тьфу, тьфу... И не проси. Больше тридцати копѣекъ не дамъ.

— Ну, хоть сорокъ... Пожалуйста...

И, получивъ свое, кадетикъ удалялся и уступалъ мѣсто слѣдующему.

Такимъ образомъ, почти всегда поторговавшись и выдавая или всю просимую сумму, или убавивъ отъ нея, по своему усмотрѣнію, раздавалъ Валентинъ Платоновичъ своимъ питомцамъ ихъ небольшія карманныя деньги.

На сколько сильна была привязанность Добронизскаго къ кадетамъ, на сколько глубоко онъ сжился съ заботами и попеченіями о нихъ, можно судить по тому, что, по преобразованіи Горнаго института въ открытое учебное заведеніе, онъ, находясь уже въ отставкѣ, нерѣдко заходилъ въ институтъ, печально обходилъ бывшія роты и отдѣленія и, подолгу останавливаясь на одномъ мѣстѣ, часто и грустно задумывался. Такое душевное состояніе не могло пройти для него безслѣдно. И, дѣйствительно, онъ сталъ замѣтно хилѣть и вскорѣ же затѣмъ скончался. Миръ праху твоему, добрый и честный начальникъ и воспитатель!

Въ должностяхъ корпусныхъ офицеровъ, завѣдующихъ отдѣленіями, состояли разныхъ полковъ военные офицеры. Въ мое время, я помню, были слѣдующіе: капитаны—Грибовскій, Матчинъ, Бѣляевъ; штабсъ-капитаны Спирингъ, Розлачъ и поручики—Сиверсъ, Цитовичъ, Жерве и Даниловъ. Грибовскій, Матчинъ и Спирингъ состояли по корпусу Горныхъ инженеровъ и носили горную, корпусную форму. Остальные сохраняли формы своихъ полковъ, а именно: Бѣляевъ и Розлачъ—Финляндскаго, Сиверсъ и Цитовичъ—Волынскаго, Жерве—Стрѣлковаго баталіона и Даниловъ—Павловскаго.

Всѣ эти офицеры были люди порядочные, но болѣе любимыми

кадетами считались Бѣляевъ и Спирингъ. Меньшимъ расположеніемъ и уваженіемъ пользовался Грибовскій. Не особенно далекій и большой хвастунъ, онъ нерѣдко служилъ мишенью для кадетскихъ шутокъ. Звали мы его, за глаза, Жибуномъ и Перфиксомъ. Послѣдній эпитетъ онъ получилъ по поводу слѣдующаго случая.

Какъ-то разъ, окруженный кадетами, говорилъ онъ хвастливо, что любитъ все лучшее и дорогое, а потому платье заказываетъ у извѣстныхъ портныхъ, а разныя, необходимыя вещи покупаетъ всегда въ лучшихъ магазинахъ.

— А гдѣ вы покупаете перчатки? спросилъ его одинъ изъ кадетъ.

— На Невскомъ, у Перфикса, отвѣчалъ Грибовскій.

При этомъ отвѣтѣ кадеты сдержанно разсмѣялись, тотчасъ же сообразивъ, что названная Грибовскимъ фамилія перчаточника есть ничто иное, какъ французское названіе крайней цѣны—prix fixe—крупными, золотыми буквами обыкновенно изображаемой на дверныхъ стеклахъ нѣкоторыхъ магазиновъ.

Должность инспектора классовъ занималъ горный инженеръ, подполковникъ, Петръ Алексѣевичъ Олышевъ, а его помощника—молодой инженеръ, поручикъ Павелъ Владиміровичъ Еремѣевъ [1]).

Спеціальныя науки читали профессоры, горные инженеры: Н. А. Ивановъ—аналитическую химію; П. А. Олышевъ—прикладную и Горную механику и Горное и маркейдерское искусство; Г. А. Тиме—теоретическую механику; Н. А. Кулибинъ—металлургію, галлургію и пробирное искусство; П. В. Еремѣевъ—минералогію; В. Г. Ерофѣевъ—палеонтологію; Г. П. Гельмерсенъ—геологію и геогнозію; другихъ вѣдомствъ І. Н. Сомовъ—высшій анализъ; Н. Н. Соколовъ—теоретическую химію и кристаллографію; инженеръ путей сообщенія Соколовъ—строительное искусство.

Общіе предметы преподавали: физику — Сомовъ 2-ой; начертательную геометрію и черченіе Н. И. Ольховскій; ариѳметику, алгебру и геометрію—Ф. А. Дерябинъ; Законъ Божій, древнюю и среднюю исторію—корпусной священникъ, протоіерей и магистръ богословія Рудаковъ; новую исторію и исторію Россіи Смарагдовъ; географію—Гергардъ; зоологію и ботанику—Долоцкій; архитектуру—Свіязевъ; общее законовѣдѣніе—Палибинъ; горные законы—Пригожій; русскій языкъ и словесность—Лебедевъ и Михайловъ; французскій языкъ—Филліонъ и Водаръ; нѣмецкій языкъ—Кизеветтеръ, Мейеръ и Тепферъ; рисованіе—Хруцкій и Семеновъ. Фамиліи остальныхъ преподавателей, къ сожалѣнію, не сохранились въ моей памяти.

---

[1]) Впослѣдствіи академикъ и членъ Горнаго совѣта и Горнаго ученаго комитета.

Всѣ, какъ спеціальныя, такъ и общеобразовательныя науки преподавались вообще довольно удовлетворительно. Менѣе успѣшно шло преподаваніе иностранныхъ языковъ и вѣроятно по той причинѣ, что всѣ преподаватели, за исключеніемъ Кизеветтера, очень плохо объяснялись по-русски, и потому еще, что на практическія занятія этими языками не обращалось должнаго вниманія. Хотя для кадетъ старшихъ классовъ и существовали внѣ-классные уроки практическаго изученія французскаго языка, но уроки эти считались не обязательными и посѣщались, сравнительно, немногими. Что же касается рисованія, то преподаваніе этого искусства оставляло желать многаго. Учителя рисованія, какіе-то свободные художники, относились къ дѣлу небрежно, даже неумѣло, и любившимъ рисованіе кадетамъ положительно никакой пользы не оказывали. Не придерживаясь никакой системы, не ознакомивъ своихъ учениковъ даже съ самыми элементарными понятіями о перспективѣ и строеніи человѣческаго тѣла, они просто на просто заставляли ихъ копировать карандашомъ, съ разныхъ рисунковъ, изображавшихъ людей, животныхъ и всевозможные пейзажи. Поэтому не только большинство кадетъ, но даже и тѣ, немногіе изъ нихъ, которые чувствовали особенное влеченіе къ рисованію и, еще до поступленія въ корпусъ, рисовали весьма недурно, не имѣли ни средствъ, ни возможности развить свои способности, прогрессировать въ любимомъ исскусствѣ и сдѣлаться, быть можетъ современемъ, далеко незаурядными художниками.

Такое небрежное отношеніе къ рисованію казалось и страннымъ, и непонятнымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ остальныя искусства, каковы музыка и пѣніе, преподавались и добросовѣстно, и умѣло, и многіе кадеты оказали въ нихъ весьма значительные успѣхи. Причина этому, надо полагать, крылась въ томъ, что никто изъ начальствующихъ лицъ не чувствовалъ склонности къ живописи и не придавалъ ей поэтому никакого существеннаго значенія.

Почти всѣ профессоры и преподаватели пользовались нашей симпатіей. Исключеніе составляли весьма немногіе и въ числѣ послѣднихъ, особенно Мейеръ. Кадеты не любили его за то, что онъ часто и при томъ изъ-за всякихъ пустяковъ жаловался на нихъ начальству. Мейеръ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень худощавый съ большимъ носомъ, высокій, съ непропорціонально длинными ногами и очень плохо говорилъ по-русски. Звали его за глаза цаплей. И дѣйствительно фигура нѣмца, во фракѣ, когда онъ большими шагами ходилъ по классу, ужасно напоминала собою эту долгоногую и долгоносую птицу. Передъ его уроками, на всѣхъ классныхъ доскахъ рисовались обыкновенно цапли; ихъ же ухитрялись кадеты изображать мѣломъ и на фалдахъ его фрака.

Нѣкоторые изъ нашихъ учителей выдѣлялись своими особенностями и привычками. Такъ Водаръ, почтенный уже старичекъ, постоянно во время урока, жевалъ лакрицу. Дерябинъ, котораго за глаза звали Фрицемъ, частенько угощалъ насъ, за ошибки въ цифрахъ и знакахъ, весьма чувствительными щелками. Гергардъ острилъ надъ незнавшими урока и изводилъ ихъ своими жалкими и полными сарказма фразами. Долоцкій, устремивъ взоръ на одну точку, на столько глубоко иногда задумывался, что совсѣмъ не слушалъ урока, который ему отвѣчали, чѣмъ конечно кадеты пользовались и часто, на потѣху товарищей, вмѣсто того, чтобы говорить о какомъ-нибудь млекопитающемъ, разсказывали сказки.

IV.

Провинившіеся въ чемъ-либо кадеты подвергались различнымъ наказаніямъ, сообразно совершенныхъ ими проступковъ.

За проступки крупные, а также за очень дурныя отмѣтки и за куреніе виновные подвергались заключенію въ карцеръ и даже наказанію розгами. Послѣднее производилось обыкновенно въ цейхгаузѣ и, только въ случаяхъ исключительныхъ, за особенно важные проступки, передъ всею ротою и даже передъ всѣмъ корпусомъ, въ маломъ или большомъ рекреаціонномъ залѣ.

Послѣднія два, такъ сказать, публичныя и позорныя наказанія имѣлъ право налагать только педагогическій совѣтъ, состоящій изъ разныхъ начальствующихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ директора. Но подвергать заключенію въ карцеръ и тѣлесному наказанію въ цейхгаузѣ могли и нѣкоторыя отдѣльныя лица, а именно: директоръ, его помощникъ, инспекторъ и ротные командиры. Что же касается корпусныхъ офицеровъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, то имъ предоставлялось право налагать всѣ остальныя, такъ сказать, болѣе легкія наказанія.

За всѣ восемь лѣтъ пребыванія моего въ корпусѣ было только два случая публичнаго наказанія розгами: одинъ—передъ ротой, за умышленно нанесенный ударъ кулакомъ въ спину дежурнаго офицера, при выходѣ его съ толпой воспитанниковъ изъ класса, по окончаніи уроковъ, и другой—за обозваніе дуракомъ, во время урока, учителя рисованія.

Каждый разъ, когда кадеты бывали въ саду, появился тамъ и постоянный разносчикъ нашъ Гришка, съ неизмѣннымъ лоткомъ и

корзиною, наполненными фруктами, конфектами, пирожнымъ и булочками и тому подобными, вкусными вещами. Всѣ это раскупалось и тутъ же съ аппетитомъ и удовольствіемъ уничтожалось болѣе состоятельными воспитанниками.

Нѣсколько разъ въ году, въ праздничные дни, дозволялось кадетамъ устраивать концерты, которые бывали всегда въ конференцъ-залѣ и на которые собиралось обыкновенно все корпусное начальство съ своими семействами. Концерты эти, по отзывамъ посѣщавшей ихъ публики, сходили всегда прекрасно. Среди кадетъ выдѣлялось нѣсколько весьма недурныхъ исполнителей-солистовъ, какъ пѣвцовъ, такъ и музыкантовъ. Играли на многихъ инструментахъ: и на роялѣ, и на скрипкѣ, и на віолончели; пѣли дуэты, тріо, квартеты. Но особенно хорошо были поставлены хоры, которые, подъ руководствомъ учителя пѣнія, П. В. Падалка, исполняли нерѣдко весьма трудныя піесы, преимущественно изъ современныхъ оперъ. Нечего и говорить, что юные артисты, щедро и по заслугамъ, награждались всегда громкими и дружными аплодисментами публики.

Разъ въ году, обыкновенно зимою, въ заранѣе назначенный начальствомъ день, устраивался въ корпусѣ большой балъ. Въ этотъ день рекреаціонный и конференцъ-залы и пріемная комната красиво декорировались зеленью и ярко освѣщались всевозможными бра, люстрами и лампами; приглашался прекрасный бальный оркестръ; въ антрактахъ, между танцами, разносили чай, дессертъ, фрукты и напитки. Гостей, состоявшихъ, кромѣ своихъ корпусныхъ, изъ семействъ родителей и родственниковъ кадетъ, собиралось на этомъ балу очень много, чуть ли не до тысячи человѣкъ, если еще не болѣе. Каждый кадетъ имѣлъ право пригласить опредѣленное число мужчинъ и дамъ; но нѣкоторые приглашали обыкновенно больше, записывая сверхкомплектныхъ на имя своихъ товарищей, не имѣвшихъ въ Петербургѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ.

Всѣ хорошо танцовавшіе кадеты, которымъ раздавали передъ баломъ бѣлыя, замшевыя перчатки, неутомимо и съ увлеченіемъ носились по залѣ въ вихрѣ вальса, польки или мазурки. Но и неучаствовавшіе въ танцахъ кадеты, особенно младшихъ классовъ, такъ же были довольны и веселы: на ихъ долю перепадали и лишній стаканъ чая, со сливками и вкуснымъ печеніемъ, и кондитерскія конфекты, и фрукты, и другія лакомства.

Балы Горнаго корпуса нравились почему-то посѣщавшимъ ихъ лицамъ болѣе, чѣмъ балы другихъ кадетскихъ корпусовъ. Поэтому многіе, особенно изъ военной молодежи, не имѣвшіе среди горныхъ кадетъ знакомыхъ или родственниковъ, добивались всѣми силами заполучить пригласительные билеты. Для этого они заявлялись въ

корпусъ, вызывали кого-нибудь изъ кадетъ въ пріемную и просили его включить ихъ въ число своихъ родственниковъ; это большею частію имъ и удавалось.

Изрѣдка, не болѣе раза въ теченіе года, устраивались также и домашніе спектакли, при чемъ всѣ роли, а слѣдовательно и женскія, исполнялись исключительно кадетами. Сцена, со всѣми необходимыми декораціями, ставилась обыкновенно въ большомъ рекреаціонномъ залѣ. Въ день спектакля приглашался парикмахеръ, появлявшійся съ цѣлымъ коробомъ париковъ, усовъ, бородъ и другихъ принадлежностей грима; доставались откуда-то всевозможные, какъ мужскіе, такъ и дамскіе костюмы и вообще все, что только требовалось для обстановки сцены и исполненія выбранныхъ къ представленію піесъ. Само собой, что расходы на это относились на счетъ какихъ-то особыхъ суммъ корпуса.

Зрителей, состоявшихъ изъ лицъ корпуснаго начальства, ихъ семействъ, родителей и родственниковъ кадетъ, набиралось такъ много, что большой залъ нашъ бывалъ всегда переполненъ публикою.

Спектакли, какъ и концерты, сходили всегда удачно, а женскія роли исполнялись на столько хорошо и естественно, что многіе зрители, особенно мужчины, не хотѣли вѣрить, что какая-нибудь красивая, стройная и граціозная дѣвушка, кокетливо ведущая свои сцены, дѣйствительно изображалась кадетомъ. И только тогда убѣждался въ этомъ невѣрующій, когда уводили его за кулисы и знакомили съ миловиднымъ артистомъ.

Въ антрактахъ между дѣйствіями или піесами, молодежь обыкновенно усердно и весело отплясывала, подъ звуки довольно порядочнаго корпуснаго оркестра.

Водили также, во время рождественскихъ праздниковъ, остававшихся въ корпусѣ кадетъ въ Александринскій, Большой или Маріинскій театръ. Для этого, за счетъ корпуса, покупалось нѣсколько ложъ, въ которыхъ, съ дежурнымъ офицеромъ, размѣщалось по восьми и болѣе воспитанниковъ. Позволялось ходить въ театръ и на свой счетъ, но только въ праздничные дни и непремѣнно въ ложи и въ сопровожденіи одного изъ корпусныхъ офицеровъ; въ этихъ случаяхъ ложи покупались въ складчину и обходились весьма недорого.

Ежегодно еще, 19-го января, праздновался день основанія Горнаго корпуса. Послѣ обѣдни, въ домовой церкви корпуса, служился молебенъ. Обѣдъ состоялъ изъ нѣсколькихъ вкусныхъ блюдъ; къ чаю подавались лимонъ, сливки и печеніе. Послѣ обѣда раздавались лакомства, а вечеромъ всѣхъ остававшихся на этотъ день въ корпусѣ кадетъ водили въ одинъ изъ театровъ, на драму, балетъ или оперу.

Пожалуй также однимъ изъ развлеченій служило для насъ и

посѣщеніе ежегодной, академической выставки. Въ назначенный для этого день, мы въ классы уже не ходили и все время, съ утра до обѣда, проводили въ громадныхъ залахъ академіи художествъ, съ удовольствіемъ разсматривая прекрасныя произведенія нашихъ русскихъ художниковъ.

Больные кадеты помѣщались въ лазаретѣ, гдѣ пользовались самымъ тщательнымъ уходомъ. Вслѣдствіе этого смертность среди нихъ была, сравнительно, весьма незначительная. За восемь лѣтъ пребыванія моего въ корпусѣ, умерло не болѣе десяти воспитанниковъ.

Прежде чѣмъ закончить главу и перейти къ личнымъ воспоминаніямъ о первыхъ и послѣдующихъ за ними дняхъ, проведенныхъ мною въ корпусѣ, я не могу не сказать нѣсколько словъ о прочно утвердившейся въ этомъ заведеніи мѣновой торговлѣ кадетъ. Возникшая чуть ли не съ первыхъ лѣтъ основанія корпуса, торговля эта, одинаково процвѣтая, продолжалась вплоть до преобразованія его въ открытое заведеніе. Предметами ея служили лакомства, тетради, карандаши, бумага, перья и другія, подобныя вещи, которыя вымѣнивались на булки, пироги или ватрушки, а послѣдніе—одни на другіе, смотря по тому, кто чему отдавалъ предпочтеніе. Существованіе мѣновой торговли было извѣстно корпусному начальству, которымъ она, какъ дѣяніе совершенно невинное, если и не поощрялась, то отнюдь не преслѣдовалась.

V.

Первые дни поступленія моего въ корпусъ ознаменовались весьма непріятнымъ для меня случаемъ. Это было передъ обѣдомъ, въ одинъ изъ теплыхъ и ясныхъ дней послѣднихъ чиселъ августа. Кадеты гуляли по обыкновенію въ саду и забавлялись разными играми. Какъ новичекъ, я еще не принималъ въ нихъ участія и только внимательно присматривался къ тому, что кругомъ меня дѣлалось. Мое вниманіе привлекла между прочимъ кучка кадетъ, собравшаяся на искусственной горѣ, внутри которой устроенъ былъ образцовый рудникъ, съ шахтами и штольнями. Гора эта, крутыми, покрытыми дерномъ, скатами спускалась къ садовой площади и корпуснымъ зданіямъ. Я подошелъ къ кадетамъ и увидѣлъ, что они забавлялись весьма нехитрой игрой, а именно сталкивали другъ друга съ горы. Столкнутые мальчики или скатывались, упавъ, по травѣ или быстро сбѣгали, и чтобы не ушибиться, съ разбѣга, о стѣну зданія, упирались въ нее руками. Глазѣя на эту забаву и недоумѣвая,—что находятъ въ ней интерес-

наго, стоялъ я себѣ смирненько, какъ вдругъ кто-то изъ сзади меня стоявшихъ кадетъ сильно толкнулъ меня въ спину. Внезапно подавшись впередъ, я невольно толкнулъ въ свою очередь, стоявшаго передо мной какого-то тщедушнаго и слабосильнаго новичка. Послѣдній, распустивъ руки, полетѣлъ внизъ, по скату, и не успѣвши опереться о каменную стѣну зданія, ударился о нее и довольно сильно расшибся. Онъ разсѣкъ себѣ щеку, разбилъ носъ и, обливаясь кровью, такъ разревѣлся, что привлекъ къ себѣ вниманіе дежурнаго офицера.

Начались обычные въ такихъ случаяхъ разспросы и допросы. Толкнувшій меня шалунъ-кадетъ, убоясь послѣдствій своего поступка, всю вину свалилъ на меня. Какъ я ни оправдывался, какъ ни старался убѣдить въ своей неповинности, мнѣ не повѣрили и повели меня, раба Божія, къ ротному командиру.

Страшно перепуганный и заплаканный, стоялъ я передъ Добронизскимъ, снова увѣряя, что это сдѣлалъ не я, что меня самого толкнули, но, увы, все было тщетно.

— Ты все врешь! Тьфу, тьфу... Врешь!.. Да! кричалъ на меня Валентинъ Платоновичъ:—ты дрянной мальчикъ, тьфу, тьфу... Дрянной!.. Я тебя высѣку... тьфу, тьфу, больно высѣку... Маршъ за мной! И Добронизскій мелкими и частыми шажками направился къ цейхгаузу.

Я, покорно и полный безъисходнаго отчаянія, шелъ за нимъ, потерявъ всякую надежду на прощеніе и снисхожденіе. Но, не дойдя до цейхгауза, Валентинъ Платоновичъ остановился и, тронутый моимъ отчаяніемъ, еще разъ чувствительно распушилъ меня и, вмѣсто наказанія розгами, присудилъ стоять, во время обѣда, посреди столоваго зала, на колѣняхъ.

Послѣ распечки Добронизскаго я подвергся еще строгому и рѣзкому выговору баталіоннаго командира и даже самого директора, какъ разъ въ этотъ день заявившагося въ столовую и увидѣвшаго меня стоящимъ на колѣняхъ.

Только-что успѣли мы вернуться съ обѣда въ роту, какъ ко мнѣ подошелъ какой-то кадетъ.

— А ты еще дешево отдѣлался, сказалъ онъ: — я думалъ, что высѣкутъ.

Я молчалъ.

— Ты видѣлъ, кто тебя толкнулъ?

— Нѣтъ.

— А хотѣлъ бы знать?

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Ты могъ бы оправдаться.

— Теперь это безполезно; да и все равно я бы его не выдалъ.

— Молодецъ! Хвалю. Но, все же, я скажу тебѣ по секрету, что тебя толкнулъ я.

— Вы?!

— Да, я. Моя фамилія Кронъ. Ты, я вижу, парень хорошій. Будемъ знакомы и говори мнѣ съ этихъ поръ ты. Согласенъ?

Я конечно охотно согласился и даже считалъ себя нѣсколько польщеннымъ предложеніемъ быть на ты съ третьеклассникомъ.

Но этимъ признаніемъ настоящаго виновника проступка, за который я безвинно перенесъ наказаніе, еще не закончился печальный эпизодъ первыхъ дней пребыванія моего въ корпусѣ.

Въ первую же субботу, переодѣваясь, у своей кровати, чтобы идти въ отпускъ къ бабушкѣ, я весело болталъ съ пришедшимъ за мною дядей. Я уже почти былъ готовъ, какъ вдругъ въ отдѣленіи появился директоръ и подошелъ къ намъ. Я поклонился, а дядя представился генералу.

— Очень радъ и какъ разъ кстати, заговорилъ Волковъ:—Я долженъ вамъ сказать, что племянникъ вашъ дрянной мальчикъ; онъ позволяетъ себѣ непростительныя шалости и если такъ же будетъ продолжать далѣе, то его выключатъ. Имѣйте это въ виду и внушите ему, чтобы онъ постарался исправиться. До свиданья!

Директоръ пошелъ дальше, а я, униженный его словами, стоялъ какъ въ воду опущенный, съ навернувшимися на глазахъ слезами горькой обиды и незаслуженнаго мною обвиненія.

Само собой, что, придя къ бабушкѣ, я чистосердечно разсказалъ ей все, что со мной было, и успѣлъ убѣдить, какъ ее, такъ и дядей въ моей неповинности.

Дома меня, съ тѣхъ поръ, какъ только сталъ я себя помнить, почти никогда не наказывали, особенно такъ позорно и строго, а потому естественно, что это первое, незаслуженно перенесенное мною наказаніе произвело на меня весьма сильное и тяжелое впечатлѣніе. Я сталъ крайне остороженъ и, несмотря на то, что отъ природы былъ бойкимъ и подвижнымъ мальчикомъ, старался избѣгать всѣхъ шумныхъ игръ, а особенно разныхъ дѣтскихъ шалостей, дабы еще разъ не пострадать невинно.

Благодаря подобной тактикѣ, въ продолженіе восьмилѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ, я не подвергался уже никакому, даже самому легкому наказанію.

Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль я успѣлъ короче познакомиться съ своими одноклассниками и другими кадетами, помѣщавшимися въ одномъ со мною отдѣленіи. Въ моемъ классѣ было около двадцати новичковъ и пять старыхъ воспитанниковъ, оставшихся въ этомъ

классѣ на второй, а двое изъ нихъ—даже на третій годъ. Старшему изъ послѣднихъ было уже 16 лѣтъ. Не обладая способностями и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнивый отъ природы, онъ отличался за то значительною физическою силою и, сравнительно, большимъ ростомъ. Силу эту, при первомъ же съ нимъ знакомствѣ, я испыталъ на себѣ и узналъ, между прочимъ, дорогу въ Москву и другія, подобныя, далеко непріятныя вещи. Закрутивъ мнѣ правую руку на спину и проведя, крѣпко нажимая пальцемъ по коротко остриженнымъ волосамъ, съ низа затылка къ верху, онъ самодовольно изрекъ:

— Вотъ тебѣ и дорога въ Москву. Не хочешь ли проѣхаться вторично?

Я конечно не захотѣлъ и поспѣшилъ удалиться отъ своего тирана-товарища.

Подобныхъ субъектовъ, въ мое время, въ трехъ младшихъ классахъ насчитывалось человѣкъ до пяти. Всѣ они были или малоспособны, или чрезвычайно лѣнивы. Нѣкоторые изъ нихъ, проведя въ корпусѣ четыре-пять лѣтъ, не добирались даже и до третьяго, приготовительнаго класса. По своимъ лѣтамъ и росту, они представляли довольно рѣзкій контрастъ съ своими одноклассниками, большинству которыхъ было не болѣе тринадцати лѣтъ. Встрѣчались, среди нихъ, и на столько уже возмужалые, что имъ приходилось прибѣгать къ бритвѣ, для уничтоженія недозволенной, по правиламъ корпуса, растительности надъ верхней губой, на щекахъ и подбородкѣ.

Эти, страшные, при первомъ знакомствѣ, для новичковъ, старые, засидѣвшіеся въ классахъ кадеты вскорѣ же оказывались не только совершенно безобидными, но даже весьма симпатичными, добрыми и хорошими товарищами. Неисправимые лѣнтяи, какъ чортъ ладона боявшіеся учебниковъ и всевозможныхъ книжекъ, они все свободное и учебное время проводили въ своихъ излюбленныхъ и своеобразныхъ занятіяхъ. Одни собирали насѣкомыхъ, растенія и терпѣливо возились надъ составленіемъ коллекцій; другіе вѣчно копошились надъ изготовленіемъ фонариковъ, коробокъ и другихъ вещей изъ картона и дерева; третьи приручали крысъ и мышей, которыхъ держали въ ящикахъ тумбъ и которыя такъ привыкали къ своимъ хозяевамъ, что не только принимали изъ ихъ рукъ пищу, но преспокойно и безбоязненно разгуливали по ихъ рукамъ и сидѣли на ихъ колѣняхъ.

Подобные старички-кадеты, представлявшіе собою какой-то особый типъ, назывались бурбонами.

Грубоватые по манерамъ, сильные физически, выносливые и считавшіе за стыдъ не только распустить нюни вообще, но даже и подъ ударами розогъ, они обладали и другими, точно имъ однимъ присущими свойствами: ненавидѣли танцы, были нечистоплотны, неряш-

ливы, любили плотно покушать, поспать лишній часокъ подъ партами, во время урока, начинали рано курить, считались лучшими гимнастерами и партнерами въ лапту, городки, свайку и тому подобныя игры, требующія физической силы и ловкости. Жаловаться, или, по-кадетски, фискалить на товарищей и выдавать ихъ, при случаѣ, начальству считалось у бурбоновъ самымъ нечестнымъ и предосудительнымъ поступкомъ.

Кромѣ этого типа, существовалъ еще и другой, прямо противоположный. Принадлежавшіе къ нему кадеты отличались аккуратностью и опрятностью, любили лакомства, старались держаться на виду у начальства и подальше отъ товарищей, особенно во время какой-нибудь затѣваемой имъ недозволенной шалости. Они явно лебезили передъ корпусными офицерами и учителями, заискивали въ нихъ, угождали ими и, при каждомъ удобномъ случаѣ, наушничали на одноклассниковъ, выдавая ихъ съ головою. Блудливые, какъ кошки, блудили они осторожно, потихоньку, чтобы не попасться начальству, ибо трусость имъ была такъ же присуща, какъ и зайцамъ, если еще не болѣе. Избалованные дома, изнѣженные и слабосильные, они избѣгали тѣлесныхъ упражненій, но за то нерѣдко первенствовали въ танцъ-классахъ и на урокахъ музыки и пѣнія. Сознавая себя недолюбливаемыми товарищами, они сторонились ихъ, особенно бурбоновъ, не очень-то съ ними церемонившихся и частенько проявлявшихъ на нихъ свои силы на столько чувствительно, что слѣды этого проявленія только чрезъ нѣсколько дней окончательно сглаживались.

Кадеты этого типа назывались кантонистами. И дорого же платились иногда такіе кантонисты за ихъ далеко небезупречныя и неприглядныя дѣйствія. Случалось, что по цѣлымъ мѣсяцамъ никто изъ товарищей не разговаривалъ съ ними, и они, какъ паріи, оставались совершенно одинокими, подъ гнетомъ общаго, неумолимаго презрѣнія, доводившаго ихъ порою до того, что они нарочно оставались на другой годъ въ томъ же классѣ, чтобъ только избавиться отъ прежнихъ одноклассниковъ и тѣмъ улучшить въ новой средѣ свое положеніе.

Вообще, въ мое время, направленіе, котораго держались кадеты, было, поистинѣ, прекрасное. Все неприглядное, въ нравственномъ отношеніи, какъ-то: заискиваніе, лесть, обманъ, ложь, скупость, попрошайство и вообще всѣ гаденькіе и нечестные поступки строго порицались и клеймились презрѣніемъ большинства. А это несомнѣнно оказывало въ высшей степени благотворное вліяніе на иныхъ, нравственно нечистоплотныхъ воспитанниковъ, особенно если нѣкоторыя дурныя свойства характера еще не успѣли пустить въ нихъ слишкомъ глубокіе корни.

VI.

Недѣли три, или около мѣсяца всѣ новички, пока не научились становиться во фронтъ и отдавать честь офицерамъ, ходили въ отпускъ въ своемъ партикулярномъ платьѣ. Я помню, какъ каждый изъ новичковъ стремился поскорѣй облечься въ форму и старался всѣми силами какъ можно скорѣе изучить не особенно хитрую процедуру отдаванія чести. Еще живѣе припоминается мнѣ та суббота, въ которую я первый разъ облекся въ форменный, кадетскій костюмъ. Онъ настолько занималъ меня, что я, придя къ бабушкѣ, по нѣсколько разъ на дню, разсматривалъ себя, украдкой, въ зеркалѣ и на другой же день заказалъ дагеротипный портретъ съ своей особы и вскорѣ отправилъ его къ родителямъ.

Воспитанники трехъ низшихъ классовъ увольнялись въ отпускъ на праздники только тогда, когда за ними приходили ихъ родители или родственники, или прислуга послѣднихъ. Въ сопровожденіи этихъ же лицъ они обязаны были и возвращаться въ институтъ. Воспитанники же остальныхъ классовъ могли уходить изъ корпуса и возвращаться въ него одни, безъ провожатыхъ.

По росту, я былъ помѣщенъ въ четвертое отдѣленіе второй роты, фельдфебелемъ которой былъ Ф. П. Ивановъ, а старшимъ и младшими унтеръ-офицерами и ефрейторомъ отдѣленія Латынинъ, князь Максутовъ, Вейценбрееръ и Лебедевъ.

Послѣ безвинно понесеннаго наказанія, я сталъ гораздо сдержаннѣе и степеннѣе, а, благодаря недурнымъ способностямъ, ученіе мое шло болѣе чѣмъ успѣшно, несмотря на то, что я не особенно усердствовалъ и старался объ этомъ. По истеченіи второй трети, я былъ уже вторымъ, по успѣхамъ ученикомъ, и фамилія моя красовалась на красной доскѣ класса.

Живо и отчетливо представляется въ моей памяти тотъ день, когда я, какъ и въ первый разъ, собирался идти въ отпускъ, а пришедшій за мною дядя сидѣлъ на моей кровати и дожидался, пока я покончу съ переодѣваніемъ. Вдругъ раздался чей-то возгласъ: „Тише! Директоръ идетъ!“

И, дѣйствительно, обычнымъ мѣрнымъ шагомъ, держа высоко голову, шелъ по отдѣленію Сергѣй Ивановичъ.

Остановившись у моей кровати и отвѣтивъ на поклонъ дяди, онъ обратился къ нему съ рѣчью, совсѣмъ не похожею на ту, которую передъ нимъ же держалъ еще такъ недавно.

— Очень радъ, сказалъ онъ, что могу лично дать вамъ весьма лестный отзывъ о вашемъ племянникѣ. Это—примѣрный мальчикъ, лучшій ученикъ въ классѣ... И учится прекрасно, и ведетъ себя

вполнѣ безукоризненно, можете порадовать его родителей. До свиданья!

И онъ направился далѣе; а я, сіяющій отъ счастія, стоялъ передъ дядей и благодарнымъ взглядомъ провожалъ удаляющагося отъ насъ директора.

Выдающимся событіемъ этого года было посѣщеніе корпуса императоромъ Николаемъ I. Его ожидали заблаговременно и, въ ожиданіи, всюду, куда только могъ заглянуть высокій посѣтитель, чистилось, подновлялось и приводилось въ порядокъ. Кровати покрывались новыми клеенками и одѣялами, комнаты тщательно провѣтривались, кадеты облекались въ новыя куртки, а находившіеся въ лазаретѣ— въ новые халаты и туфли.

Ротные командиры и дежурные офицеры, также въ новенькихъ мундирахъ и свѣжихъ блестящихъ эполетахъ, заботливо расхаживали по отдѣленіямъ и зорко слѣдили, чтобы все было въ должномъ порядкѣ, достойномъ принятія такого рѣдкаго и высокаго гостя.

Вотъ насталъ, наконецъ, давно ожидаемый день пріѣзда государя.

Это было послѣ утреннихъ классовъ.

Старшіе кадеты прохаживались по комнатамъ: младшіе забавлялись разными играми; дежурный офицеръ полуразвалясь на диванѣ, читалъ какую-то газету.

Вдругъ послышался звонкій, кадетскій голосъ; кто-то изъ нихъ съ крикомъ: „ѣдетъ! ѣдетъ!“ пробѣжалъ въ свое отдѣленіе. Всѣ всполошились и спѣшили къ своимъ мѣстамъ. Дежурные офицеры торопливо оправлялись и занимали свои посты у входа въ роты. Кадеты, выстроившись рядами, стояли уже у своихъ кроватей. Директоръ, съ баталіоннымъ и ротными командирами, чуть не бѣглымъ шагомъ стремились къ швейцарской навстрѣчу къ подъѣзжавшему уже къ корпусу государю.

Въ камерахъ наступила тишина; ряды кадетъ какъ-бы замерли на своихъ мѣстахъ; на всѣхъ лицахъ замѣчалось какое-то особенное не поддающееся описанію, выраженіе.

Вотъ государь, сопровождаемый свитою изъ начальствующихъ лицъ корпуса, появляется въ отдѣленіяхъ.

— Здравствуйте, дѣти! громкимъ и звучнымъ голосомъ обращается онъ къ кадетамъ.

— Здравія желаемъ вашему императорскому величеству! дружно отвѣчаютъ кадеты.

Поздоровавшись, государь проходитъ по отдѣленіямъ, изрѣдка останавливаясь и что-то говоря директору.

Обойдя роты, направляется онъ черезъ большой рекреаціонный залъ въ лазаретъ, гдѣ почти всегда удостоиваетъ какимъ-нибудь вопросомъ больныхъ, и тѣмъ же путемъ возвращается обратно.

Толпы кадетъ уже ждутъ его у швейцарской, врываются вслѣдъ за нимъ въ послѣднюю и, съ криками „ура!“ сопровождаютъ его на крыльцо и на набережную.

Государь садится въ сани; окруживъ экипажъ, кадеты застегиваютъ полость, становятся на запятки и бѣгутъ за отъѣзжающимъ императоромъ.

А онъ, съ доброй и привѣтливой улыбкой на устахъ, не только терпѣливо, но съ очевиднымъ удовольствіемъ, принимаетъ эти искреннія дѣтскія оваціи.

— Тише, дѣти, тише! Ступайте домой! Простудитесь! говоритъ онъ бѣгущимъ за нимъ въ однѣхъ курткахъ и безъ фуражекъ кадетамъ.

Но кадеты не слушаются и, не переставая кричать „ура!“, продолжаютъ преслѣдовать обожаемаго монарха, чуть не до слѣдующаго квартала.

Но, вотъ, раскраснѣвшіеся и взволнованные, возвращаются они въ комнаты, а тамъ уже объявляютъ имъ, что государь остался всѣмъ доволенъ и приказалъ на три дня уволить ихъ въ отпускъ.

Въ хорошую погоду, во время экзаменовъ, мы проводили большую часть дня въ саду, гдѣ каждый занимался тѣмъ, что ему нравилось или было необходимо.

Съ половины, или конца мая, какъ только вода въ Невѣ достигала 13—14 градусовъ, насъ, ежедневно, водили купаться, въ просторную и прекрасно устроенную корпусную купальню.

Это бывало не каждый годъ, а только въ тѣ года, когда май мѣсяцъ стоялъ особенно теплый и жаркій.

Одновременно съ подготовленіемъ къ экзаменамъ, часть кадетъ, составлявшая роту своднаго баталіона [1]), подготовлялась еще къ майскому параду, который, въ царствованіе императоровъ Николая І-го и Александра ІІ-го, бывалъ ежегодно и всегда на громадномъ плацу Царицына луга.

Успѣшно сдавъ свой первый экзаменъ въ корпусѣ, я спѣшилъ, въ сопровожденіи дяди, домой, къ бабушкѣ, на всѣ лѣтнія вакаціи, т. е. почти на цѣлыхъ три мѣсяца.

Средства бабушки не позволяли нанимать на лѣто дачи, а потому все вакаціонное время я провелъ въ городѣ и провелъ очень пріятно.

Дядя мой былъ страстный любитель уженья, къ которому и я, въ свою очередь, чувствовалъ большое влеченіе и часто развлекался

---

¹) Сводный баталіонъ состоялъ изъ трехъ ротъ, по одной отъ корпусовъ Горнаго, Лѣснаго и Путей Сообщенія.

имъ на Уралѣ. Поэтому почти ежедневно, въ хорошую погоду,отправлялись мы съ нимъ или на Неву, къ лѣсопильнѣ Берда, или на Черную рѣчку, къ лѣсному двору Скрябина, гдѣ расположенные на водѣ, въ нѣсколько рядовъ, бревенчатые плоты представляли собою весьма удобныя мѣста для нашего любимаго спорта.

Особенно любилъ я ловить рыбу ночью, или, какъ мы называли это, наши ночевки.

Съ девяти часовъ вечера мы съ дядей уже на плотахъ; къ десяти всѣ удочки и подпуски заправлены и разставлены по мѣстамъ. Усѣвшись поудобнѣе на бревнахъ, я, въ ожиданіи клева, съ удовольствіемъ наслаждался прелестью лѣтней, петербургской ночи. Ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Зеркальная поверхность рѣки, койгдѣ пестрящаяся неровными и быстрыми струями, красиво отражаетъ въ себѣ всѣ зданія противоположной набережной и стоящіе вдоль нея, всевозможныхъ конструкцій и размѣровъ, корабли, суда, пароходы и баржи. На оконныхъ стеклахъ домовъ, на шпицахъ и куполахъ зданій, на густомъ и стройномъ лѣсѣ, разной высоты, мачтъ и, наконецъ, на струяхъ быстрой рѣки весело играетъ зеленоватый лучъ луны, медленно плывущей по темно-синему небу. Кругомъ царитъ тишина. Только изрѣдка слышится плескъ веселъ легкаго ялика, отчалившаго отъ устроеннаго близъ плотовъ перевоза; изрѣдка запоздалый прохожій, не заставъ на этомъ берегу перевозчика, выкрикнетъ протяжно-громкое: „Эй! Подавай!“ И снова все смолкнетъ, и снова наступитъ тишина, только слегка, какъ-бы шепотомъ, нарушаемая легкимъ журчаніемъ, пробѣгающей около плотовъ, рѣчной струи.

Въ праздничные дни, по вечерамъ, ходилъ я съ дядей въ Екатерингофъ, гдѣ бывали гулянья и игралъ довольно сносный оркестръ музыки.

Дома же большую часть времени проводилъ за чтеніемъ, жадно, безъ разбора, поглощая всякую книжку, какая только попадется подъ руку. Любилъ я также прочитывать и газеты, особенно тѣ столбцы ихъ, которые заполнялись сообщеніями о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Это было какъ разъ во время Крымской войны, когда и офицеры и солдаты, одинаково отличаясь на полѣ брани, прославляли Россію своими подвигами и чудесами безпримѣрной храбрости. Фамиліи Нахимова, Щеголева и другихъ героевъ этой войны переходили изъ устъ въ уста, а сами герои дѣлались популярными всюду.

Но, какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, такъ пришелъ конецъ и лѣтнимъ вакаціямъ, и я, въ сопровожденіи дяди, не особенно охотно отправился въ корпусъ, гдѣ день за днемъ потекло обычное времяпровожденіе.

VII.

Наступилъ 1855 годъ, въ началѣ котораго, а именно 18 февраля, вся Россія была поражена и опечалена неожиданною смертію императора Николая I. Воспитанники Горнаго корпуса, какъ и воспитанники другихъ военно-учебныхъ заведеній столицы, дежурили при тѣлѣ въ Бозѣ почившаго государя, въ Петропавловскомъ соборѣ, и принимали участіе въ похоронной процессіи, на основаніи Высочайше утвержденнаго церемоніала.

Тотчасъ же по кончинѣ Николая I-го, мы, съ нашимъ начальствомъ во главѣ, были приведены, въ корпусной церкви, къ присягѣ на вѣрность вступившему на престолъ императору Александру II-му. Новый монархъ посѣщалъ Горный корпусъ рѣже своего покойнаго родителя, хотя такъ же, какъ и онъ, относился къ его питомцамъ весьма привѣтливо и милостиво.

Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ никакихъ, особенно выдававшихся событій, въ нашей, кадетской жизни не было, за исключеніемъ развѣ состоявшагося, въ 1856 году, приказа объ измѣненіи нашей праздничной или парадной формы.

Вмѣсто однобортныхъ мундировъ съ фалдами дали намъ двухъбортные кафтаны, а вмѣсто бѣлой, широкой портупеи, черезъ плечо, узкую и черную, которая, какъ поясъ, носилась на таліи. Прежнія шинели замѣнили однобортными, темно-сѣраго сукна, пальто. Каска съ султаномъ надѣвалась только въ высокоторжественные дни, а въ остальные полагалось носить ее безъ султана.

Новая форма намъ очень понравилась; она, дѣйствительно, была и красивѣе, и удобнѣе старой.

Съ четвертаго класса я сталъ уже принимать участіе въ разводахъ и парадахъ.

Разводы назначались почти каждое воскресенье и происходили, въ присутствіи государя, въ громадномъ зданіи Михайловскаго манежа.

Пользовавшіеся отпускомъ кадеты, по правдѣ говоря, не очень-то долюбливали этихъ разводовъ, отнимавшихъ у нихъ значительную часть свободнаго, праздничнаго времени.

Что же касается парада, то участіе въ немъ было пріятно всѣмъ намъ, безъ исключенія. Хотя подготовительныя, фронтовыя ученія, или, такъ называемыя, репетиціи парада и бывали подъ часъ утомительны, но за то разнообразились тѣмъ, что двѣ или три послѣднія изъ нихъ происходили, совмѣстно съ воспитанниками другихъ военно-учебныхъ заведеній, на громадномъ плацу перваго кадетскаго корпуса.

Съ 1857 года, къ числу развлеченій, прибавилось для меня еще одно, новое, а именно, посѣщеніе, раза два въ теченіе зимы, домашнихъ баловъ женскаго Патріотическаго института. Мы бывали на этихъ балахъ, благодаря тому, что директоръ нашъ состоялъ попечителемъ этого института и, вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ питомицъ послѣдняго, отпускалъ къ нимъ человѣкъ тридцать и болѣе изъ лучшихъ воспитанниковъ, преимущественно танцоровъ.

Собираясь на институтскій балъ, мы тщательно умывались, чистились, причесывались, а иные даже подвивали себѣ волосы; обувались въ собственные, отполированные ваксой сапоги; надѣвали новенькіе мундиры и бѣлыя, замшевыя перчатки. Принарядившись, какъ слѣдуетъ, по-бальному, отправлялись мы, въ опредѣленный часъ, въ сопровожденіи одного изъ ротныхъ офицеровъ, въ знакомое зданіе Патріотическаго института.

Хотя, кромѣ насъ, на институтскихъ балахъ бывали еще и другіе кавалеры изъ ближайшихъ родственниковъ институтскаго начальства, но въ крайне ограниченномъ числѣ, не болѣе десяти или двѣнадцати. Поэтому мы, горные кадеты, играли тамъ первенствующую роль и пользовались особымъ вниманіемъ и расположеніемъ институтокъ, которыя, по обыкновенію, насъ обожали. А какъ, сравнительно съ ними, число кадетъ бывало всегда не велико, то на долю каждаго изъ насъ приходилось по нѣсколько обожательницъ.

Едва появлялись мы въ залахъ института, какъ уже намъ предлагались пакетики съ лакомствами, которые, въ дни баловъ, раздавало своимъ питомицамъ ихъ непосредственное начальство. У иныхъ изъ насъ набиралось до шести, семи и болѣе такихъ пакетиковъ, уносившихся нами въ корпусъ, гдѣ мы и поѣдали ихъ содержимое, за здравіе нашихъ юныхъ и милыхъ обожательницъ.

Танцовали мы всегда оживленно и неутомимо, стараясь повертѣть, въ легкихъ танцахъ, какъ можно большее число институтокъ.

Танцовать съ настоящими кавалерами, а не шерочка съ машерочкой, доставляло имъ такое большое удовольствіе, что когда, бывало, подойдешь къ группѣ дѣвочекъ, то явно замѣчаешь на ихъ лицахъ пламенное желаніе быть приглашенной на танецъ, а вслѣдъ затѣмъ — непритворную радость ангажированной и печаль и разочарованіе остальныхъ.

Разскажу, кстати, еще одинъ небольшой эпизодъ изъ моей кадетской жизни, доставившій мнѣ, между прочимъ, личное знакомство съ бывшимъ тогда начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, генералъ-маіоромъ, Александромъ Абрамовичемъ Перетцъ, котораго, до того времени, я не зналъ даже и въ лицо.

Это было лѣтомъ. Отправившись навѣстить своего одноклассника,

М—цкаго, проводившаго у него, какъ своего дяди по матери, лѣтнія вакаціи, на одной изъ дачъ Крестовскаго острова, принадлежащихъ князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, я шелъ, не торопясь, по какой-то улицѣ Петербургской стороны, по направленію къ Крестовскому острову. День стоялъ очень жаркій. Я разстегнулъ пальто, надѣлъ фуражку, а снятую каску несъ въ рукѣ. Уже до Крестовскаго острова оставалось не болѣе сотни шаговъ, какъ вдругъ, сзади меня, послышался стукъ колесъ экипажа. Я оглянулся и увидѣлъ ѣхавшаго въ коляскѣ, въ форменной, горнаго вѣдомства, шинели, какого-то пожилаго мужчину. Не зная, офицеръ ли это, или чиновникъ, а горнымъ чиновникамъ честь мы не отдавали, я продолжалъ идти, отвернувшись лицомъ въ сторону отъ дороги, дѣлая видъ, что не замѣчаю проѣзжающаго.

Но маневръ вышелъ неудачнымъ. Экипажъ, нѣсколько обогнавъ меня, остановился, и сидѣвшій въ немъ господинъ крикнулъ:

— Господинъ кадетъ, пожалуйте сюда!

Я подошелъ и снялъ фуражку.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ.

— Стыдитесь! Вы, первый ученикъ въ классѣ, и позволяете себѣ такую невѣжливость, не отдаете чести даже вашему горному генералу.

— Виноватъ, ваше превосходительство. Вы ѣхали въ шинели, и я думалъ, что это могъ быть чиновникъ.

— Даже если бы и такъ. Все же лучше излишняя вѣжливость, чѣмъ недостатокъ ея. Ступайте!

Генералъ помчался далѣе, а я еще нѣсколько секундъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, страшно досадуя и терзаясь мыслію, что, вотъ, генералъ пожалуется директору, и меня навѣрное обойдутъ званіемъ ефрейтора, которое я разсчитывалъ получить послѣ вакацій. А получить это званіе въ пятомъ классѣ было весьма лестно, такъ какъ оно давалось, большею частію, только первому, по успѣхамъ въ наукахъ, ученику.

Но случившагося не вернешь, и я, въ унылом настроеніи духа, сталъ продолжать свой путь. Разыскавъ дачу и пройдя въ комнату товарища, я разсказалъ ему о приключившемся со мною казусѣ.

— Кто бы это могъ быть? спросилъ я, кто изъ нашихъ генераловъ живетъ на Крестовскомъ?

М—цкій назвалъ двѣ или три фамиліи.

— Нѣтъ, это не они; этихъ я знаю.

— А на какихъ лошадяхъ онъ ѣхалъ? спросилъ М—цкій.

— Не помню... не замѣтилъ...

*

— Жаль. Я здѣсь всѣхъ лошадей знаю и по нимъ могъ бы тебѣ сказать, съ кѣмъ ты встрѣтился. Ну, да это все вздоръ, и особенно безпокоиться, право, не стоитъ.

— Какъ не стоитъ? А если онъ пожалуется?

— Едва-ли; да еслибы и пожаловался, ну, сдѣлаютъ замѣчаніе, только и всего.

Въ это время вошла въ комнату какая-то пожилая дама, оказавшаяся теткой М—цкаго, которой послѣдній тотчасъ же меня и представилъ.

— Очень рада познакомиться, сказала она привѣтливо и, обратясь къ племяннику, добавила: —А теперь идемте обѣдать.

И мы, всѣ вмѣстѣ, отправились въ столовую. Каково же было мое удивленіе, когда увидѣлъ я въ ней того самаго генерала, съ которымъ такъ неудачно встрѣтился на улицѣ и который оказался никѣмъ инымъ, какъ Александромъ Абрамовичемъ Перетцъ, хозяиномъ дачи и дядей М—цкаго. Я, разумѣется, растерялся и страшно сконфузился; а онъ не только обошелся со мной радушно и привѣтливо, но и къ самому эпизоду встрѣчи отнесся шутливо и добродушно.

Крайне довольный, что все обошлось благополучно, я вскорѣ же совсѣмъ успокоился и превесело провелъ время на прекрасной дачѣ у гостепріимныхъ и милыхъ ея обитателей.

VIII.

Съ переходомъ изъ пятаго въ шестой, или въ первый спеціальный классъ, я, вмѣстѣ со своими одноклассниками, долженъ былъ около пяти недѣль провести на практическихъ занятіяхъ по геодезической съемкѣ и нивеллировкѣ мѣстностей.

Занятія эти, подъ руководствомъ профессора Г. А. Тиме, происходили въ окрестностяхъ Петербурга, около деревни Парголово, гдѣ было нанято нѣсколько дачъ, для размѣщенія въ нихъ на время лѣтнихъ вакацій, всѣхъ воспитанниковъ, не имѣвшихъ возможности воспользоваться отпускомъ.

До сихъ поръ лѣтнія вакаціи я проводилъ въ городѣ, въ квартирѣ бабушки, а потому въ этомъ году мнѣ привелось въ первый разъ ознакомиться съ условіями кадетской жизни на дачѣ.

На другой или на третій день послѣ годичнаго акта, рано утромъ, выстроившись въ двѣ шеренги, вышли мы, въ сопровожденіи

дежурнаго офицера, изъ корпуса и отправились Василеостровской набережной, а затѣмъ по улицамъ Петербургской стороны, по направленію къ деревнѣ Парголово. На половинѣ пути мы остановились для отдыха и съ удовольствіемъ расположились, во всевозможныхъ, удобныхъ позахъ, на мягкой и свѣжей травѣ, почти у самой дороги. Сейчасъ же появились корзины съ провизіей, и мы весело и съ аппетитомъ принялись подкрѣплять свои, нѣсколько утомленныя болѣе чѣмъ пятнадцати-верстнымъ переходомъ силы.

Послѣ довольно продолжительнаго отдыха, мы отправились далѣе и часа черезъ три были уже въ Парголовѣ.

Нѣсколько дачъ, каждая въ три и четыре большихъ комнаты, уже были, къ нашему приходу, совсѣмъ приготовлены и устроены. Въ трехъ изъ нихъ размѣстились кадеты, а въ остальныхъ—ротный командиръ, офицеры, профессоръ Тиме и два преподавателя: французскаго языка—Филліонъ, и русскаго—Михайловъ. Обязанности послѣднихъ двухъ заключались въ полутора или двухъ-часовыхъ занятіяхъ съ кадетами младшихъ классовъ.

Въ нашихъ дачахъ кроватей не было, и матрацы, съ оригинальными между ними промежутками, укладывались прямо на полу, перпендикулярно продольныхъ стѣнъ комнатъ. Въ промежуткахъ же помѣщались сундучки, или шкатулки, заключавшіе въ себѣ личное имущество воспитанниковъ.

Строй дачной кадетской жизни рѣзко отличался отъ городской. Вставали мы часомъ позже, а именно въ восемь часовъ, ложились же спать около одиннадцати и даже позже. Вмѣсто сбитня, утромъ и вечеромъ, пили чай; за обѣдомъ подавалось три, а за ужиномъ—одно блюдо; но блюда эти были несравненно вкуснѣе и разнообразнѣе, чѣмъ подававшіяся въ стѣнахъ корпуса.

За исключеніемъ двухъ-часовыхъ занятій воспитанниковъ младшихъ классовъ и четырехъ—пяти часовъ, ежедневно посвящавшихся кадетами перваго спеціальнаго класса ихъ практическимъ работамъ, все остальное время мы были совершенно свободны и проводили его по своему личному усмотрѣнію. Кто собиралъ цвѣты и травы для гербарія, кто разыскивалъ всевозможныхъ жуковъ, бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, насаживалъ ихъ на булавки и присоединялъ къ уже ранѣе собраннымъ, въ особыхъ, плоскихъ съ стеклянными крышками ящикахъ; кто кроилъ изъ картона разнообразныхъ формъ фонари, или выдѣлывалъ изъ дерева, съ замысловатыми ручками, трости. Большинство же разгуливало по окрестностямъ, ходило въ ближайшій лѣсъ за ягодами, купалось, удило рыбу, читало, рисовало и забавлялось разными играми. Особенно любили мы гулять въ Шуваловскомъ саду, находившемся не особенно далеко отъ нашихъ дачъ. Дѣйстви-

тельно, этотъ громадный и прихотливо разбитый садъ, съ его горками, мостиками и цвѣтниками, представлялъ столько живописныхъ уголковъ и мѣстечекъ, что невольно, какъ магнитъ, притягивалъ къ себѣ большую часть окрестныхъ дачниковъ. Бывало также, что нѣкоторые кадеты старшихъ классовъ посѣщали, разумѣется тайкомъ отъ начальства, ближайшій къ дачамъ трактиръ, гдѣ съ увлеченіемъ играли на билліардѣ и даже позволяли себѣ пропустить рюмку—другую вина или водки, не столько ради потребности въ этомъ, сколько ради какого-то чисто дѣтскаго удальства. По вечерамъ же, послѣ ужина, обыкновенно составлялся хоръ, и распѣвались на открытомъ воздухѣ всевозможныя кадетскія пѣсни.

А между тѣмъ, шли своимъ чередомъ и наши практическія работы, которыми мы занимались не только добросовѣстно, но даже съ удовольствіемъ. Усердно таскали цѣпи, вбивали колья и устанавливали инструменты. Въ теченіе пяти недѣль мы успѣли снять и нанести на планъ изрядную часть лежащей недалеко отъ Парголова и заранѣе избранной профессоромъ мѣстности.

Нанесеніе съ черновыхъ планшетовъ на большой листъ ватманской бумаги всѣхъ нашихъ работъ было поручено мнѣ, совмѣстно съ однимъ изъ товарищей Т—нымъ. А какъ работа эта требовала лишняго и при томъ довольно продолжительнаго времени, то, по окончаніи практическихъ занятій и по представленіи рабочихъ журналовъ и плана учебному начальству, мы съ товарищемъ были удостоены наградами. Я получилъ изящный, сохранившійся у меня до сихъ поръ, чернаго дерева ящикъ съ акварельными красками и разными принадлежностями для рисованія, а Т—нъ прекрасную готовальню.

Нѣсколько разъ, въ теченіе лѣта, устраивались кадетами домашніе спектакли. Для сцены было приспособлено широкое и глубокое крыльцо одной изъ дачъ, а для зрителей разставлены ряды скамеекъ на просторной противъ крыльца площадкѣ. Костюмы, принадлежности для грима и прочія, необходимыя для спектакля, вещи доставлялись, благодаря добротѣ и заботливости нашего ротнаго командира, В. П. Добронизскаго, изъ города отъ обычнаго кадетскаго поставщика—парикмахера.

Спектакли эти охотно посѣщались семействами корпуснаго начальства и приглашенными заблаговременно окрестными дачниками. Сходили они большею частью весьма удачно и доставляли не мало удовольствія какъ исполнителямъ, такъ равно и всей дачной публикѣ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней пребыванія на дачѣ устраивался нами обычный прощальный вечеръ, къ которому готовились чуть не съ первыхъ же дней по прибытіи въ Парголово. Въ теченіе этого

вечера игралъ оркестръ корпусной музыки, а дачные дома и садъ были такъ прекрасно иллюминованы, что приводили въ восхищеніе всѣхъ посѣтившихъ этотъ вечеръ дачниковъ. И не мудрено: не говоря уже о художественномъ размѣщеніи цвѣтныхъ гирляндъ изъ фонарей на зданіяхъ, бесѣдкахъ, а также въ аллеяхъ и площадкахъ сада, самые фонари представляли собою нѣчто незаурядное и весьма красивое. Помимо нѣсколькихъ сотъ круглыхъ, цвѣтныхъ фонариковъ, между которыми было до 5% вращающихся, навѣшивалась еще масса, сравнительно, большихъ и самыхъ разнообразныхъ формъ фонарей: въ видѣ вазъ, тюльпановъ, шаровъ и т. п. Въ центрѣ главной площадки висѣлъ фонарь-гигантъ, такой величины, что внутри его могъ свободно помѣститься не только малецъ, но и взрослый, солидный воспитанникъ. Украшавшія его кисти были сдѣланы изъ маленькихъ, круглыхъ фонариковъ. Всѣ эти фонари дѣлались изъ картона, на которомъ вырѣзывались различныя сквозныя фигуры, звѣзды, кружки и всевозможныя арабески, а вырѣзанныя части подклеивались изнутри разноцвѣтною, папиросною бумагою. Въ крупныхъ фигурахъ бумага подклеивалась въ четыре, пять и болѣе рядовъ, съ небольшими другъ отъ друга отступленіями, такъ что при освѣщеніи получалось нѣсколько, одинъ въ другой переходящихъ цвѣтныхъ тоновъ. По этому можно судить, на сколько кропотлива и медленна была такая работа и какъ много времени затрачивалось на нее, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ кадеты успѣвали изготовить такое громадное количество фонарей.

Словомъ, житье-бытье наше на дачѣ можно было назвать и привольнымъ, и чрезвычайно пріятнымъ. Пользуясь значительно большей свободой, не обременяемые уроками и фронтовыми ученіями, находясь постоянно на открытомъ воздухѣ, мы постепенно и незамѣтно укрѣпляли свои, какъ нравственныя, такъ и физическія силы.

Неизмѣнно, каждое лѣто, какъ домашній песъ, слѣдовалъ за нами на дачу и нашъ корпусной разнозчикъ—Гришка, съ своимъ соблазнительнымъ и вкуснымъ, товаромъ и торговалъ тамъ успѣшнѣе и выгоднѣе, нежели въ городѣ.

Но, вотъ, наступило 15-е августа, и кадеты, съ грустью покидая Парголово, уныло маршируютъ по направленію къ городу и неохотно водворяются на своихъ зимнихъ квартирахъ, гдѣ снова потянется однообразная и монотонная жизнь.

Прошелъ еще годъ. Снова наступили экзамены, по окончаніи которыхъ, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, я, по совѣту корпуснаго врача, намѣревался въ первый разъ поѣхать на время лѣтнихъ вакацій на Уралъ, гдѣ въ теченіе шести лѣтъ не былъ еще ни разу. Да и какъ поѣдешь туда, въ такую даль, за 2.000 верстъ, да

еще въ то время, когда желѣзная дорога существовала только до Москвы, а пассажирскіе пароходы по Камѣ еще не ходили. Первые рейсы ихъ начались только съ 1858 года.

Порядочно прихворнувъ послѣ Пасхи, я не имѣлъ возможности подготовиться къ экзамену теоретической химіи. Поэтому я порѣшилъ заняться этимъ предметомъ въ теченіе лѣта и держать изъ него экзаменъ уже осенью. Распорядившись такимъ образомъ и сдавъ послѣдній экзаменъ, я направился въ свое отдѣленіе и сталъ собираться въ дорогу, деньги на которую уже были получены. Какъ разъ въ это время по отдѣленію проходилъ директоръ и, остановясь около меня, спросилъ, что я дѣлаю.

— Собираюсь домой, на Уралъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я.

— Все это прекрасно, сказалъ Волковъ; но только, милый мой, надо сперва держать экзаменъ изъ химіи.

— Я просилъ уже разрѣшенія держать его послѣ вакацій.

— Этого нельзя. У тебя прекрасные баллы и, откладывая экзаменъ до осени, ты лишишься права на полученіе медали, чего я допустить не могу.

— Но, не подготовившись, я рискую получить дурную отмѣтку.

— Вздоръ, любезный, вздоръ. Этого быть не можетъ. Ты долженъ держать. Экзаменъ назначенъ завтра. А тамъ, съ Богомъ, поѣзжай себѣ на Уралъ.

Съ этими словами директоръ удалился, а я стоялъ у своей кровати, не только недовольный, но и въ большомъ страхѣ за благополучный исходъ экзамена, тѣмъ болѣе, что многое изъ курса было мною уже порядкомъ забыто, а около трети даже ни разу еще не прочитано.

И, вотъ, не угодно ли въ одинъ вечеръ все это проштудировать и получить хорошій баллъ.

Но, дѣлать нечего. Воля начальства—законъ. Скрѣпя сердце, ни разу не заглянувъ въ учебникъ и, находясь въ самомъ дурномъ настроеніи духа, расхаживалъ я, на другой день, по большому рекреаціонному залу и поджидалъ прихода профессора химіи—Соколова. Прекрасно зная его требованія и ту строгость и безпристрастность, съ которыми онъ относился къ своимъ ученикамъ, я мало надѣялся на успѣхъ и горько сѣтовалъ на судьбу, сулившую мнѣ неминуемо и постыдно провалиться. Въ такихъ, далеко нерадостныхъ думахъ, застало меня появленіе въ залѣ профессора.

— Вѣдь вы хотѣли экзаменоваться послѣ вакацій, спросилъ онъ, отвѣтивъ на мое привѣтствіе; почему же вздумали вдругъ измѣнить ваше намѣреніе? Или успѣли уже подготовиться?

— Далеко нѣтъ, отвѣчалъ я; держать экзаменъ сегодня заставляетъ меня директоръ, противъ моего желанія.

— По какой же именно причинѣ?

— Онъ говоритъ, что у меня изъ всѣхъ предметовъ хорошіе баллы, и если я отложу экзаменъ до осени, то не получу медали.

— А вамъ, конечно, получить ее очень желательно? спросилъ профессоръ съ ироніей.

— Совсѣмъ нѣтъ. Это желаніе директора, а меня она не прельщаетъ. Да и могу ли я разсчитывать на медаль, когда не успѣлъ даже подготовиться къ экзамену.

— А какой баллъ требуется вамъ, чтобы не лишиться сей блестящей вещицы?

— Не меньше одиннадцати.

Въ это время къ намъ подошли два другіе члена экзаменаціонной коммиссіи, оба горные инженеры и товарищи по выпуску. Всѣ вмѣстѣ вошли мы въ одну изъ классныхъ комнатъ. Я остановился у доски, а профессоръ съ ассистентами размѣстились за столомъ. Впрочемъ, экзаменовалъ меня одинъ только Соколовъ, такъ какъ оба ассистента горячо продолжали вести какой-то интересный разговоръ, начатый ими ранѣе.

Задавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ и получивъ на одни изъ нихъ очень посредственные, а на другіе—и вовсе неудовлетворительные отвѣты, Соколовъ сказалъ „довольно" и крупною цифрою изобразилъ на экзаменаціонномъ листѣ одиннадцать.

Такимъ образомъ, совершенно неожиданно, я не только получилъ большую серебряную медаль, но и былъ освобожденъ отъ непріятныхъ заботъ—готовиться лѣтомъ къ экзамену.

Нечего и говорить, съ какимъ удовольствіемъ покинулъ я Петербургъ и какъ пріятно и разнообразно, въ кругу близкихъ родныхъ и знакомыхъ, провелъ все время почти трехмѣсячныхъ лѣтнихъ вакацій.

IX.

Съ переходомъ во второй спеціальный классъ приходилось намъ, два раза въ недѣлю, заниматься въ лабораторіи, гдѣ мы, подъ руководствомъ профессора Иванова, производили качественные и количественные анализы.

Занятія эти были очень интересны, и мы охотно и съ большимъ удовольствіемъ проводили за ними не только положенное на нихъ

время, но и всѣ тѣ учебные часы, когда почему-либо не приходили въ классъ наши профессоры.

Въ лабораторіи оба послѣдніе класса работали одновременно, а потому, естественно, что воспитанники этихъ двухъ классовъ всегда бывали почти такъ же близки между собою, какъ и съ своими одноклассниками.

Въ лабораторіи мы пользовались, сравнительно, большей свободой. Тамъ мы, не стѣсняясь и курили, и распивали чаи. Вмѣсто чайниковъ служили намъ стеклянныя колбы, въ которыхъ, въ песчаныхъ баняхъ [1]), кипятили воду и заваривали чай. Чайную посуду замѣняли лабораторные стаканы, а сахаръ, вмѣсто ложекъ, размѣшивался круглыми, стеклянными палочками.

Одновременно съ появленіемъ нашимъ въ лабораторіи, появлялся въ ней и неизмѣнный нашъ разносчикъ Гришка, у котораго закупали мы и булки, и плюшки, и тому подобныя съѣдобныя вещи.

Лабораторія состояла изъ большой и длинной комнаты, раздѣленной, вдоль, колоннами и песчаными банями, на двѣ равныя части. Въ каждой изъ нихъ имѣлись столы съ выдвижными ящиками и шкафы съ полками, въ которыхъ хранились наша лабораторная посуда и прочія, необходимыя, для производства анализовъ, вещи и принадлежности. Въ одной половинѣ комнаты занимались воспитанники втораго, а въ другой — воспитанники третьяго спеціальнаго класса. Комната, гдѣ получался сѣрнистый водородъ, находилась рядомъ съ помѣщеніемъ лабораторіи и отдѣлялась отъ послѣдняго холодными сѣнями. При лабораторіи, кромѣ того, имѣлись кабинеты для профессора и лаборантовъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ лабораторію, мы переодѣвались въ старые, отслужившіе свой срокъ, мундиры, дабы не испортить вседневной нашей одежды, при безпрестанной вознѣ со всевозможными кислотами.

Пока процѣживались растворы, или просушивались осадки, мы, покуривая папиросы и прихлебывая чай, вели себѣ, бывало, какой-нибудь разговоръ съ сосѣдями по столамъ, и пять-шесть часовъ лабораторныхъ занятій проходили для насъ и пріятно, и незамѣтно.

Анализы, особенно количественные, при производствѣ которыхъ приходилось опредѣлять не только какія именно тѣла заключаются

---

[1]) Четырехъугольныя, изразцовыя печи, на верхней части которыхъ устроено по четыре квадратныхъ углубленія, нагрѣваемыхъ топкою и наполненныхъ слоемъ мелкаго песка, вершка въ три толщиною. На дно углубленія ставились и зарывались въ песокъ сосуды съ жидкостями, для ихъ испаренія, и стеклянныя воронки съ осадками, для просушки послѣднихъ. Сверху углубленія, для предохраненія отъ пыли, прикрывались легкими деревянными, со стеклами, коробками, около 5-ти вершковъ вышиною.

въ данномъ профессоромъ порошкѣ, но и поскольку именно процентовъ содержится ихъ во сто частяхъ его, требовали усидчивости, большаго терпѣнія и чисто нѣмецкой аккуратности. А какъ далеко не всѣ кадеты обладали этими свойствами, то, чтобы не отстать отъ другихъ и представить профессору болѣе или менѣе удовлетворительные результаты работъ, прибѣгали къ весьма удобному и простому пріему.

Разъ въ недѣлю, Назарій Андреевичъ обходилъ своихъ учениковъ и слѣдилъ за успѣшностью ихъ занятій.

— Ну-те-съ, обратится онъ, бывало, къ кому-нибудь изъ нихъ: что вами сдѣлано?

— Да вотъ, Назарій Андреевичъ, я опредѣлилъ уже сюрьму и олово, отвѣчаетъ ему спрошенный.

— А ну-те-съ, сколько же получилось?

— Сюрьмы 11,36, а олова 7,41%.

— Номеръ вашего порошка?

— Двадцать третій.

Ивановъ достаетъ изъ кармана памятную книжку и, заглянувъ въ нее, замѣчаетъ:

— Не вѣрно-съ. Осадокъ сюрьмы плохо просушенъ, а растворъ съ оловомъ вы, вѣроятно, по небрежности, пролили. Надо-съ работать аккуратнѣе.

Проговоривъ это, онъ направляется къ слѣдующему воспитаннику.

А первый, между тѣмъ, уже соображаетъ: не просушенъ осадокъ, значитъ, сюрьмы показано много, а пролитый растворъ указываетъ, наоборотъ, что олова должно заключаться въ порошкѣ значительно болѣе.

И, вотъ, при слѣдующемъ обходѣ профессора, онъ убавляетъ количество первой и увеличиваетъ количество втораго.

Если Ивановъ скажетъ: „Да-съ, довольно близко“, или „очень близко-съ“, кадетъ удовольствуется объявленною имъ цифрою, а если, напротивъ, профессоръ замѣтитъ, что работа ведена неаккуратно, то онъ, къ слѣдующему обходу, или нѣсколько увеличитъ, или уменьшитъ ее, и дѣйствуетъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока Назарій Андреевичъ не вымолвитъ: „Очень близко-съ“, или „очень хорошо-съ“.

Къ этому, нехитрому пріему прибѣгали впрочемъ очень не многіе и, благодаря ему, безъ всякаго труда, представляли профессору весьма удовлетворительные результаты анализовъ.

За періодъ 1859—60-го учебнаго года я могу отмѣтить только два, болѣе или менѣе выдававшихся эпизода изъ моей кадетской

жизни, а именно: случайное знакомство съ литераторомъ, И. И. Панаевымъ и поѣздку на практическія занятія въ Финляндію.

Моимъ любимымъ въ свободное время занятіемъ было чтеніе. Уже съ третьяго класса я сталъ жадно поглощать беллетристическія произведенія и критическія статьи современныхъ писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Благодаря одному изъ кадетъ, родственница котораго имѣла большую библіотеку, мнѣ представлялась возможность почти постоянно пользоваться всевозможными книгами и журналами. Кромѣ того, къ моимъ услугамъ была всегда и наша классная библіотека.

Пристрастившись къ чтенію и воспылавъ страстью къ литературѣ, я и самъ сталъ изрѣдка пописывать и прозой, и стихами. Послѣдніе, однако жъ, предпочиталъ первой, вѣроятно потому, что они давались мнѣ, сравнительно, легко. Темы для стихотвореній я бралъ преимущественно изъ кадетской жизни, и всѣ мои стихи нравились товарищамъ и охотно ими прочитывались. Но не считая кадетъ достаточно компетентными судьями и не довольствуясь ихъ отзывами, я порѣшилъ отдать свои риѳмовыя произведенія на судъ какого-либо извѣстнаго литератора. А какъ болѣе другихъ изъ современныхъ писателей, мнѣ нравился Некрасовъ, то я и остановилъ свой выборъ на этомъ симпатичномъ поэтѣ.

Въ одно изъ воскресеній, заручившись предварительно, въ адресномъ столѣ, справкой о мѣстѣ жительства Некрасова и захвативъ съ собой нѣсколько стихотвореній, я направился, около часу дня, къ квартирѣ поэта, жившаго въ то время, вмѣстѣ съ Панаевымъ.

Робко, съ замираніемъ сердца, позвонилъ я у входныхъ дверей и попросилъ отворившаго ихъ лакея доложить обо мнѣ Некрасову.

— Ихъ нѣтъ дома, отвѣчалъ лакей.

Какая досада, подумалъ я, но, вспомнивъ, что онъ живетъ вмѣстѣ съ Панаевымъ, который, какъ извѣстный литераторъ, тоже могъ быть судьей въ моемъ дѣлѣ, я спросилъ:

— А г. Панаевъ дома?

— Они дома.

— Ну, такъ доложите, что я желалъ бы его видѣть.

Лакей ушелъ и, вскорѣ же вернувшись, сказалъ:

— Пожалуйте.

Снявъ пальто, я нерѣшительно и конфузливо вошелъ въ кабинетъ, гдѣ, въ халатѣ, встрѣтилъ меня Панаевъ. Пригласивъ садиться и спросивъ,—въ чемъ дѣло, онъ взялъ у меня рукопись съ стихами и сталъ ихъ прочитывать.

— Изъ того, что вы мнѣ дали, сказалъ онъ по прочтеніи: я могу только заключить, что у васъ есть способность къ стихосложенію.

Но этого мало. Главнѣйшее, что краситъ всякое произведеніе и придаетъ ему извѣстную цѣну, это—его сущность, т. е. мысль, идея. А потому, чтобы быть порядочнымъ литераторомъ или поэтомъ, требуется надлежащая подготовка, солидная эрудиція... нужно ближе ознакомиться съ жизнью, изучить ее во всѣхъ ея проявленіяхъ и брать для своихъ темъ все то, что можетъ благотворно влiять на читателей и способствовать направленію ихъ мыслей ко всему честному и прекрасному, въ широкомъ значеніи этого слова.

Я молча и жадно внималъ рѣчамъ хозяина-литератора и конечно вполнѣ и во всемъ съ нимъ соглашался.

Еще нѣсколько минутъ говорилъ онъ въ этомъ же родѣ и былъ со мною какъ нельзя болѣе любезенъ и внимателенъ. Затѣмъ предложилъ мнѣ кофе и разспрашивалъ меня о нашей кадетской жизни.

Просидѣвъ у Ивана Ивановича болѣе часа, я откланялся и пошелъ домой, чрезвычайно довольный, что удалось познакомиться и поговорить съ однимъ изъ видныхъ современныхъ дѣятелей на литературномъ поприщѣ.

Въ концѣ мая, сдавъ экзамены и перейдя въ послѣдній классъ, мы весело собирались на практическія занятія въ Финляндію.

Для удобства путешествія, нашъ классъ, состоявшій изъ семнадцати человѣкъ, былъ раздѣленъ на двѣ партіи. Одна, съ профессоромъ В. В. Бекомъ во главѣ, отправилась на пароходѣ, внизъ по теченію Невы, и начала обзоръ заводовъ и рудниковъ съ юга Финляндіи. Другая же, подъ руководствомъ помощника инспектора Юргенса, также на пароходѣ, выѣхала вверхъ по Невѣ и приступила къ ознакомленію съ горнымъ дѣломъ этой страны, начиная съ ея сѣверной части.

Въ первыхъ числахъ іюня, въ заранѣе назначенный день, я, съ своей, второй партіей, былъ уже на пароходѣ. Удобно размѣстившись въ каютахъ перваго класса, отчалили мы отъ пристани и понеслись вверхъ по Невѣ. Къ вечеру мы входили уже въ Ладожское озеро. Погода стояла пасмурная, и дулъ довольно чувствительный, сѣверный вѣтеръ, который къ ночи замѣтно усилился. Это было крайне непріятно, такъ какъ хотя и не особенно большія, но рѣзкія волны озера производили весьма ощутительную качку. Непривычное къ послѣдней, большинство изъ насъ испытывало ея послѣдствія. Убаюканный качкою, я рано и крѣпко заснулъ въ своей каютѣ, находившейся на самомъ носу парохода. Между тѣмъ вѣтеръ крѣпчалъ, волны все сильнѣе и сильнѣе хлестали о бока парохода и обдавали меня брызгами, а иногда и цѣлою струею воды, врываясь въ окно каюты, которое или не было совсѣмъ закрыто, или было только слегка притворено. Я ничего не чувствовалъ и продолжалъ спать, какъ убитый, пока не

разбудили меня лихорадочная дрожь и нестерпимый холодъ. Открывъ глаза, я едва могъ подняться съ дивана. Все мое платье и бѣлье были насквозь промочены. Сейчасъ же перемѣнить ихъ не представлялось возможности, такъ какъ запасная одежда, вмѣстѣ съ бѣльемъ, уложенныя въ чемоданѣ, были сданы въ багажъ. Дѣлать нечего, приходилось обсушиваться и обогрѣваться на воздухѣ. Накинувъ пальто, я поспѣшилъ скорѣй на палубу, уже ярко облитую горячими лучами утренняго, лѣтняго солнца. Выбравъ мѣстечко, гдѣ никого не было и гдѣ никто видѣть меня не могъ, я скинулъ съ себя платье и бѣлье, накрылся пальто и съ удовольствіемъ обсушивался и отогрѣвался на солнцѣ. Одновременно просушивались и развѣшенныя мною одежда и бѣлье.

Къ утру погода измѣнилась къ лучшему, вѣтеръ замѣтно утихъ, и все снятое и мокрое, въ какой-нибудь часъ времени, успѣло уже на столько высохнуть, что я могъ одѣться и отправиться въ рубку, куда поспѣлъ какъ разъ къ началу кадетскаго чаепитія. Два, три стакана горячаго чая окончательно меня обогрѣли, и я, позабывъ всѣ непріятности минувшей ночи, съ удовольствіемъ отдался впервые испытываемымъ мною ощущеніямъ этого, почти морскаго, путешествія.

До прибытія къ городу Сердоболю, находящемуся на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера, мы посѣтили, по пути, Коневецъ и Валаамъ. Объ этихъ островахъ, съ ихъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, монастырскими церквами и зданіями, прекрасно описанныхъ талантливой рукою Немировича-Данченко, я распространяться не буду, а скажу только, что мнѣ они очень понравились, и я любовался ими съ удовольствіемъ.

По прибытіи въ Сердоболь, мы осмотрѣли находящіеся близъ него ломки сѣраго сіенито-гранита, изъ котораго, какъ извѣстно, сдѣланы, между прочимъ, памятникъ императору Николаю I-му и Николаевскій мостъ въ Петербургѣ.

Отъ Сердоболя мы продолжали нашъ путь, сперва на сѣверъ, а затѣмъ на западъ, юго-западъ и югъ Финляндіи, уже на лошадяхъ, въ особыхъ, двухколесныхъ экипажахъ, съ довольно упругими деревянными рессорами. Эти экипажи, или таратайки, какъ мы ихъ называли, представляли собою родъ кабріолета; въ нихъ могли помѣститься два человѣка и чемоданъ. Въ таратайки запрягалось по одной лошади; ямщиковъ къ нимъ не полагалось, а, вмѣсто нихъ, на каждыя двѣ-три таратайки, отпускали со станціи по одному мальчику, который, по-чухонски, назывался пойга. Мальчики эти служили не для управленія лошадьми, что̀ дѣлали обыкновенно сами путешественники, а единственно для указанія дороги и доставки экипажей обратно.

Насъ въ партіи было десять человѣкъ, а потому намъ требовалось на каждой станціи по пяти таратаекъ и по два мальчика.

Усѣвшись, съ товарищемъ С—нымъ, въ одну изъ таратаекъ, мы двинулись въ путь къ мѣстечку Питкаранта, гдѣ должны были ознакомиться съ мѣдными рудниками и заводами. Почтовая дорога, какъ и вообще большинство финляндскихъ дорогъ, была хотя и не широкая, но за то ровная и твердая, какъ мостовая. Финскія лошадки вообще бѣгутъ не лѣниво и бойко; только въ гору, хотя бы она была не высокая и пологая, онѣ идутъ медленно, почти шагомъ; но, дойдя до вершины, начинаютъ ускорять шагъ и, не сдерживаясь, несутся съ горы чуть не маршъ-маршемъ. Это, какъ я замѣтилъ, было общее свойство всѣхъ финскихъ лошадей, по крайней мѣрѣ содержавшихся на почтовыхъ трактахъ.

Не знаю, благодаря чему, деревяннымъ ли рессорамъ таратайки, или прекрасному полотну дороги, но только мы почти совсѣмъ не ощущали ни толчковъ, ни тряски и, сдѣлавъ въ день болѣе ста пятидесяти верстъ, достигали мѣста ночлега совершенно бодрыми и очень мало утомленными.

Нельзя не похвалить и станціонныхъ домовъ Финляндіи. Въ каждомъ изъ нихъ мы находили, кромѣ довольно просторной, общей комнаты, еще двѣ или три спальни, съ нѣсколькими кроватями, опрятными матрацами и другими необходимыми принадлежностями. На каждой станціи можно было имѣть хотя простой, но вкусный и сытный обѣдъ, не говоря уже о самоварѣ и чайной посудѣ. Всѣ комнаты содержались чисто и представляли, въ этомъ отношеніи, довольно замѣтный контрастъ съ постоянными дворами и почтовыми станціями различныхъ большихъ и малыхъ трактовъ внутри Россіи.

Въ Питкарантѣ мы прожили болѣе недѣли, изучая и описывая ея мѣдные рудники и заводы. Свободное отъ занятій время мы посвящали прогулкамъ по окрестностямъ, среди которыхъ встрѣчалось не мало мѣстечекъ, отличавшихся красотою и живописностью. Въ тихую погоду катались въ лодкѣ по близъ лежащему озеру; знакомились съ бытомъ мѣстнаго населенія и, заучивъ нѣсколько финскихъ словъ, вступали иногда въ разговоры съ тѣмъ или другимъ изъ встрѣчавшихся финновъ.

Мнѣ очень понравился этотъ трудолюбивый, чистоплотный и замѣчательно честный народъ. Какъ образецъ честности, приведу одинъ случай съ нашимъ руководителемъ практическихъ работъ, Юргенсомъ. На пути изъ Питкаранты въ Гельсингфорсъ, онъ потерялъ бумажникъ, въ которомъ заключалась довольно солидная сумма, отпущенная ему на расходы по нашему путешествію. Потерю бумажника Юргенсъ замѣтилъ только въ Гельсингфорсѣ и считалъ уже

деньги безвозвратно пропавшими; какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, въ гостиницу, гдѣ мы остановились, заявляется какой-то чухонецъ и вручаетъ ему его бумажникъ, который онъ нашелъ случайно на дорогѣ и спѣшилъ возвратить по принадлежности. Нечего и говорить, что Юргенсъ былъ очень доволенъ и щедро наградилъ честнаго чухонца.

X.

Окончивъ свои занятія въ Питкарантѣ, мы послѣдовательно посѣтили Орьерви, Дальсбрукъ, Фискарсъ и другіе рудники и заводы, лежащіе на пути къ Гельсингфорсу.

Въ одномъ изъ этихъ заводовъ, кажется, въ Фискарсѣ, мы удостоились, между прочимъ, приглашенія на обѣдъ къ владѣльцу его, барону Рамзай. Какъ самъ баронъ, такъ его супруга и двѣ взрослыя дочери приняли насъ весьма привѣтливо и радушно. Воздавъ должную честь вкусному обѣду и попробовавъ, въ первый разъ, холоднаго шведскаго пунша, который, скажу кстати, на нѣкоторыхъ изъ насъ оказалъ таки свое дѣйствіе, мы весело и пріятно провели у барона весь день до поздняго вечера. Дочери его оказались любительницами музыки, а среди насъ нашелся недурной пѣвецъ-солистъ, В—евъ, который нерѣдко и съ успѣхомъ пѣвалъ на корпусныхъ концертахъ. И вотъ, благодаря этому, вскорѣ же послѣ обѣда, довольно большой залъ заводовладѣльца огласился дружными звуками фортепіано и молодыхъ, свѣжихъ голосовъ. Одною изъ дочерей Рамзая и В—евымъ было исполнено нѣсколько дуэтовъ, романсовъ и арій.

Послѣ поздняго вечерняго чая, съ буттербродами и легкою, холодною закускою, мы покинули радушныхъ хозяевъ и разошлись по своимъ квартирамъ.

Въ рудникахъ Орьерви въ первый разъ пришлось намъ спускаться на большую, сравнительно, глубину, по простымъ, безъ перилъ, деревяннымъ лѣстницамъ. Такихъ лѣстницъ, начиная отъ устья шахты, было устроено около двадцати. Первая изъ нихъ, будучи укрѣплена, верхнимъ концомъ, въ стѣнку шахты, нижнимъ, почти отвѣсно, устанавливалась на небольшой площадкѣ, или уступѣ, съ котораго, укрѣпленная, подобно первой, шла вторая, а за нею и всѣ слѣдующія лѣстницы. Спускались мы другъ за другомъ, лицомъ къ ступенямъ и держась руками за послѣднія. Для людей непривычныхъ такой спускъ представлялся не безопаснымъ. Стоило только почувствовать головокруженіе, или, поскользнувшись, сорваться съ ступеньки, и вы могли

полетѣть внизъ, на уступъ, а не удержавшись на немъ, свалиться на самое дно шахты. Но если бъ даже это случилось не съ вами, а съ человѣкомъ, надъ вами спускающимся, то и тогда вамъ грозила бы не меньшая опасность, такъ какъ, падая самъ, онъ несомнѣнно весьма легко могъ сбить васъ съ лѣстницы и увлечь вслѣдъ за собою.

Но, благодаря Бога, мы всѣ спустились благополучно и очутились въ громадной, подземной пещерѣ, въ которой, и на днѣ и на бокахъ ея, копошились рабочіе. Каждый изъ нихъ работалъ съ огнемъ, освѣщая фонарикомъ часть пространства, имъ вырабатываемаго, что, въ общемъ, представляло весьма оригинальное и эффектное зрѣлище.

Пещера, въ которую мы спустились, сообщалась съ нѣсколькими другими; въ одной изъ нихъ, отъ почвенныхъ водъ, образовалось цѣлое озеро. Малѣйшій стукъ, или шумъ казались тамъ гораздо сильнѣе и повторялись въ отчетливомъ и громкомъ эхо. Особенный эффектъ получался отъ звука ружейныхъ выстрѣловъ.

Внимательно осмотрѣвъ работы по добычѣ руды, мы, тѣмъ же путемъ, по лѣстницамъ, поднялись на верхъ и, порядкомъ утомленные, направились къ своимъ временнымъ квартирамъ.

Покончивъ съ обзоромъ остальныхъ заводовъ, помчались мы, на бойкихъ, финскихъ лошадкахъ, по дорогѣ къ Гельсингфорсу, гдѣ предполагалось провести около двухъ недѣль и употребить ихъ на приведеніе въ порядокъ дорожныхъ замѣтокъ и на составленіе, по нимъ, бѣловыхъ журналовъ.

Выѣхавъ съ одной изъ станцій уже около восьми часовъ вечера и разсчитывая ночевать на слѣдующей, я и мой спутникъ стали замѣчать, что лошадь наша пошла медленнѣе, и мы все болѣе и болѣе отставали отъ ѣхавшихъ впереди насъ товарищей, а слѣдовавшіе за нами успѣли уже насъ обогнать. Между тѣмъ погода, которая и раньше не обѣщала ничего хорошаго, начала замѣтно и быстро портиться. Не сдѣлали мы и пяти верстъ, какъ небо покрылось тучами, поднялся вѣтеръ и сталъ накрапывать дождь. Мы ѣхали безъ проводника — пойги и, несмотря на всѣ наши усилія заставить лошадь бѣжать скорѣе, не только ничего не добились, но, къ нашему несчастію, она пошла еще тише, затѣмъ вскорѣ остановилась и, зашатавшись, грохнулась на землю. Мы выпрыгнули изъ таратайки и начали ее поднимать, но, увы, усилія наши оказались тщетными. Должно быть еще ранѣе чѣмъ-нибудь заболѣвшая лошадь не поднималась, а какъ-то странно хрипѣла и, наконецъ, вскорѣ же издохла. Къ довершенію этой непріятности, поднялась гроза, послышались громовые раскаты, почти совсѣмъ черныя тучи прорѣзывались зигзагами блестящихъ молній, а дождь все усиливался и превратился въ ливень. Положеніе наше оказалось крайне незавиднымъ. Ждать помо-

щи было не откуда, да и некогда, а до станціи оставалось еще около десяти верстъ.

Дѣлать нечего, покинувъ экипажъ и чемоданъ на произволъ судьбы, двинулись мы скорымъ шагомъ впередъ и черезъ три часа, промокшіе насквозь и страшно утомленные, увидѣли, наконецъ, мелькнувшій вдали огонекъ. Ну, вотъ, думаемъ, добрались, слава Богу, до станціи. Но не тутъ-то было. Подойдя ближе, мы очутились у сторожевой избы, стоявшей на берегу рѣки Вуоксы, а желанная станція, увы, хотя и находилась близко, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ насъ, но только на другомъ, противоположномъ берегу, и чтобы попасть въ нее, нужно было переправиться черезъ рѣку на паромѣ, который ночью не дѣйствовалъ. Какъ тутъ быть? Не ночевать же въ самомъ дѣлѣ въ крохотной и жалкой избушкѣ, когда тамъ, напротивъ, такъ привѣтливо мелькаютъ огни станціоннаго дома, гдѣ укрылись уже наши товарищи, и куда съ неудержимою силою влекли насъ и чай, и ужинъ, и чистыя уютныя комнаты, въ которыхъ такъ пріятно было бы поскорѣй освободиться отъ промокшаго платья, обогрѣться и отдохнуть.

Обратились мы къ караульщику-чухонцу съ просьбою переправить насъ на ту сторону въ лодкѣ.

— Нельзя, возразилъ онъ: темно очень, опасно.

— Ну, какъ-нибудь, убѣждали мы; вѣдь ты человѣкъ опытный, а рѣка не широкая.

— Не широка да ужъ больно сердита: ишь какъ ворчитъ.

И точно, въ промежутки, когда вѣтеръ нѣсколько стихалъ, со стороны рѣки, тамъ, гдѣ-то ниже несся какой-то особый гулъ и рокотъ. Эти звуки, какъ оказалось, доносились до насъ отъ находящагося недалеко отъ перевоза водопада Иматры.

Но мы не отставали отъ караульщика съ своими просьбами и, соблазнивъ его предложенной платой, добились, въ концѣ концовъ, его согласія—переправить насъ въ лодкѣ.

Къ нашему благополучію, вѣтеръ нѣсколько утихъ, гроза почти прекратилась и только небольшой дождь продолжалъ еще насъ помачивать. Усѣвшись въ челнъ, отчалили мы отъ берега и были чрезвычайно рады, что наконецъ-то намъ удастся добраться до давно желаннаго ночлега. Но это случилось еще далеко не такъ скоро, какъ мы полагали: страшно быстрая и бурливая, въ этомъ мѣстѣ, рѣка безпрестанно относила нашъ челнъ внизъ по теченію, относила на столько рѣзко и внезапно, что мы, замирая отъ страха, такъ и думали, что перевозчикъ не справится и мы попадемъ въ пороги, предшествовавшіе водопаду. Темнота ночи, рокотъ и гулъ, доносившіеся съ Иматры, и эти сильные, какъ-бы чьей-то невидимой рукой произ-

водимые толчки, отъ которыхъ наша лодка, въ одно мгновеніе, относилась на пять, на шесть саженъ по теченію, все это, вмѣстѣ взятое, заставило насъ пережить минуты, далеко не пріятныя и казавшіеся намъ безконечными.

Но все обошлось благополучно. Управляемый твердою и опытною рукою, небольшой челнъ нашъ, то быстро спускаясь внизъ по рѣкѣ, то медленно по ней поднимаясь, черезъ тридцать пять, или сорокъ минутъ, причалилъ къ берегу, и мы поспѣшили къ станціи.

Нечего и говорить, что нашъ менторъ и товарищи сильно безпокоились о нашемъ отсутствіи и рѣшительно недоумѣвали, чему бы приписать причину послѣдняго. Уже Юргенсъ распорядился, было, отправить за нами посланнаго, какъ мы, страшно уставшіе, промокшіе и перепачканные, появились вдругъ въ станціонной комнатѣ.

Перемѣнивъ бѣлье и платье, мы съ аппетитомъ принялись за чай и ужинъ и, въ оживленной бесѣдѣ о дорожномъ приключеніи, вскорѣ же успѣли позабыть объ испытанныхъ нами непріятностяхъ.

Къ утру посланный со станціи доставилъ намъ и оставленный нами на дорогѣ чемоданъ.

На другой день мы отправились на Иматру. Этотъ, уже много разъ описанный, водопадъ представляетъ собою дѣйствительно эффектное и грандіозное зрѣлище. Каменистое русло Вуоксы, протекающей между высокими, гнейсовыми берегами, понижаясь значительно въ одномъ мѣстѣ, образуетъ крутой уклонъ, въ нѣсколько саженъ длиною. Посреди этого уклона, усѣяннаго разной величины камнями, поднимается чуть не цѣлая скала, около четырехъ саженъ вышиною. Быстрыя воды рѣки, достигнувъ уклона, съ страшнымъ гуломъ и рокотомъ, бурля и пѣнясь, низвергаются внизъ громаднымъ каскадомъ. Ударяясь, на пути, о встрѣчныя, каменныя преграды, водяныя струи быстро поднимаются на значительную высоту, разсыпаются милліонами мелкихъ брызгъ и ярко играютъ, въ солнечныхъ лучахъ, всѣми цвѣтами радуги.

Довольно долго и съ разныхъ пунктовъ любовались мы водопадомъ и живописными берегами Вуоксы. Затѣмъ, пообѣдавъ въ небольшой устроенной близъ него гостиницѣ, вернулись на станцію и въ тотъ же день отправились въ дальнѣйшій путь къ Гельсингфорсу.

Въ Гельсингфорсѣ остановились мы въ одной изъ гостиницъ, гдѣ для насъ, на каждыхъ двухъ человѣкъ, было занято по отдѣльному, весьма приличному нумеру.

Время наше въ этомъ красивомъ и чистенькомъ губернскомъ городѣ проводили мы довольно пріятно и разнообразно. По утрамъ вставали, кто когда хотѣлъ, и пили, по желанію, или чай, или кофе, всегда съ прекрасными сливками и свѣжимъ хлѣбомъ, которые пода-

вала намъ, въ нумеръ, прислуга, состоящая преимущественно изъ женщинъ. Около часу мы завтракали, но уже всѣ вмѣстѣ, собираясь въ общемъ, также занятомъ для насъ Юргенсомъ, столовомъ залѣ. Далѣе, тамъ же въ четыре часа дня обѣдали, въ семь—восемь часовъ вечера пили чай и около одиннадцати ужинали.

Приведеніемъ въ порядокъ черновыхъ и составленіемъ бѣловыхъ рабочихъ журналовъ мы занимались обыкновенно утромъ, до завтрака. Послѣ завтрака, до обѣда, осматривали городъ и его достопримѣчательности. Послѣ обѣда, часа два, отдыхали, т. е. коротали время въ товарищескихъ бесѣдахъ и болтовнѣ, полуразвалясь на кроватяхъ и нещадно дымя папиросами. Передъ вечернимъ чаемъ купались, а вечеромъ, часовъ около девяти, отправлялись въ городской садъ послушать музыку и поглазѣть на гуляющую тамъ мѣстную публику.

Побывали мы также и въ Свеаборгѣ, въ этой, прикрывающей Гельсингфорсъ и устроенной на семи островахъ, старинной крѣпости.

Проживъ около двухъ недѣль въ Гельсингфорсѣ, отправились мы въ обратный путь на пароходѣ. Погода стояла пасмурная. Поднявшійся съ утра вѣтеръ все болѣе крѣпчалъ и усиливался. По заливу заходили крупные валы, которые, вздымаясь и опускаясь, превращались постепенно, на всемъ видимомъ пространствѣ его, въ безчисленные ряды высокихъ и пѣнящихся водяныхъ холмовъ. Пароходъ нашъ такъ сильно качало изъ стороны въ сторону, что все, находившееся на столахъ, стульяхъ, полкахъ, слетало на полъ, а стоять на мѣстѣ, за что-нибудь не удерживаясь, не было никакой возможности. Большинство пассажировъ разошлось по каютамъ и стало испытывать непріятные приступы морской болѣзни.

Насъ буря эта застала за обѣдомъ на палубѣ. Одинъ за другимъ почти всѣ товарищи повышли изъ-за стола и, не окончивъ обѣда, поспѣшили укрыться въ своихъ каютахъ или рубкѣ. Только я съ Б—вымъ досидѣлъ до конца обѣда и, плотно покушавъ, еще долго оставался на палубѣ. Закуривъ папиросы и крѣпко держась за мачту, мы любовались разгулявшейся бурей.

Къ вечеру вѣтеръ утихъ, и мы благополучно добрались до Выборга. Въ этомъ городѣ мы пробыли около сутокъ, осмотрѣли его главныя улицы и особенно полюбовались прекраснымъ садомъ барона Николаи, раскинутымъ на самомъ берегу Финскаго залива.

Но, вотъ, покинувъ Выборгъ и распростившись съ Финляндіей, миновали мы Кронштадтъ, вошли въ устье Невы, поднялись по ней до пароходной пристани и тѣмъ закончили наше продолжительное и пріятное путешествіе.

XI.

По возвращеніи съ практическихъ занятій, я провелъ остальную часть лѣтнихъ вакацій въ Петербургѣ, гдѣ по обыкновенію большую часть времени посвящалъ моему любимому развлеченію — уженью рыбы.

По окончаніи вакацій я явился въ корпусъ съ отрадною мыслію, что только девять мѣсяцевъ придется еще провести мнѣ въ его стѣнахъ, а тамъ всѣ мы, восьми классники, вырвемся наконецъ на свободу.

Эти девять мѣсяцевъ протекли быстро и незамѣтно, тою же ровною и однообразною струею, какъ и всѣ имъ предшествовавшіе. Никакихъ перемѣнъ и особыхъ событій въ нашей кадетской жизни не произошло. Только нѣкоторые изъ насъ, воспитанниковъ третьяго спеціальнаго класса, были пожалованы офицерскими, серебряными темляками и украсили ими свои тесаки.

Настали, наконецъ, и наши послѣдніе экзамены.

— Ахъ, если бъ назначили предсѣдателемъ нашей коммиссіи Грота [1]), авось бы и мнѣ удалось тогда выдержать на поручика, замѣтилъ кто-то изъ кадетъ, во время бесѣды съ товарищами о предстоящихъ экзаменахъ.

— Да, это было бы недурно, подхватилъ другой. Вонъ, въ прошломъ году даже К—въ и Д—въ вышли поручиками.

— А все благодаря Токареву. Онъ живо смекнулъ, что изъ пріема Грота предлагать билеты можно извлечь большую для всѣхъ пользу, добавилъ третій.

А пріемъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Картонные билеты, по числу значащихся въ программѣ вопросовъ, Гротъ раскладывалъ рядами на столъ, за стоявшимъ передъ нимъ письменнымъ приборомъ, въ центрѣ котораго помѣщался довольно большой овальный и блестящій какъ зеркало звонокъ. Всѣ экзаменующіеся вызывались имъ, одинъ за другимъ, одновременно и, взявъ билетъ, не перевертывая и не смотря его, передавали предсѣдателю. Послѣдній, взглянувъ на значащуюся на билетѣ цифру, отмѣчалъ ее въ спискѣ учениковъ, противъ ихъ фамилій. По раздачѣ такимъ образомъ билетовъ, онъ приступалъ къ экзамену, который производился слѣдующимъ порядкомъ: взявшій билетъ съ первымъ нумеромъ вызывался первымъ, за нимъ слѣдовалъ взявшій билетъ съ нумеромъ вторымъ, потомъ съ третьимъ и т. д. до конца.

Отличавшійся вообще большою смѣтливостью Токаревъ въ пер-

---

[1]) Фамилія вымышлена.

вый же день экзамена уже успѣлъ сообразить, что пріемъ Грота можетъ сослужить ему и его товарищамъ громадную службу.

На другой же день онъ сдѣлалъ опытъ. Усѣвшись на предсѣдательскомъ мѣстѣ и разложивъ за письменнымъ приборомъ билеты, онъ предложилъ товарищамъ брать и передавать ихъ ему, черезъ оваль звонка и зорко наблюдать отразившуюся въ этомъ овалѣ, какъ въ зеркалѣ, цифру билета.

Опытъ удался какъ нельзя лучше, и каждый, передавая билетъ, легко улавливалъ, отраженный оваломъ звонка, его нумеръ.

Еще разъ повторивъ опытъ, кадеты постановили: во-первыхъ, первые десять нумеровъ программы пройти заблаговременно, и взявшимъ билеты съ этими, а также и болѣе дальными нумерами, присутствовать на экзаменѣ; во-вторыхъ, восемь кадетъ, которымъ достанутся билеты съ слѣдующими, за десятымъ, восемью нумерами, остаются въ учебныхъ комнатахъ своихъ ротъ и тамъ проходятъ свои билеты, а пройдя ихъ, присоединяются къ товарищамъ, находящимся въ конференцъ-залѣ, изъ котораго, въ свою очередь, выйдутъ и удалятся въ учебныя комнаты слѣдующіе восемь человѣкъ и т. д.

Но, увы, предсѣдателемъ экзаменаціонной коммиссіи на этотъ разъ былъ назначенъ не Гротъ, а какой-то другой, горный генералъ, который велъ экзамены обычнымъ порядкомъ, ни въ чемъ не облегчавшимъ экзаменующихся воспитанниковъ.

Тѣмъ не менѣе экзамены для большинства моихъ товарищей сошли весьма успѣшно. Изъ семнадцати человѣкъ нашего класса четырнадцать выдержали на поручика, по одному—на подпоручика и прапорщика, и одинъ былъ выпущенъ съ чиномъ XII-го класса.

Вотъ, наконецъ, вернулся я съ послѣдняго экзамена и, сдавъ по принадлежности всѣ имѣвшіяся у меня казенныя книги и лекціи, отправился въ отпускъ, къ роднымъ. Тамъ меня уже ждало кое-что изъ заказаннаго портному и доставленнаго имъ офицерскаго платья, которое я, съ удовольствіемъ, спѣшилъ поскорѣе примѣрить.

Небольшой, двухъ-недѣльный промежутокъ времени, между послѣднимъ экзаменомъ и производствомъ въ офицеры, прошелъ скоро и незамѣтно въ хлопотахъ по закупкѣ бѣлья, обуви и вообще всѣхъ принадлежностей туалета и формы. А хлопотъ было не мало, ибо приходилось экипировываться съ головы до ногъ. Кромѣ посланной на экипировку отцомъ довольно скромной суммы, я долженъ былъ получить еще и отъ казны, такъ какъ казеннокоштнымъ пансіонерамъ полагалось на этотъ предметъ: поручикамъ—по 150 и подпоручикамъ и прапорщикамъ—по 125 рублей каждому.

Покончивъ съ покупками и заказами, я раза два заходилъ въ штабъ и справлялся тамъ, скоро ли выйдетъ приказъ о нашемъ про-

изводствѣ. Первый разъ мнѣ ничего вѣрнаго не сообщили, такъ какъ государь находился въ отсутствіи, а о времени возвращенія его въ столицу въ штабѣ было еще не извѣстно. Во второй же разъ я узналъ, что государя ждутъ 15-го іюня и что 16-го, по всей вѣроятности, выйдетъ и приказъ о нашемъ производствѣ.

Въ этотъ день, около часу по полудни, я снова отправился въ штабъ, гдѣ въ пріемной засталъ своего товарища, М—цкаго, который сообщилъ, что министръ уѣхалъ съ докладомъ къ государю, и что начальникъ штаба уже у министра и будетъ ожидать тамъ возвращенія послѣдняго. Мы рѣшили дождаться Александра Абрамовича въ пріемной и, усѣвшись въ сторонкѣ, завели бесѣду о предстоявшей намъ новой жизни и службѣ.

Разговаривая и строя всевозможные планы, просидѣли мы въ пріемной почти до четырехъ часовъ, а Перетцъ все еще не возвращался. Онъ пріѣхалъ только около половины пятаго и, проходя черезъ пріемную, сердечно поздравилъ насъ съ производствомъ въ офицеры.

— Черезъ полчаса будутъ готовы приказы; я уже приказалъ ихъ печатать. Можете получить по экземпляру и съ Богомъ отправляться домой, добавилъ онъ и прошелъ въ свой кабинетъ.

М—цкій остался дожидаться приказовъ, а я поспѣшилъ домой, такъ какъ вечеръ этого дня, съ тремя товарищами, О—о, Т—нымъ и В—вымъ, рѣшили мы ознаменовать небольшимъ partie de plaisir, а именно прокатиться въ коляскѣ по островамъ, побывать на представленіи въ Каменно-Островскомъ театрѣ и поужинать въ загородномъ ресторанѣ. Вернувшись домой и переодѣвшись въ новенькое офицерское платье, заѣхалъ я по пути за О—о и, вмѣстѣ съ нимъ, отправился въ корпусъ, гдѣ, за неимѣніемъ въ городѣ родныхъ, въ одномъ изъ отдѣленій второй роты, помѣщались нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, а въ томъ числѣ и Т—нъ съ В—вымъ.

Обширное зданіе корпуса въ это время почти совсѣмъ пустовало, такъ какъ кадеты и большинство имѣвшихъ въ немъ квартиры начальствующихъ лицъ уже успѣло разъѣхаться по дачамъ.

Поздравивъ товарищей съ производствомъ въ офицеры и подождавъ переодѣвавшихся Т—на и В—ва, мы, вчетверомъ, вышли на крыльцо и уже спускались по лѣстницѣ, какъ неожиданно появился передъ нами помощникъ директора Аврамовъ.

— Это что?! воскликнулъ онъ: кто вамъ разрѣшилъ надѣвать офицерское платье?

— Сегодня вышелъ приказъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ я, а потому мы думали...

— И ничего путнаго не придумали, перебилъ Михаилъ Василье-

вичъ. Это не порядокъ. Вы обязаны были ждать извѣщенія о вашемъ производствѣ чрезъ ваше непосредственное начальство.

— Но мы этого не знали, ваше превосходительство.

— А гдѣ же приказъ?

— У насъ его нѣтъ, отвѣтилъ я, но мы съ М—цкимъ видѣли его въ штабѣ и самъ начальникъ штаба поздравилъ насъ съ производствомъ.

— И все же это не порядокъ, продолжалъ ворчать Аврамовъ. Ну, да ужъ Богъ съ вами. А теперь пойдемте къ товарищамъ.

Съ этими словами, онъ направился въ корпусъ, а мы, конечно, послѣдовали за нимъ.

— Поздравляю васъ, господа, сказалъ онъ, входя въ отдѣленіе и отвѣтивъ на привѣтствіе бывшихъ кадетъ.

— Покорно благодаримъ. Очень благодарны, отвѣчали мы.

— Всѣ вы теперь, господа, на хорошей, прямой дорогѣ, продолжалъ Аврамовъ; идите же по ней съ честью; достойно служите царю и отечеству... Будьте признательны заведенію, гдѣ заботились и пеклись о васъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья... гдѣ старались относиться къ вамъ, по возможности, справедливо и безпристрастно... Хотя подъ часъ съ васъ и взыскивали, но дѣлали это, любя, изъ желанія добра... съ цѣлію исправленія вашихъ недостатковъ. Ну, довольно. Желаю вамъ всего хорошаго. Прощайте!

При послѣднихъ словахъ, голосъ Михаила Васильевича слегка дрогнулъ, и онъ, круто повернувшись, быстро вышелъ отъ насъ, замѣтно взволнованный.

Черезъ нѣсколько минутъ довольные, съ сіяющими лицами, усѣлись мы въ коляску и понеслись по направленію къ Каменному острову.

Нужно признаться, что сильно таки занимали насъ и офицерское платье, и полная свобода дѣйствій, и даже возможность курить открыто, безъ опасенія быть за это наказаннымъ. Да и не мудрено. Семь, восемь долгихъ лѣтъ жили мы, можно сказать, взаперти, ежедневно скованные разными корпусными формальностями, подъ неусыпнымъ и бдительнымъ контролемъ начальства, хотя добраго и заботливаго, но, все же, подчасъ, каравшаго насъ и стѣснявшаго нашу свободу. И вдругъ все это кончилось, мы на свободѣ, мы—офицеры. Какъ тутъ не ликовать и не радоваться, особенно, если принять въ соображеніе, что всѣ мы окончили курсъ очень юными: большинству изъ насъ было не болѣе 18—19 лѣтъ; у иныхъ еще не замѣчалось даже признака усовъ, а у другихъ они только-что начинали пробиваться.

Не помню, какая именно шла въ тотъ вечеръ въ Каменно-Остров-

скомъ театрѣ піеса, но помню хорошо, что, какъ піеса эта, такъ самый театръ, игра артистовъ, публика, словомъ, все намъ нравилось и доставляло какое-то особенное удовольствіе. Въ антрактахъ, закуривъ папиросы, расхаживали мы по аллеямъ около зданія театра, весело болтая между собою и разсматривая толпы гуляющихъ.

Помню, какъ кто-то изъ насъ, увидѣвъ шедшаго навстрѣчу намъ военнаго генерала и, позабывъ о своемъ офицерскомъ званіи, быстро потушилъ и бросилъ на песокъ папиросу.

— Ахъ, чортъ возьми! воскликнулъ онъ, отдавъ честь генералу: что это я сдѣлалъ? Вотъ что значитъ привычка курить потихоньку.

Мы дружно разсмѣялись и нѣсколько разъ въ теченіе вечера подтрунивали надъ товарищемъ.

— Офицеръ идетъ! Прячь папироску! говорили мы ему безпрестанно.

По окончаніи спектакля, занявъ отдѣльный кабинетъ въ ресторанѣ, мы весело и съ аппетитомъ поужинали и даже слегка кутнули.

Такимъ образомъ провели мы первый день въ нашемъ новомъ, офицерскомъ званіи, и, право, это былъ едва-ли не самый свѣтлый, счастливый и беззаботный день во всей нашей жизни.

Время, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ быстро и незамѣтно. Мы побывали на разныхъ гуляніяхъ: въ Петергофѣ, Павловскѣ, словомъ, всюду, гдѣ только успѣли.

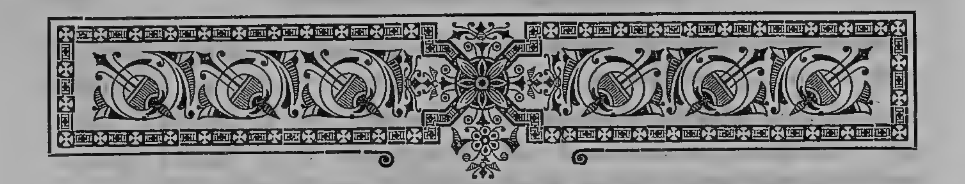
Но, вотъ, состоялся приказъ о назначеніи насъ на службу, и мы вскорѣ должны были покинуть Петербургъ и разбрестись въ разныя стороны.

Прежде чѣмъ разстаться, и разстаться, быть можетъ, на долго съ своими товарищами, мы собрались еще разъ всѣ вмѣстѣ, въ одномъ изъ ресторановъ, гдѣ шумно и весело пообѣдавъ, провели послѣдній вечеръ, до глубокой ночи, въ задушевныхъ бесѣдахъ и мечтахъ о будущемъ.

Давно, очень давно это было, и сколько плановъ осталось неосуществленными, сколько свѣтлыхъ надеждъ и пылкихъ мечтаній рушилось и разбилось о разные подводные камни бурнаго и измѣнчиваго потока жизни.

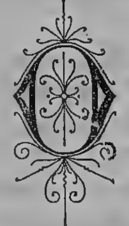
Ал. Кавадеровъ.

Историческіе и бытовые очерки европейской старины.

За кулисами турецкаго двора.

О султанѣ Абдулъ-Гамидѣ, „ханѣ эль-Гази (Побѣдоносный), тѣни Бога на землѣ, калифѣ ислама, и пр., и пр.“ почти все уже сказано. У него нѣтъ ни друзей, ни поклонниковъ, но похвалы расточались ему съ такимъ же правомъ, какъ и проклятія.

Исторія произнесетъ надъ нимъ суровый приговоръ, потому что онъ запятналъ себя кровью, часто невинной, безъ всякой пользы для своей страны и народа; но нужно признать, что у него нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни, особенно, въ коварствѣ. Онъ имѣетъ всѣ пороки своей вырождающейся расы и этой источенной червями Византіи, откуда онъ терроризируетъ народъ, удерживаемый подъ его эфемерной и шаткой властью лишь страхомъ наказанія.

Всѣ боятся и ненавидятъ его, но служатъ ему, потому что онъ сумѣлъ эксплоатировать ихъ страсти и создать особенную, свойственную его царствованію черту въ мусульманской душѣ нѣкогда сильной и честной. Ибо превыше всѣхъ золъ, напущенныхъ имъ на Турцію, должно поставить ему въ вину то, что онъ развратилъ навсегда совѣсть всей націи, чтобы унизить ее подъ своимъ режимомъ.

Главныя орудія этого пагубнаго дѣла нужно искать въ непосредственно окружающей его средѣ, въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Послѣ долгаго періода пробъ, ему удалось, наконецъ, найти нужныхъ людей и обдѣлать ихъ по своему образу и подобію. За рѣдкими исключеніями, всѣ они поняли его и служатъ его видамъ съ замѣчательнымъ послушаніемъ, по привычкѣ, изъ боязни, жадности или подлости. Онъ дирижируетъ этой арміей низкихъ страстей, служащей опорой его трона и доставляющей эту относительную безопасность, которою онъ пользуется. Чтобы понять султана, нужно разсмотрѣть ближе людей, которые управляютъ Турціей и насмѣхаются надъ Европой именемъ

Абдулъ-Гамида. Вотъ эти царедворцы, по порядку ихъ вліянія и чина.

Первый секретарь его величества: Тахсинъ-паша, первый секретарь султана, былъ главнымъ секретаремъ каравансарая, называемаго въ Турціи морскимъ министерствомъ, когда падишахъ призвалъ его замѣстить Сюерія-пашу, котораго чашка отравленнаго кофе отправила въ рай Магомета, въ 1894 г.

Робкій писецъ, онъ съ трепетомъ переступилъ порогъ Ильдизъ-Кіоска, откуда выходитъ очень рѣдко. Въ то время, какъ цѣлый сонмъ сановниковъ приходилъ поздравлять и изучать его, или просить у него милостей, онъ тревожно думалъ о грозящихъ ему опасностяхъ. Этотъ страхъ преслѣдуетъ его и теперь еще, несмотря на почести и фаворы, полученные имъ впослѣдствіи. Авторитетъ и вліяніе его очень велики, но онъ рѣдко пользуется ими. Онъ могъ бы имѣть огромное состояніе, такъ какъ въ случаяхъ для наживы недостатка не было, но онъ предпочитаетъ давать обогащаться своимъ подчиненнымъ, которые бросаютъ ему кость глодать, послѣ того, какъ сами наѣдятся до отвалу.

Всякій разъ, когда мнѣ случалось видѣть его въ полуразвалившемся зданіи, гдѣ помѣщается его бюро, онъ внушалъ мнѣ скорѣе жалость. Его измученныя черты и зеленый цвѣтъ лица ясно обнаруживаютъ его душевныя волненія и безсонныя ночи. Ибо султанъ призываетъ его во всякій часъ дня и ночи, чтобы продиктовать ему какой-нибудь приказъ или разбранить его, и не даетъ ему ни минуты покою. Ему нужно спеціальное позволеніе, чтобы повидаться съ женой, которая живетъ у воротъ дворца, и часто онъ не получаетъ такого позволенія.

Однажды, когда я жаловался ему на одного министра, вымогавшаго у меня порядочный кушъ, онъ отвѣтилъ мнѣ съ важнымъ видомъ: „ужъ если этотъ человѣкъ заберетъ себѣ въ голову поживиться въ какомъ-нибудь дѣлѣ, то никто не можетъ воспрепятствовать ему въ этомъ“. — И султанъ? спросилъ я. — Его величество не дѣлаетъ затрудненій своимъ министрамъ, сказалъ онъ, и въ заключеніе прибавилъ: „какая страна“!

Вскорѣ послѣ того я узналъ, что этотъ министръ—его протеже и дѣлится съ нимъ получаемыми взятками.

Въ другомъ случаѣ, гдѣ дѣло шло о важномъ сообщеніи, которое одинъ иностранецъ желалъ сдѣлать султану непосредственно, помимо него, онъ сказалъ мнѣ наивно: „напишите моему повелителю по-французски то, что вы хотите ему сообщить, въ запечатанномъ конвертѣ, и будьте увѣрены, что я представлю ваше письмо его величеству“. Что удивительно, это то, что онъ сдержалъ слово, и черезъ два часа принесъ намъ отвѣтъ.

Бюро его, черезъ которое ежедневно проходятъ тысячи всякихъ документовъ, всегда завалено газетами и старыми бумагами. Важныя бумаги бросаются имъ подъ столъ, и онъ отлично умѣетъ отыскивать ихъ, когда его призываютъ къ падишаху.

Призывъ этотъ дѣлается очень забавно: камердинеръ султана, въ черномъ сюртукѣ (всѣ турецкіе чиновники должны носить этотъ костюмъ), является въ дверяхъ, отвѣшиваетъ установленный поклонъ и говоритъ вполголоса: „нашъ повелитель проситъ васъ къ себѣ". Тотчасъ же всѣ присутствующіе встаютъ какъ по командѣ, отвѣчаютъ такимъ же поклономъ, и Тахсинъ-паша торопливо бѣжитъ, какъ шавка, за камердинеромъ до аппартаментовъ Абдулъ-Гамида, который часто заставляетъ его позировать по цѣлымъ часамъ.

Въ сущности, Тахсинъ-паша не хуже другихъ, но ограниченность его ума навсегда сохранитъ ему милость султана, который не могъ бы найти перваго секретаря болѣе послушнаго и преданнаго. Онъ щедро награжденъ титулами и орденами, получаетъ хорошее содержаніе, часто получаетъ крупные подарки, и кромѣ того ему попадаютъ кругленькія суммы во всѣхъ дѣлахъ, трактуемыхъ во дворцѣ, такъ какъ онъ представляетъ бумаги на высочайшее утвержденіе.

На его же обязанности лежитъ пріемъ всѣхъ просителей, являющихся во дворецъ ходатайствовать о какой-либо милости или принести какую-либо жалобу, и такъ какъ нравы оттоманскаго двора далеко не дипломатическіе, то мнѣ часто случалось слышать, какъ офицеры осыпали его грубой бранью и грозили разорвать его въ клочки, если онъ не сдѣлаетъ что нужно, чтобы ихъ просьбы были удовлетворены.

Хаджи-Али-паша—первый камергеръ. Это старый турокъ старой школы; онъ проводитъ весь день, сидя по-турецки, т. е. поджавъ подъ себя ноги, въ своемъ креслѣ, передъ столикомъ, на которомъ какъ разъ хватаетъ мѣста только для чернильницы, пепельницы и чашки кофе.

Это одинъ изъ старѣйшихъ слугъ султана; я считаю его скорѣе честнымъ человѣкомъ. Онъ сожалѣетъ о добромъ старомъ времени, когда не было столько интригъ, и когда могущество его не знало соперниковъ.

Находя воротнички и галстуки стѣснительными, онъ предпочитаетъ принимать посѣтителей въ ночной рубашкѣ и безъ башмаковъ. Говоритъ очень мало. На обязанности его лежитъ, между прочимъ, принимать патріарховъ различныхъ религіозныхъ общинъ, и онъ умѣетъ улаживать несогласія между ними.

Старые чиновники предпочитаютъ обращаться къ нему, потому что онъ отличается удивительной памятью. Говоря объ Иззетъ-пашѣ

и Тахсинъ-пашѣ, онъ часто такъ выражается: „да, мы вбили себѣ здоровый гвоздь въ... ногу, рекомендуя султану этихъ интригановъ, уравновѣшивающихъ нашъ авторитетъ".

Мало образованный, онъ протежируетъ преимущественно простымъ людямъ, имѣющимъ чувство признательности.

Несмотря на свою простоту, онъ отлично умѣетъ управлять придворными интригами и беретъ свою долю въ крупныхъ дѣлахъ. У него, говорятъ, порядочное состояніе, которое онъ ежедневно приумножаетъ. Слово его иногда имѣетъ больше авторитета, чѣмъ слово перваго секретаря, такъ какъ онъ умѣетъ при случаѣ проявить нѣкоторую инициативу.

Иззетъ-паша—второй камергеръ и второй секретарь. Маленькій, невзрачный брюнетъ, съ хитрымъ и фальшивымъ видомъ, онъ представляетъ совершенный типъ сирійца sans foi ni loi, способнаго внушать и исполнять всякія низости. Этотъ человѣкъ есть въ одно и то же время проклятая душа зла и зло безъ души.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ и Турція не имѣютъ болѣе жестокаго врага, чѣмъ Иззетъ-паша, ибо онъ мечтаетъ занять мѣсто султана и проглотить Турцію, чтобы утолить свои ненасытные аппетиты. Онъ заставляетъ называть себя „маленькимъ султаномъ" и заслуживаетъ этого претенціознаго титула, такъ какъ ему удается дѣлать все, что онъ захочетъ.

Будучи членомъ смѣшаннаго трибунала, онъ возвелъ подкупность на высоту принципа и открыто продавалъ приговоры. Онъ не задумался осудить свою собственную страну (правда, что, какъ сирійскій арабъ, онъ не имѣетъ отечества) за бакшишъ, который онъ любитъ больше всего на свѣтѣ, и это ему Турція была обязана дѣломъ Тубини. Онъ былъ предсѣдателемъ суда, когда это дѣло разбиралось, и за приличную взятку прехладнокровно приговорилъ султана къ уплатѣ долговъ Мурада II.

Отрѣшенный отъ должности за это дѣло и высланный въ Сирію, онъ собирался тамъ съ силами и выжидалъ событій.

Смуты въ Арменіи доставили ему случай вернуться въ Константинополь. Пробравшись ползкомъ къ двери дворца, онъ подалъ черезъ дежурнаго султану проектъ, который имѣлъ счастіе понравиться Абдулъ-Гамиду и привлекъ къ нему вниманіе. Благодаря своему уму и пронырству, онъ добился того, что султанъ назначилъ его камергеромъ и допустилъ его въ свои совѣты. Иззетъ понялъ своего государя и льстилъ его страстямъ.

Онъ былъ горячимъ подстрекателемъ массовыхъ избіеній и чувствовалъ себя господиномъ положенія, когда христіанская кровь залила равнины Арменіи. Этотъ кровавый періодъ былъ для него золотымъ вѣкомъ,

Я видѣлъ его въ маленькой комнатѣ павильона, который онъ занималъ во внутренней оградѣ дворца, отправляющимъ приказы министрамъ и губернаторамъ, принимающимъ драгомановъ посольствъ, вездѣ поспѣвающимъ совершенно свободно объясняющимся по-французски, по-турецки и по-арабски, въ то время, какъ его профиль хищной птицы оставался безстрастнымъ предъ требованіями и просьбами.

Меня пугала свирѣпость его взгляда и хищность его личины. И въ то время, какъ Турція рисковала своимъ существованіемъ, а негодующая Европа безплодно волновалась, онъ продавалъ все, что проходило черезъ его руки: мѣста, милости, ордена, и нажилъ цѣлое состояніе.

Онъ впалъ, наконецъ, въ немилость, но сохранилъ нажитыя деньги, и такъ хорошо сохранилъ, что вскорѣ опять выплылъ на поверхность, гдѣ и держится до сихъ поръ. Но чтобы оградить себя отъ будущихъ опалъ, онъ помѣщаетъ свои капиталы въ Европѣ и посылаетъ своего сына во Францію съ важными бумагами. Этотъ сынъ, получившій образованіе въ Парижѣ, страшно тяготился жизнью въ Константинополѣ. Отецъ посовѣтовалъ и подготовилъ ему бѣгство; затѣмъ, когда узналъ, что онъ находится въ безопасности, на бортѣ французскаго парохода, бросился въ ноги султану, умоляя его приказать арестовать и привезти обратно бѣглеца.

Абдулъ-Гамидъ понялъ, что его дурачатъ, но ничего не сказалъ. Когда, нѣсколько времени спустя, Иззетъ рискнулъ попросить какую-то милость, онъ отказалъ ему въ просьбѣ.

Сиріецъ надулся, притворился больнымъ и заперся въ своемъ домѣ. Абдулъ-Гамидъ, справедливо не довѣряющій ему, велѣлъ наблюдать за нимъ нѣсколькимъ докторамъ, посланнымъ будто бы для пользованія больнаго, и ждалъ, чтобы жадность заставила гіену выйти изъ своей берлоги.

Султанъ глубоко презираетъ его, но не хочетъ такъ скоро открыть ему двери Магометова рая, такъ какъ это самый умный человѣкъ между окружающими его царедворцами.

Когда Абдулъ-Гамиду пришлось подписать, конечно, противъ воли, ирадэ, улаживавшее инцидентъ Тубини-Лорандо, онъ сказалъ Иззету, который представилъ ему къ подписи эту злополучную бумагу: „да будетъ проклятъ Господомъ тотъ, кто былъ виновникомъ этого дѣла!“ Но Иззетъ нисколько не смутился. Онъ даже осмѣлился просить, чтобы ему было поручено управленіе дѣлами военнаго флота, и просьба его была исполнена. Увѣряютъ, что онъ собралъ съ владѣльцевъ кораблестроительныхъ верфей германскихъ, англійскихъ, американскихъ и итальянскихъ 3 или 4 милліона франк. бакшиша.

Теперь онъ стоитъ во главѣ финансовой коммиссіи, которая должна пещись объ интересахъ казны, но онъ печется въ особенности о своихъ интересахъ, и понимаетъ дѣло такъ, что желающіе ссудить деньги Турціи должны начать съ врученія ему надлежащей суммы за посредничество.

Онъ имѣлъ смѣлость отвѣтить парижской группѣ, предлагавшей 100 милліоновъ оттоманскому правительству, что „Турціи нѣтъ болѣе надобности прибѣгать къ услугамъ заграницы, чтобы достать денегъ, и что отнынѣ, по примѣру Россіи, Японіи и Англіи, она будетъ дѣлать внутренніе займы по 4%!“ Это потому, что не позаботились напередъ опредѣлить размѣръ съ куртажа. „Это вампиръ Турціи, говорятъ честные турки, и смерть его избавила бы насъ отъ зловредной гадины“.

Всѣ презираютъ его за его цинизмъ и нечистоплотность. Въ началѣ 1903 г. одинъ членъ парижской прессы, проѣздомъ черезъ Константинополь, отправился къ нему съ визитомъ. Хотя больной, скрученный ревматизмомъ, онъ принялъ его, несмотря на присутствіе докторовъ, въ халатѣ, въ своей спальнѣ, представляющей chef-d'oeuvre мавританскаго стиля. Онъ почти что бросился журналисту на шею, горячо благодарилъ его за посѣщеніе и объявилъ, что питаетъ къ нему огромную симпатію, хотя, надо замѣтить, видѣлъ его первый разъ въ жизни. Затѣмъ, въ теченіе получаса, несмотря на испытываемыя мучительныя боли, излагалъ ему трогательный разсказъ о рѣзнѣ въ Арменіи и Македоніи, чтобы доказать, что виноваты были жертвы. Онъ дотащился до двери, чтобы проводить своего посѣтителя, и просилъ его завернуть къ нему еще какъ-нибудь.

Когда мой пріятель заѣхалъ во второй разъ, Иззетъ чувствовалъ себя лучше и, главное, былъ одинъ. Ловко повернувъ разговоръ, онъ тотчасъ повелъ рѣчь о подаркахъ и сувенирахъ и сдѣлалъ многозначительную гримасу, когда мой пріятель сказалъ ему, что онъ не продается. Тогда онъ опять заговорилъ съ негодованіемъ объ армянахъ и „болгарахъ“, этихъ неблагодарныхъ, которыхъ Турція осыпала милостями, и которые стали бунтовать. Онъ опять проводилъ его до дверей, со всевозможными изъявленіями дружбы, но имѣлъ видъ недоумѣвающій. Этотъ непродажный журналистъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ его понятія.

Когда мой пріятель еще разъ зашелъ къ нему и между прочимъ спросилъ у него, какой докторъ его лѣчитъ, Иззетъ отвѣтилъ: „Армянинъ“!!—А парикмахеръ, ожидающій въ передней, какой національности?—„Болгаринъ“!!! Журналистъ былъ ошеломленъ. Правда, Иззетъ поспѣшилъ прибавить: „этотъ куаферъ былъ въ Парижѣ, когда султанъ сопровождалъ своего дядю Абдулъ-Азиза. Они привезли его съ

собой въ Константинополь, и съ тѣхъ поръ онъ состоитъ придворнымъ парикмахеромъ". Нужно прибавить также, что всѣ посредники Иззета—армяне или сирійцы христіане, выбранные по его образу и подобію.

Можно было бы написать цѣлые томы объ этомъ зловредномъ человѣкѣ, но это было бы много чести ему. Нужно надѣяться, что султанъ сумѣетъ избавиться отъ него, прежде чѣмъ пасть подъ его ударами, и Турція много выиграетъ, освободившись отъ этого спрута. Нѣтъ надобности говорить, что Иззетъ-паша горячій сторонникъ шпіонства и окружаетъ себя соглядатаями.

Рагибъ-паша—второй секретарь и камергеръ. Этотъ человѣкъ настоящій феноменъ. Мы находимъ у него всѣ качества великихъ людей, ибо онъ въ одно и то же время государственный дѣятель, промышленникъ, коммерсантъ и въ особенности патріотъ. Это послѣднее качество, столь рѣдкое у царедворцевъ Ильдизъ-Кіоска, заставляетъ высоко цѣнить нравственную личность Рагибъ-паши, сумѣвшаго его сохранить.

Такъ какъ его братья поселились въ Константинополѣ, то онъ присоединился къ нимъ и поступилъ тамъ на государственную службу. Онъ быстро выдвинулся своими блестящими способностями и былъ призванъ на службу во дворецъ. Назначенный камергеромъ, въ началѣ царствованія султана Абдулъ-Гамида, онъ посвятилъ себя на служеніе ему съ неподкупной преданностью, которую ничто не могло поколебать впослѣдствіи.

Это человѣкъ благородный и вѣрный, на котораго султанъ можетъ разсчитывать во всякихъ обстоятельствахъ: онъ знаетъ это и нисколько не тщеславится этимъ. Онъ отличается рѣзкимъ прямодушіемъ, удивительнымъ въ этой средѣ лживости и лицемѣрія и интригъ, и любитъ людей прямыхъ и честныхъ. Чуждый фанатизма, онъ награждаетъ своимъ довѣріемъ и уваженіемъ людей всякаго вѣроисповѣданія, которые того заслуживаютъ по своимъ нравственнымъ качествамъ. Онъ рѣдко просилъ себѣ милостей, но настойчиво требовалъ то, что считалъ принадлежащимъ ему по праву.

Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ довольствовался ничтожнымъ содержаніемъ въ 575 франк. въ мѣсяцъ; если теперь онъ паша, то это потому, что султанъ возвелъ его въ этотъ чинъ по собственному побужденію.

Такъ какъ его братья занимались торговлей, то онъ вступилъ съ ними въ компанію и использовалъ внушаемый имъ страхъ, чтобы доставить успѣхъ и процвѣтаніе ихъ дѣламъ.

У него есть нѣсколько рудниковъ очень богатыхъ, которые онъ разрабатываетъ съ умѣньемъ не меньше, чѣмъ у Сесиля Родса, и которые приносятъ ему отъ 2 до 3 милліоновъ въ годъ. Его блестя-

щія спекуляціи по пріобрѣтенію недвижимостей сдѣлали его владѣльцемъ лучшихъ недвижимыхъ имуществъ Константинополя. Вмѣсто того, чтобы терять время на придворныя интриги, онъ проводитъ дни въ своихъ конторахъ, находящихся въ Перѣ, и занимается своими дѣлами.

Это единственный человѣкъ въ Турціи, понимающій, что туркамъ слѣдуетъ самимъ взяться за торговлю для того, чтобы обогащаться, и обходиться безъ паразитовъ изъ христіанъ, которые ихъ эксплоатируютъ.

Его хромовые рудники, слывущіе богатѣйшими въ свѣтѣ, прекрасно управляются. Онъ въ рѣзкой формѣ объявилъ министру горной промышленности, что не потерпитъ контроля его агентовъ, которыхъ могъ бы подкупить или запугать, и чтобы не подавать этого дурнаго примѣра, онъ попросту прогналъ ихъ.

Во дворцѣ его всѣ боятся, зная, что онъ неустрашимъ и способенъ убить всякаго, кто вздумалъ бы вредить ему. Онъ глубоко презираетъ жадную камарилью, обогащающуюся на счетъ обираемой ею страны. Это ожесточенный врагъ всѣхъ разорительныхъ сдѣлокъ, которыя оттоманское правительство заключило съ оттоманскимъ банкомъ или съ частными капиталистами, благодаря сообщничеству перваго секретаря, Иззетъ-паши съ товарищами, и не стѣсняется говорить это султану.

Къ сожалѣнію, его не всегда слушаютъ. Оттого его соперники принуждены удѣлять ему извѣстный процентъ барышей, въ избѣжаніе его вмѣшательства. Ибо этотъ великій человѣкъ не жаденъ, но любитъ деньги, которыя онъ, впрочемъ, расходуетъ очень разумно. Но онъ не принялъ бы постыдныхъ бакшишей, какіе выклянчиваютъ себѣ Иззетъ и ему подобные. Онъ пойдетъ на крупную сумму, но пренебрегаетъ посредственнымъ могарычемъ, что въ Турціи уже огромное безкорыстіе.

Рагибъ-паша, видя, что работаетъ въ пользу своихъ братьевъ, которые довольствуются тѣмъ, что извлекаютъ выгоду изъ его способности, рѣшилъ въ одинъ прекрасный день расторгнуть свое съ ними товарищество. Онъ сдѣлалъ это со свойственной ему грубой откровенностью. Предвидя затрудненія и опасные споры, онъ выпросилъ у султана опальные приказы для своихъ братьевъ и предложилъ имъ на выборъ: или изгнаніе, или раздѣлъ на опредѣленныхъ основаніяхъ; разумѣется, братья выбрали послѣднее.

Обладая солиднымъ образованіемъ, онъ очень хорошо знаетъ французскій, англійскій, турецкій и греческій языки и пишетъ на нихъ совершенно правильно.

Когда обсуждался вопросъ о передѣлкѣ турецкаго флота, пред-

ложенной Иззетъ-пашой, который долженъ былъ получить крупную сумму за устройство этого дѣла, Рагибъ-паша, противникъ этого маскарада, позволилъ себѣ, въ пылу спора, ударить кулакомъ по столу, передъ которымъ сидѣлъ султанъ.

Этотъ жестъ стоилъ бы жизни всякому другому, но султанъ ограничился тѣмъ, что выгналъ вонъ несдержаннаго камергера... Рагибъ былъ въ восторгѣ, потому что эта минутная немилость позволяла ему посвятить себя всецѣло своимъ дѣламъ.

Это единственный изъ камергеровъ, пользующійся правомъ жить по своему нраву, въ Перѣ, заниматься торговлей и дѣлать, что хочетъ.

Во время рамазана, несмотря на предписываемый Кораномъ строгій постъ, онъ позволяетъ себѣ открыто употреблять пищу днемъ, до заката солнца, и насмѣхается надъ шпіонами, слѣдящими за нимъ съ приличнаго разстоянія; двухъ такихъ соглядатаевъ онъ избилъ до смерти среди бѣлаго дня.

Курьезная подробность: онъ всегда носитъ при себѣ подъ жилетомъ цѣлый арсеналъ кинжаловъ и револьверовъ, и не оставляетъ оружіе дома, даже когда отправляется во дворецъ. Для своихъ коллегъ при дворѣ онъ имѣетъ цѣлый словарь отборныхъ ругательствъ, которыя чувство приличія не позволяетъ воспроизвести здѣсь.

Когда султанъ, въ изъявленіе особой милости, хотѣлъ женить его на женщинахъ, прошедшихъ черезъ императорское ложе, Рагибъ-паша ничего не сказалъ, но въ двадцать четыре часа самъ женился и женилъ своихъ братьевъ на молодыхъ дѣвушкахъ одного знакомаго семейства, во избѣжаніе чести, которую хотѣли ему сдѣлать.

Когда король Александръ сербскій пріѣхалъ въ Константинополь, чтобы просить султана распорядиться объ истребованіи отъ пресловутой Артемизы писемъ къ ней короля Милана, дѣло это было поручено Рагибъ-пашѣ. Онъ велѣлъ призвать во дворецъ брата бывшей претендентки въ королевы и предъявилъ ему приказъ о возвращеніи писемъ Милана. Такъ какъ тотъ отказывался подъ разными предлогами, то онъ задалъ ему примѣрную трепку, но потомъ ходатайствовалъ передъ султаномъ о назначеніи его сестрѣ ежемѣсячной пенсіи въ 1.150 франк. Письма были отданы сербскому королю, но за это султанъ платитъ пенсію экс-метрессѣ Милана.

Фаикъ-бей—камергеръ. Это сынъ Лутфи-аги, стараго придворнаго служителя, котораго султанъ очень любилъ. Отецъ его былъ грубый мужикъ, но онъ имѣетъ манеры и даже знаетъ французскій языкъ.

Само собой разумѣется, что онъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ исключительно своему рожденію. Это былъ неоцѣнимый помощникъ своего отца въ важномъ вопросѣ бакшишей, которые старикъ

культивировалъ съ большой любовью. Фаикъ служилъ ему посредникомъ и даже приводилъ ему кліентовъ по части концессій, назначеній на высокія должности, орденовъ и т. п.

Въ то время, когда Фаику вручали условленную сумму, Лутфи-ага стоялъ за портьерой и тщательно считалъ передаваемыя монеты. Часто онъ дергалъ сына за полу сюртука, чтобы заставить его обмѣнить стертую монету, или дать ему замѣтить, что счетъ не точенъ.

По смерти своего отца, онъ унаслѣдовалъ императорскую милость и продолжалъ добрыя традиціи семьи.

Поочередно пріятель, компаньонъ или соперникъ Иззета и Тахсина-пашей въ крупныхъ дѣлахъ, онъ дирижируетъ, какъ и они, весьма важной службой шпіонства и имѣетъ своихъ креатуръ.

Многіе высшіе чиновники обязаны ему своимъ мѣстомъ, или, вѣрнѣе сказать, заплатили ему за свое назначеніе.

За 17.000 турецкихъ лиръ онъ устроилъ назначеніе пресловутаго Селима Мельхаме на постъ министра земледѣлія, рудниковъ и лѣсовъ. Онъ дорого беретъ за хлопоты, но держитъ свои обѣщанія,—оттого у него много друзей.

Арифъ-бей—камергеръ. Это довольно любезный господинъ, говорящій по-французски и пользующійся своимъ положеніемъ, для устройства выгодныхъ дѣлъ. Многіе другіе, менѣе важные, камергеры окружаютъ султана и проводятъ жизнь въ подстереганіи его моментовъ хорошаго расположенія, чтобы получить тѣ или другія милости, которыя они перепродаютъ тому, кто больше дастъ. Весь этотъ придворный міръ интригуетъ другъ противъ друга, къ великому удовольствію султана, который радъ видѣть ихъ пожирающими другъ друга. Онъ охотно возбуждаетъ и поддерживаетъ между ними личную вражду, для того, чтобы они не могли сговориться и низвергнуть его; онъ дуется на нихъ, оскорбляетъ ихъ, ласкаетъ или осыпаетъ ихъ милостями, смотря по обстоятельствамъ, и всегда держитъ ихъ въ напряженномъ состояніи при помощи обѣщаній. Зная жадность всей этой камарильи, онъ отъ времени до времени бросаетъ имъ кость, въ формѣ концессіи, и даетъ надежду на лучшее въ другой разъ.

Всѣ эти люди глубоко ненавидятъ другъ друга и ведутъ между собой ожесточенную войну, но тотчасъ же мирятся, какъ только предвидятъ хорошій бакшишъ. Повидимому, они очень честно дѣлятъ между собой добычу, хотя и честятъ другъ друга ворами, плутами и тому подобными любезными эпитетами.

Вообще лексиконъ сквернословія въ Ильдизѣ-Кіоскѣ очень богатъ. Они имѣютъ формулы вѣжливости только для взаимнаго привѣтствія и быстро переходятъ на ругательства. Одинъ камергеръ говорилъ

мнѣ: „Этотъ (такой-сякой) Иззетъ сцапалъ 35.000 турецкихъ лиръ въ такомъ-то дѣлѣ, тогда какъ я получилъ всего только 10.000 лиръ“.

Когда вы попросите ихъ о содѣйствіи въ какомъ-либо дѣлѣ, они прежде всего спрашиваютъ: „сколько дашь?“ Если дѣло въ ихъ компетенціи, они берутъ на себя обязательство провести его, и дѣйствительно проводятъ; иначе посовѣтуютъ вамъ обратиться къ тому изъ ихъ коллегъ, который состоитъ въ фаворѣ, или же скажутъ вамъ: „намъ надо и его подкупить“. Въ дѣйствительности, власть въ ихъ рукахъ, ибо они терроризируютъ министровъ и чиновниковъ, которые рѣдко позволяютъ себѣ не слушаться ихъ. Они пальцемъ или взглядомъ указываютъ этимъ высшимъ чиновникамъ, куда идти, и сообщаютъ имъ свои инструкціи чрезъ посредство своихъ слугъ, словесно.

Почти всѣ они принуждены жить въ ближайшихъ окрестностяхъ дворца. Они не могутъ выходить изъ своего квартала иначе, какъ по приказу султана, который почти никогда не даетъ имъ позволенія съѣздить даже въ деревню, на дачу.

Въ теченіе всего лѣтняго сезона я видѣлъ экипажъ перваго секретаря Тахсина-паши ожидавшимъ его у вокзала или у пристани пароходовъ, ходящихъ на азіатскій берегъ, гдѣ онъ купилъ прекрасное имѣніе, и куда отправилъ свое семейство на дачу. Онъ ни разу не получалъ позволенія съѣздить туда и даже не видѣлъ своего дома.

Правда, что это самый занятой человѣкъ во дворцѣ, но правило почти общее.

Иззету посчастливилось два или три раза провести часъ-другой въ своей виллѣ, купленной имъ на Принцевыхъ островахъ, и другіе камергеры изрѣдка получаютъ такіе же кратковременные отпуски. Само собой разумѣется, что они въ такихъ случаяхъ бываютъ предшествуемы, послѣдуемы и окружаемы шпіонами, которые не покидаютъ ихъ ни на шагъ и доносятъ депешами о малѣйшихъ ихъ жестахъ.

Напротивъ того, султанъ выказываетъ рѣдкую снисходительность къ ихъ воровскимъ продѣлкамъ. Онъ знаетъ изо дня въ день и съ точностью до одной лиры всѣ получаемые ими бакшиши, ибо часто они сами докладываютъ ему объ этомъ, чтобы обвинить своихъ соперниковъ и выпросить себѣ соотвѣтственную компенсацію.

Онъ позволяетъ имъ брать взятки, по разсчету, думая, что они будутъ привязаны къ его особѣ, пока надѣются извлекать выгоды изъ служенія ему.

Одинъ только Иззетъ становится опаснымъ, потому что очень бо-

гатъ. Теперешнее его состоянie оцѣниваютъ въ 25 милліоновъ франк., да навѣрно онъ прожилъ столько же, ибо эта персона живетъ въ неслыханной роскоши и ни въ чемъ не отказываетъ себѣ.

Однажды онъ при мнѣ сказалъ: „ахъ! если бы я могъ отдохнуть и уѣхать жить спокойно въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы!“ Но тотчасъ же поправился, опасаясь, какъ бы слова его не были доведены до свѣдѣнія султана. Если бы онъ могъ, онъ навѣрно бѣжалъ бы съ удовольствіемъ, такъ какъ онъ чувствуетъ, что струна слишкомъ натянута и можетъ лопнуть въ одинъ прекрасный день.

Въ настоящую минуту онъ ведетъ ожесточенную войну съ первымъ секретаремъ, и остальные царедворцы съ нетерпѣніемъ ждутъ исхода борьбы, чтобы подобрать доспѣхи противниковъ.

Султанъ очень хорошо знаетъ, что Тахсинъ-паша нажилъ на его службѣ не болѣе 3 или 4 милліоновъ франк., но не уважаетъ его больше за это.

Тахсину и Иззету обыкновенно поручается навѣщать, отъ имени султана, министровъ или другихъ крупныхъ чиновниковъ, когда они больны. Иззетъ ходитъ по этому порученію, пока больной имѣетъ шансы выздоровѣть; но когда онъ уже при смерти, то навѣстить его отправляется Тахсинъ. Такъ какъ фактъ этого посѣщенія сообщается въ газетахъ, то турки говорятъ: „ну, если первый секретарь ходилъ туда, то это вѣрный признакъ, что бѣдняга скоро умретъ!“

Во время продолжительной болѣзни морскаго министра Гассана-паши, обиравшаго свое министерство въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, султанъ посылалъ Иззета навѣщать его. Гассанъ, давно точившій зубъ противъ этого царедворца, который перебилъ у него одно крупное дѣло, сказалъ ему однажды: „зачѣмъ Аллахъ заставляетъ меня столько страдать, прежде чѣмъ призвать меня къ себѣ. Вѣдь я не такъ ужъ много натворилъ зла въ моей жизни, и если кралъ, то для того, чтобы сдѣлать удовольствіе моему повелителю“, давая этимъ понять, что султанъ приказывалъ ему обкрадывать флотъ, чтобы доставлять его величеству деньги.

Иззетъ ушелъ, сердито хлопнувъ дверью, и донесъ объ этой рѣчи султану, который не посылалъ его больше къ слишкомъ откровенному министру.

Въ заключеніе долженъ сказать, что въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ самые крупные бакшиши были получены Иззетомъ и Тахсиномъ-пашами, и что они имѣютъ большія надежды и въ будущемъ, если... Аллахъ или султанъ продлятъ ихъ жизнь.

Главный евнухъ—Абдулъ-Гани-паша. Останемся еще въ Ильдизъ-Кіоскѣ и поговоримъ о нѣкоторыхъ другихъ царедворцахъ, приближенныхъ султана.

Во главѣ ихъ по праву слѣдуетъ поставить его свѣтлость великаго евнуха, стража у вратъ блаженства. Надо сознаться, что прелести, предлагаемыя имъ своему повелителю, были бы очень не надолго приковывающими къ себѣ для насъ, парижанъ.

Это вообще дѣвушки, набранныя молоденькими въ той красивой черкесской расѣ, которая содержитъ великолѣпные образчики, но онѣ не безъ пороковъ. Если формы, цвѣтъ лица, глаза и волоса безупречны, то ротъ и скулы оставляютъ желать. Затѣмъ, умственность у нихъ такъ низка, что султанъ обреченъ любоваться только тѣломъ безъ малѣйшаго проблеска мысли. Онѣ копошатся сотнями въ безпорядкѣ, царящемъ въ гаремѣ, ведя чисто-животную жизнь, проведя день между гаммамомъ (восточная баня), который разслабляетъ тѣло, и заботами о красотѣ, столь дорогими восточнымъ женщинамъ: лавзонія, коль и другія косметическія снадобья доставляются имъ въ изобиліи. Вообще невѣжественныя, не умѣющія ни читать, ни писать, онѣ проводятъ свое время въ удовлетвореніи повелителя.

За этимъ-то міромъ женщинъ и евнуховъ и поставленъ надзирать его свѣтлость Абдулъ-Гани-ага.

Въ своемъ родѣ онъ не очень дуренъ, и даже слыветъ человѣкомъ интеллигентнымъ и образованнымъ, что уже очень много въ Турціи.

За свою службу онъ вознаграждается по-царски и осыпается подарками, которые по смерти его возвратятся къ султану, законному наслѣднику всѣхъ евнуховъ.

Абдулъ-Гани имѣетъ большое вліяніе, которымъ пользуется вообще для испрошенія милостей тѣмъ, кто кажется ему интереснымъ. У него много протеже, и онъ вмѣшивается почти во всѣ важные вопросы двора, такъ какъ султанъ имѣетъ довѣріе къ нему.

Впрочемъ, главный евнухъ всегда пользовался при дворѣ султановъ значительнымъ вліяніемъ и довѣріемъ. Самъ Абдулъ-Гамидъ, большой вольнодумецъ въ молодости, допустилъ забрать въ руки слишкомъ большую власть нѣкоего Берамъ-агу, который всѣми командовалъ и даже присвоивалъ себѣ право назначать министровъ и маршаловъ. Онъ умеръ жертвой женской интриги. Преемники его не имѣли такой смѣлости, но все-таки сохраняли весь престижъ своей должности.

Всѣ придворные евнухи интригуютъ и шпіонятъ, вмѣшиваются въ дѣла, которыя ихъ не касаются, и вымогаютъ бакшиши, чтобы покупать себѣ лошадей и драгоцѣнности.

Прото-вестарій Исметъ-бей. Это молочный братъ султана. У турокъ молочное родство такъ же важно, какъ и родство по крови; оттого Абдулъ-Гамидъ очень любитъ Исмея-бея. Зато и этотъ послѣдній

только и думаетъ, что о своемъ повелителѣ, слыветъ очень честнымъ, не проситъ ни для себя, ни для другихъ никакихъ милостей. Онъ могъ бы, если бы хотѣлъ, имѣть значительное состояніе, но онъ довольствуется своимъ жалованіемъ и подарками, которые ему дѣлаетъ султанъ. Его дочери, которыхъ я видѣлъ, очень хорошенькія, но у него есть сынъ, который очень часто заставляетъ говорить о себѣ. Имѣя всего только 35 лѣтъ отъ роду, сынъ этотъ, Фехимъ-паша, уже почти маршалъ, хотя никогда не держалъ въ рукахъ ружья; это гроза города. Сопровождаемый арміей сбировъ, которая содержится на средства султана, какъ тайная полиція, онъ вымогаетъ поборы, грабитъ и убиваетъ всякаго, кто имѣетъ несчастіе быть оттоманскимъ подданнымъ. Султанъ не только все прощаетъ ему, но еще даетъ ему денегъ безъ счета.

Фехимъ-паша великій изобрѣтатель заговоровъ: многія высокопоставленныя особы, въ томъ числѣ маршалъ Фуадъ-паша и Кемаледдинъ-паша, зять султана, ему обязаны постигшей ихъ опалой.

Онъ держитъ себя въ высшей степени безцеремонно во всѣхъ министерствахъ, говоритъ повелительно, съ револьверомъ въ рукѣ, даже въ государственномъ совѣтѣ, у котораго исторгаетъ рѣшенія въ свою пользу, мотаетъ пригоршнями золото, доставаемое имъ всякими способами, похищаетъ молодыхъ дѣвушекъ и составляетъ постоянную опасность для общественнаго спокойствія. Когда скандалъ уже очень великъ, султанъ запрещаетъ ему проѣзжать черезъ извѣстные кварталы въ теченіе нѣсколькихъ дней, но сохраняетъ къ нему довѣріе и дружбу, потому что Фехимъ умѣетъ всегда кстати выдумать какой-нибудь мнимый большой заговоръ.

Абдулъ-Гамидъ всегда имѣлъ между своими приближенными людей этого рода, но они обыкновенно погибали случайной и насильственной смертью послѣ пяти или шести лѣтъ лихоимства, Ожидаетъ ли и Фехимъ-пашу та же участь? Въ этомъ случаѣ Абдулъ-Гамиду пришлось бы считаться съ Исметъ-беемъ, который низачто не простилъ бы ему, такъ какъ онъ обожаетъ своего негодяя-сына и всегда заступается за него, когда положеніе становится опаснымъ.

Тахиръ-паша—собственный тѣлохранитель султана. Это церберъ Абдулъ-Гамида. Онъ спитъ въ его комнатѣ и всюду стережетъ его особу. Албанецъ по происхожденію, онъ принадлежитъ къ этой гордой расѣ горцевъ, которые всегда вѣрны своему слову.

Султанъ никогда не выказывалъ къ нему особенной щедрости и очень скупо отмѣриваетъ ему свои милости. Онъ имѣетъ изобильно чѣмъ жить, но ни одного лишняго піастра, чтобы отложить въ сторону. Каждый разъ, когда онъ проситъ о какой-нибудь концессіи, которая могла бы принести ему изрядный доходъ, Абдулъ-Гамидъ не-

измѣнно отказываетъ ему въ просьбѣ, говоря: „если ты разбогатѣешь, ты сдѣлаешься моимъ врагомъ, какъ и другіе“.

Шейхъ Эбуль-Худа. Онъ пришелъ пѣшкомъ изъ глубины Месопотаміи странствующимъ дервишемъ, питавшимся подаяніемъ прохожихъ. Не извѣстно, какимъ образомъ онъ проникъ во дворецъ, но онъ быстро пріобрѣлъ огромное вліяніе на султана, которому онъ истолковываетъ сны и предсказываетъ будущее. По всей вѣроятности, онъ халдейскаго происхожденія, такъ какъ основательно знаетъ науку звѣздъ, и его гороскопы радуютъ султана, который придаетъ имъ чрезвычайную важность. Это не мѣшаетъ его величеству выталкивать его за дверь, когда онъ ошибается. Шейхъ Эбуль-Худа—совершенный типъ араба пустыни. Онъ носитъ религіозный костюмъ, и чалма рѣзко отдѣляетъ энергическія черты его бронзоваго лица. Жилище его, находящееся вблизи дворца, служитъ въ то же время монастыремъ, гдѣ совершаются обряды мусульманскаго культа.

Предметъ зависти и жестокой ненависти, онъ умѣетъ разрушать направленные противъ него замыслы враговъ. Онъ дѣятельно занимается политикой, какъ посредникъ между султаномъ и своими братьями пустыни. Хотя менѣе образованный, онъ гораздо болѣе тонкій дипломатъ, чѣмъ Иззетъ-паша, его непримиримый врагъ, которому онъ часто наносилъ страшные удары. Онъ увѣренъ въ прочности своего положенія, ибо никто другой не смогъ бы пріобрѣсти надъ умомъ султана вліяніе, какое онъ имѣетъ, благодаря своимъ тайнымъ наукамъ.

Домъ шейха Эбуль-Худа-эффенди служитъ предметомъ строгаго надзора со стороны тайной полиціи, потому что султанъ, говорятъ, боится его. Полагаю, что онъ не правъ: этотъ человѣкъ обязанъ ему быстрымъ возвышеніемъ и обогащеніемъ, и наврядъ ли нашелъ бы соотвѣтственныя выгоды у своихъ враговъ. Скорѣе слѣдуетъ приписать это недовѣріе султана интригамъ Иззетъ-паши и нѣкоторыхъ другихъ царедворцевъ, которымъ выгодно удалить вліятельнаго шейха отъ двора.

Но Эбуль-Худа, вѣроятно, всегда останется тамъ, такъ какъ должность его наслѣдственная, и у него есть сынъ, способный занять его мѣсто.

У него всегда находишь самый любезный пріемъ, и гостепріимство такъ широко въ его домѣ, что мнѣ случалось видѣть друзей, пріѣхавшихъ къ нему въ гости и остававшихся у него по пяти или шести мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ своими женами, дѣтьми и прислугой.

Это уголокъ Месопотаміи въ центрѣ Константинополя, гдѣ всѣ говорятъ по-арабски, и гдѣ встрѣчаешь чистѣйшіе типы бедуиновъ пустыни. Шейхъ привѣтливо обходится со всѣми своими посѣтителями,

даже когда знаетъ, что это несомнѣнные шпіоны, и очень тонко насмѣхается надъ ними.

Черкесъ-Мехмедъ-паша,—собственный адъютантъ султана. Этотъ очень быстро проложилъ себѣ дорогу. Прибывъ въ Константинополь съ Кавказа, съ партіей черкешенокъ, предназначенныхъ для гаремовъ, онъ воспользовался покровительствомъ этихъ же женщинъ, чтобы поступить въ полицію, служба въ которой открываетъ доступъ ко всякимъ должностямъ. Будучи агентомъ 2-го класса во время рѣзни 1896 г., онъ перебилъ столько армянъ, что о немъ заговорили. Султанъ, впрочемъ, и самъ примѣтилъ его во время одного изъ своихъ выѣздовъ въ городъ и угадаъ въ немъ субъекта, способнаго однимъ махомъ охладить человѣка. Видъ у него зловѣщій. Долговязый и нервный, какъ голодный тигръ, онъ имѣетъ свирѣпую физіономію, какъ бы затерянную въ огромной нечесаной бородѣ, обрамляющей его лицо.

Назначенный въ тѣлохранители, съ чиномъ капитана, онъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ отправить на тотъ свѣтъ не одну жертву для того, чтобы черезъ пять лѣтъ сдѣлаться дивизіоннымъ генераломъ и пользоваться полнымъ довѣріемъ султана. Когда онъ былъ еще только бригадиромъ, я видѣлъ его однажды ворвавшимся къ первому секретарю, которому онъ грозно сказалъ, устремивъ на него свирѣпый взоръ и сжимая кулаки: „берегись! я разорву тебя въ клочки, если не получу завтра слѣдуемаго мнѣ ордена“! И, дѣйствительно, онъ на другой же день получилъ этотъ орденъ.

Это, должно быть, самый свирѣпый типъ Ильдизъ-Кіоска, гдѣ, однако, далеки отъ того, чтобы проповѣдывать милосердіе или любовь къ ближнему, и когда между камергерами или адъютантами султана дѣло доходитъ до драки, Черкесъ-Мехмедъ-паша долженъ усмирять ихъ кулаками. Ибо на этомъ скотномъ дворѣ, который называется дворцомъ, куртизаны нерѣдко задаютъ другъ другу гомерическія потасовки. Султанъ, увѣдомленный о дракѣ, сначала смѣется себѣ въ бороду, затѣмъ отдаетъ приказъ разнять дерущихся и утѣшаетъ ихъ кошелькомъ, наполненнымъ золотыми монетами.

Часто эти ссоры и драки происходятъ въ его присутствіи: такова, напримѣръ, ссора между Иззетъ-пашой и Кіазимъ-беемъ, бывшимъ вторымъ секретаремъ султана, нынѣ турецкимъ посланникомъ въ Бухарестѣ. Рѣчь шла объ избіеніяхъ: Изземъ побуждалъ султана дать приказъ начать рѣзню, тогда какъ Кіазимъ-бей, болѣе гуманный и, главное, болѣе патріотъ, старался склонить своего повелителя къ милосердію. Видя, что Иззетъ одерживаетъ верхъ, онъ осыпалъ его самыми отборными ругательствами, самыми обидными эпитетами и бросился на него съ кулаками. Султанъ велѣлъ разнять ихъ, но послалъ честнаго человѣка за границу, а другаго оставилъ при себѣ.

Черкесъ-Мехметъ часто получаетъ порученіе разнять дерущихся. Онъ даетъ каждому изъ нихъ одну или двѣ хорошихъ затрещины именемъ султана и тѣмъ возстановляетъ порядокъ. Имѣя начальствомъ цѣлый штатъ тайной полиціи, онъ выманиваетъ у султана значительныя суммы на ея содержаніе и кромѣ того выпрашиваетъ себѣ всякаго рода концессіи. Рудники и копи его пассія: онъ имѣетъ около полсотни разрѣшеній на развѣдки, но никогда не достигаетъ полученія по этимъ развѣдкамъ окончательной концессіи.

Его можно видѣть каждую пятницу на церемоніи селамлика мѣряющимъ большими шагами террасу, предназначенную для иностранцевъ, и зорко наблюдающимъ за собравшейся тамъ публикой. Султанъ посылаетъ его раздавать подаяніе странникамъ или недовольнымъ войскамъ, которыя онъ всегда заставляетъ кричать: „да здравствуетъ султанъ!“ Чиновники вообще боятся его, такъ какъ приходъ его не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

Нишанъ-эффенди—переводчикъ султана и директоръ иностранной печати. Нахожу эту амфибію у дверей дворца, гдѣ онъ проводитъ половину своего дня. Это армянинъ изъ самыхъ двуличныхъ, имѣющій всѣ низости царедворца, шпіона, измѣнника и взяточника. Его единственный титулъ, довольно смѣшной, кажется, даетъ ему, въ глазахъ турокъ, власть надѣвать намордникъ на иностранную прессу такъ же, какъ онъ терроризируетъ мѣстную печать.

Маленькій, съ длинной мордой и лукавымъ взглядомъ, онъ проводитъ почти цѣлые дни въ тщательномъ просматриваніи газетъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ, для доклада султану о статьяхъ, направленныхъ противъ его особы или противъ Турціи. Не довольствуясь искаженіемъ текста газетъ, онъ имѣетъ спеціальную службу шпіоновъ, чтобы подсматривать за иностранными корреспондентами, живущими въ Константинополѣ.

Прежде всего онъ пытается привлечь ихъ къ себѣ, чтобы обманывать ихъ, или чтобы вызвать у нихъ обѣщаніе не писать ничего враждебнаго его повелителю. Именемъ султана онъ обѣщаетъ имъ ордена и милости.

„Приходите, говоритъ онъ этимъ корреспондентамъ, ко мнѣ каждый день освѣдомляться о новостяхъ, я буду сообщать вамъ ихъ совершенно искренно. Не вѣрьте ошибочнымъ свѣдѣніямъ, которыя вы могли бы собрать въ городѣ. Если вы хотите знать правду, я вамъ скажу ее всю безъ утайки“ и т. д.

Надо признать, что онъ интересный собесѣдникъ, такъ какъ владѣетъ въ достаточной степени французскимъ, англійскимъ и нѣмецкимъ языками. Онъ разсказываетъ много анекдотовъ изъ исторіи

Турціи. Однажды онъ дошелъ до того, что предложилъ одному изъ моихъ друзей показать ему собственноручное письмо Меттерниха къ тогдашнему великому визирю, въ которомъ австрійскій канцлеръ будто бы совѣтовалъ Турціи „не давать себя захватить западной цивилизаціи, но старательно замыкаться въ традиціяхъ своей исторіи, своей религіи, которая одна можетъ сохранить ея силу“. Къ сожалѣнію, я не могъ скопировать этотъ драгоцѣнный документъ, потому что онъ не показалъ его.

Въ другой разъ, во время какъ будто конфиденціальной бесѣды съ тѣмъ же моимъ другомъ, думая, что ему удалось обратить его въ свою вѣру, Нишанъ-эффенди сознался ему, что султанъ спеціально поручилъ ему разыскать французскихъ корреспондентовъ, находящихся безъ его вѣдома въ Константинополѣ и посылающихъ очень тенденціозныя телеграммы о текущихъ событіяхъ. Онъ даже увѣрялъ, что это по приказанію его величества онъ обращается къ нему, и что онъ (т. е. мой другъ) будетъ щедро награжденъ, если укажетъ ему автора извѣстныхъ депешъ. Мой другъ оборвалъ его, сказавъ, что султанъ, если правда то, что онъ, Нишанъ, говоритъ, хорошо знаетъ, что вербовать себѣ шпіоновъ для этого ремесла онъ можетъ только между армянами.

Нишанъ улыбнулся на этотъ оскорбительный намекъ и просилъ моего друга не сердиться, ибо онъ могъ бы заработать большія деньги.

Во время арестованія Фуада-паши, Нишанъ облыжно указалъ, какъ на его сообщника, на одного французскаго корреспондента. Султанъ имѣлъ наивность повѣрить этому и послалъ жалобу французскому послу.

Это одинъ изъ тысячи примѣровъ образа дѣйствій этого главнаго начальника турецкой цензуры.

Онъ указалъ на кодемію „Скупой“ Мольера, какъ на пьесу, мѣтящую въ султана, и съ тѣхъ поръ ее не позволяютъ играть. Муне-Сюлли, Сара Бернаръ и всѣ наши великіе артисты, во время своихъ гастролей въ Константинополѣ, имѣли поводы жаловаться на грубый произволъ, съ которымъ онъ искажаетъ тексты классическихъ авторовъ, позволяя себѣ безсмысленныя, подчасъ забавныя купюры.

Этотъ палачъ свободы печати воображаетъ, что совершаетъ священнодѣйствіе, запрещая продажу французскихъ газетъ, мальтретирующихъ Турцію. Оттоманскому посольству въ Парижѣ поручено указывать ему ежедневно, по телеграфу, статьи враждебныя султану. По его приказанію, Блистательная Порта безотлагательно адресуетъ словесную ноту нашему посольству въ Константинополѣ,

прося его велѣть французской почтѣ задержать инкриминируемыя газеты.

Наши послы имѣли неосторожность сдѣлать нѣкоторыя уступки въ этомъ отношеніи, и теперь гражданинъ Нишанъ нахально злоупотребляетъ ихъ податливостью.

Недавно газетѣ „Le Matin" пришлось страдать отъ его строгостей, такъ какъ ея экземпляры, адресованные иностраннымъ абонентамъ, были возвращены ей почтой, вслѣдствіе одной, нѣсколько суровой статьи. Нишанъ такъ напугалъ султана, что тотъ просилъ Констана, французскаго посла, удовлетворить это ходатайство въ „личное ему одолженіе". Можно ли отказать въ этихъ условіяхъ?

Нишанъ-эффенди пользуется своимъ положеніемъ, чтобы каждый день быть на виду у падишаха и сдѣлаться необходимымъ. Онъ выпрашиваетъ крупныя суммы на содержаніе своего штата шпіоновъ и, въ особенности, для подкупа европейской прессы, но почти всѣ эти деньги остаются въ его карманѣ.

Онъ соперничаетъ въ хитрости съ первымъ секретаремъ Иззетомъ и другими царедворцами, передъ которыми пресмыкается, но на которыхъ строчитъ доносы всякій разъ, когда къ тому представляется удобный случай. Будучи au courant всѣхъ придворныхъ интригъ, онъ всегда становится на сторону болѣе сильнаго, чтобы оградить себя отъ ударовъ своихъ противниковъ. Болѣе достойный презрѣнія, чѣмъ любопытства, онъ имѣетъ всѣ недостатки своей расы, не искупая ихъ никакимъ хорошимъ качествомъ.

Не понятно, почему Иззетъ, не любящій армянъ, не позаботился объ устраненіи его въ день избіенія его единоплеменниковъ.

Нишану же слѣдуетъ приписать оффиціозныя сообщенія, публикуемыя время отъ времени оттоманскимъ посольствомъ въ Парижѣ. Хорошо освѣдомленные люди увѣряли меня, что онъ часто вдохновляетъ походы прессы противъ султана, когда газеты долго не говорятъ о Турціи.

Прекращаю здѣсь этотъ краткій очеркъ султанскаго двора, очеркъ, который увлекъ бы меня слишкомъ далеко, если бы я захотѣлъ говорить о пяти или шести тысячахъ паразитовъ, обирающихъ Турцію именемъ своего государя.

Если бы понадобилось помѣстить на фронтисписѣ Ильдизъ-Кіоска девизъ, характеризующій душу этой толпы царедворцевъ съ ненасытными аппетитами, полагаю, что слово „жадность" было бы тутъ самое подходящее.

Какъ далеки мы отъ той эпохи, когда посолъ Венеціи, аккредитованный при Портѣ, писалъ своему правительству, въ началѣ XVIII столѣтія: „я только-что бросилъ въ лоно Турціи зерно болѣзни, ко-

торая убьетъ ее!“ потому, что онъ успѣлъ подкупить великаго визиря!

Этотъ зародышъ болѣзни отравилъ весь организмъ націи, и Турція умираетъ отъ „бакшиша“ болѣе, чѣмъ отъ всякаго другаго недуга. Примѣръ двора заразилъ министерства, о чемъ я буду имѣть случай говорить, когда попытаюсь изобразить Блистательную Порту и административныя учрежденія Оттоманской имперіи.

Иркамъ.

Изъ царскихъ резолюцій императоровъ Павла и Александра I.

С.-Петербургъ. 15-го января 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Кіевскій генералъ-губернаторъ Беклешовъ. Съ удовольствіемъ усмотрѣвъ изъ донесенія вашего, что вы съ дѣятельностію исполняя волю Нашу, предъуспѣли заключить съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, княземъ Понятовскимъ условіе, объ обращеніи покупкою въ казну состоящаго въ доживотномъ и емфитеутичномъ владѣніи его, староство корсунскаго за предположенную сумму шестьсотъ тысячъ польскихъ злотыхъ, утверждаемъ во всей силѣ сіе условіе ваше, и на основаніи его повелѣваемъ совершить формальную уступную запись, и имѣніе сіе со всѣми принадлежностями его принять въ казенное вѣдомство. Слѣдующую же на платежъ сумму повелѣли уже Мы препроводить къ вамъ изъ кабинета Нашего. Пребываемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Помѣта: полученъ въ Кіевѣ, 30-го января 1799 г.

С.-Петербургъ. 8-го февраля 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ. Въ сходство съ конвенціею между Нами, императоромъ римскимъ и королемъ прусскимъ заключенною о подданныхъ въ бывшей Польшѣ, имѣющихъ собственности въ Нашихъ австрійскихъ и прусскихъ владѣніяхъ, и подъ названіемъ sujets mixtes извѣстныхъ, покуда срокъ въ оной конвенціи для окончанія дѣлъ ихъ положенный окончится; также и для споспѣшествованія торговли взаимныхъ подданныхъ всемилостивѣйше соизволяемъ, чтобъ вы имѣя средства удобнѣе знать о надобностяхъ въ предѣлы Наши въѣхать или изъ оныхъ выѣхать желающихъ по торговымъ промысламъ, или по дѣламъ касательно имѣній своихъ въ смежныхъ владѣніяхъ состоящихъ, давали отъ себя паспорты съ надлежащими предосторожностями, о чемъ можете всегда

когда за нужно признаете, сноситься съ главными пограничными начальниками сосѣдственныхъ державъ. Впрочемъ Мы желаемъ, чтобъ при рапортахъ вашихъ вы доставляли Намъ вѣдомости о всѣхъ таковыхъ паспортахъ вами на основаніи вышесказанномъ выдаваемыхъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Помѣта: полученъ съ фельдъегеремъ въ Кіевѣ, 15-го февраля 1799 г.

Г. Павловскъ. 29-го апрѣля 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ. Нашедъ ненужнымъ всегдашнее пребываніе папскаго посла при дворѣ Нашемъ, а еще менѣе правленіе его католическою церковью въ имперіи Нашей, разсудили Мы за благо окончивъ нунціатуру архіепископа Фивскаго, повелѣть ему оставить и владѣнія наши, начальство же надъ духовенствомъ католическимъ препоручить митрополиту Сестренчевичу, отъ коего во всѣ епархіи и послано будетъ о семъ извѣщеніе. Вамъ чрезъ сіе предписываемъ впредь имѣть наблюденіе дабы папа, не взирая на изгнаніе его изъ престольнаго града, и странствованіе по разнымъ мѣстамъ, не наслалъ къ епископамъ или и другимъ начальникамъ духовныхъ католическихъ властей въ пріобрѣтенныхъ польскихъ губерніяхъ, булловъ, могущихъ произвесть недоумѣнія и клонящихся на присвоеніе себѣ власти управлять онымъ краемъ. Въ таковыхъ случаяхъ подобныя повелѣнія папскія не допущать и не терпѣть по нихъ никакого исполненія, безъ предварительнаго утвержденія Нашего. Пребываемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Помѣта: полученъ въ Кіевѣ 13-го мая 1799 г.

Павловскъ. 11-го іюня 1799 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи, кіевскій и малороссійскій генералъ-губернаторъ Беклешовъ. Пріемля за благо мнѣніе ваше, посредствомъ государственнаго казначея барона Васильева отъ 16-го мая сего года доставленное, относительно суммъ отпускаемыхъ ежегодно изъ казны на содержаніе въ Кременчугѣ и Кіевѣ чрезъ рѣку Днѣпръ мостовъ и перевозовъ, чтобъ оные съ казеннаго счета перенести на городскіе доходы, обратя показанныя суммы на мѣсто того для необходимо нужныхъ въ Малороссійской губерніи построеній и починокъ присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій, дабы избѣжать чрезъ то новаго на сіи издержки расхода, дозволяемъ Мы учинить вамъ по тому и надлежащее исполненіе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Полученъ въ Кіевѣ 27-го іюня 1799 г.

С.-Петербургъ. 20-го ноября 1801 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Розенбергъ. Бывшимъ Литовскому подскарбію Михайлѣ Огинскому, польскому генералу Михайлѣ Забіело, такожъ польскимъ помѣщикамъ Тадею Визогіерду, Станиславу Мирскому, Карлу Прозору, Антонію Тизенгаузу, Іосифу Коціолу и Юліяну Ніемцевичу, коимъ въѣздъ въ предѣлы россійскіе воспрещенъ былъ. Разрѣшая оный повелѣваю дозволить имъ возвратится въ свои деревни и имѣть свободное пребываніе гдѣ похотятъ наравнѣ съ прочими здѣшними подданными. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. „Александръ".

С.-Петербургъ. 11-го апрѣля 1801 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи кіевскій военный губернаторъ Феншъ. Дѣтей генерала князя Голицына, находящихся при немъ, повелѣваю вамъ по желанію ихъ пропустить въ С.-Петербургъ и считать ихъ отъ всякаго надзора свободными. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. „Александръ".

Помѣта: полученъ въ Кіевѣ 25-го апрѣля 1801 г.

С.-Петербургъ. 2-го іюля 1801 г.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи и кіевскій военный губернаторъ Феншъ. Дошло до свѣдѣнія моего, что вы производите слѣдствіе о нѣкоторомъ враньѣ по доносу священника Загурскаго на помѣщичьяго эконома Билецкаго, и хотя я не имѣю отъ васъ еще о семъ донесенія, которое надѣюсь получить вскорѣ, однакожъ предварительно нужнымъ почитаю предписать вамъ, чтобы вы не относили сего дѣла къ большой важности, а принявъ его въ видѣ пустословія и глупой лжи, достойной презрѣнія, произнесшимъ оную сдѣлать увѣщаніе быть впредь воздержными отъ нелѣпыхъ разговоровъ, опасаясь подвергнуть себя законной строгости, и съ таковымъ подтвержденіемъ отпустить ихъ въ ихъ домы; приказавъ только непримѣтный имѣть за ними надзоръ, доколѣ удостовѣритесь въ скромномъ ихъ поведеніи. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный „Александръ".

Помѣта: полученъ 19-го іюня 1801 г.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

что наша цивилизація, которую мы считаемъ столь старой, еще очень молода и что въ глубинѣ нашего существа мы еще не отрѣшились совсѣмъ отъ дикаго состоянія, или по другой какой причинѣ, но, разсматривая войну въ ея дѣйствіяхъ, она представляется намъ не болѣе какъ истребленіемъ людей и вещей всевозможными средствами насилія и хитрости, усовершенствованной и въ широкихъ размѣрахъ организованной охоты на человѣка, особымъ видомъ каннибализма и человѣческой жертвы. Согласно съ этимъ представленіемъ, война можетъ быть опредѣлена такъ: состояніе, въ которомъ люди, отдавшись своей животной натурѣ, получаютъ право дѣлать другъ другу все зло, которое миръ имѣетъ цѣлью запретить".

Германскій фельдмаршалъ графъ Мольтке, увѣнчанный славою перваго полководца своего времени, былъ нѣкогда сторонникомъ мира. „Мы признаемъ себя открыто сторонниками столь часто осмѣиваемой идеи вѣчнаго европейскаго мира, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы должны были прекратиться долгія, кровавыя столкновенія, чтобы арміи были распущены, а пушки расплавлены, нѣтъ; но не является ли весь ходъ исторіи прогрессомъ, стремящимся къ миру? Возможна ли въ наше время война изъ-за испанскаго наслѣдства, изъ-за beaux yeux de Madame". Такъ писалъ Мольтке въ 1841 г. Прошло тридцать лѣтъ, военныя событія выдвинули Мольтке на передовое мѣсто, окружили его военною славою, и этотъ, нѣкогда сторонникъ мира, затѣмъ могучій представитель германской арміи, съ грустью сообщалъ своимъ бывшимъ товарищамъ, что „миръ есть мечта и отнюдь не пріятная".

„Я не хочу войны говорилъ императоръ Александръ I Коленкуру — мой народъ хоть и оскорбленъ, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому что онъ знакомъ съ ея опасностями". „На зачинающаго Богъ,—неоднократно повторялъ онъ.— Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи". И въ защиту этой Россіи онъ вооружаетъ весь русскій народъ и ведетъ его въ кровавый бой съ непобѣдимой арміей. Царь мира развѣнчиваетъ царя войны и среди громкихъ побѣдъ и военной славы остается убѣжденнымъ сторонникомъ мира.

Эти примѣры,—какъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ г. Кузминъ,—показываютъ, съ какой осторожностью надо относиться къ тѣмъ ссылкамъ на различные авторитеты, которыя встрѣчаются въ нашей литературѣ о войнѣ.

По опредѣленію Жомини, война—это великая драма, въ которой, съ большею или меньшею силою, дѣйствуютъ тысячи нравственныхъ и физическихъ причинъ, и которую невозможно подчинить никакимъ математическимъ разсчетамъ. Өукидидъ говоритъ, что война не совершается по строго опредѣленному плану, а состоитъ вся изъ совокупности случайныхъ обстоятельствъ. Тотъ, кто умѣетъ пользоваться и примѣнять эти послѣднія, бываетъ въ выигрышѣ. По мнѣнію Драгомирова, война—явленіе, отъ человѣческой воли не зависящее. Руссо говоритъ: война—это школа возрожденія человѣческихъ добродѣтелей. Императоръ Николай I высказался такъ: война—это жестокая, чудовищная необходимость, возбуждающая отвращеніе. Гр. Д. А. Милютинъ говоритъ: Война есть неизбѣжное зло, которое желательно сдѣлать сколь возможно менѣе жестокимъ для человѣчества, и потому нѣтъ причины вводить такія смертоносныя средства, которыя только увеличиваютъ бѣдствія и страданія людей безъ всякой пользы для прямой цѣли войны. У Эзопа встрѣчается слѣдующее сказаніе: всѣ боги женились на той, которая доставалась по жребію. Послѣднимъ приходилось метать жребій богу Войны. Изъ невѣстъ оставалась лишь одна—богиня Безчинства. Онъ взялъ ее, сочетался съ ней бракомъ и горячо полюбилъ ее. Съ той поры она всюду слѣдуетъ за своимъ супругомъ. По мнѣнію гр. Порталиса, война—это неизбѣжное послѣдствіе игры человѣческихъ страстей въ международныхъ отношеніяхъ. Монтескье говоритъ: цѣль войны—побѣда; цѣль побѣды—завоеваніе; цѣль завоеванія — сохраненіе. По замѣчанію Гумбольдта, война тогда благотворна, когда она ведется во имя высокихъ цѣлей. Гр. Л. Н. Толстой замѣчаетъ: цѣль войны—убійство, орудія войны — шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствованія арміи; обманъ и ложь, называемые военными хитростями. Французскій экономистъ Пасси говоритъ: пора уже признать, что желѣзо и люди пригодны на что-либо иное, чѣмъ на превращеніе ихъ въ пушки и трупы; что народы отнынѣ намѣрены почитать не того, кто болѣе другихъ опустошаетъ землю, а того, кто ее успѣшнѣе обрабатываетъ. Люди желаютъ жить и развиваться въ мирѣ; они его предпочитаютъ войнѣ, которая лишь увеличиваетъ сумму страданій на землѣ и истребляетъ плоды мира.

Въ книгѣ г. Кузмина проведено очень много мнѣній о войнѣ, и мы намѣрены продолжить ознакомленіе съ ними нашихъ читателей въ одной изъ слѣдующихъ книгъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

